ДУШЕВНАЯ КНИЖИЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для каждого, живущего на земле человека, очень важно понять, что заслужить нахождение в высших мирах можно лишь сотворением собственной счастливой судьбы: вы есть то, что созидаете, а созидать вы должны непременно прекрасное, угодное божественному миру, и это – ваша душа. Её необходимо постичь уже здесь, на Земле, и начать творить вы должны прямо сейчас, испуская повсюду только энергию любви.

Чудесно, что пребывание в земном мире оказывается тем местом, где можно учиться, считайте его школой, куда вас отправили мудрые родители, и нерадивость в ней не поощряется. В зависимости от того, как проходит здесь ваше обучение, складывается и пребывание в следующем мире: если оно осознанно, вы работали над своей душой, то неминуемо достигните соединения со всем Существованием.

Истина заключена в том, что для каждого человека, в каждом моменте жизни, присутствует возможность становиться и быть мудрым, наличие этого земного урока непередаваемо прекрасно, и когда вы осознаёте его – ваши мысли, чувства и действия оказываются тем ключом, что отворяет волшебную дверцу. С этих пор вы точно знаете – что вам надлежит делать, как вести себя в разных ситуациях, и, совершая своё движение по жизни, вы совершенствуете своё сознание и душу, а значит – характер, склонный к бесстрашию. Впереди – только восхождение к собственному мощному духу, а не обыкновенное выживание, и всё, что от вас требуется – это любить созданный Богом мир, только благодаря этому может образоваться на Земле порядок, и огромное счастье иметь возможность создавать его.

Пройти звёздные врата возможно, только миновав все свои страхи, оставив их за пределами собственной, неповторимой судьбы, думая о любви и радости постижения божественного мира, находясь с ним в гармонии. Вы – любите, отдаёте себя другим, и это означает, что вы готовы войти в высшие миры. А можно идти ещё выше, и так – бесконечно, и всё это удивительное продвижение зависит от вас.

Природа предполагает у человека такое состояние духа, что невозможно без переживания им совершенной свободы. Постоянно ощущая её в себе как частицу Господа, то есть - божественную душу, каждый имеет всё необходимое, чтобы когда-нибудь стать им.

Однажды ощутив это состояние свободы, и избрав единственно верный путь к самому себе и Богу, человек уже ничем не сможет быть на нём остановлен, а божественная природа будет ему только благодарна за его терпение, несгибаемость и волю. Нет ничего лучше, чем устремиться к познанию себя и Бога!

Так становитесь тем, кем вы можете быть, именно этого ждёт от вас Существование. И все изменения, что вам суждено претерпеть на этом пути, совершенно естественны и неповторимы. Жизнь, наконец, покажется вам сущим праздником, она начнёт разворачиваться перед вами своими истинами на каждом шагу.

Вот когда вы по-настоящему ощутите, что взор Бога обращён на вас, Он внимательно и с любовью следит за всем, что и как вы делаете. Поблагодарите Его за это, за возможность прикоснуться к Божественному Мируи стать его неотъемлемой частью, осенённой невиданной Благодатью. Созидайте свою душу, она – божественна!

Но на что в себе вы можете реально полностью положиться? Вы в состоянии сформулировать это самое надёжное в вас, что способно сделать возможным и развитие, и достижение высшего сознания? Вы готовы создать на основе его некую силу, может быть – разбудив её в своём существе, для которой бы не существовало никаких границ, и она бы ничего не искажала, а только созидала?

Что это такое, чем особым оно отличается от какой-либо иной энергии, что уже присутствует во Вселенной? В чём заключена тайна твоего сознания, что пытается вспомнить себя и вывести к божественному свету? Где расположено то неуловимое, неумолимо притягивающее волшебство чего-то совершенно неизведанного, но не пугающего, исключительно целостное и надёжное, ради чего можно идти куда глаза глядят, не боясь последствий?

Ты почему-то знаешь твёрдо: нет иного места или направления, куда бы тебе ещё так хотелось отправиться, и это место – твоя душа, что желает отгадать саму себя, и раствориться в бесконечно царственном Ничто, порождающем всю красоту мира.

Как это достойно и прекрасно – овладеть глубокими внутренними законами! Причём, каждый человек может двигаться внутрь себя, было бы желание. Но почему-то никто этого не делает, подменяя необычайно захватывающее приключение невыразительной обыденностью.

Кто-то спросит: почему подобное происходит? Это нелегко понять умом, и потому лучше, всё-таки, попытаться войти в собственный внутренний мир, и он, неминуемо, откроет красоту беспредельного Существования, где ни одна душа не исчезает. Так отправляйтесь в путь, не боясь сбиться с него, и вашему взору предстанет волшебная страна, а вы о ней даже не подозревали.

Что может человек знать о превратностях дальнего путешествия, если не задумывался о нём, не горел стремлением отправиться в заморские края, ни о чём не мечтал? Всё, что о таком странствии говорили «знающие» люди и писали в книгах, тоже не стало его достоянием. Слова – и ничего более, что с них взять? Человек даже не пытается разглядеть то, что находится у него под носом!

Значимо, в первую очередь, душевное пробуждение, желание идти, пока – неизвестно куда, но, непременно, сдвинуться с места, хотя бы, отважиться на этот подвиг, копя уверенность в сердце, решимость для первого шага. Отчего же человек так тяжёл на подъём, и подолгу не чувствует в себе жизненной силы? Разве совсем не интересны ему предстоящие приключения, новые впечатления и встречи?

И как не ощутишь при всём этом близость Бога, что терпеливо ожидает от человека справедливого отношения к собственным способностям, каждый миг ненавязчиво побуждая его к полёту? Ведь всё в человеке свидетельствует о том, что полёт этот возможен, почему же тогда ему не достаёт главного: веры в себя и принятие более достойной жизни? Когда же он обнаружит в своём сердце храбрость, чтобы забилось оно неудержимо, по-настоящему жаждуя свободы?!

Возьми за правило, человек, воспитывать в себе любовь, чтобы делиться ею с людьми. Пройди тысячи прекрасных дорог, чтобы увлечь за собой других. Стань неуязвимым для бед и распахни свои объятия навстречу царственной удаче, но и не жалуйся, когда жизнь оказывается несправедлива: прими её целиком!

Помни: счастье создаётся твоими шагами на пути к Богу, но нужно положить ни одно существование в поиске удивительных чудес, и обрести их возможно только в дороге. Не требуй от жизни свершения задуманного сразу, не возжелай почестей и побед, ведь отдавая всего себя на возведение собственной неповторимой судьбы, ты переливаешь её незаметно в волшебный меч, и благодаря ему завоёвываешь радость и любовь.

Настоящее чувство начинается там, где не ждут награды взамен собственных душевных устремлений, отдавая себя без остатка, и с наслаждением учатся жить. Любить – значит, трудиться душой, открывая для себя и других огромный, неизведанный мир.

Душа наша тоже может быть огромной, до бесконечности, и нет предела тому, куда она решится отправиться… Все её путешествия ограничены только незнанием человеком себя, когда душа его мечтает охватить весь этот огромный мир, а сам он ничего для этого не делает, и душа томится в ожидании: как бы ей поскорей окрепнуть, чтобы улететь обратно к Всевышнему? Но если человеку однажды придётся исчезнуть с лица Земли: что оставит он после себя?!

Деревья будут расти, птицы распевать свои песни, ветры будут также гнать облака по небу, а океан продолжит нести к земле свои величественные воды, но после человека воцарится пустота, не имеющая никакого отношения к жизни. Чем может обессмертить себя человек, что он способен создать настоящего?

Хорошо, если этим настоящим станет необыкновенно укрепившаяся энергия человеческого сознания, способная к созиданию и птиц, и деревьев, и звёзд, и океанской стихии. Дерзайте, оставьте после себя пространство, наполненное любовью!

Слушайте ветер в ветвях деревьев, шелест листьев, падающих на землю, топот замирающих в ней лошадиных копыт, шум набегающих на берег морских волн, и все эти созвучия приведут вас в согласие с самим собой, со своей божественной душой. Всё зависит от вашего желания слышать и понимать, обретая при этом гармонию с окружающим миром.

Величайшее из всех сокровищ – ваша возможность жить в нём, открывая свою индивидуальность, и стремиться познать непознаваемое, наслаждаясь общением с природой. Что может быть прекрасней?!

Не уходите от самого себя, пусть вас не одолевает душевное беспокойство, а если, всё же, удалитесь далеко-далеко, и, вроде бы, потеряете связь с жизнью, тихонечко садитесь на землю, или какой-либо чурбачок, и терпеливо ждите, ничего не делая, когда взойдёт солнце, воспрянут травы, запоют птицы, и сердце ваше обязательно наполнится радостью, заново раскроется, и … тоже запоёт.

Радуйтесь жизни! Сколько же можно печалиться по поводу зимнего мороза, летней жары и осенней распутицы? Может быть, вы всё-таки увидите и почувствуете, хотя бы во временах года, незаметно и мудро сменяющих друг друга, нечто прекрасное и содержательное, присущее только им, всему нашему чудесному существованию?!

Осознайте, наконец: вы обладаете удивительной возможностью радоваться этому обыкновенному чуду, что на деле оказывается совершенно необыкновенным: нашей жизнью! И даже печаль в ней имеет глубокий и замечательный смысл: без несправедливостей и потерь, что то и дело встречаются на вашем пути, жизнь оставалась бы незавершённой, менее богатой, и именно препятствия, что человеку приходится преодолевать, наполняют его соразмерностью и красотой. Нет в жизни ничего неправильного, она богата своими противоречиями, а они, в свою очередь, хороши тем, что выгодно дополняют друг друга.

Жизнь – великий дар Бога, и своё признание за него мы все можем выразить только в благодарности, что эта жизнь нам дана, и следует принять её такой, какая она есть. Всё дело – в принятии любой жизненной ситуации, какой бы неприятной она не представлялась, и корень несчастий для людей кроется в том, что мы просто не в состоянии понять: этого желает от нас Бог, и Ему именно так, наиболее выгодно, донести до нас правду, когда каждая неприятность становится необходимым испытанием, поскольку иначе до человека, к сожалению, не достучаться.

Ведь осознанности достигают единицы, и она означает такое состояние, когда ты спокойно наблюдаешь за всем, что с тобой происходит, не позволяя механичности овладеть твоими действиями. В них присутствует лишь твоё спокойное свидетельствование: это и приводит тебя к истинному восприятию реальности, где самое важное – твой собственный душевный рост, твоя душа, призванная, не покладая сил, трудиться. Радуйтесь этой душевной жизни, живите по душе, ибо душа всего дороже!

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Как просто быть счастливым!

Пробудившись рано поутру, весной, не залёживайся в постели, и поскорее собирайся в лес. Не забудь взять с собою нож, бинокль, а ещё прихвати щепотку чая и котелок. Розоватая полоска неба таинственно стекленеет над крайними домами, чёрные ели замерли отрешённо, не по-весеннему сурово, и дымки из труб тянутся в вышину такими длинными лисьими хвостами, что по ним, кажется, можно добраться до самых далёких звёзд: из ярко-жёлтыхони постепенно превращаются в белые, совсем уже не живые.

Морозный воздух страстно схватывает щёки своими цепкими пальчиками, и на глазах сразу выступают слёзы. Укатанная санями дорога поскрипывает под валенками, блестит, отражаясь зеленовато-нежным перламутром, и даже если не смотреть на небо, чувствуешь, как оно наполняется весенним радостным светом. Одно дело - просто ждать весну, готовиться к ней, и другое - встречать её, да не где-нибудь, а в деревне, по соседству с лесом.

Хорошо открывать весну, когда повсюду ещё лежит снег. Только миновавший февраль не сломил до конца рога зиме, и вполне могут взяться крепкие утренники, так что если не знать, какой месяц на календаре, даже засомневаешься в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что ранняя встреча весны и вовсе покажется напрасной.

И всё же, ты знаешь: весна уже где-то здесь, рядом, и если её ещё не видно и не слышно, то чувствуешь её, несомненно. Она вливается в тебя пока не широким потоком, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, родное, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, задолго до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься к своим родимым лесным местам, что всякий раз представляются по-иному, так же тревожат и навевают сладкие воспоминания. Почему-то все вёсны, какие только у тебя были, никогда не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываемой.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами, и возвратиться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей жизни.

И вот, отливающая небесными красками дорога увлекает тебя в пробуждающуюся от долгого сна лесную даль. Первые розоватые лучи едва проникают в гущу елей, и на снегу вспыхивают редкие радужные огоньки, но чем выше поднимается солнце, тем богаче переливаются его отсветы: синие,

малиновые, фиолетовые, зелёные, жёлтые - нет им числа и меры. Ближе к полудню вся эта игра снега и солнца начинает напоминать какой-то сказочный калейдоскоп: в световых переливах появляются всё новые сочетания и узоры. Хочется рассмотреть каждую блёстку, но это никак не удаётся: подойдёшь к ней, а она тотчас теряется или гаснет.

Тончайшее зеленовато-розовое стекло, им с раннего утра выгибались только небо и дорога, теперь полностью перетекло на снежную поверхность, будто расплавилось и затопило собою всё вокруг. Вскоре многочисленные радостные блёстки растают в белотелых сугробах, но зато в них прибавится светосилы, что будто приподнимет тебя от земли и понесёт к твоим любимым укромным полянам, где скоро начнут токовать тетерева.

Всё обещает: быть чудесному весеннему дню с трогательной радостью рождающихся на ветвях сосулек, дружным хороводом отяжелевших за зиму, но по-прежнему стройных берёз, разудалым послеполуденным солнцем, что розовеет к вечеру, медленно расплываясь за высокими елями. Над деревней стоит золотистая, ослепительная дымка, сладко кружит голову неуловимый запах печного дыма. От проснувшихся домов и ограды веет доброй размеренной жизнью, уютным достатком и теплотой. Пока весна продвигается по земле волокушею, но близок тот день, когда прокукует кукушкою, а уж потом и соловьём зальётся: уберётся тогда зима в самые глубокие лога и буераки.

Впереди лежит порядком наезженная дорога… До блеска укатанная бесчисленными полозьями саней, вдрызг разбитая копытами лошадей и усыпанная по краям клоками прошлогоднего сена, она уходит в синеву встающего перед ней леса, и где-то там, вдали, невидимо теряется среди бесконечных заснеженных полей. Дальше, всё больше плутая и путаясь, она постепенно превращается в неширокую светлую просеку, поросшую по краям молоденькими стройными осинками, а затем - в еле приметную глухую тропку, что неожиданно завершается небольшой полянкой. На таких заповедных, открытых весеннему небу полянах, у старых заброшенных дорог, со всей округи собираются по весне тетерева. В беспокойстве от каждого постороннего звука вытягивая шеи, готовые в любой момент пуститься наутёк, прямо по сверкающему насту, они поклёвывают вытаявшие из-под снега бордовые ягодки брусники и клюквы, заметно выделяясь на голубовато-белом фоне своим иссиня-чёрным бархатистым оперением.

Идёшь по такой весенней дороге к светлеющему за дальними далями востоку, и думаешь о том, как хорошо было бы застать их там прямо сейчас, чтобы, неслышно подкравшись поближе и вдосталь насмотревшись на эту неповторимую красоту, не стреляя, поднять всю стаю на крыло весёлым хлопком в ладоши. А потом, стоя в растерянности, зачарованно глядеть им вслед, словно навсегда прощаясь с чем-то очень дорогим и близким, боясь не увидеть его больше никогда.

Миновав светоносные поляны, спускаешься в неглубокий лог. Здесь ещё стоит полудрёма, длинные синие тени отливают приятной густотой и прохладой, так что появляется желание на какое-то время задержаться. У места впадения ручья, текущего по дну лога, в озерцо, открывается небольшая полынья, окутанная лёгким парком. К ней тянется чей-то непрерывный след, даже целая тропа, и, только приблизившись вплотную, ты определяешь, что она волчья. Волки шли след в след, но перед небольшим кустом, как это у них водится, разъединились и, огибая его, оставили свои метки. Судя по всему, зверей было пять, может быть, шесть, не более.

Волки двигались по дну лога ночью, в каких-нибудь двух километрах от деревни, и эта свежая звериная тропа, как и разгорающаяся повсюду весна, опьянила. Причём, ни воздух, ни тишина, ни снег, что был испещрён набродами зверей, почему-то не вызывали тревоги.

На душе было удивительно хорошо, и хотелось просто идти по следу волчьей стаи, и ни о чём не думать, представляя волков очень близкими тебе существами, даже родными. Страха не ощущалось и в помине, а охватывала только радость от переживания недавнего присутствия зверей, восхитительного весеннего солнца и потаённых теней на дне лога: синева от них становилась всё более густой и безраздельной.

Но, всё же, именно воображаемые волки, как ничто другое, воплощали в себе этот удивительный мартовский день: его несгибаемость, красоту и силу, и душа незаметно наполнялась праздником весны. Завтра день опять возьмёт перевес над ночью, и я точно так же буду ждать его прихода, встречать вместе с птицами и зверями, и пить до последней капли!

ГРУША

Выкопали у меня как-то по осени на огороде все яблони: они хорошо принялись, дружно разрослись и радовали уже не один год. Поначалу я даже не понял, что произошло, так это было дико. Всё равно, что потерять детей, что ни с того ни с сего отобрали у тебя, и ты не знаешь, как жить дальше. Сидишь у окна, смотришь на зияющие в земле ямы и никак не можешь поверить в то, что подобное возможно.

Сколько труда ты на них затратил, а главное – любви! Но, как говорится, от трудов праведных не наживёшь палат каменных, а любовь, если она истинная, безгранична.

В общем, делать нечего – надо жить, а значит – давать жизнь другим, и я, немного покручинившись, решил: успокоюсь за зиму и опять посажу плодовые деревца. Ведь чем больше живёшь на свете, тем больше видишь, и жить следует не как хочется, а как Бог велит.

И вот, привёз я весной в деревню восемь яблонь и махонькую грушку, что подсунула мне на рынке одна бабка, напутствуя: «Посади её, милок, напоследок, видать, тебе осталась. Отдаю задаром!» На том свете последние будут первыми, а первые последними, как гласит святое писание, ну, а на

земле, известное дело, последнее то, за которым нет другого, и ежели кому досталось, значит, оно – первое.

Грушка эта была, действительно, какая-то худосочная, с крохотными корешками, и не верилось, что из неё может вырасти большое красивое дерево. Но я взял саженец, поблагодарил бабушку, и мне даже стало интересно: что-то из всего этого получится? Благо, казалось, само шло мне в руки, и, видно, неспроста!

Стояла середина мая, и в природе ещё не произошёл тот невидимый поворот, после которого окончательно приходит тепло, земля покрывается травой, и деревья одеваются листом. Но когда я, в очередной раз, приехал в деревню, то уже к полудню что-то неуловимое тронулось в воздухе, заиграло, и из-за леса донёсся лёгкий раскат отдалённого грома. А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыпался тёплый радостный дождь, и всё вокруг ожило в считанные минуты!

Дождь пополам с солнышком, примечают деревенские люди, сеется либо по утопленнику, либо праведник помрёт. Только глядя на ласковые светлые струи, что поливали лежащие на земле саженцы, а они будто стряхнули с себя обморочный сон и заметно встрепенулись, не хотелось верить в старинные народные приметы. Тем более, что солнце, как ни странно, разгоралось ещё ярче, по небу прокатывался раскатистый гул, и всё сильнее и настойчивее прибавляли тёплые дождевые потоки. Они вскоре не оставили на мне сухой нитки. Дал Бог дождю в толстую вожжу!

Нужно было сажать деревца, пока ливень окончательно не промочил земляные холмики возле выкопанных заранее ям. К тому же, первая гроза и тёплый чистый дождь вселяли надежду на доброе продолжение всего дела. Ну, а коли вымокнешь насквозь – ветерок с солнышком всё быстро просушат.

Садить деревца одному не совсем удобно, да ещё дождь поливает как из ведра, но с яблонями я всё же управился довольно легко. Левой рукой придерживаешь тоненький стволик, а правой, прихватив лопату пониже, осторожно нагребаешь грунт, уминая его то одной, то другой ногой. Когда очередь дошла до груши, дождь стал стихать, звонко запели птицы, но земля так отяжелела и слиплась, что её уже невозможно было сдвинуть с места. Рука у меня неловко подвернулась, лопата выскользнула, и ком глины вмиг переломил маленький грушевый стволик. Я только ахнул…

Медленно разогнув спину, выпрямился и замер с двумя переломленными кусочками в руках, а сам думаю: «Брошу их, и дело с концом! Не особо-то я на эту грушу и надеялся». Мысль избавиться от несчастливого саженца крутилась в голове, и я совсем был готов избавиться от него, но что-то остановило меня. Я стоял весь мокрый, последние капли дождя ласково касались моего лица, и я никак не мог отбросить переломленный стволик, руки словно одеревенели.

Бережно положив кусочки деревца на ладонь, зашёл в ограду дома, нашёл в сенях садовый вар, смазал концы груши, соединил их, перебинтовал,

и ещё для верности обмотал клейкой лентой. Затем вернулся в сад, прикопал грушевую хворостинку, воткнул рядом палочку, и в двух местах прихватил её бичевой к бедному деревцу. Помнится, даже посмеялся над собой: затея спасти, таким образом, грушу казалась никчёмной. И всё же, я почувствовал удовлетворение от того, что не отступил, пускай даже деревце не приживётся, думал я, душа моя останется спокойной.

Вернувшись через несколько дней в деревню, я увидел, что яблоньки пустили листочки. Они все, как одна, дружно взялись, оправились, и только грушка засохла. И без того тонюсенький стволик совсем сжался, кора на нём сморщилась, а крохотные веточки отвалились. Жаль было деревце, оно так и не обрело жизни, но всё-таки я щедро полил его после яблонь, да, тут же, и забыл о нём до следующего приезда. Какая-то необъяснимая сила, наверное, не позволяла мне отказаться до конца от деревца, надеясь однажды увидеть грушу ожившей.

Не всегда в жизни выразишь, что чувствуешь, и порой нами руководит еле угадываемое ощущение, но именно оно, в конце концов, оказывается самым верным. Так выходило и у меня: с каждым приездом в деревню я заботливо поливал деревья, не минуя и засохшую грушку. Даже привык к этому, не в силах отказаться от заведённого обычая: яблоням – по два ведра воды, а грушке – три. Как говорится, знает сила жизни правду, да не всегда её сказывает.

Работы без заботы нет, особенно летом. А вот забота и без работы живёт и доброго слова рано или поздно добивается. Два с половиной месяца поливал я яблоньки, а вместе с ними – грушу, и однажды, уже в конце июля, обнаружил на самой её макушке два свеженьких листика, напоминающих ушки ланки. Всё вокруг – деревья, травы, цветы давно вовсю бушевало и приносило плоды, деревце же груши только обретало жизнь, и эти крохотные листики, появившиеся во второй половине лета, необыкновенно тронули моё сердце.

Опустившись рядом с грушей на колени, я внимательно рассмотрел листочки, погладил их, и мне показалось, что они шевельнулись, будто поприветствовали меня. Выходило, что вместе с деревцем мы преодолели неверие в собственные силы и раскрыли свои души навстречу друг другу. Борьба за жизнь не ожесточила нас, а наоборот, укрепила в вере, что любая жизнь сильна настойчивостью, стремлением стать лучше, как и завещал нам Господь, и только благодаря собственным усилиям все души, подобно деревьям, могут расти. Давно известно: от доброго дерева и плод добрый, и счастлив тот, кто это однажды понял.

С тех пор прошло семь лет, груша давно переросла меня, раздалась ввысь и вширь, закудрявилась, а в прошлом году впервые зацвела. Белые лепестки у грушевых цветов не такие округлые, как у яблони, они – продолговатые и изящно загнуты на конце, словно любознательно вздрагивающие реснички над чистыми детскими глазёнками. Правда, и

осыпается груша быстрее, раньше других деревьев, стоит только налететь крепкому ветерку.

Потому для меня особенно дорого сейчас её белоснежное трогательное цветение после долгой зимы, в мае, когда весна улыбается всякой жизни. Но счастье ожидает только тех, кто учится отыскивать чудесное в обыденном. Как в обыкновенном мотыльке, что живёт не более суток, внезапно появляясь близ воды, и так же, незаметно, исчезая.

Обыденна честь, говорят в народе, да и ту не умеем снесть, и как было бы хорошо, чтобы длилась она дольше, обихаживая наши души всё новыми чудесами.

ВЕТОЧКИ

Живя всю весну в деревне, я срезал в начале апреля веточки разных деревьев – ивы, берёзы, осины, рябины, тополя, липы, поставил их дома в воду и стал наблюдать: какая распустится первой и, зардевшись, споёт свою весеннюю песенку? Кто первее, тот и правее!

Целых три недели стояли веточки на подоконниках, каждая у своего окна, и я терпеливо ждал: что-то будет? Конечно, среди них оказались и первые, и вторые, и … последние, а они, как известно, что детки, самые дорогие. Но деток родить, не ветки ломить!

Первой пустила свои яркие листочки берёза. Самые пахучие и чистые, они проклюнулись на свет настороженными, словно бы впитывая каждый звук листьями-ушками. Всё, что происходило в доме, необыкновенно интересовало их, но они, в тоже время, не спешили разворачиваться полностью. Веточки будто чего-то ожидали или опасались одиночества среди других, ещё не оживших деревьев.

Пока берёза раздумывала - как себя вести, незаметно выклюнулись миниатюрные пальчики любознательной рябины. Вопросительными знаками растопырились они во все стороны, день ото дня увеличивая тягу к познанию окружающего мира: глядят на белый свет, словно отродясь в первый раз видят! Было в них что-то одновременно и строгое, и улыбчивое, сразу не разберёшь. По размерам они во много раз превосходили все остальные ветки. К концу весны рябина превратилась в необыкновенно разлапистую и гордую ветвь, почти как летом: видно было, как ей недостаёт свободы!

А ива, с целеустремлённо утончёнными листиками, напоминала стремительно-затяжной полёт вальдшнепа во время тяги, когда он, вроде бы, спотыкается в воздухе, и всё же быстро удаляется. Ива словно не желала устраивать соревнование с собранными в доме веточками, а между тем неудержимо обгоняла их во всём. Она оставалась, пожалуй, самой изощрённой, непредсказуемой и озорной.

Почти одновременно с ивой обрадовала мягкостью линий и липа, что расправила самые аккуратные и обаятельные листочки. Цветом они отличались от других деревьев необыкновенной нежностью: если берёзу

можно было назвать ярко-зелёной, настороженной, а рябину, с её глубоким изумрудным свечением, романтичной, то липа, несмотря на скромность, выглядела надёжной и сильной. Она и простояла в воде дольше всех, так и не потеряв своей салатной свежести.

Только осина с тополем распускали листочки неохотно, как будто, не веря в уготованную им человеком затею. Может быть, им не нравилось, что их лишили лучезарности апрельского света, приятно сковывающих кору ранних крепких утренников, хруста обламывающихся сосулек – всего этого радостного шума, что сопутствует таянью снегов?! И всё же, они распустились, несказанно обрадовали.

Все веточки, день за днём, ложились со мной спать, когда я задёргивал занавески, а их собратья за окнами гнали под звёздным небом живительный сок по стволам, и ни о чём, наверное, не жалели. Так я лишил эти веточки – хрупкое продолжение пробуждающихся деревьев, их настоящей жизни, чтобы удовлетворить своё любопытство.

Вернее, любознательность, что всё-таки открыла для меня быстротечность срока нежной берёзы, уверенную красу липы, изумрудную романтичность рябины, и задумчивое обаяние тополя с осиной. Моя тяга к открытиям объединила их всех в жилище человека, и явила недостающее знание, навсегда запечатлев в памяти данное себе слово: никогда больше, без надобности, ничего не срезать. А коли любишь брать, то люби и отдать: так Бог велит!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Любого зверя и птицу можно всегда перехитрить, и на это способен только человек: оттого всякая тварь пуще огня его и боится. Человек прокричит раненым зайцем – и на этот крик приходит рысь. Посвистит в манок – прилетит рябчик. Поманит берестяным пищиком, будто мышь, примчится лиса. Примется вабить осенней ночью – явится сам волк.

Но вот иногда, что случается крайне редко, зверь или птица могут подойти к человеку только потому, что им с ним рядом … хорошо. Про такого человека говорят: он добрый, а от добра, как известно, худа не бывает. Находиться с ним вместе просто приятно, от него исходят необыкновенное тепло и радость.

Звери и птицы тянутся к нему, как заворожённые. Что-то в этом человеке не такое, как во всех остальных людях, и звери будто чувствуют свою безопасность, находясь от него в непосредственной близости, и не убегают. Мало того, звери и птицы даже льнут к такому человеку, как будто давно искали с ним встречи.

Со мной в лесу тоже происходили разные интересные случаи… Однажды ко мне в избушку пожаловал медведь. На глухарином подслухе, ещё засветло, я нос к носу столкнулся с рысью, и мы смотрели в глаза друг другу несколько мгновений. Как-то, по весне, вокруг меня происходила

самая настоящая заячья свадьба, а возвращаясь с тетеревиного тока, я подсмотрел, как катается с горки выдра. Но мне всё-таки хочется рассказать о человеке, что всю жизнь, каким-то необыкновенным образом, располагал к себе и людей, и животных, а сам при этом оставался незаметным.

Не буду называть его имени, опять же по причине скромности этого человека, но он, действительно, ничем особенным, казалось, не выделялся. Похоже, он стеснялся любого, кому хоть сколько-нибудь мог помешать, и готов был извиняться ежеминутно, как будто виня себя просто за то, что существует, и тем уже доставляет всем неудобство. Кроткий и невзыскательный к собственным нуждам, он своих заслуг, по всему видать, не был готов оценить.

Этот человек прошёл войну, концлагерь и, вроде бы, должен был порядком ожесточиться, но на то оно и добро, что ничего не боится, и за него злом не платят. С добром и без ссоры, словом, миром, человек сладит с кем угодно, даже со зверем или птицей. Зверь это почувствует скорее, чем люди, на всю жизнь запомнит и по-своему отблагодарит. По крайней мере, никогда уже не обидит, да ещё сородичей оповестит, чтобы человека этого не трогали и не остерегались: он добрый.

Если с некоторыми людьми по добру, говорят, не разделаешься, то это ни в коей степени не относится к нашим меньшим братьям. Стоит им поверить тебе хотя бы раз – и тогда они твои навеки, если ты, конечно, не перейдёшь допустимой черты. И даже когда ты переступил её, они порой не перестают оставаться верными до самого конца, не в силах вообразить, что ты их предал.

Тот человек, о котором я хочу рассказать, назовём его Иваном Ивановичем, что, впрочем, недалеко от истины, никогда не только не переступал эту черту, но даже не приближался к ней. Он жил с добром, ибо знал, что только в добре жить хорошо, и если хотя бы час в добре пробудешь, всё горе забудешь. И ещё он никогда не ждал добра за добро, в особенности – по отношению к животным, и именно поэтому, наверное, с ним случалась масса самых невероятных случаев, и я из них запомнил лишь несколько…

Будучи ещё молодым парнишкой, наш герой пас овец. Стоял обычный августовский полдень, и всё было тихо, но вдруг из леса, на пригорке, показалась пара волков, по-видимому, матёрый с волчицей, и двигались они без затей - прямиком к краю стада, в расчёте ухватить одну-две зазевавшихся овцы. Волки шли стремительным намётом вверх по склону, и не могли видеть пастушка, что расположился в маленькой ложбинке, у самой верхушки поля. Наскочив же на него, что называется «в лоб», звери, как ни странно, не опешили, а перепрыгнули через полулежащего человека, оттолкнувшись при этом лапами от его тела, и, обернувшись, замерли неподалёку.

Так, никого не тронув, волки спокойно затрусили к нижнему леску, как будто и не намеревались, только что, поживиться. Волков словно подменили после мгновенного столкновения с человеком, и они стали похожи на

обычных домашних псов, охраняющих пасущееся стадо. Что такого могли почувствовать в маленьком парнишке дикие звери?!

Человек, о котором идёт рассказ, всю жизнь был страстным поклонником природы, посвятил ей себя без остатка, и даже профессию свою избрал связанную с лесом: он выделывал из бересты различные кошели и лукошки, корзины, туеса и пастушьи дудки. Многие из его изделий были отмечены наградами на ярмарках и выставках. Он был, что называется, народный умелец, мастер на все руки, тонкий знаток народного промысла! И, конечно, большую часть своего времени он проводил в своём лесном домике, на пасеке, что располагалась неподалёку от деревни, между делом подкармливая птиц и зверушек, постоянно обитавших в его доме. Но особенно ему был дорог поползень Митя, что прожил у него несколько лет.

Нужно заметить, что поползни относятся к птицам, которые редко кем приручаются: обычно в этой роли выступают галки и сороки, грачи и синицы, скворцы и даже вороны. Но вот поползень! Уж больно обособленный образ жизни ведёт эта симпатичная серенькая птичка с нежно-пунцовым животиком, и чаще всего остаётся незамеченной.

Как мышка, в поиске запрятанных в коре семечек или личинок, неприметно передвигается поползень по стволу, прилегая к нему всем тельцем, не каждый его ещё и увидит. Но вот Митя, как и все птицы, сначала стал прилетать на приготовленную человеком кормушку, а потом и вовсе подружился с её хозяином.

Больше всего Митя любил сливочное масло и склёвывал его прямо с пальцев рук или даже губ Ивана Ивановича, а пока тот работал, сидел на его плечах, забирался в рукава и карманы одежды, подолгу разыскивал что-то в волосах на голове, словом, вёл себя совершенно свободно. Привязанность эта была хорошо заметна, даже ярко выражена, и постепенно переросла в настоящую любовь.

В доме хозяина ещё жили его жена и сын, часто приезжали одни и те же гости, но поползень избрал для своего поклонения именно хозяина. Маленькой птичке, видимо, было очень хорошо в этом доме, и она прожила там более трёх лет.

Отправившись однажды по грибы, Иван Иванович набрёл на поляну, усыпанную крепкими боровиками. Сначала он наполнял корзину, не выпуская её из рук, и только когда она стала достаточно тяжела, опустил на землю. Из всех существующих в лесу забав, более всего Иван Иванович предпочитал грибную охоту, и своей страсти всегда отдавался с удовольствием, не спеша. Вот и тогда, тщательно просмотрев всю опушку, и нарезав целую рубаху белых, он вернулся к корзине и, к немалому удивлению, обнаружил в ней … зайца.

Заяц был большой, серый, в светлых подпалинах, а его красный нос размеренно двигался во все стороны и изредка вздрагивал. Грибы заполняли корзину уже на добрую половину, но это не помешало зайцу забраться в неё

и замереть, как будто бы он обнаружил ямку для укрытия или просто присел под ёлочкой отдохнуть.

Плотно прижав к спине уши, он продолжал сидеть так, даже когда человек остановился с ним рядом, и, кажется, совсем не собирался убегать. Пришлось перевернуть корзину и пугнуть зайца, громко хлопнув в ладоши, но зверёк и после этого остался на месте, и только покосил коричневым глазом, как бы недоумевая: чем он помешал?

Ну, а дальше, как водится, если ты лесовик, да ещё и заядлый грибник, то уж тут никак не обойтись без рыбалки. И вот, стоит раннее июльское утро, солнце уже пригревает, а удочки нашего доброго знакомого навострены ещё с вечера. Леса преломляется в прозрачной воде, и видно, как на крючке, у самого дна, извивается червяк. Тихо, ни ветерка, и рыбака медленно клонит в сон.

И вдруг на самый кончик удилища присаживается куличок, не обращая ни малейшего внимания на человека, находящегося в двух шагах. Куличок озабоченно крутится, будто выбирая более удобную позу, то и дело заглядывает в воду, поворачивая голову на бок, и, наконец, начинает одной лапкой подтягивать к себе леску, пока не вытаскивает червяка, и вмиг с ним исчезает. Опешив от увиденного, рыбак, естественно, меняет насадку и забрасывает её в воду, после чего куличок вновь неожиданно появляется, и всё в точности повторяется.

Один раз Иван Иванович попробовал закинуть пустой крючок, и птица, убедившись, что её обманули, подняла крик. Ну, это ли не удивительное чудо, и разве не воскликнешь после всего: воистину блажен человек, если живёт не только для Бога и людей, но и для своих меньших братьев!

ПТИЦА

Приходилось ли вам когда-нибудь держать в руках птицу?

Птицу настоящую, живую, ничем не болеющую, а потому и не позволяющую до себя дотронуться, даже приблизиться, никем не подраненную? Подраненных выстрелом, угодивших в капкан или топливо, разлитое по поверхности воды, ударившихся при ночном перелёте о стекло маяка или рулевой надстройки корабля в моих руках перебывало множество. В лесу это были чирки и рябчики, вальдшнепы, тетерева, глухари и дятлы, сойки, сороки и вороны, ястреб-тетеревятник, канюк и сова, в море же – чайки и топорки, чистики и кайры, глупыши-буревестники и бакланы, а однажды на борту нашего судна оказался орлан-белохвост, и мы ухаживали за ним целый месяц.

Но все эти птицы, по той или иной причине, были ограничены в возможностях, не могли взлететь, и были вынуждены подчиниться человеку. Попав в беду и не в силах сдерживать своего свободолюбивого сердца, гулко ударяющегося в груди, и боязливо кося глазом, они безропотно отдавались в его волю. А вот если бы птица побывала в ваших руках совершенно

здоровой, готовой тотчас устремиться в небо и раствориться там, не допуская ни малейшей надежды на какие-либо взаимоотношения и, уж тем более, понимание человека, но, всё же, в чём-то оставаясь родственной вам, даже очень близкой, дорогой? Не приходилось?!

Такое событие, а это именно событие для человека, не живущего в согласии с природой, происходит крайне редко, и никогда не бывает случайно. На какое-то время отдаваясь в руки человека, вверяя ему всю себя, птица как будто делится с ним трепетной мыслью о том, что мы очень близки, и человек так же свободен в своих мечтах и волен быть счастливым, на деле устремляясь в самые недосягаемые выси. Быть птицей, оказывается, его исконное природное состояние, он о нём просто позабыл думать, долго оно оставалось невостребованным, а вот теперь, почувствовав его после прикосновения к птице, человек, несомненно, задумается и изменит свою жизнь. Это станет таким очевидным.

Но как сделать так, чтобы птица попала в ваши руки, иначе – доверилась? Для этого необходимо самому стать птицей, возжелав полёта, а однажды взлетев – почувствовать слитность земли и неба. Птица окажется в ваших руках только после осознания этой удивительно простой и, в тоже время, очень важной истины, как будто подтверждая правильность ваших духовных устремлений.

Где-нибудь на исходе мая в ограду вашего деревенского дома вдруг залетит слёток горихвостки, начнёт безудержно порхать и биться в стекло, наполняя всё пространство удивительной жаждой свободы. Пространство как будто даже задвигается, не на шутку всполошится, потревоженное свободолюбивой маленькой птицей, и не будет находить себе места: вроде бы, такое же свободное, не зависящее ни от кого…

И тебе вдруг страшно захочется подержать эту птицу в руках, ты осторожно приблизишься к ней и ловко обхватишь ладонью трепещущее существо: птица сначала попытается вырваться, толкнётся в руке пару раз, а потом затихнет. Упругое сердечко её будет ударяться в такт твоему сердцу, только более учащённо, но вскоре успокоится, и ты поднесёшь птицу к самым глазам и тихонько погладишь её головку, клюв и перья.

Птица вновь встрепенётся и ещё раз попытается освободиться, правда, уже не так отрешённо, скорее, для порядка, чтобы подтвердить своё свободное состояние. А ты сразу почувствуешь, что лёгкость овладения птицей лишь видимая, тебе не удастся долго удерживать её в своих руках, и овладеть подобной свободой можно лишь с помощью собственных душевных усилий.

Поняв это, ты выёдешь во двор, слегка поддашь рукой и выпустишь птицу в воздух, а она неудержимо взовьётся, метнётся от радости в одну, другую сторону и защебечет привольно прямо над твоей головой. На миг покажется, что это твоё взбудораженное сердце рванулось в небеса, заиграло там, забилось от охватившего восхищения, и ты даже испугаешься, но, спохватившись, тоже, как птица, обрадуешься открывшемуся торжеству

жизни, непроизвольно взмахнёшь руками, как-то уж совсем просто оторвёшься от земли и … полетишь.

СИРЕНЕВОЕ СЧАСТЬЕ

Под моим окном в деревне уже долгие годы растёт сирень, и порой начинает казаться, будто она подстраивается под меня. Это очень приятное, загадочное и доброе дерево. Оно всегда будто улыбается, правда, сдержанно, но мило, а когда, в мае, его ветви сплошь покрывают розоватые и лиловые цветы, от сирени словно исходит мелодичное звучание.

Работая в огороде, я иногда смотрю на сирень и радуюсь. Сирень опять распустилась после суровой зимы, она жива и рукоплещет весне! Вернее, чудесным образом дополняет её своим восхитительным обликом, и в моей душе рождается праздник.

В начале лета огромной лиловой охапкой-кустом пенится сирень посреди набухающей и ещё не утомившейся листвы, но не гордится и не повелевает, а только нежно ублажает торжественно нарождающийся июньский пейзаж. Всё бы плыло над землёй сиреневое цветенье, и никогда не кончалось. Погружаешься взором в это сиреневое пышное благолепие, и не чувствуешь под собой ног: сирень-душа будто возносит тебя над землёй, отчего и твоя душа, точно так же, распускается сиреневым цветом, и не ведает, куда ей лететь от переполняющего счастья.

Почти весь июнь сиреневый дух душными волнами прокрадывается в дом. Все спят, окна растворены в сад, и стоит такая тишина, что слышно, как дышит каждый листик. Лёгкий шепоток от них создаёт какое-то невидимое движение, и оно ничуть не мешает, и даже приятно.

Но шорох этот перебивают настырные волны, исходящие от сирени, замершей там, под окнами, у покосившегося серого забора. Волны, по-кошачьи мягко, проникают в сонную темноту комнаты, и так же потаённо прокрадываются под кровать. Может, именно этой ночью сирень намекнёт тебе своим запахом о том прекрасном, чего ещё не было в твоей жизни, но обязательно вскоре сбудется?

А в конце июня сирень осыпается, и происходит это неожиданно, как-то разом. Ещё совсем недавно пышная, белопенная, шальная, она уже не дурманит сочностью своих снежно-фиолетовых девичьих соцветий, и будто в мгновение стареет.

Молодость её начинает казаться непрочной, а затишье после буйного цветения - печально и нескончаемо. Думается почему-то, что упоительные сиреневые дни больше не повторятся, и это будничное однообразие после пышущей ароматом сирени никогда не прекратится. Сирень так бурно цвела, благоухала, что больше не верится в её возрождение, и отчего-то на сердце наваливается необъяснимая печаль, что, впрочем, быстротечна.

Знающие люди утверждают, что сирень нужно как можно чаще укорачивать, то есть – ломать. От этого она растёт лучше, а самое главное –

необыкновенно распушается. И без того прекрасная, сирень становится ещё богаче.

В доме от запаха сиреневых цветков у людей приятно кружится голова, а в саду, где она растёт, воздух всегда чистый. Пьянящий аромат сирени прохладен и сладок особенно после дождя, и тогда хочется окунуться в это сиреневое буйство запахов и красок, уже ничего не желая.

Когда сирень в самом цвету, она будто простирает свои бело-фиолетовые пахучие длани, щемит сердце острым ароматным счастьем, и всякий человек чувствует: он словно выходит за свои пределы, чего на самом деле редко когда удаётся. Сиреневый туман клубится в солнечном свете, кажется, он даже вырастает, ненавязчиво утверждаясь во всём окружающем пространстве таким же переливающимся сиреневым благом.

А бывает, сирень нахлынет на тебя упругой душной волной, наполнит сладостными мыслями и настроением, и ты вдруг почувствуешь себя до краёв заполненной сиреневым вином чашей, которую, при всём желании, невозможно расплескать. Вино переполняет тебя, но не выливается, и ты радостно несёшь его в себе, насыщаясь нескончаемо чудным сиреневым духом. Лишить сознания может только отсутствие подобных впечатлений, но никак не сиреневый дурман, его чарующая желанная истома.

Распустила, наконец, свои лиловые султаны главная весенняя обольстительница – сирень, и вокруг всё ещё более преобразилось. Какая-то мимолётная и шикарная в своём дурмане, не без некоторого благородства и совсем не кокетливая, она словно раскрывает в себе окно, и быстротечные дни упоённо уплывают через него в блаженную даль. Никто из деревьев с таким обаянием не проживает их, как это совершается у сирени.

Пышность белоснежно-лиловых султанов придаёт сирени особое великолепие и торжественность. В ней – роскошь, не стремящаяся скрыть своё обилие, в тоже время - полная лёгкости. Пышное празднество сирени – её каждодневное состояние, но, в отличие от черёмухи, неудержимо навязывающей себя всему весеннему свету, она скромна. Черёмухе, говорят, пышно в цвету, а сирень будто утопает в своём пушистом цвете: ей хорошо и уютно с самой собой, и если черёмуха – красавица, то сирень – прелесть!

При всём своём очаровании сирень не ставит себя наперёд других деревьев, а сохраняет кротость. Скромное сиреневое дерево словно не ведает своих заслуг, хотя и необыкновенно красиво. Тихая, незатейливая жизнь сирени чудесна сама по себе, она никого не обманывает, не охмуряет, как черёмуха, и эта скромность ей удивительно к лицу.

Сирень благоухает в душе каждого человека в самую сладкую пору весны. Женщина может подарить её себе сама, когда захочет, лелея сиреневый аромат ночами напролёт. Ночи эти такие тёплые, благосклонные к ней и её чувствам, а мужчина мысленно преподносит сиреневые букеты всем женщинам, потому как, на деле, не в силах их всех одарить. Сирень так естественна, легкодоступна, и, кажется, нет женщины, которая бы не желала

прижать к груди душистый сиреневый букет, с наслаждением погрузив в него милое лицо.

В чудный месяц май пробуждает сирень все эти ошеломительные переживания и, наверное, не желает умирать. Вероятно, она даже не помышляет об этом, и только мечтает жить долго. Сирень дарит и восхищение, и радость, и покой без всякой тревоги, вместе с белым цветом облаков, синим небом и золотистым солнцем.

Смешавшись с бархатным теплом весенней ночи, её запах передаёт невольное беспокойство мерцающим звёздам и всей тишине, что распростёрлась над благоухающей землёю. Не идёт сон в такую сиреневую ночь, и душа полнится каким-то сладостным ожиданием.

Трепетное дыхание сирени в этот ночной миг горячо и душисто, оно плывёт от самой земли, когда она, девственная и чистая, ещё не проснулась под лучами солнца и не отдалась ему без остатка. Горячи и душисты пухлые сиреневые цветы, источающие терпкий аромат. Нет, кажется, ничего блаженней, чем слиться с ним в едином сладостном дыхании.

По-весеннему благостно и грузно свисают в саду сиреневые ветви, чем-то неизъяснимым тревожат душу, но и вдохновляют. Столько надежды, тепла и внутреннего света таится в каждом лиловом букете! Ждёшь весной встречи с любимой женщиной, и в опьянении сиренью гадаешь: осыплет ли тебя дождём из ароматных лепестков какое-нибудь нежное создание?!

Как безукоризненно точна и чудесна в своём восприятии времени сирень: в самую благодатную майскую пору зацветает, почти весь июнь ненавязчиво и мило предлагает всем дурманящий цвет и, вроде бы, совершенно себя не исстрачивает. Впечатление такое, что это ей ничего не стоит, и даже когда сирень отцветает, она не замыкается в себе, и не грустит. В полном удовлетворении от совершённого ей чуда только незаметно притихает, но живёт, тем не менее, интересно, чутко вслушиваясь и вглядываясь во всё происходящее в природе. Недаром, под осень, листья сирени, кажется, ещё более зеленеют.

Сирень – очень жизнелюбивое растение и, действительно, дольше других деревьев сохраняет зелёные листья. Бывает, стоит уже глубокая осень, выпал снег, а она ещё зелёная. Глядя на неё по осени, всегда думаешь о внутренней силе дерева, о его несгибаемости.

Но откуда сирень черпает силы? Наверное, она такая сильная сама по себе. Вдобавок, её ветви полнятся силою ветра, солнца, дождей и воздуха, и, впитывая эти силы, сирень оказывается ещё более неистребимой. Сирени отчего-то дана такая природная власть силы, что никого не ломит, а наоборот, нежно всех осеняет, насыщая своей душистой кипенью. Благодаря сирени в душе человека весной закипают чудесные жизненные волны.

Да и увядает ли сирень вообще? Вернее, она просто бросает на землю лист, не успевший пожелтеть. Сирень, по-видимому, не желает блёкнуть, и до самого конца не теряет изумрудную свежесть, ожидая своего ветра. Лишь поздней осенью прилетает к сирени такой ветерок, окружив её

непритязательным вниманием, забирает оставшуюся листву, и сирень успокоено засыпает.

Но в чудесную пору пышного цветения сирень кружит голову своим ублажающим ароматом, а если в её ветвях ещё заливается соловей – провозвестник утвердившейся весны, то и вовсе тебя охватывает нескончаемая радость, и она тоже закипает в твоих жилах неудержимой жаждой к жизни, к цветению и созидающему труду. Чудится, будто наступила ни весна, а какая-то непередаваемо восхитительная пора, ты выглянул в её распахнутое окно, перевалившись через подоконник, и оказался в ней, в этом удивительно прекрасном соловьином царстве. Но лучше не попадать в неё целиком, а лишь вглядываться и вдыхать головокружительный аромат, замерев у самого края, где присутствие соловья особенно трогательно, и песня его льётся, словно родник.

На то Бог птицу благословил, она судьбою своею восторженной переполнена, и оттого – счастлива бесконечно. Это - её счастье, но мне тоже хочется его пережить. Боясь потревожить соловья, я осторожно вглядываюсь в его трепетно вздрагивающее горлышко, чуть оттопыренные крылышки и тёмный смородиновый глаз: в нём, кажется, отражена вся весенняя ночь, и первая зелёная звезда, и трогательное перешёптывание молодых трав.

Не видно, но чувствуется, как в тиши сада покачивают головками цветы, что-то чудесное друг другу нашёптывают, не желая в такую жизнеутверждающую пору хотя бы на время забываться, и соловей всё это приветствует и воспевает. Даже человека рядом не замечает, скорее всего, доверяя своё сердце и ему, и всё насвистывает свои переливчатые трели, не в силах нарадоваться: откуда в нём столько страсти берётся, что потом льётся в душе человека и лето, и осень, и зиму, и никак не иссякает? Воли соловью, видать, больше всего хочется, вот он и превозносит её во всеуслышание, вселяя в каждое живое существо надежду на счастливую судьбу. Разве человеку без этой воли обойтись?!

Странно мне стало думать, что в стародавние времена какого-то знаменитого разбойника прозвали Соловьём. За какую честь ему такое счастье выпало? Ведь хоть соловей на пересвисты и горазд, он всё больше божественную нежность и чистоту провозглашает, и его песенные переливы ложатся на душу жизнеутверждающим благом, они не грозны, и не разрушительны.

Думается, лишь за посвист соловушки, что по своей красоте и силе никем не превзойдён, был он преумножен в народных сказаниях до разбойничьей удали. Так нам всем мил этот очарованный певец, что принимаем мы всем сердцем и Соловья-Разбойника: пусть себе посвистывает на благо родимой земли и погибель её врагов!

Песня же соловья льётся по весенней земле раздольною рекой, пробуждая её и украшая, так что и самому захочется запеть соловьём, провозглашая только любовь и радость, чтобы никогда не иссякало

жизнеутверждающее божественное качество нашей души, продлеваясь в достойных Бога деяниях.

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча. Но вот глаза птицы поразили: большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

Общеизвестно, что соловей, действительно, знатный певец, не похожий в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Он не просто свищет и щёлкает, как, обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, соловей именно поёт, издавая голосом, на удивление, восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин-перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты и трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек, в деревнях же выбирает чаще всего черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди голубовато-фиолетовых нежных султанов, и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке сирени невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне имеется даже до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, весь день, без перерыва, провозглашая весну!

Пение соловья очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные – печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая трель.

Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, что всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой, а в опьяняющем сиреневом аромате соловьиная песня – маленькое чудо в

удивительном празднике весны. Безотчётно хочется окунуться и в соловьиную песню, и в это сиреневое буйство, скорее даже – броситься в закипевшую сирень, как в море, вмиг пропитавшись влекущим голубовато-белопенным духом.

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца. Именно весной, у раскрытого в сад окна, всё время кажется, будто кто-то сидит рядом с ним, слушает тишину дома, и вот-вот заберётся к тебе в комнату, вместе с ароматом сирени, но не напугает.

Чудо, как хорошо переживать в сердце, вместе с весной, эту упоительную блажь, нестись в прекрасное неизведанное, и думать только о чудесном. Какое счастье просто увидеть зацветающую сирень погожим весенним вечером, когда она густо усыпана своими лиловыми султанами!

Всё вокруг необыкновенно оживлено, но никто и ничто в этой прекрасной весенней тесноте друг другу не мешает, а только ещё более возбуждается от такого незабываемого соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, и сирень сейчас просто священнодействует посреди этого природного буйства, когда всё живое не в силах скрыть своего восторга.

Волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край. Напыжившееся тельце соловья дрожит, голосок беспрестанно журкает, захлёбывается, и ты замрёшь от переполняющего и его, и тебя блаженства: как страстно воодушевлено всё живое происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в которой соловей – её главный герой.

Такое повсюду проистекает раздольное счастье, что и соловей, бывает, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и, кажется, некому в эту восторженную пору его поправить. Но сама весна и выправляет непередаваемые по красоте мелодичные коленца чудесной птицы, и вновь всю майскую ночь, напролёт, стелется над землёй её страстное посвистывание, и становится так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

Окно распахнуто в сад, прямиком в цветущие султаны сирени, и кажется, что весь сад благоухает вместе с ней, дышит, навевая своим дыханием какие-то безмятежные думы, что вскоре будет и не вспомнить. В этом запахе рождается что-то новое, будто бы даже давно позабытое, то, что не сразу узнаешь, и его непременно хочется разгадать.

И тут вдруг на ветку, она ближе других протянулась к дому, чуть ли не заглядывая в комнату, юркнет серенькая птичка, отчего веточка радостно заходит под ней, да и вся сирень будто оживится, ещё более воспрянув в своём благоухающем аромате. И сердце так же радостно толкнётся в такт этой закачавшейся сиреневой веточке, сладостно защемит в груди, и не отпустит. То пожаловал к тебе в гости милый соловушко, что одним своим

появлением, ещё не подав голоса, всё в душе перевернул, и так, растворив её, обнажённой и оставил, чтобы лилась в неё, без остановки, чудесная песня весны.

И сад становится не таким, каким до сих пор был, он преображается, словно переродившись, а я подхожу тихонечко к окну, и, не боясь, что мой диковинный гость улетит, осторожно облокачиваюсь на подоконник, приближая лицо к вздрагивающей от возбуждения птице. И тут настаёт миг, что, кажется, протяни руку, и коснёшься серенького пера чудесной птички.

Глазик её тревожно блестит, переливается в такт проникновенной песенке, и ты на миг сам почувствуешь себя соловьём, переживая в своём сердце всю природную трепетность птицы, её необозримую душу, и увидишь в этом трогательном смородиновом глазу птахи весь весенний восторг, саму весну, что захватила собой эту неповторимую жизнь. Каждый может позабыть себя в ней, превращаясь в одну радость.

Слушая соловья, я не могу поверить, что он трудится, исполняя свою песенку, и никак не в силах наглядеться на серенькую невзрачную птичку. Если бы не голос, думается мне, разглядел бы я её? Вряд ли. А соловей поёт, и все его чувствуют и слышат, представляя себе, что это какой-то необыкновенной красоты певец, так хороша его песенка.

Трудно удержаться, и не нафантазировать себе образ чудесной птички, что обладает необыкновенным голоском. Хочется и самому запеть, вслед за соловьём, свою историю, и вот таким нехитрым образом, этот удивительный певец обращает мир во всеобщий праздник.

И ещё вдруг пронзает мысль: в проистекающей повсюду весне трель соловья так чиста и первозданна, что люди порой и не обращают на него самого никакого внимания, воспринимая соловьиную песню как нечто совершенно обыденное, без чего и весна ни весна. Но отними у неё эту переливчатую мелодию, и нарушится совершенное естество природы, а осознав подобное – поблагодаришь её за созидательное жизнетворчество. Закрепив для себя в сердце непревзойдённого певца и его неподражаемую песенку, будешь нести её потом и всё лето, и осень, и зиму, чтобы когда-нибудь опять обрадоваться приходу новой весны и появлению в саду дорогого гостя, что утверждает по всей земле только любовь.

Плохо, если жизнь человека проходит без соловья, и нужно обязательно, хотя бы раз в жизни, собраться и отправиться в соловьиную страну, чтобы забыться в ней от счастья.

А какая радость увидеть зацветающую сирень погожим весенним днём, когда она густо усыпана вживкающими воробьями! Воробьёв - тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом нисколько друг другу не мешают и только ещё более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, сирень священнодействует

посреди всего этого совершающегося буйства, и махонькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, только усиливается от зарождающегося над землёй сиреневого аромата, и оно вот-вот перехлестнёт через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлёбываются, ты даже замрёшь напротив сгрудившихся птиц: как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий сиреневый дурман и торжество жизни, в котором воробьи не самые последние!

Иногда украшением сирени оказывается и чечевица! Как хорошо в саду, когда цветут яблони, вишни и сливы, от них не отстают черёмуха с сиренью: сыплется на землю мягкий душистый «снег» из лепестков. Белые «снежинки» залетают в раскрытые окна, ограду. И вот среди бело-сиреневых цветков красуется ярко-красная грудка самца чечевицы, а над огородом разносится его проникновенно восторженная песенка: «Витю видел? Витю видел? Уити-уить, уити-уить! Уити-уить! Витю видел?!»»

Всё лето снуют в ветвях сирени горихвостки и их быстро подрастающие слётки. У меня в огороде гнездо горихвосток располагается прямо над сиренью, под карнизом дома, и сразу после прилёта, обосновавшись на макушке дерева, птички дают о себе знать несколько монотонной, но мелодичной и звучной песенкой. Приведя в порядок гнездо, горихвостки распевают свои милые песенки, и при этом всегда очень оживлены, непоседливы и непрерывно трясут хвостиком, демонстрируя своё оранжевое подхвостье.

Сердобольные птички успевают вывести за весну два потомства, и вылупившиеся птенцы, громким писком, непрерывно требуют еды, вынуждая заботливых родителей сотни раз в день приносить им корм – бабочек и гусениц, клопов, жучков и прочих насекомых, а когда устают – присаживаются на распустившиеся веточки сирени, радостно оглашая округу коротенькой нежной трелью: «Фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-фюить-ти-ти-тик, фюить-ть!». Всю весну с летом оживляя своим присутствием садовое пространство, напоминают о себе эти милые птички, но предпочитают почему-то заросли колокольчиков, малину и сирень, хотя она давно облетела. Птички порхают под окнами маленькими оранжевыми комочками, трогательно трясут хвостиками, и сердце моё незаметно наполняется силой, которой ему недоставало.

Не минует притихшее под осень милое дерево и вороньё… Суматошные птицы, смешно раскорячившись в глубине сирени, без устали надкусывают сухие ветви и бросают их оземь. Причём, ветви сирени крепкие и не сразу поддаются, но это обстоятельство не останавливает ворон. Они всецело погружены в захватившее их занятие, не замечая, что делается вокруг.

Я осторожно наблюдаю за птицами из окна и никак не могу понять, для чего они это делают: то ли свой клюв оттачивают, чистят, то ли просто от нечего делать забавляются? Наломанные ветви валяются под деревом, так и

оставаясь непригодными, другие деревья птицы не трогают, и, знай, упорно пытаются надрать побольше веток именно с сирени. Когда воронам надоедает изводить себя странными силовыми упражнениями, они в мгновение, как ошалелые, срываются куда-то, и к сирени подлетает, наконец, белобокая сорока…

Усевшись на вершинку, она начинает без устали сокотать, накручивая хвостом, тоже пытаясь чем-то отметить своё присутствие на полюбившемся всем дереве, но так и не обнаружив для себя ничего занимательного, вскоре с недовольным криком покидает сирень. Потревоженная веточка сирени приветливо качается ей вслед, будто прощаясь с давно минувшим весенним цветением, умиротворённым благостным летом и незаметно истаивающей осенью.

И даже когда лист опадает, и землю покрывает первый снежок, на обнажившиеся веточки сирени прилетают красногрудые снегири. Оживляя собой её замерший вид, птицы домовито толкутся под самыми окнами, мягко посвистывают, но покидать сирень не спешат. Поздней осенью они с удовольствием расклёвывают засохшие ржавинки былого сиреневого цвета, неторопливо теребят его, и если день выдался тихий, пасмурный, эти потрошённые птицами семена издают тонкий пряный аромат, нежно истаивая в прохладном воздухе. Кажется, что так начинают пахнуть влажные листья сирени, её серовато-белые ветви и сами красногрудые снегири, а ты до конца понимаешь богатую суть сирени, что очаровывает даже под осень.

В сирени много любви ко всем, и она – дерево-душа, что несёт окружающему миру ароматное добро. Одна сиреневая душа, а как хороша!

ЗАЯЦ КРУГЛЫЙ ГОД

Наша зима - это большой и ослепительно белый заяц: живёт открыто для всех, но, в тоже время, остаётся невидимым. Молись, заяц, всю зиму Богу!

Весна – это уже бойкий зайчишка в серых штанах, что, бывало, вдруг резво выкатится из зацветающего тальника, смело тронет по полю, затем сдвоит, скинется, и опять где-то скачет, пока и там не исчезнет. Не заяц, а лёгкое сизое облачко, озорно затерявшееся за ближайшим леском.

Лето – укромно притаившийся в шелковистой траве зайка с тёплой шёрсткой, что показывается лишь изредка, как ненавязчивое, милое видение, на мгновение порадует душу - и тотчас забывается, так вокруг много других завораживающих ощущений, запахов и красок.

Осень же сначала только поманит буровато-молочными заячьими ушами, забавно торчащими в озимых зеленях. Не сразу различишь самого косого с пегими подпалинами на боках в быстро светлеющих гачах. Заяц как-то неловко, скособочившись, подтягивает зад и незаметно оказывается всё ближе и ближе.

Уже слышно, как шуршат по сухим листьям заячьи пазанки, кровь гулко ударяет в висках, а у самой деревни, в частом осиннике, оживлённо

перекликаются сороки. Заяц вдруг останавливается и, поводя чуткими ушами, косит боязливо: неужто и до него дойдёт в эту пору черёд? Осень, по-заячьи, сторожка, но не боязлива.

И вот, с отъезжего поля уже гулко доносятся радостные возгласы охотников: «До-о-шё-ёл!» Красоваться косому в сенях, на крепком гвозде, со свисающими толстыми усами! Но не сегодня-завтра Покров покроет землю снежком, опять незаметно подступит зима, и укутает всех в пушистый заячий мех.

ИВАН - КОРОВИЙ СЫН

Так уж повелось на Руси, что в каждой деревне всегда был свой дурачок. Малоумный, непонятливый человек слыл в ней со своей бедой чуть ли не за героя, и чем большим безрассудством он отличался, тем более славилась деревня. Деревня, вроде бы, как и не деревня, коли в ней отсутствует свой полоумный. Не мешала этому устоявшемуся положению даже народная молва, по которой чужой сын дурак вызывал смех, а свой смерть! Но, как говорится, на всех угождать – самому в дураках сидеть.

Уродит Бог сына дурака у богатого мужика – он его всё равно прокормит, любо какой у него дурак, одно загляденье! А вот если появлялся сын дурак у бедняка – наш дурак, вона каки! Но и то порой случалось, что на дурака была вся надежда, а он взял да и поумнел! Словом, дурак на дурака не приходится, и бесполезно искать другого, лучшего дурака, коли своего Бог подарил!

У нас в деревне тоже был дурачок – Ванечка, по прозвищу Иван – Коровий Сын. Был он не совсем отпетый дурак, а как бы в притруску, со скрытой в себе загадкою, которую чувствовали все поселяне. Ванечка очень любил и понимал домашний скот.

Скотина тоже будто чувствовала и понимала дар, которым был наделён полоумный. Она сразу узнавала Ванечку, как только тот появлялся рядом, и беспрекословно ему подчинялась. Дома у близких Ванечки со скотиной не было проблем: он её рано поутру и накормит, и напоит, и даже подлечит, коли в том вдруг выпадет нужда.

Словом, скот в семье Ермаковых всегда находился под надёжным присмотром, и мать Ванечки, отец и брат, которые все уродились здоровыми, души в нём не чаяли. Не зря самое обиходное на Руси имя было Ванечка, и потому только появившегося на свет человека, а значит, самого дорогого и любимого, чаще всего называли именно этим именем.

Наш Ванечка уродился дурачком, и тут уж, как говорится, не бай Бог с ним ни найти, ни потерять: дураку закон не писан! И даже, если кто-либо, хоть раз, дурака обидит, тому никогда не откупиться: от чёрта крестом, от медведя пестом, а от дурака ничем не отгородишься. Он вроде совести замаранной, по гроб жизни теперь будет служить своему обидчику несмываемым укором. Дурак своей шкуры просто не продаст!

Так и наш Ванечка: очень тонко, точно так же, как и скот, с детства чувствовал отношение к себе людей. Мало того, он ещё и абсолютно верно угадывал суть любого человека. Ему достаточно было пройти рядом, пристально, но ненавязчиво посмотреть на человека своими спокойными, чуточку отрешёнными глазами, и весь ты для него представал, как на ладони.

Мне при встрече с Ванечкой всегда было не по себе смотреть ему в лицо. Я поначалу отводил взгляд, отчего-то тушевался, а успокаивался, только когда мы расходились. Но со временем, замечая, что Ванечка не настораживается при моём появлении, а, счастливо осклабившись и немножко откинувшись назад, выбрасывает в приветствии руку, тоже стал приветствовать его.

Внятных слов Ванечка произнести не мог, а только что-то неопределённо мычал, скорее похожее на «пры-ы-вэт-т!», и всегда внимательно смотрел на тебя, как будто видел впервые. Обычно я доброжелательно отвечал ему: «Здравствуй, Ванечка», и старался улыбнуться. После этого Ванюша строго взглядывал на меня, приостановившись, и опять, вскинув ладонью вверх руку, как-то нараспев, протяжно повторял: «Пры-ы-вэ-эт!». При этом он никогда не улыбался.

Зимой со скотом забот было меньше, и Ванечка любил гулять по деревне. Впрочем, гулял он и осенью, и весной, и всегда, заложив руки за спину, неспешно следовал одним и тем же путём. Этот маршрут проходил как раз мимо моего дома, и я мог часто наблюдать за Ванечкой.

Меж людей часто бытует такое глупое мнение, будто бы дурак тот, кто с дураком свяжется: мол, дурак дураком тешится, и где тут ума набраться, если с дураком связаться. Но я над Ванечкой никогда не потешался, и смех меня не брал, когда я его видел, ибо жило в нём горе, которое он сам, конечно, не сознавал. Дурак, говорят, умён бывает, когда молчит, и Ванечка по большей части действительно хранил молчание, если только кого-либо не приветствовал, но молчание его было значительно. Уж не знаю, как так выходило, а только порой я заглядывался на него.

Одет он был всегда бедно: рубашка застирана до белизны, края воротничка загнуты кверху, на голове - мятая кепка, пиджак старый, сморщенный, одним словом, горькая деревня! Бывало, бредёт Ванечка, обычно немножко развернувшись вперёд одним бочком, голова высоко поднята, одна рука за спиной, другая – в кармане, и отчего-то хочется на него глядеть, несмотря на то, что под носом – целый ручей из соплей. Чем-то неизъяснимым притягивал он внимание, а вроде бы, ничего не происходит: всего-то идёт по улице обыкновенный деревенский дурачок! И всё-таки вид его приковывал взгляд, и однажды я понял, что подкупает меня в Ванечке его независимость: он не принадлежал только себе, а был открыт всему миру, и не боялся этого.

Иной человек, бывает, напустит на себя дурь, прикинется простаком, и от того становится смешон, но Ванечка был естествен в своём отношении к людям, даже серьёзен, и потому никогда не вызывал насмешек. Ну, если

только действительно у глупого, недалёкого человека. Но ведь и у всякого умного порой живёт своя дурь в голове, на которую, впрочем, есть Божья премудрость.

Вот и на глупость Ванечки у Бога нашёлся свой ум, а именно – тонкое чувствование и понимание всего живого, что было даровано полоумному крестьянскому пареньку. Дар этот Ванечка, как мог, отдавал безвозмездно и скотине, и людям. Такое дарение было за обычай, потому как иного он не разумел. А то, что ума полного нет, так не беда, главное, чтобы нужда пустая с гордыней не одолели.

С весны, когда и добрую скотину за хвост подымают и выводят в поле, Ванечка с утра до вечера пропадал на пастьбе. Хозяева, спозаранку, пригоняли скотинку на известное им место, возле дома деда Георгия, где её уже дожидался Ванечка. В нашем околотке скотины держали мало, и ходить за ней Ванечке не составляло труда, тем более, что и коровы, и козы, и овцы сразу признавали своего пастушка и неотлучно следовали за ним, куда бы он их не повёл. Животные как будто чувствовали, что человек этот ничего сказать им не сможет, точно так же, как и они ему, если только промычит, и именно поэтому, наверное, и коровам, и козам, и овцам Ванечка был понятен, и они принимали его за своего. И скот Божья тварь!

Известное дело, скотина греха не знает, так и Ванюша: ни о каком грехе даже не помышлял. Отведёт животинушку за село, скромно присядет рядышком на какой-либо бугорок, и вертит в руках хворостинку, да изредка вокруг озирается. О чём его думы?

Солнышко по небу неспешно катится, отдохнувшая за зиму земля плечи расправляет, гонит к свету буйную растительность, а Ванюша всё это примечает и что-то важное для себя разумеет: то, без чего, наверное, животные бы ему не подчинялись и не доверяли. Скотину водить – не разиня рот ходить.

Впитывает Ванюша окружающие запахи открывшейся из-под снега земли, щурится на одиноко повисшего в высоком весеннем небе ястребка, слушает, как невпопад взрёвывают отощавшие коровки, и радуется. Что за счастье для него, за долгую зиму соскучившись по первому выгону скота в раздольное поле, видеть всех деревенских коров, овец и коз живыми и здоровыми! То там, то здесь глухо позвякивает ботало, ни с того ни с сего резко заблеет какая-нибудь ошалевшая от воли овца, и коровы строго воззрятся на нарушительницу покоя, а затем, мотнув головами, опять примутся неспешно щипать свежую траву. Вокруг – неописуемая весенняя благодать!

Ласковое солнышко согреет бока скотинке, и коровки разомлеют от жара, а Ванечка меж ними ходит, поглаживает доброй рукой и улыбается, чего с ним никогда не случалось на людях. Никто его, обычно, в такие моменты не видел, но я однажды случайно подсмотрел, возвращаясь поутру с глухариного тока, и меня поразила произошедшая с Ванечкой перемена. Лицо его, всегда отчего-то настороженное и серьёзное, сейчас словно

преобразилось: в окружении дорогих его сердцу животных Ванечка становился самим собой. Я не стал ему мешать, обошёл стадо краем леса, но, украдкой, то и дело поглядывал на счастливого пастушка, думая о его удивительном даре.

Бывало, запропастится у кого-либо из селян коровка, и хозяин её - тотчас к Ермаковым. Спрашивают Ваню, а Ваня, не покидая дома, важно ему с крыльца машет рукой на лес: мол, там твоя Пеструшка, шевели коленками, пока волки не съели. Хозяин, на чём свет стоит, поругивает скотинку, и в указанном направлении поспешает, а бурёнка, действительно, находится именно там, куда указал Ванечка. Стоит себе в овражке, за прудком, и молодую травушку-муравушку пощипывает.

«И как ему всё это удаётся? – недоумевает обрадованный обладатель Пеструшки. – Умный бы он был человек, кабы не дурак!»

Вечером скотинушка с поля идёт, и Ванечка важно позади стада выступает, изредка что-то неразборчивое себе под нос мычит, хворостиной о штаны пощёлкивает: коровки с поля – и пастуху воля. Любо ему со скотом по деревне пройти, своё достоинство людям показать. Не часто такая честь выпадает, а вот теперь – самое время. У пастуха, как говорится, вся деревня в долгу, и народ на него не нарадуется: не иначе, наше стадо сам Николай Чудотворец пасёт!

И то верно, если уж дураку выпало хоть какое-то счастье, то и умному Бог даст!

ДОЛГИЙ НОС

Посадил я в начале мая лук. Как водится, с утра ненадолго замочил его, вскопал заранее удобренную грядку и разровнял её. Уже проклюнувшиеся хвостики луковичек выглядывали из земли несколько настороженно, будто присматриваясь к тому, что их сейчас окружает: набухшие веточки черёмухи, свисающие сверху, молодая травка и головки распускающихся нарциссов, суетливо перепархивающие от грядки к грядке чёрно-беленькие вездесущие трясогузки. Всё весеннее пространство, пробудившись, радостно ожило, двинулось и распростёрло над оживающей землёй свою необъятную расцветающую душу. Похоже, маленькие луковые перышки ещё не знали, как вести себя в этом огромном чудесном мире, они только угадывали своё неудержимое стремление к росту, но всё, что происходило вокруг, несомненно, радовало их.

Удовлетворённо осмотрев ухоженные грядки и полив из лейки посаженный лук, я отправился в дом за семенами редиса и моркови, пересыпал их в глубокую чашку и набрал в подполье опила. Когда же вернулся в огород, то обнаружил, что большая часть луковичек кем-то выкопана из земли и тут же брошена. Ни одна луковка не была утащена, причём, на грядке отсутствовали какие-либо следы. «Что за загадка, перекинь её через грядку, - подумал я. - Кто же это мог набедокурить?»

Так и не разрешив для себя эту незадачу, уехал я тем же вечером домой, воткнув все луковицы обратно, а когда через пару дней вернулся в деревню, то обнаружил, что луковицы опять выдернуты, разбросаны и многие из них порядком иссохли. Ничего не оставалось, как отобрать пригодные и посадить вновь с надеждой, что они приживутся. Очень я огорчился, ничего подобного раньше не случалось, и я никак не мог взять в толк: кто бы это мог быть?

Решив подстеречь непрошенного «помощника», я ушёл в дом и стал наблюдать в окошко за происходящим. Через какое-то время на грядки припорхнули две сороки-белобоки. Помахивая переливающимися зеленью хвостами, они поначалу важно расхаживали между грядок, своим независимым видом демонстрируя равнодушное ко всему отношение, но вскоре одна из птиц неловко прыгнула бочком к торчащим из земли стрелкам, ухватила клювом ближнюю к себе луковицу и выдернула её на поверхность, тотчас бросив рядом. То же самое она проделала со следующей луковицей, затем ещё и ещё, тогда как другая сорока вовсю орудовала на соседней грядке.

Стало ясно: проказницы сороки пересаживали лук по-своему, можно даже сказать – вовсе его выкапывали. Наверное, птицы совершали подобные действия из чистого любопытства: чего это я там от них прячу? А когда обнаруживали обыкновенные луковицы, тут же теряли к ним интерес, впрочем, не оставляя своей затеи.

Ведь давно известно, что сорока охоча на пакости и увёртки, зачастую изнывая от безделья, и для неё, видать, большое удовольствие придумывать себе какую-нибудь немудрёную затею, тотчас воплощая её в дело. Как говорится, и себе на потеху, и белому свету на диво. Что уж тут поделаешь: не живёт сорока без белого бока, и когда она пером вся побелеет, только тогда, наверное, всюду совать свой долгий нос перестанет!

ПОДСНЕЖНИКИ

Много лет не мог я нарадоваться на подснежники, что каждую весну дружно высыпали у меня в огороде, вдоль забора. Прямо за забором, у бабушкиного дома, росла раскидистая черёмуха, в её кроне всегда вили гнёзда птицы, весело распевая всю весну и лето. Под осень на черёмухе появлялись крупные аппетитные ягоды размером чуть ли не с ноготь. Бабушка Нюра готовила из них чудесное черёмуховое вино, угощая им своих родных и знакомых: между собой они называли её просто Анюткой.

А летом, особенно поутру, черёмуха бросала на мой огород большую тень, так что в ней умещалась вся посаженная картошка. Было приятно в этой тенистой прохладе окучивать картофельные гряды, слушать пение садовых горихвосток и чечевицы, тогда как тень долго не уходила и лишь медленно перемещалась по огороду до самого полудня.

В такие утра бабушка любила приходить ко мне в огород, усаживалась в тени душистого дерева на чурбачок, что я ей заранее приносил, и думала о

чём-то своём, лишь изредка спрашивая меня о совсем несущественном, но почему-то очень приятном и дорогом. Помнится, я даже загадывал: придёт она или не придёт, и если бабушка появлялась, одной рукой опираясь на свою старенькую палочку, а другой – с достоинством подбоченившись, на душе у меня становилось радостно.

Весной под черёмухой держалась ароматная сырость, благодаря чему здесь в обилии и произрастали подснежники, и первые из них появлялись ещё до полного схода снега. Раньше я не догадывался, почему первые цветы широкой полосой высыпают именно вдоль забора, и только радовался происходящему, особо над этим не задумываясь. Помнится, даже хвалился перед знакомыми таким счастливым стечением обстоятельств: ни у кого в огороде подснежников нет и в помине, а у меня – цветочное раздолье!

Все подснежники, как на подбор, были высокие и крупные, будто их кто-то специально подсевал и выращивал, следил за ними, и я поначалу никак не мог взять в толк: что способствует такому обильному и пышному росту трогательных первоцветов? В начале мая, ко дню рождения бабушки, я обычно собирал букет цветов и шёл к ней в гости. Часто в эту пору уже показывались из земли крохотные бутончики тюльпанов, жёлтый гусиный лук и нарциссы, и их я тоже добавлял в букет.

Но бабушке больше всего нравились подснежники. Она осторожно брала их в натруженные руки, так же тихонечко подносила к подслеповатым глазам, и её морщинистое лицо озарялось ласковой улыбкой. В такие минуты мне всегда казалось, что Бог тоже её не забывает.

А черёмуху эту давным-давно посадила сама бабушка, когда была ещё молодой. Сейчас ей уже перевалило за восемьдесят, но черёмуха до сих пор пышно цветёт в мае и, кажется, только ещё более разрастается, а вместе с ней тянутся головками к свету чудесные подснежники. И вот, совсем недавно, сын бабушки, уже сам ставший дедушкой, вдруг взял и срубил прекрасное дерево, отчего в огороде сразу стало пусто…

Зимой бабушка сильно разболелась и вскоре умерла, не дожив до своего восемьдесят шестого дня рождения двух месяцев. Как ни странно, через короткое время парализовало и её сына, срубившего дерево. Он не в силах был двинуть ни рукой, ни ногой, да к тому же потерял способность говорить.

С нетерпением ожидал я весны, но когда в середине апреля появились первые проталины и прилетели зяблики с горихвостками, подснежников под забором, к своему удивлению, я не обнаружил. Именно старая черёмуха давала рядом с собой приют цветам, и когда её не стало – исчезли и подснежники.

Правда, редкие цветочки всё же местами проклюнулись сквозь влажную землю, но их нельзя было сравнить с теми первоцветами, что радовали нас с бабушкой в прошлые годы. Подснежники измельчали, их как будто подменили, а главное – что-то неуловимо нарушилось в этой части огорода: пропала радость.

Собрав оставшиеся подснежники в маленький букетик, и перевязав его травинкой, я положил цветы на крыльцо заколоченного бабушкиного дома, а на её могилке посадил анютины глазки. Доброму - добрая память!

ЧУДОТВОРНАЯ СИЛА

Так бы и довольствовался я нехитрым урожаем картофеля, если бы не верующая бабушка-соседка. Застав меня однажды за его уборкой, она невзначай обронила: «А не оставляешь ли ты картошечки Николаю Чудотворцу?» И добавила: «Хоть одним кусточком, а надобно его ублажить!»

Только, чтобы умилостивить старого человека, не стал я выкапывать последний куст, в самом углу огорода, что стоял как будто даже недоумённый: почему вдруг его оставили? А вскоре и вовсе забыл про него, лишь изредка поглядывая зимой на занесённый по самую верхушку забора огород, думая: вот из-за каких-то старухиных бредней оказался куст не выкопанным, и теперь мёрзнет. Пустое!

Весной, перекапывая огород под посадку, ещё с улыбкой поглядел в угол, у забора, и уж больше не вспоминал про чудесного Николу до самой осени. В сентябре настала пора собирать новый урожай, и как же я был удивлён, когда на каждое гнездо приходилось по двадцать пять, а то и более картофелин! Все они были на загляденье округлые, крупные, и самое поразительное – ни одной гнилой. А ведь весь угол у большой черёмухи всегда отличался изрядной сыростью, и никогда не родил здорового картофеля. На сей раз вся выкопанная картошка была суха и цела.

И вспомнил я опять всесильного Николая Чудотворца, теперь уже с верою, хотя ещё и сомнительной, и добрым словом помянул бабушку, что надоумила не забывать крестьянского святого. Теперь каждый год, когда убираю под осень урожай, оставляю я куст, а то и два, на доброе здоровье и великое поучение всего живого. Земля же до сих пор кормит меня рассыпчатой и сладкой картошкой, что я с аппетитом ем, да хранителя Николая славлю!

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Известно, что из всех деревьев молнию наиболее притягивают ель и тополь. Не раз встречал я в лесу горелые стволы елей, у которых отсутствовала верхушка, а порой - и большая часть ствола, обломившаяся в результате пожара. Такие заострившиеся чёрные пики нет-нет да попадались во время моих частых лесных походов, и всегда я останавливался возле обгорелого дерева, и пытался представить себе силу удара, сразившего мощного столетнего великана.

Молния, как правило, ударяла ближе к комлю, оставляя только невысокий обгорелый пень, а сам ствол постепенно перегнивал на земле и

рассыпался. Нередко, бредя по лесу с корзиной, наполненной грибами, мне приходилось перебираться через поваленные голые деревья с отвалившейся корою, и всегда отчего-то становилось жаль дерево, что погибает вот так, без движения, а могло бы шуметь на ветру ветвями, дарить в своей кроне приют мелким зверям и птицам.

Возле моего дома, в деревне, стоят два огромных тополя: им, по рассказам соседки, бабушки Нюры, не менее ста лет. Она же поведала мне, что посадили тополя ещё задолго до революции простые деревенские люди – Константин и Агафья, чей дом раньше стоял на этом месте. Так они, должно быть, укрепили свой брачный союз, надеясь прожить долго и счастливо.

Ни Константина с Агафьей, ни даже бабушки уже давно нет в живых, но деревья по-прежнему тянут раскидистые ветви к небу, мирно шелестят в погожие летние дни кудрявыми макушками, а по осени без устали сыплют пожухлой жёлто-бурой листвой. В народе давно ведётся поговорка, что тополевое дерево дрябло и плохо, ни на какое полезное дело не пригодно, но однажды один из тополей всё же спас меня от лиха, предупредив сильный удар молнии, когда он мог угодить прямо в дом.

Среди деревенского люда бытует мнение, что не во всякой туче гром, а и гром, да не грянет, а и грянет, да не по нам, а и коль по нам – авось не убьёт! Такого убеждения придерживался и я, относясь к грозному сверканию молнии в небе как к чему-то потустороннему, что меня никогда не коснётся, словом, благополучно минует. Но, всё же, в один прекрасный день грянуло и над моей головой, да ещё как!

Громовая туча набежала на деревню, с ходу разразилась трескучей молнией, и та, что было сил, угодила прямо в один из тополей, растущих в двух саженях от угла дома. Звук был такой, будто с невероятной силой ударили в гигантский колокол или рельсу. Удивительно, что стёкла в окнах не вышибло, они лишь вздрогнули и жалобно зазвенели, да и вообще весь дом заходил ходуном. На миг даже показалось, что всё исчезло, куда-то унеслось, и я почувствовал себя на какое-то время оторванным от земли.

Но Бог милостив: авось и с грозы его богат будешь. Ведь давно известно, что от Божьего гнева да Божьей благодати не уйдёшь. Вот и мимо меня беда проскользнула совсем рядом.

Удар пришёлся в металлическую скобу, что я вбил когда-то посередине ствола, как ступеньку, чтобы, опершись ногой, можно было отпилить разросшиеся ветви. Скоба-то, видимо, и притянула заряд. Он в мгновение ока расщепил ствол до самой земли и взрыл её ещё на полтора метра, уйдя вглубь. С нами крёстная сила!

Сосед Кирюха не поленился, тотчас заявившись в гости, и, не без злорадства, полюбопытствовал: куда это хряпнуло с этаким звоном? Бабушка-соседка позже призналась мне, что расплакалась: думала, молния угодила прямиком в мой дом, а выйдя на крыльцо и удостоверившись в том, что я жив и здоров, перекрестила меня и молвила: «Через три года ищи под тополем лунный камень, от него будет много плода». Я и сам тогда окаменел

от изумления, и хоть с камня лык не надерёшь, а голодный, говорят, и от него бы откусил. Что-то будет?!

РЕКС

Говорят, что жить нужно так, чтобы тебя по-настоящему полюбила хотя бы одна собака. Тогда тебе не будет стыдно, так как любовь животного к человеку свидетельствует о немалых достоинствах последнего. Может быть, это отчасти и верно, поскольку любому из нас льстит, когда кто-то обращает на твою персону пристальное внимание, тем более, если это собака. Ведь зачастую она различает то, о чём люди даже не подозревают. За всю мою жизнь лишь один пёс действительно любил меня с присущей только собаке преданностью, и я не могу об этом не рассказать. Звали пса Рексом.

Не сразу я узнал, что Рекс поменял нескольких хозяев, и первый из них, кому Рекс принадлежал, не разглядел в нём тяги к лесу, его охотничьи способности. Он испортил охотничьего пса с ходу тем, что посадил его на привязь, используя, как дворового сторожа. Постоянно сидя на цепи, пёс, конечно, озлобился, и злобу свою проявлял, естественно, на людях.

Иногда, в дневную пору, пса отпускали погулять, и он бегал по деревне какими-то только ему ведомыми тропами, что-то выискивая и вынюхивая. Бывало, Рекс хватал людей за ноги исподтишка, причём, кусал сильно, и, как потом оказывалось, это были недобрые люди. Правда, ему всё сходило с рук: он был сильной, крупной собакой, и его откровенно побаивались. С лихой собаки, говорят, хоть шерсти клок, но и этого клока никому не доставалось. Рекс не давал себя в обиду, выглядел всегда независимым, как бы даже себе на уме.

Завидишь Рекса, бегущего по обочине деревенской дороги: хвост трубой, голова чуть опущена, и всё в его виде сразу вызывает настороженное опасение. От этой собаки можно ожидать чего угодно! Невольно стараешься перейти на другую сторону улицы, а Рекс трусит себе, вроде бы и не обращая на тебя внимания, не взглядывая в глаза, но ты чувствуешь: пёс всё видит, не упускает малейшей мелочи в твоём поведении, и от этого становится не по себе. Отсеки собаке хвост – всё равно не будет овца.

Я знал, как живёт Рекс, часто видел, что он мечется в ограде соседа на цепи, и меня всегда поражало его незавидное положение, оно не соответствовало его способностям. Рекс был чистопородной мощной лайкой, и породность его никак не вязалась с тем, что ему приходилось переживать. Иногда меня подмывало подойти к калитке и познакомиться с собакой поближе, но я почему-то не делал этого. Проходил мимо, изредка взглядывая на пса, и на душе у меня становилось горько.

Язык не поворачивался назвать Рекса дворнягой, он был действительно красивым псом. Весь - чёрный, и только лапы в белых «носочках», а на груди – такая же белоснежная «чайка». Грудная клетка широкая, крепко сбитая, будто идеально вылепленная природой для того, чтобы таранить в лесу

глубокий снег. Пушистый хвост лихо загнут крючком над спиной, уши торчком, а карие глаза строгие и умные, какие-то необыкновенные, не собачьи, полностью вбирающие всего тебя, но, тут же, скользящие мимо.

Часто Рекса видели в лесу, и в этом он был не похож на других собак. Дворняги целыми днями без устали «летали» по деревне, грызлись меж собой, роясь на помойках, а Рекс всегда держался особняком, никого из собак к себе не подпуская. Он часто зачем-то убегал в лес, подолгу не возвращался, даже в зимнюю пору, и уже позже я догадался, что Рекс просто скучал по тому миру, которого его силой лишили.

Однажды пёс попытался напасть на меня, когда я возвращался из леса с ёлкой для сына. В последний миг он остановился рядом, холодно скользнул по мне карими глазами и, молча, побежал прочь. Помнится, я долго смотрел ему вслед. Своим неожиданным наскоком Рекс опять возбудил в моей душе какие-то неясные чувства. Будто мы уже встречались давным-давно, только я почему-то забыл об этом.

Как-то само собой получилось, что Рекс неожиданно подобрел ко мне, и я хорошо помню, с чего это началось. Однажды, он забежал в ограду моего дома, дверь с улицы была открыта, обнюхал всё, сунулся было в сад, но, встретившись со мною глазами, на миг замер и повернул обратно. Странно, подумал я тогда, но взгляд пса запомнил: в нём не было той недружелюбной отрешённости, что я встречал раньше.

Рекс стал изредка наведываться в гости, причём, я его не подкармливал поначалу, и, что интересно, он не лаял, оказавшись под дверьми, а ударял в них лапой. Вроде как, давал понять, чтобы я быстрее отпирал: дружно – не грузно, а врозь – хоть брось. Если я находился неподалёку, то всегда впускал пса, с удовольствием погладив его по тёплой лобастой голове. Когда же был занят в огороде, Рекс, немного постояв у входа в дом и не дождавшись меня, подбегал к забору с другой стороны, и чуть слышно рявкал.

Он как будто стеснялся выражать свои чувства, и смешно выглядывал между досок, после чего я отпирал ему дверь и впускал в огород. Рекс, ничего не обследуя, тут же укладывался где-нибудь в тени. Щуря от удовольствия глаза и высунув язык, он внимательно наблюдал, как я кошу или поливаю, словом, занимаюсь обычными домашними делами. По всему было видно, что псу нравится находиться рядом со мной, у меня в огороде, он чувствует тут себя спокойно, а мне самому постепенно становилось хорошо на душе оттого, что Рекс выбрал в друзья именно меня, и я старался пса ничем не обидеть, не оттолкнуть его.

Моя соседка, баба Нюра, как-то заметила: «Приманил ты чем-то пса, он от тебя ни на шаг! Теперь смотри, держи его крепче, он тебе дом схоронит. Старики говорили: чёрная собака, чёрная кошка и чёрный петух спасают дом от грозы и вора. Не упусти друга!» Судя по народной примете, мне нечего было опасаться, а кто ж упустит своё счастье?

Стал я Рекса понемножку подкармливать остатками от обеда, даже пару чашек ему завёл: одну – для пищи, другую – для питья. Затем постелил на веранде коврик, и Рекс принял заботу как нечто должное.

Сидим с ним, бывало, летним вечером возле дома, а мимо со службы проходит новая хозяйка Рекса – Вера Васильевна. Работала она инженером в лесном хозяйстве, и, завидев свою собаку рядом со мной, рассерженно выговаривает: «Боря, ты зачем Рекса приваживаешь? Она у тебя целыми днями пропадает, домой носу не кажет. Придётся его, как Никитины, на цепь сажать!» Я заверяю Веру Васильевну, что пёс сам ко мне прибегает, ему со мной хорошо, никто его здесь не обижает, а на ночь он всё равно домой уйдёт, и никакой беды в том нет. Рекс, между тем, на хозяйку никак не реагирует, лежит себе преспокойно, отвернув голову в сторону, и только изредка хитро косит на меня карим глазом: мол, верно тебе служу, ни о чём не тужу.

И всё же, я кривил душой: в последнее время Рекс стал часто оставаться у меня на ночь, его невозможно было выпроводить. Больно не хотелось мне терять такого верного друга, тем более, я к нему искренне привязался. К тому же, в деревне я в тот год бывал не часто, подолгу отсутствовал, и мне было очень приятно, когда Рекс радовался моему возвращению: по его виду я без труда угадывал, что пёс ждал меня.

Бабушка Нюра рассказывала мне, как Рекс по нескольку раз на дню пробегал мимо её дома на станцию. «Тебя встречать! – утвердительно заключала она. – Туда направляется козырем – хвост трубой, обратно возвращается понурый, голову повесит. И, прямиком, к твоим дверям: уляжется на крылечке и, бывает, целый день так и пролежит. Шибко ты его привязал!»

Мне после таких слов становилось неловко, будто я, действительно, был перед Рексом в чём-то виноват. «И ведь бежит ровно к приходу электрички! – удивлённо восклицала бабушка. – Как он всё угадывает?»

Приезжая в деревню, я всегда ловил себя на мысли: встретит меня Рекс сегодня или нет? И не было случая, чтобы он не появился. Даже если не прибегал к поезду, обязательно оказывался у дома, возле дверей. Завидит издали, привстанет и весь замрёт, а я тихонько произнесу: «Рекс…»

И вот, пёс мчится во весь дух навстречу, бросается на грудь, лижет лицо и руки, просто с ума сходит, и бабушка, видя это, вместе с нами радуется. Она всегда, если было не холодно, целыми днями просиживала возле дома на приступочке, что я ей соорудил, встречая всех проходящих мимо людей добрым приветствием.

Бабушка давно жила одна, и ей тоже было приятно встречать меня, поделиться своими нехитрыми стариковскими новостями. Мне же было радостно привезти ей что-нибудь из города, и помочь по хозяйству: дров нарубить, воды натаскать, дорожку в зимнее время от снега почистить. Зимними вечерами мы сидели у бабушки на маленькой кухне, пока у меня протапливалась печка, и она читала мне Священное писание или

рассказывала, как жила до войны деревня, как она сама вышла замуж, родила троих детей и получила похоронку на мужа. Звали её мужа Иван Алексеевич, и на войне он сгорел в танке.

После войны в жизни бабы Нюры появился любимый человек – дядя Гриша, и от него у неё родилось ещё двое детей. Дядя Гриша был печником, но тоже ушёл из жизни рано, и оставил бабушку одну, а дети выросли, разъехались кто куда, позабыв про мать. Только один из сыновей, сам уже почти старик, изредка наведывался к ней, но только за тем, чтобы выклянчить и пропить остатки её жалкой пенсии. Пару раз приезжала младшая дочь – Екатерина, но и она долго не задерживалась. Выходило так, что бабушка оказалась никому не нужна, но она никогда не унывала и никого не осуждала. Всегда чему-то ласково улыбалась, усевшись в валенках на топчане, в обнимку со своими кошками – двумя Муськами, и, рассказывая о чем-нибудь, поглаживала кошек, да всё глядела в окно, глядела, глядела…

Так мы и жили: бабушка учила меня вести огород, правильно сажать овощи и обходиться с плодовыми кустами и деревьями, а Рекс, вроде как, оберегал её и меня, иногда убегая от своих хозяев. Всё было просто и хорошо, и сейчас я с удовольствием вспоминаю то время, когда мы все были счастливы, наверное, не сознавая этого в полной мере. Но Рекс, конечно, радовался больше всех.

Постепенно я познакомил пса со всеми близкими людьми. Рекс терпеливо сносил их знаки внимания, когда его гладили или жали лапу, но никого при этом за друзей не принял. Порой он даже огрызался, а встретившись со мною взглядом, виновато отворачивался и бил хвостом: известное дело – думка у собаки в нём.

Вообще, Рекса будто подменили – глаза его стали излучать ранее не присущие ему ласковость и покой. Завалится на бок, разбросив лапы, и щерится, разинув пасть, как какой-нибудь дуралей. Это его благолепное настроение порой меня даже раздражало, но, всё-таки, я любил Рекса, и когда пса не было рядом, чувствовал, что мне его не хватает.

Прошёл год с тех пор, как Рекс впервые прибежал ко мне. Пёс стал неотъемлемой частью всего того, что связывало меня с деревней. Когда я приезжал, он непременно встречал меня, и также неизменно и трогательно сопровождал до самой станции при отъезде. Добегал он почему-то только до железнодорожных путей, останавливался и, проводив меня взглядом, понурив голову, возвращался. Я смотрел ему вслед с моста, и у меня становилось тоскливо на душе.

Однажды по весне я приехал сажать картошку. Рекс меня не встретил: не оказалось пса на станции, не было его и возле крылечка. Я ходил по дому, набирал воду, гремя вёдрами, топил печку, то и дело прислушивался, а Рекс всё не появлялся. Отсутствие пса казалось странным, такого за ним не водилось, и я начал беспокоиться.

Уже собираясь отправиться в огород, я отчего-то выглянул в кухонное окошко и увидел Рекса: пёс стоял на крыльце, не двигаясь, молча

уставившись на окошко, и ничего не предпринимал. Даже голоса не подал, и вид у него был такой, словно он сказать что-то важное желает, но не решается. И тут я вдруг заметил у него под брюхом маленькую рыжую собачку…

Собачка оказалась и впрямь совсем махонькая, умещаясь между ног Рекса, и если смотреть сверху, то её не сразу можно было разглядеть. В первую очередь, поразили её огромные чёрные глаза, очень нежные, с трепетными ресничками, и мохнатые ушки с кисточками на концах. Собачка тоже разочек подняла мордочку и мельком взглянула на меня, как бы извиняясь: уж такая я неказистая, извините, пожалуйста, меня.

Рекс же, не отрываясь, ел меня глазами, а сам, чувствую, на седьмом небе от счастья. Видимо, одобрения ему моего только и не хватало, чтобы я, значит, оценил его подругу, а он уж обязательно неправду в моих глазах прочтёт. Но «барышня» мне искренне пришлась по душе.

Вышел я к ним на крыльцо, а Рекс по-прежнему ведёт себя сдержанно, даже, я бы сказал, с чувством собственного достоинства в присутствии своей «дамы». Чуть только повёл мордой, махнул хвостом, и снова смотрит на меня пронизывающими карими глазами, но без покорности, будто вопрошая: «Ну, как? Правда, она замечательная?»

Честно признаться, я тогда даже прослезился. Ведь это Рекс привёл возлюбленную мне на смотрины! И такая маленькая, она ему, кажется, совершенно не соответствовала, но иную, наверное, Рекс бы и не отметил: ведь ему необходимо было ухаживать за тем, кто в этом более всего нуждался! Я думаю, Рекс сознательно выбрал совсем беззащитную собачку, впрочем, очень симпатичную.

Я положил собакам в чашки еды, но они есть не стали. Обнюхали всё, немного потолкались под окном и убежали. Рекс на прощание мне что-то радостное пролаял, и я пошёл сажать картошку. Немного погодя приходит ко мне в огород бабушка, и говорит: «Ну, всё, позабудет тебя сейчас Рекс! Вон какую «девушку» пригожую завёл!»

Я лишь улыбнулся словам бабушки, а про себя, конечно, порадовался тому, что теперь Рекс не будет в одиночестве. Один, как говорится, и у каши загинет! Только вот увидеться мне больше с Рексом не привелось: вскоре пса убили какие-то заезжие бродяги. Сейчас только воспоминания о моём четвероногом друге неизменно доставляют мне радость: ведь Рекс относился ко мне с преданностью, присущей только собакам, и я всегда старался платить ему тем же.

ГОРИХВОСТКИ

Вот уже шесть лет прилетают ко мне в огород хорошенькие птички - горихвостки. Имя своё они получили благодаря огненному подхвостью, что при взлёте птицы, на мгновение, озаряет оранжевым теплом и уносит, в воображении, вслед за ними, неизвестно куда.

Неизменно прилетая каждый год, горихвостки приносили радость и успокоение своим маленьким присутствием. С ними было хорошо и надёжно жить, каждую весну ощущая их доброе соседство.

С начала мая вездесущие птицы принимались за строительство гнёзд, и материалом для них выбирали волокна пакли, что выбивались между брёвен дома. Цепляясь тоненькими коготками за выступы в бревне, одна птичка вытягивала клювом пух из пакли, а другая обрывала его, и вместе они уносили добытое в гнездо. Слаженность и сообразительность в совместной работе этих крохотных существ поражали.

Спрятавшись за стеной дома. у окна, я с интересом наблюдал за птичками, и не мог надивиться. Очаровательные горихвостки представлялись мне чем-то невообразимо чудесным, оно ещё, кажется, никем не было постигнуто, и я совсем не жалел того тепла, что они немилосердно воровали у меня прямо из-под носа.

Долго я искал у себя в огороде гнездо горихвосток, и всё мне не везло. И чердак осмотрел, и сеновал, и баню, и дровяник, даже на старую черёмуху забирался: всё напрасно. Горихвостки, неизменно прилетая в мае, жили в непосредственной близости, охотились за насекомыми только в моём огороде, вытаскивали из пазов дома паклю на строительство и укрепление гнезда, но никак его не объявляли. Внешне очень доброжелательные и неприхотливые, они были скрытными птичками, и им ловко удавалось провести меня.

Однажды, обкапывая по весне яблони, я вдруг заметил на проводах, в двух метрах от угла крыши дома, самца горихвостки с жирной личинкой в клюве. Казалось бы, он должен спешить с кормом к самке, что высиживала яйца, или к вылупившимся птенцам, а самец не торопился. Что-то тревожило его, и он беспокойно крутился на месте, не желая залетать в гнездо.

Я бросил копать и, замерев с лопатой, стал наблюдать: решится самец нырнуть в гнездо, оно явно находилось где-то под карнизом? Но самец терпеливо ждал, остерегаясь, что я узнаю о местонахождении птенцов и самки, и, похоже, был готов пересидеть меня.

Тогда я решил усыпить его бдительность, и потихонечку начал удаляться в сторону. Самец тотчас встрепенулся, вытянул шейку и юркнул под карниз, наконец-то, обнаружив место гнездования. А всего-то нужно было подсмотреть направление перелётов предусмотрительных птичек!

Позднее я использовал этот приём в отыскании глухариных токов, подмечая, куда глухари устремляются под вечер и откуда слетаются на кормёжку утром. Вот так, благодаря крохотным горихвосткам, обрёл я важное лесное знание о больших и таинственных птицах.

Только в природе счастье может длиться вечно, и человеку надлежит верить чутью птиц, зверей и растений, чтобы учиться у них жизни. Например, у таких замечательных и красивых птичек, как садовые

горихвостки, что выбрали своим обиталищем сначала крышу моего дома, в самом его углу, под карнизом, а затем и скворечник.

Каждую весну радовался я прилёту этих долгожданных птиц. С восторгом наблюдал, как они по-хозяйски и ненавязчиво подправляют старое гнездо, тихонько устраиваясь на новом месте. Всем рассказывал о них, может быть, без меры восхищался и бахвалился чудесным соседством, но жизнь распорядилась по-своему: однажды горихвосток в моём огороде не стало.

В тот год они прилетели, как обычно, во второй половине апреля, и поначалу держались несколько робко, почти не показываясь, но вскоре уже стали попадаться повсюду, и сразу оживили своим присутствием всё весеннее пространство. Я слышал, как птички тоненько заливаются в распускающейся сирени, прямо под окнами, весело перелетают с места на место, или прогуливаются вместе с зябликами в траве под яблонями, а затем вновь вспархивают и куда-то исчезают.

Трудно было определить, где горихвостки на сей раз устроили гнездо, и я то и дело заглядывал под карниз дома и в скворечник, но не находил их там. Наконец, заметил, что птички больше держатся в огороде бабушки-соседки, возле старой черёмухи, и очень расстроился.

Что-то я, видимо, сделал не так, в чём-то переусердствовал, а надо было тихо радоваться своему маленькому счастью, не хвалиться им перед другими, и, вероятно, оно бы меня не покинуло. Но горихвостки отсутствовали, и я считал это нехорошим знаком. Кто бы мог подумать, что маленькие птички способны доставить такие переживания!

Делать нечего, решил я, надо жить, обустраивать, как и горихвостки, собственный дом. Забот, особенно по весне, всегда хватает, и стал я, несмотря ни на что, хозяйничать, но уже без той радости, что сопутствовала близкому соседству горихвосток.

Всё думал: а вдруг они прилетят? Может быть, птички только погостить у бабушки захотели, скоро им там надоест, и они обязательно вернутся. Разве мог я рассердиться на замечательных горихвосток, что не выбрали в этот год своим местообитанием именно мой огород?!

Работа на земле всегда дарит силы, и я постепенно успокоился, тем более, что вскоре появились слётки горихвосток. Они стали частенько залетать на мой участок, и даже, кажется, опять поселились под карнизом. Горихвостки так же, как и раньше, порхали под окнами маленькими оранжевыми комочками, трогательно трясли хвостиками, и сердце моё незаметно наполнялось силой, которой ему недоставало.

Значит, горихвостки, всё-таки, не оставили меня, и по-прежнему держались рядом, как будто напоминая: мы здесь, и не желаем покидать тебя надолго. Очаровательные горихвостки навсегда полюбились мне, и надо радоваться тому, что они так долго украшали мою жизнь своим присутствием, жить, не уставая, и если будешь делать всё достойно и правильно, милые птички обязательно к тебе вернутся!

БАБОЧКА

Всю зиму жила у меня в деревенском доме бабочка-крапивница. К середине апреля, когда за окном ещё покоились сугробы и задували колючие ветра, благодаря печному теплу, она, как и полагается, выклюнулась из какой-то укромной расщелины, и озабоченно забила в стекло крылышками. Я оставил её на время у себя в комнате до приезда знакомых. Мне хотелось показать им эту удивительную природную трепетность, рвущуюся после долгой зимы к теплу и свету.

К вечеру бабочка замирала, а утром опять начинала оживать. Становилось стыдно, что сдерживаешь её тончайшие порывы, мучаешь, в конце концов. А бабочка терпела, под вечер засыпала, затаившись в какой-нибудь уютной щёлке, и, может быть, мечтала во снах о благословенных потоках весеннего тёплого воздуха.

Наконец, так и не дождавшись гостей, решил я выпустить бабочку на солнце. Она как раз спала. Как можно осторожнее взял её за хрупкие бочки и вынес на вольный воздух. Бабочка будто ждала, когда я вызволю её из неволи и выпущу на белый свет: она этому, я чувствовал, очень обрадовалась.

Её усики трепетно вздрогнули в моих ладонях, бабочка вся встрепенулась, задрожала, и когда я взмахнул рукой, она тотчас вспорхнула крылышками и полетела неровно над открывающейся землёй. Выпуская бабочку из рук, я вдруг подумал: «Вот моя душенька и перезимовала, а теперь полетела на волю». И только я себе это представил, как бабочка неожиданно упала, распластавшись на оседающем с каждым часом зернистом снегу, и замерла.

Всё во мне тоже замерло, даже страшно стало: неужели бабочка, переволновавшись, погибла и уже никогда не влетит? Я заметил место, куда она присела, вернулся домой за сапогами, а когда подошёл к кусту малины, куда упала бабочка, её там уже не было.

ЖАВОРОНКИ

Невозможно представить деревенскую весну без жаворонков. Из всех весенних звуков самый желанный и радостный - пение жаворонка. Ещё не сошёл с полей снег, редкие тёмно-коричневые проталины дымятся сизым ароматным парком, неуловимо вздымаясь в высоту, а навстречу этому аромату устремляется тонкая трель маленькой чудесной птички - нашего раннего гостя, что будто вознамерился пронзить всех своим солнечным пением.

Исчезая в маняще сияющей голубизне, удивительная песня жаворонка непроизвольно очаровывает всех и не отпускает, будто удерживая землю на ниточках своих непревзойдённых трелей. Даже те, кто не общается с

природой, заслышав звонкое пение под небесами, непременно отличают в нём песню жаворонка, не помышляя о какой-либо иной птице. Всем хорошо известен и доступен этот неподражаемый небесный виртуоз.

Испечённые ко дню сорока мучеников булочки, в виде птичек, на Руси называли «жаворонками». Обычно говорили, намекая, что это делается от хорошей жизни: «Ишь ты, жаворонками крошишь!» Жаворонков олицетворяли в народе с хлебом.

Как будто в противоположность тому, что несут в себе нечто приземлённое, родное, жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, а предпочитают им высокое синее небо. Они избегают густых тёмных лесов, выбирая для себя открытое и вольное пространство. Когда жаворонок трепещет крыльями, поднимаясь высоко в воздух, это равносильно тому, что слушаешь его песню: так его движения напоминают её, а вместе и полёт, и звуки песни – будто разливающаяся повсюду гармония.

Жаворонок поёт без передышки: «тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю», когда же ему надо сделать короткую паузу, он складывает крылья, так легко скользит вниз и уже у самой земли их распускает. Поёт обычно самец, без устали взвиваясь вверх, а самка в это время сидит на земле. Взлетает она гораздо реже, как будто ожидая самца, что, впрочем, и сам находится в полёте не так уж долго. Правда, на пике своей страсти, он способен подниматься на полторы сотни метров, но иногда поёт и на земле, усевшись на какую-нибудь кочку.

Земля должна достаточно прогреться, чтобы появились восходящие воздушные тепловые потоки, и когда она просыпается, в ней открываются жёлто-чёрные, серо-зелёные и блёкло-коричневые заросли старых трав. Эта перемена в цвете природы и сулит прилёт жаворонков. Они и сами под цвет апреля - серовато-жёлтые восторженные птахи, что и льнут к пёстрой весенней земле, и как её живая частица возносятся с радостью в небо.

Каждый жаворонок больше любит оставаться один, во всеуслышание провозглашая весну, но иногда жаворонки объединяются в стайки, подобно дымчато-жёлтому облачку парят в вышине, а потом неожиданно прямо-таки валятся с неба в сухую траву, совершенно растворяясь в ней. Ещё с осени припасены там для них семена васильков, полыни и зверобоя, и жаворонки, после долгого перелёта, радостно сливаются с родной землёй, и не менее восторженно прославляют её.

Точка самого возвышенного и солнечного проявления жизни весной - это жаворонок, зависший в бездонной небесной высоте. Жаворонок не признаёт середины в своём переполненном радостью поведении: он либо кормится на земле, либо поёт под самым сводом неба. В поющем в поднебесье жаворонке всё средоточие весны, её музыка и проникновенность, и воздух будто поддерживает неутомимого певца. Воздух весной – его опора.

Кажется, чем выше жаворонок, тем звонче его песня. Звуки её рассыпаются во все стороны звонкими колокольчиками, сливаясь со звучанием рассыпающихся песен других птиц: овсянок, чибисов, зеленушек

и коньков. Песня жаворонка – как небесный ручеёк: течёт откуда-то с неба, переливается в ласковых солнечных лучах. Не отыскать ничего более чистого и трепетного даже на земле!

Жаворонок поёт так, что звуки его переливчатой песни доносятся отовсюду. Не покидает ощущение, что движется и поёт весь воздух, всё окружающее тебя пространство. Пристально вглядываясь в весеннюю вышину, не сразу различишь чуть вздрагивающую тёмно-коричневую точку, что зависает, а через некоторое время медленно опускается, будто кто-то удерживает на невидимой ниточке трепыхающееся маленькое сердечко. Это - жаворонок.

По мере того, как жаворонок опускается, звуки песни усиливаются, проясняются, будто тянутся к тебе тонкими серебристыми нитями, что невидимы, но ощущаются. Песня не надоедает, сколько бы её не слушал, разносится по всей округе на разные лады, и ты наслаждаешься этой удивительной птицей, что неустанно, не переводя дух, радует своим присутствием.

Кажется, что жаворонок никуда уже не денется, останется навсегда с тобой, такой он для всех простой и доступный. Когда я наблюдаю за поющим жаворонком, меня всегда не покидает ощущение, что он находится в каком-то сладостном забытьи или даже во сне, до того отрешённо разносится его песня, будто убаюкивая тебя.

Жаворонок поёт всегда громко и чисто, в издаваемых им звуках никогда нет какой-либо резкости, а только чистота и мягкость. В его песне будто собираются все звуки, что приносит с собой весна, она выбрала в свои глашатаи именно жаворонка, доверив ему всю страсть своего восторженного сердца, и жаворонок, будто зная это, старается изо всех сил.

Но получается это у него ненадоедливо и привольно, так что всякий идущий по дороге человек непременно остановится, задерёт голову и прислушается, позабыв про заботы. Жаворонок окончательно вселит в его душу уверенность, что холода миновали: ведь народная примета неспроста гласит, что если рано утром не слышно жаворонка - это к дождю или плохой погоде, ну, а уж если поёт - жди тепла.

Но вот однажды жаворонки ошиблись, видимо, увлёкшись неудержимо идущей по земле весной. И тепло пришло, и земля от снега оттаяла, и оголились прошлогодние травы с кормовыми семенами, а что-то в природе не улеглось в привычный для весны лад. Ещё с полудня задул ледяной северный ветер, небо сделалось безжизненным, стеклянным и будто выгнулось от натуги. Птицам же просто некуда было деться.

Отогнав машину с дороги в ложбинку, подальше от ветра, мы за всю ночь ни разу не сомкнули глаз. Ураган, как остервенелый, рвал брезентовый тент, было слышно, что в лесу, на самой опушке, с глухим треском ломаются и падают деревья, про жаворонков мы и вовсе забыли.

Только под утро, когда буря утихла, я вышел к краю поля и увидел, что оно усеяно мёртвыми птицами. Впервые в жизни я убедился в истинности народного замечания: такой холод, что птица на лету мёрзнет!

Все птицы лежали, опрокинувшись навзничь, с задранными кверху лапками, упругий ветерок слегка ворошил их перышки, но от этого они казались ещё более безжизненными. Среди них попадались и зеленушки, и коньки, и ещё какие-то серовато-бурые птички, но жаворонков было больше всего. Ничто, казалось, не предвещало беды, и было бы птицам скорое летнее счастье, да одолело ненастье.

Как же так, думал я. Во имя чего были нужны природе эти жертвы в обличье маленьких трогательных птичек?! Кому они помешали и что нарушили, всем своим существованием, казалось бы, предполагая только жизнеутверждающую радость?! Отчего мудрая природа их не сохранила и не уберегла от злой напасти как раз в то самое время, когда жаворонки должны были прославлять её нетленную душу?!

К природе нельзя подойти без ничего, она любит цельную натуру, и оттого чувства её оцениваются только силой. Очарованный этой силой природы, я смотрел, остановившись, на бездыханных жёлто-серых птичек в траве, что опрокинулись на спину, и почему-то мне было так, будто не налетала злая непогода, опять светит ласковое солнце и в голубом высоком небе переливисто разносится радостная песня жаворонков.

Не могу сказать - сколько времени я так стоял? Душа моя летала вместе с воображаемыми жаворонками, возносясь в необозримые небеса, а когда возвращалась, я шёл по полю, приседая, дотрагивался до каждого застывшего тельца, и птички будто отзывались мне на прощание.

Народная мудрость загадывает: дважды родился, ни разу не крестился, один раз умирает, радости никогда не теряет, и это – птица, наш милый жаворонок. Жалко только, если погибает он вот так рано, когда даже не оставил после себя потомства, и всё же поверил своему сердцу, и прилетел в родные места, преодолев тысячи километров. Появившись ещё с середины апреля, жаворонки уже к началу мая полностью отдали себя жизни, и этим ранили моё сердце, но от раны в душе стал глубже свет, и им захотелось поделиться со всеми.

БАБА ШУРА

Моя деревенская соседка, баба Шура, с которой мы были очень дружны, никогда ко мне в гости в дом не заходила, а только присаживалась на какой-либо чурбачок возле ограды, чтобы немножко передохнуть. Маленькая, сгорбленная от нелёгкой деревенской работы, бабушка какое-то время сидела тихо, будто предоставляя мне возможность её почувствовать, и я почему-то чувствовал это её незримое присутствие, и выходил к ней, отчего она всегда, слегка, тушевалась. Но вскоре тотчас брала себя в руки, вызывая во мне глубокое уважение за прожитые года и накопленные в жизни знания.

Мне было с ней хорошо, хотя она ничего и не говорила, только приветствовала своими светло-голубенькими глазками, скромно поджимала губы, и её сухощавые натруженные руки начинали теребить какую-нибудь травинку или кончик старенького передника. Бабушка редко могла позволить себе такое бездеятельное отдохновение, и я был ей благодарен, что она изредка появлялась рядом с моим домом. Я чувствовал, что бабушка хочет побыть со мной, и всегда выходил к ней, переполненный благодарностью.

Может, бабушка особо и не думала обо мне, а просто ей было хорошо посидеть на вечернем солнышке, неподалёку от своего дома. Тут её никто не мог побеспокоить, и она имела возможность немножко отдохнуть от постоянных забот. Бабушка много работала, часто выглядела усталой, жизнь, я знал, у неё не задалась, но, тем не менее, она была со всеми доброжелательна и зла никому не желала. Бабушка как будто о чём-то всё время мечтала, о том, что не сбылось, но глубоко желалось, и при этом никому не жаловалась, а только работала, находя для себя в постоянном занятии, по-видимому, спасительное забвение.

Уж как люблю я подниматься летним утром спозаранку, особенно в деревне, когда коровы ненавязчиво побрякивают под окнами старенькими колокольчиками, лениво трутся боками о забор и изредка нарушают утреннюю тишину протяжным мычанием. Да разве сравниться мне было с бабой Шурой, когда она уже к восходу солнца переделывала и в огороде, и в доме множество дел. При этом передвигалась она тихонечко, как-то неловко сгорбившись и даже скособочившись, её всегда хотелось пожалеть, как родную матушку, и одарить каким-нибудь нехитрым подарком. Однажды я даже пообещал себе, во что бы то ни стало, преподнести бабушке красивый ситцевый платочек, помнится, отчего-то шибко расчувствовался. Но так этого и не сделал.

Баба Шура, как будто, не замечала людского непонимания и злобы, но к чему она оставалась особенно непримиримой, так это - к лени. Порой начинало казаться, что жизнь у бабушки будет вечной: с таким несгибаемым усердием она, не покладая рук, трудилась. Корова и телёнок, козы и овцы, поросята, куры и утки – всё было на ней. А ещё ягоды нужно прочистить, воды набрать, вовремя грядки полить, печку в бане протопить и бельё простирнуть.

Летом, с раннего утра, идёт бабушка, под руку с дедом, на покос, а к вечеру, изрядно натрудив за день спину, уже ожидает с пастьбы скот, чтобы его принять и напоить. За всем требовался пригляд и доброе отношение, да и не перечислить всех деревенских забот, что выпадают на плечи сельского жителя. Но бабушка Шура всё выносила, никогда не жаловалась и, забывая о своём возрасте, постоянно трудилась.

Бывало, рассвет только-только занимается, а она уже в огороде. Постукивает леечкой и вёдрами, «уточкой» переваливается между гряд: что-то осматривает, поливает, прореживает. А то возьмётся жуков с картофеля обирать, или окучивать картофельные кусты: из-за высокой ботвы только

сгорбленная спина в старой фуфаечке виднеется. И так – каждый день, с утра до вечера.

Лишь на заходе солнца присядет возле дома на крылечко, и ждёт, когда пригонят с пастбища скотину. Платочек подвяжет, руки аккуратно сложит на коленях, и встречает корову Марту, козла Ваську, овечек Дашку и Пашку, козу Машку, да свинью Аксютку, что учесала на другой конец деревни, к самому лесу.

Наконец, загнав всех в хлев, и положив в карман фартука рафинаду, отправляется с маленькими козочками ко мне, где под домом, при заходе солнца, образуется спасительная прохладная тень. Палочку прислонит к забору, но если не терпится со мной каким-либо известием про своего деда Георгия поделиться, с ним мы тоже были большие друзья, брякнет ей по веранде: мол, выходь, паря, «девка» заждалась. И я уж знаю по стуку, где бы ни находился, что это баба Шура пожаловала, спешу.

А козочки резвятся на свежей травке, ловко ударяют о землю копытцами, пытаются друг дружку забодать. Сядешь рядом с бабушкой, тоже передыхая от бесчисленных огородных забот, и любуешься вместе с ней на забавных малышей: всё им кажется нипочём.

Изредка козочки подбегают к бабушке, тычутся мордочками в её ладони и она угощает их маленькими кусочками сахара, а сама, счастливо улыбаясь, говорит: «От козла ни шерсти, ни молока, а козочки сердце веселят, особенно Белолобка. Уж такая она сообразительная да затейливая, и ласку больше всего любит. Скот тоже тварь Божья!»

Козочка с белой отметиной на лбу, будто понимая, что бабушка говорит про неё, забросит передние ножки ей на колени и тихонько заблеет: «Блек-блек-блек-блек, бе-е-е-е». Вроде бы, ничего и не происходит, но, наблюдая за этой сценой, сердце вдруг приятно защемит, и жизнь покажется простой и прекрасной. Бабушка, конечно, обнимет козочку за голову, даст сахарку, и тоже, чуть не плача от радости и гладя Белолобку, наговаривает своей любимице: «Кто у нас ещё титьку сосёт, кто бабушку бодает?»

Хорошо тому жить, у кого бабушка добрыми руками ворожит! Недаром в народе присловье велось: «Бог – с милостью, а бабка – с руками». Часто бабушка и сама говаривала: «Работай – сыт будешь, молись – спасёшься, терпи – Бог взмилуется!». Так, с работой в руках и с молитвой в устах, она и прожила всю жизнь.

Незадолго до смерти бабушка связала мне из козьей и овечьей шерсти тёплые носки и, прижимая их к груди, тихонечко произнесла: «Носи – не сноси, людей худым словом не поноси, грехи им прощай, товарища из беды выручай, и помни: придёт беда – не брезгуй и ею». Помяни, Боже, бабушку Шуру! Я же её до последнего своего часа помнить буду.

МАЛЬЧИК

Тихим августовским вечером вернулся я из леса с полной корзиной грибов, а соседка, баба Шура, не дав мне толком передохнуть, тотчас прислала своего сына. «Мальчик заболел», - сообщил он недоброе известие, и на мой недоумённый вопрос: «А я-то здесь причём?» - ответил: «Слово какое-то знаешь, так бабушка сказала. Она тебя ждёт».

Слова я, конечно, никакого не знал, и всё это показалось мне очень странным. Но решив, что старый человек просто так говорить ничего не станет, поставил грибы в тень и отправился к соседям, захватив кусок батона и плавленый сырок. Думаю, что в первую очередь меня подогревал интерес, к тому же очень хотелось посмотреть на Мальчика: какой он, отчего заболел и действительно ли я смогу ему чем-нибудь помочь?!

К телятам у меня всегда было однозначное отношение: они мне нравились. Нравились их озорные, с длинными ресницами глаза, вихрастые взлобки, которые хотелось погладить, и симпатичные ножки с аккуратными копытцами. Телята широко расставляли их в разные стороны, будто боялись упасть, и, не мигая, настороженно рассматривали того, кто пытался приблизиться к ним, как будто норовя вот-вот кинуться навстречу и забодать. Они были милые, непредсказуемые и непременно что-нибудь выкидывали.

Именно таким оказался Мальчик, но только сейчас он был печальный, как будто неживой. Мальчик лежал, уткнувшись сухим носом в солому, и отрешённо смотрел перед собой. Когда я вошёл в конюшню, он даже не повернул голову, а только тяжело и коротко вздохнул. Весь вид его предполагал удручённое состояние духа, он был не похож на самого себя. Бабушка, перекрестив меня и не говоря ни слова, открыла в загон калитку.

В первое мгновение я стушевался, присел рядом с телёнком и погладил его по голове. Мальчик никак не прореагировал на моё прикосновение. Я достал из кармана сырок, отломил кусочек батона, и хотел было уже поднести ему свой гостинец, но в последний момент передумал. Я вдруг остро почувствовал, что телёнку нужно нечто другое, вот именно в этот момент он ждёт решительной помощи, сам не в силах чего-либо предпринять. И как-то само собой открылось: Мальчика необходимо поднять, поставить на ноги.

Обняв телёнка, я попытался стронуть его с места, но он оставался недвижим, и только вместе с сыном бабы Шуры нам это довольно быстро удалось. Мальчик, сначала привстав на колени, как-то отрешённо всхрапнул, закашлялся, а потом вдруг неожиданно резво мотнул головой и выпрямился. Ножки его ещё какое-то время вздрагивали, но уже чувствовалось, что он воспрянул.

Телёнок стоял, не решаясь двинуться в какую-либо сторону, и я чуть подтолкнул его к поилке. Мальчик, как ни странно, сразу тронулся с места, ткнулся носом в тёмную воду, и тихонько принялся лакать. Сырок он есть так и не пожелал, а пил жадно. Мальчик воскрес!

Тем же вечером я уехал в город, и вскоре забыл про телёнка, слишком несущественным показался мне этот случай, не поверил я в свои силы. Вернувшись через неделю в деревню, принялся копать картошку. Вскоре к забору подошла баба Шура, тихо окликнула и говорит: «Оклемался ведь твой подопечный, деда вон, вчерась, чуть не окрестил задними копытами. Одно слово – колдун». И улыбнулась в сморщенный кулачок. А я тогда подумал: бабушка меня, таким образом, зачем-то проверяла.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КАРГА

Наши обыкновенные серые вороны — птицы ни на кого не похожие, но поскольку они встречаются на каждом шагу, никто на них не обращает внимания, а если и смотрят, то, как на нечто самое обыкновенное, порядком надоевшее и примелькавшееся. Это, конечно, недалеко от истины, и всё-таки вороны незаслуженно обойдены симпатиями, да, ко всему прочему, несмотря на их доступность и общеизвестность, птиц постоянно путают с вороном, грачами и галками. Многие вообще думают, что название «ворона» дано женской особи в птичьей паре, где отец, соответственно, называется «вороном». А между тем это разные виды, отличные друг от друга размерами, окрасом и образом жизни.

Образ жизни обыкновенной серой вороны прост и неприхотлив. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, птицы оживлены и очень деятельны. В основном все их заботы связаны с поиском пищи. Они летают над полями, держатся в лесу, а надоест - отправляются ближе к деревне, где следят за человеком, и как только он оставит что-нибудь без внимания, тут же пользуются его оплошностью.

Вороны не гнушаются ничем. Разоряя птичьи гнезда, обыскивая берега рек и ручьёв, нападая на более слабых, они ещё караулят мышиные норы, часто посещают помойки, словом, толкаются всюду… Без ворон не обходится ни одно мало-мальски примечательное событие.

Если случается что-нибудь особенное, птицы первыми это заметят и сообщат другим. И уж тут поднимается такой гвалт, что если не ретироваться, вороны могут и напасть. Они, вообще, удивительно организованные птицы, умеющие обделывать свои дела самостоятельно, но в случае опасности действуют очень сплочённо, всем своим черно-серым сообществом.

Только к полудню вороны обычно слетаются на какое-нибудь большое дерево и, удобнее рассевшись в его густой верхушке, некоторое время отдыхают, чтобы вскоре вновь отправиться на поиски корма. Собираются они вместе лишь поздним вечером, когда отправляются на ночлег. Происходит это, как правило, в густой части леса и после наступления темноты, когда их никто уже не может потревожить. Скупо обменявшись впечатлениями дня, вороны быстро замолкают. Совсем недавно крикливые и взбалмошные, сейчас птицы не похожи на себя, они внимательны и

осторожны. Так незамысловато протекает в течение дня жизнь вороньего племени.

Кстати, гнездо вороны очень крепкое и сплетено из жестких ветвей, а на дно его укладываются кусочки коры, корни и пучки травы. Всё это сооружение связывается слоем глинистой земли и выстилается волосом, мхом, разными тряпками и перьями. Относясь с пренебрежением к чужому труду, ворона очень серьезно подходит к собственным заботам.

Вороны очень терпеливы, необыкновенно изобретательны и умны. Они могут часами караулить тот момент, когда кто-нибудь вспугнёт птицу с её гнезда, и ворона тотчас воспользуется этим. Если подобный способ не приносит удачи, пара ворон сама осуществляет свою затею: одна из птиц дразнит обладательницу яиц, а другая подкарауливает вблизи, и как только раздосадованная наседка, не в силах терпеть такого нахальства, сорвётся с насиженного места, вороны молниеносно опустошают гнездо. И это происходит с птицами, которые внушительны по размерам и могут за себя постоять, а с теми, кто послабей, вороны, вообще, не церемонятся: нагло сгоняют их с гнезда и тут же обворовывают, нападая при этом на самих родителей, порой даже убивая их.

Чувствуя свою безнаказанность в отведённой ей природой нише, ворона проявляет удивительную изобретательность и настырность в удовлетворении своих потребностей. Способная разорить любое гнездо, она даже умудряется проникать в скворечники, срывая с них клювом крышки. Вороны устраивают облавы на зайцев и без устали терроризируют озёрных и речных чаек, пока те не выпустят изо рта добытую рыбёшку. Но сказать о воронах, что они бесстрашные, нельзя, в них только куда-то смещено понятие дозволенности, а вернее, оно просто отсутствует.

Именно по этой причине ворону очень трудно взять на испуг даже человеку, у которого она, кстати, больше всего ворует. Человек, конечно, старается не провоцировать ворону и прячет от нее подальше всё, что может хоть как-либо заинтересовать птицу. Но ворона на то и ворона, что ни перед чем не остановится.

На подоконнике остался без присмотра пакет со сливками - она его стянет, с утра забыли у умывальника в огороде убрать мыло — и оно пропадёт, а о блестящих предметах уж и речи нет! Ворона, как завзятая старьёвщица, тянет в свое гнездо всё, что придётся, ну, а если украденное не входит, то на стороне прячет. Даром что не человек, который, знай, только разбрасывает, ворона же за ним всё подбирает, самым тщательным образом прячет, и зачем-то бережно хранит.

То, что ворона тянется к человеческому жилью, объясняется довольно просто: птица она бездомная! После того, как выведены птенцы, вороны покидают гнездо, и даже в непогоду прячутся под стреху или, на худой конец, усядутся на дерево, головой на ветер, чтобы перо не задиралось и не выдувало тепло.

Самым надёжным способом, с помощью которого вороне удаётся

перетерпеть холод, является умение взъерошивать перья. Дело в том, что под настоящими, контурными, как их называют, перьями прячутся тоненькие нитевидные пушинки, обеспечивающие птице добавочное тепло. Такие пуховые ниточки растут у вороны на крыльях, бёдрах, шее и груди, да к тому же они обвивают каждое перо, и ей гораздо легче переносить суровые морозы.

Но, несмотря на нелёгкое житьё-бытьё, ворона никогда не теряет присутствия духа, и даже находит время для развлечений. Используя восходящие воздушные вихри, особенно – в непогоду, вороны бесстрашно поднимаются на огромную высоту. С распростертыми крыльями, словно танцуя, они катаются на воздушных потоках, пока те не иссякнут, а время от времени, видимо, от удовольствия, оглашают округу гортанными выкриками, похожими на возгласы восторга. Вороны в такие моменты, наверное, забывают все свои горести и только безоглядно радуются вольной жизни и возможности вот так, свободно, парить высоко над землёй.

В отличие от ворона, у которого подобная воздушная эквилибристика — священный брачный ритуал, что начинается уже с середины января, у ворон — просто игры. Причём, игры всегда происходят парами, очень редко в одиночку. По всей видимости, птицам больше нравится затевать игру с ветром, чем соревноваться со своими собратьями, и держатся они вместе только из солидарности, желая поделиться хоть с кем-нибудь переполняющими их чувствами.

На первый взгляд человеку может показаться, что ветер играет с птицами, как кошка с мышкой, но постепенно он с изумлением убеждается в обратном: это вороны используют стихию для собственного наслаждения. Они останавливаются в воздухе почти против ветра и, небрежно качнув крыльями, бесстрашно ныряют в воздушную пучину с умопомрачительным ускорением. Затем – ещё один едва заметный взмах, и птицы возвращаются в прежнее положение. Всё это проделывается играючи и без всяких усилий.

В таком свободном парении вороны любят иногда переворачиваться на спину, издавая при этом необычный звук «крум-крум». Его не услышишь, когда птицы находятся в спокойном состоянии. Может быть, так вороны выражают своё восхищение от возможности покататься на потоках воздуха, а ведь для этого требуется определенное настроение!

У вороны всегда такой вид, будто ей просто нравится радостно проделывать обычные птичьи дела рядом с человеком, немножко беспокоить его своими проказами, но чаще, всё-таки, веселить. Словом, воронам приятно жить и быть самими собой, что, несомненно, отражается в их внешнем облике: птицы — сама приподнятость, ежеминутная готовность сорваться и всё переменить, лететь хоть на край света — лишь бы ничего не пропустить!

Ворона как будто переполнена знаниями об окружающей жизни и, кажется, еле сдерживает себя от нетерпения во всеуслышание заявить: «Я очень умная, да, я самая умная, нет меня находчивей и хитрей!» Эта несдержанность, на которую, всё- таки, решается ворона, часто и губит

птицу. Помните известную басню про лисицу и сыр? Прозорливая лиса поймала ворону на её хвастливости и добилась своего, ворона же осталась с носом. Наблюдая за этой необыкновенной птицей, всегда ловишь себя на мысли, что она, как будто, остановилась в развитии совсем неподалёку от пика своих возможностей, но дальше почему-то идти не решается, и оттого часто попадает впросак.

Хоть и достаточно смышлёной, вороне, всё же, недостает определенной доли хитрости, присущей её черным собратьям — ворону и сороке. Порой создаётся впечатление, что ворона как будто силится постичь недоступное ей - и у неё так ничего и не выходит. Она хорохорится, переживает и, тем не менее, не может понять причины своего неведения.

Все эти её попытки бывают очень забавны. Наблюдая за ними, непременно заметишь: слышит ворона звон, да не знает, где он. Что-то мешает дотошной птице в последний момент дотянуться до правды.

Может быть, из-за этой непонятной растерянности, так не схожей с присущей птице наглостью, нерасторопного и вялого человека в народе зовут вороной. Отсюда и многочисленные поговорки, метко изобличающие птичий изъян: «Пуганая ворона и куста боится», «Сокол с лету хватает, а ворона и сидячего не поймает», «Ласточка — вестница весны, ворона — вестница зимы», «Первые детки — соколятки, последние — воронятки», «Ворона за море летала, да вороной и вернулась». Про ротозея говорят, что он ворон считает, а о том, кто сидит, разинув рот: «Смотри, как бы ворона не влетела».

Так уж повелось, что с вороной мы скорее связываем коварство, нежели пользу. Идёт ли это от вздорности её характера, жадности или ненасытности — непонятно. Может быть, давным-давно ворона была кем-то незаслуженно обижена, и теперь изливает свое раздражение на всех и вся, но выходит это у неё как будто попусту, напрасно. Слишком великой представляется та сила, что по какой-то причине обошла птицу вниманием.

Отношение к вороне всегда было презрительное, её даже и птицей настоящей считать не желали: «Из-за куста и ворона востра», «Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость». Связанные с ней в народе пословицы говорили больше о чём-то худом: «Ворона каркает к несчастью или ненастью»,«Всякому б ворону на свою голову каркать», «Подстреленного сокола и ворона носом долбит», «Была бы падаль, а вороньё налетит», «Метил в ворону, а угодил в корову». Во всём, что касается вороны, как видно, царит пренебрежение: мол, хуже её птицы нет. В неё первую из птиц человека угораздит прицелиться и выпустить заряд!

Та же мысль присутствует в другой поговорке, советующей стрелку птиц не разбирать, бить всё, что под руку попадётся, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошего, и в первую очередь опять выстрел приходится по сороке и вороне: «Стреляй сороку да ворону, попадёшь и в ясного сокола!» Словом, во многих поговорках ворона берётся как образец непристойного поведения и изворотливости, а точнее — как средоточие всех возможных пороков. Даже во время крестных страданий Христа ворона вела себя, будто

бы, совершенно не так, как ласточки, снегирь и клёст, и хотела, в отличие от них, пить кровь, когда она капала из ран Спасителя, за что Бог её и проклял.

Некоторую неуклюжесть и неловкий полёт природа, кажется, дала вороне тоже нарочно, потому как ей незачем быстро и далеко летать. А точнее — вороне не от кого спасаться, у неё нет врагов. Всё, что ей нужно, это высматривать и подкрадываться, перелетать украдкой, громогласно вскрикивать от возбуждения и недовольства, постоянно следовать бочком за человеком и ненавязчиво вторгаться в его жизнь.

В природе ворона, как ни странно, довольно скрытна, а в городе или деревне, где ей, казалось бы, следует вести себя более осмотрительно, чем в лесу, она неожиданно открывает человеку уклад своей жизни, отчего становится для него чрезвычайно интересной, если, конечно, человек любознателен и неравнодушен. В этом случае он будет находить в поведении вороны всё новые и новые черты, несмотря на давнишнее знакомство с этой птицей, и многое из того, что он откроет в ней, покажется ему не только невероятно забавным, но и поучительным. Не прав тот человек, что надсмехается над вороной.

Вороны, например, с невероятной быстротой связывают следствие с причиной, то есть - делают выводы, и никогда не повторяют ошибок. Ворона, конечно, по большому счёту, никакой не гений, как часто принято о ней говорить, но среди птиц она единственная, кто понимает человека и окружающий её мир настолько, насколько ей это необходимо, и ведёт себя так, что впору воскликнуть: «Ай да ворона, ай да молодец!».

Часто можно видеть, как некоторые птицы, скажем, куры или голуби, решают спор с помощью силы, то есть вступают между собой в драку, у ворон же это исключено. Одна из заповедей вороньей стаи гласит: своих не бить! Конечно, угрожать для острастки можно, но вот драться, как дерутся воробьи, у ворон запрещено. «Ворон ворону глаз не выклюет» — гласит известная поговорка, так вот ворона вороне тоже.

Бывает, все-таки вороны повздорят в холодный зимний день из-за желанного куска, но у них есть такое правило: если корма достаточно, им пользуются все, кто успеет. Если же его мало, то он принадлежит той птице, которая его нашла, и её никто не преследует. При этом у ворон в особой цене решительность: ты даже можешь не обладать крупными размерами и не быть старше, но если успел раньше других, проявил напористость и смекалку — добыча твоя. Иной раз вороны даже уступают друг другу поживу, будто проявляя великодушие, и это очень выгодно отличает их от других пернатых.

Правда, есть у вороньей породы, как, впрочем, и у некоторых других птиц, своего рода «общественный суд». По-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом

и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если проштрафившаяся ворона ведёт себя неправильно или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев.

Особая одарённость вороны проявляется и в её чутком зрении, с помощью которого она черпает информацию об окружающем мире. Ворона безошибочно распознаёт ружья, никогда не путая их с палкой, и ни за что не подпускает к себе на расстояние выстрела. Она уже издали замечает человека, причём, хорошо различает количество людей, и в этом её совершенно невозможно запутать. Если хотя бы один из тех, кто попал в поле её зрения, спрячется, а другие пройдут мимо, ворона не успокоится, пока его не увидит.

К тому же, вороны очень памятливы. Стоит им увидеть мальчишку, который бросал в них камни, и они тотчас улетают. Птицы будут сторожиться его даже по истечении какого-то времени, и никогда не приблизятся на небезопасное для себя расстояние.

Ворона первой в лесу подмечает малейшие события, связанные с его жизнью. Ещё никто ничего и не ведает, но ворона уже в курсе всех дел. Выберется по весне из своей норы полусонный барсук, оставляя грязные следы на снегу, отправившись к первой проталине покопать личинок или жуков, а ворона уже тут как тут: разнесёт по всей округе об этом весть. Старый лось, спасаясь от надоедливых оводов, забредёт по самое горло в укромную мочажину, вороны и здесь окажутся раньше всех. Вороны - всюду, даже там, где их, кажется, совсем не ждут, и куда птицы летят, туда они и глядят.

Никто так не солидарен в беде, как вороны. Их девиз: один за всех, и все за одного. Часто им очень досаждает филин: он убивает ворон ночью, во время сна. Обнаружив днём убежище врага, они не успокоятся, пока не прикончат его, и поднимут такой крик, что привлекут на помощь всю округу.

Однажды мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливыми казались они, досаждая неприятным кружением над самой головой и остервенелым вскрикиванием. Но это не отпугнуло птиц, а только ещё более раззадорило их. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая, тем самым, своих собратьев.

Ворона неистово хлопала крыльями, шипела, и через минуту надо мной образовалась огромная чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко.

Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, яростно прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Но, несмотря на присущую воронам изощрённость, им не откажешь в трезвом уме. В морозные зимы птицы разогревают заледеневшие отбросы на котельной трубе, если же не могут разбить яйцо или ракушку, бросают их с высоты. А какую удивительную сообразительность проявляют они при постройке гнезд!

Весной в деревне часто приходится наблюдать, как вороны собирают для этого ветки. Причем, выбирают только те, что хорошо цепляются друг за друга - лиственницу и крыжовник, ловко отламывая клювом.

Необычность вороны бросается в глаза в пору её весенних свадеб. Как только припечёт в феврале ласковое солнышко, приглянувшиеся друг другу вороны забираются на какой-нибудь высокий сук и степенно там рассаживаются. Своё знакомство они начинают с раскачивания, когда одна птица, по всей видимости, самец, приподнимается на цыпочках, вытягивается в струнку и, как будто оступившись, переворачивается всем телом вниз, совершая подобные движения неоднократно. Порой начинает казаться, что раскачиваясь, птица вот-вот свалится с ветки. Другая ворона, будто отрешаясь от всего окружающего мира, самозабвенно наблюдает за происходящим, и ждёт своей очереди.

Пощёлкав клювом и покланявшись, первая ворона замирает в выжидательной позе, а вторая полностью повторяет её действия. Постепенно сближаясь, влюбленная парочка кланяется всё более часто и неистово, издавая очень забавные звуки, и вскоре доводит свое ухаживание до какого-то безумства. Настроив себя, таким образом, на необходимый лирический лад, пара отделяется от стаи, и удаляется к лесу. В этом необычном любовном ритуале, с замысловатостью поведения и красотой позы, очень хорошо проявляется изощрённый ум вороны.

Теперь, после уединения, вороны примутся подыскивать подходящее жильё. Вороны очень привязаны к старым местам и, прежде всего, летят к прошлогодним гнёздам. Если гнездо растрепалось, птицы тщательно его подправляют, а когда гнездо занято каким-либо хищником, перебираются на новые места.

Вообще, большинство птиц предпочитают облетать стороной воронье гнездо, потому как вороны — очень ревнивые родители, способные наброситься на вдвое превосходящего их по силе канюка или ястреба, и те, как ни странно, почти всегда отступают. В этой несгибаемости ворон тоже хорошо виден их очень твёрдый характер, который они проявляют до победного конца, что бы там ни случилось. Вороны — птицы не сильные, но трусами никогда не были, и если уж появится сокол, вороны непременно на него налетят, а случается, что каркает ворона и на беркута.

Вороны всегда были интересны тем, что принадлежали к числу наиболее одарённых в птичьем мире, исключая, пожалуй, только талант пения: им природа эту птичью семью обделила. К сожалению, и вороны, и сороки употребляют свои прекрасные возможности преимущественно на дурные дела, свидетелями их были многие из нас. Но как скучно, наверное, было бы

нам без этих проказ, коими, зачастую, удостаивают нас прозорливые птицы!

И серая ворона, и ворон, и сорока, словом, вся эта чёрная семья — вор на воре! Да и общение их с человеком складывается так, будто они чувствуют за собой грехи. Держатся обособленно, воровато, не прерывая, всё же, тесного соседства: благодаря чему и имеют некий достаток. Впрочем, грехи эти, в сравнении с приносимой птицами пользой, необременительны.

Ведь вороны — незаменимые санитары: вирус холеры перерабатывается в их желудках всего лишь за сутки. Да и чего только они не едят: очищают железнодорожное полотно от мусора, городские помойки притягивают их, словно магнитом, глотают мышей и лягушек, поедают птиц и их яйца, и никогда не пропустят падаль. Вороны пресекают множество болезней в лесу, а также избавляют от них и людей.

Вороны уничтожают вредителей, например личинок майского жука. Смешно притоптывая лапами, они не менее забавно прислушиваются, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Так вороны точно обнаруживают их под землей, и ловко выкапывают оттуда с помощью клюва.

Ворона не брезгует ничем, что хоть сколько-нибудь съедобно, и всё то, что употребляет в пищу человек, ей годится. Ворона в этом отношении совершенно непривередлива и, мало того, ещё подбирает за человеком отбросы, не особо докучая ему своим присутствием. Она благоразумно исполняет за него то, чего он сам никогда не удосуживается сделать.

Да и вообще, не стоит какую-либо птицу или животное, как это часто заведено у нас, рассматривать только с точки зрения пользы, что они приносят. Достаточно уже того, что природа сама позаботилась о существовании этой, несомненно, любопытной и нужной птицы, а от человека требуется только иногда регулировать её распространение. Там, где её развелось более, чем необходимо, человек сделает хорошо, если будет держать ворон подальше от угодий с охраняемыми или разводимыми им птицами. Также следует держать её на расстоянии и от птичьего двора, если ворона повадится таскать цыплят. Само существование вороны уже замечательно, и любая её черта, даже, на чей-то взгляд, не красящая птицу, интересна.

Сорока, например, домашним птицам вреда не делает, но зато ужасно любит блестящие и металлические вещицы, припрятывая их в укромное место. А вот уж серая ворона — настоящая ворюга! Она крадет всё, что плохо лежит: и блестящее, и съедобное, и даже вовсе непонятное, но приглянувшееся птице.

Ещё ворона — большая мастерица отыскивать место, куда куры кладут яйца. Обнаружив его, ворона разбивает яйцо клювом, пропускает внутрь его нижнюю половинку и летит куда-нибудь подальше, позавтракать.

Что и говорить, ворона живёт ожиданием поживы и кратковременной радостью от её получения. Стоит только понаблюдать, как она целыми днями терпеливо высиживает на столбах, коньках домов, верхушках деревьев, якобы, в каких-то думах. На самом деле всё её существо нацелено на одно:

чем бы поживиться?

Даже находясь на значительном удалении от своего потенциального объекта добычи, и не имея возможности визуально наблюдать будущую трапезу, она каким-то невероятным чутьём, совершенно необъяснимым для человека, угадывает её приближение и загодя приводит себя в необычайное возбуждение. Между воронами, несомненно, существует какая-то связь, свой «телефон», по которому они прекрасно понимают друг друга и молниеносно узнают о месте и времени готовящейся ими расправы.

Порой вороны очень необычно ведут себя и в лесу, особенно осенью. Идёшь, бывало, по укромной дорожке, с обочины то и дело вспархивают рябчики, на оранжевых лиственницах степенно щиплют иглу глухари, гулко ударяет по дереву дятел, и вдруг в глубине леса будто заплачут дети. А то вдруг кто-то заскулит, так, что становится жутко и, в тоже время, интересно: кто это?

Начнёшь подкрадываться и, к невероятному сожалению, обнаружишь ворон. А вороны неожиданно приостановят свою игру, взметнутся в небо и начнут гарцевать там, как ни в чем не бывало, да опять с вывертом, ни на кого не похоже!

Надоест им дурачиться - вороны ведут себя более достойно, когда нет нужды куражиться, изображая из себя нечто невиданное. Там, в вышине, вороны, вероятно, обретают то возвышенное, чего лишены на бренной земле, а в лесу, благодаря своей изобретательности, они окружают себя тайной. Впрочем, так ли худо живётся вороне в наших селениях и на дорогах, где она чаще всего остается самой собой, без присущих ей прикрас?

Правда, иногда вороны, как и ворон, олицетворяют собой нечистую силу. По-татарски, например, «ворона» означает «карга» - так добродушно бранили пожилых женщин. Не зря и в сказках ведьмы оборачивались в ворон, чьи крылья грязной окраской напоминали тряпье страшной старухи.

Раньше утверждали, что во время кончины колдуна или ведьмы демоны в виде ворон садились на крышу дома, проникали в дымовую трубу и со странным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносили грешную, продавшуюся чёрту душу прямо в ад. Но не пристало вороне рядиться в павлиньи перья, потому как она имеет свое лицо, чем и знаменита. Чей бы то ни было убор ей не к лицу, да и в таком наряде вороне недолго красоваться: всякий без труда распознает воронью суть! Даже про человека, что хочет казаться не тем, кто он есть, и это ему не удаётся, в народе говорят: ни пава, ни ворона, от вороны отстал, а к павам не пристал. Словом, недолго щеголяла ворона в павлиньих перьях!

И всё же, не случайно, как замечали в народе, ворона называет своего воронёнка беленьким, а ёж своего ежонка — мягоньким, поскольку всем хорошо известный наряд вороны по-своему замечателен: чёрные крылья, голова, шея и хвост при дымчато-серой окраске остальных частей тела. Если судить об одёжке вороны, то она имеет цвет затухающего костра: пепел и уголь. В зимние оттепели вороны будто рисуют собой во влажном воздухе

свои незамысловатые гравюры-пируэты.

Окрас самцов и самок вороны одинаков. Но, несмотря на неброский вид, ворона горда им, и при всяком случае не преминет щегольнуть, гордо разгуливая под носом у человека. Всё ее существо, как будто, кричит: «Обратите на меня внимание, пусть даже я вам не по нраву!».

Раскачивающаяся походка у птицы, кажется, от невероятного самодовольства и той важности, что ворона на себя напускает. Но ходить иначе ворона просто не может: её пальцы сближены, а не растопырены, как у многих птиц. Когда ворона ковыляет вразвалочку вдоль обочины, то и дело, покручивая головой в разные стороны, она вызывает улыбку.

При всей своей проворности ворона имеет фигуру скорее неуклюжую, чем ловкую. Наблюдаешь в окно за неторопливо расхаживающей по огороду птицей, и кажется, будто она хочет напустить на себя как можно больше значительности, при каждом шаге напыщенно распуская на груди перья и самодовольно покачивая головой. Но ей это не удаётся, и ворона выглядит скорее смешной, нежели величественной. Вероятно, именно это её стремление выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, и составляет воронью суть.

Ей, как будто, чего-то недостаёт, какой-то важной малости, чтобы она почувствовала себя по-настоящему уверенной в себе. Но тогда бы пропала её замечательная вороватая изощрённость, что приходится ей, как нельзя, кстати, и ворона бы, несомненно, утеряла свою притягательность. Ворона словно застряла на перепутье между очень способной птицей и попросту гениальной, до чего ей не хватает сделать только один шаг, и, зная это, она почему-то не желает его совершать. Может быть, она ещё хитрей, чем о ней принято думать, и её всё устраивает в собственной жизни?

Ворона водится по всей нашей необъятной стране, и повсюду она многочисленна и узнаваема. Своеобразие птицы проявляется ещё и в её способности к диалектам: язык ворон бывает разный в зависимости от местности, в которой они проживают. Вероятно, это зависит от климата, на него влияют высокие горы, дремучие леса и журчащие реки. Работая одно время на Сахалине, я встретил абсолютно черную ворону, родственницу нашей уральской кумушки, и она, помимо цвета, отличалась ещё и голосом.

Купаясь в почти никогда не прекращающихся потоках ветра, что постоянно задувают над островом, ворона, благодаря этой сопротивляемости воздушного потока, приобрела и своеобразное произношение своего небезызвестного «карр». Знакомое всем звукосочетание вырывалось из горла птицы с французским прононсом, как будто она перекатывала в клюве виноградинку: «Ка-а-эр-эр-эр-р, ка-а-эр-эр-эр-р». К этому ворону, несомненно, располагало вольное воздушное пространство на краю земли.

Что и говорить, ворона — птица необыкновенная. Нельзя ее оставлять без внимания. Будешь бить сороку да ворону, замечали мудрые люди, рано или поздно добьёшься и до белого лебедя. А если какое дело вздумаешь начать, то оно само собой не сдвинется, пока ворона не каркнет. Вот потому

её в народе птичьим гением и величают.

Созданная Богом, скорее, во благо человеку, чем во вред, ворона хороша просто уже тем, что она есть. Что бы мы делали без этой забавной птицы, без которой не обходится, кажется, ни одно происшествие! Ворона всюду присутствует, оценивающе наблюдает за происходящим и тотчас высказывает мнение своим неизменным «ка-а-рр!», означающим согласие, недовольство или абсолютное неприятие.

Иной раз ворона так за день накаркается, что, кажется, охрипнуть впору, но поутру вновь, как ни в чём не бывало, оглашает округу своим раскатистым голосом. Вышибить ворону из её жизненного седла очень непросто, и по жизнелюбию она любой восторженной птахе даст сто очков вперёд, да ещё прибавит. Вроде бы, творит больше зла, чем радости, вроде бы, больше надоедает, чем помогает, но как без неё было бы пусто! Сколько бы мы все от этого потеряли!

Нет, как ни крути, а ворона — замечательная птица, пусть хоть и жуткая сплетница, и дружбу водит с нечистой силой, и имеет нехороший глаз. Она - душа всех русских сказок, без её суеты невозможно вообразить самую заурядную историю. Была бы, как говорится, копна, а ворона сядет!

Работая в огороде, мне, например, всегда приятно ощущать рядом этих носатых «чертей», то и дело разрезающих вокруг воздух упругими и ловкими крыльями. Вороны как будто чувствуют свою нужность, и радуются этому. Птицам хорошо жить, когда всё, что им нужно — воздух, незатейливая кормёжка и возможность оставаться свободными, в наличии, и человек не преследует их.

День за днём вороны проводят свое время рядом с человеком, ничего путного, кажется, не совершая: ведут самый обыкновенный для птиц образ жизни. Просыпаются ни свет, ни заря, и с громким карканьем слетаются со всей округи на какое-нибудь облюбованное дерево или крышу, чтобы затем отправиться на все четыре стороны за пищей.

Но, между тем, именно этой своей непритязательностью вороны и служат человеку напоминанием о том, как быстротечна жизнь, и как важно быть в ней внимательным к собственным силам. Прежде, чем сбиться, как и вороны, в дружные стаи для совместного созидательного труда, ему следует научиться самостоятельности в творчестве, оценивая свой труд, как наиважнейший, не забывая при этом: где птицы редки, там и воронье карканье по нраву, а на чужой сторонушке рад и своей воронушке.

Правда, как ни вертись ворона, а спереди карга, и сзади карга. Но карга ни на кого не похожая, на свой, прямо скажем, сказочный лад, словом – необыкновенная! А лады, как известно, всего дороже.

КУЛИЧОК

Неподалёку от нашей деревни, на маленькой заболоченной лужице у самой дороги, много лет подряд обитал куличок. Я встречал его всякий раз,

когда отправлялся в лес за грибами. В первые два года я не обращал на куличка особого внимания, хотя он всегда очень оживлялся при моём приближении, усердно насвистывая: «кью-вьюи-уиксс, тэке-тэке, кью-вьюи-уиксс, уить-уить-уить!». Наверное, я тогда ещё просто не привык к нему и воспринимал присутствие куличка на одном и том же болотце случайным совпадением.

Но однажды, в пасмурный июльский день, когда многих обитателей леса непогода вынудила притаиться, куличок оказался на месте: как ни в чём не бывало, он распевал свою незамысловатую песенку. Она давно была мне знакома.

Я остановился у края дороги и долго наблюдал, как самозабвенно крохотный певец превозносит своё маленькое болотце, тогда как небо затянуто мрачными тучами и сеется противный мелкий дождик. С тех пор я стал привечать эту необыкновенную птичку и, подходя к болотцу, всегда думал о ней и старался быстрее отыскать глазами.

Зимой я, конечно, забывал про куличка, но как подступала весна – опять ждал с ним встречи, гадая: прилетел ли он нынче, не пропал ли в дальней стороне? И очень радовался, когда обнаруживал птичку на прежнем месте, подающей голосок с засохшего дерева, стоящего рядом с болотцем. Куличок всегда усаживался на самую вершинку, сидел, повернувшись головой на юг, и мог часами, не переставая, насвистывать в невидимую дудочку, не обращая внимания на машины и проходящих мимо людей.

Идёшь ранним утром, а он уже подаёт тоненький голосок, возвращаешься к вечеру из леса – куличок по-прежнему, не унимаясь, мелодично покрикивает. Вроде бы, и дел у него больше нет, кроме как нахваливать родное болотце, радуясь своей неприхотливой маленькой жизни. Я даже знакомым его показывал, когда приглашал их в лес за грибами, всем восхищённо рассказывая про то, какой куличок замечательный и неутомимый, и что мы с ним знакомы давным-давно.

Но почему-то мало кто разделял мою радость, должно быть, размышляя так: прилетает на своё родимое болотце маленькая птаха – ну и пусть себе, на то она и птица, чего же тут особенного! Признаюсь, такое равнодушное отношение к куличку меня немного задевало. Я уже и сам стал про себя подумывать: а, действительно, чего необычного во всём происходящем?

И всё же, в голове моей никак не укладывалось, что этот крохотный куличок преодолевает каждый год тысячи километров нелёгкого пути. Неужели только затем, чтобы вывести потомство в неприметной лужице неподалёку от нашей деревни, да всё лето, исподволь, приветствовать тоненьким голоском проходящих и проезжающих на покос деревенских жителей?

Так продолжалось несколько лет. Но вот в прошлом году, в июне, отправился я за грибами, по деревне разнёсся слух, что в лесу пошли первые подосиновики. Проходя мимо знакомой лужицы, куличка на ней, к своему удивлению, я не обнаружил. Долго стоял, вслушивался, надеясь разобрать в

птичьем многоголосье песенку своего давнего знакомого, да тщётно: болотце пустовало.

Решил даже обойти болотинку с другой стороны, насилу пробравшись в кедах по вязкой трясине и чуть не расставшись со своей нехитрой обувкой: всё безрезультатно. Наверное, куличок погиб, печально подумал я, иначе бы он ни за что не изменил родному болоту! Всё в этой жизни рано или поздно заканчивается, не стало и этой маленькой птички, к её голосу я незаметно привык, даже привязался.

Теперь никто больше не нарушает тишину у лесной дороги и не приветствует прохожих радостной песенкой. К тому же, болотце постепенно совсем затянулось тиной и заросло камышом. Стало как-то пустынно и скучно: с отсутствием куличка во всём окружающем пространстве, кажется, что-то нарушилось. Долгое время я не переставал думать о куличке, а однажды поймал себя на простой мысли: мне не хватает этой маленькой неприметной птички, что не раз дарила улыбку и поднимала настроение. Не велик кулик, а всё-таки птица!

ДЕДОВА ПРИМЕТА

Всем хорошо известны бабочки-боярышницы и бабочки-капустницы. Белоснежные, с чёрными прожилками и редкими пятнышками на крыльях, они чаще всего попадаются нам на лесных тропинках и полянах. Именно боярышницы с капустницами рождаются в огромном количестве, больше, чем другие бабочки: они просты, неприхотливы, и, наверное, их создание происходит без всякой натуги для природы. Это ни замысловатые траурница или подалирий, кажется, требующие от неё более тщательных усилий, а всего лишь обыкновенные, примелькавшиеся всем бабочки, без которых, между тем, невозможно представить красочное лето.

В самом его начале все белые бабочки тучами присаживаются на грязные высохшие лужи по лесным дорогам, сидят скученно, сплошным шевелящимся покрывалом, и ты не сразу разберёшь: цветы это или какой-то белый налёт? Странное зрелище!

Только подойдя вплотную, вдруг различишь: это - скопище бабочек, что сидят тихо, чуть вздрагивая усиками. Бабочки будто уснули, словно их неизвестно кто околдовал. Опустившись на корточки, попытаешься рассмотреть, чем бабочки занимаются, но, пристально вглядываясь, с недоумением обнаружишь, что ничего особенного не происходит.

Бабочки сидят, прижавшись к земле, будто от кого-то таясь, и лишь изредка переползают с места на место. Они не пьют мутновато-бурую воду из почти пересохшей лужи, а просто замирают отчего-то, словно изможденны сильной жарой или дальней дорогой. Что им грязь!

Ты и сам, позабыв про усталость и зной, наподобие бабочек застываешь рядом с ними молчаливым изваянием, и пьёшь глазами этот лесной покой, незаметно освежающий душу. Вокруг разлеглось такое родное, полное

загадок лето, тебе хочется продлить это маленькое удовольствие, и ты не в силах прервать своего короткого знакомства с белоснежными боярышницами и капустницами, хотя они и присаживаются по лесным дорогам в самую грязь.

Дед Георгий, живущий по соседству в деревне, взял меня однажды на свой покос, чтобы показать, где в обилии растёт земляника, и об этих скоплениях белых бабочек сказал так: «На дороге грязь, так овёс – князь, а если по ней бабочек рой – год будет грибной!»

ПОД РОЖДЕСТВО

Стоит ночь, огромная тьма объяла всё вокруг, и мы с соседским дедушкой возвращаемся на неторопливой лошадке с дальнего покоса, с сеном для скота. А в лесу шумит ветер: он словно рассказывает о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащённо начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно будоражит кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит.

Не верится, что где-то, посреди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Неприютный ветер и бездонная темень зачем-то одолевают сердце нежданным желанием неразлучного слияния с жизнью загадочных зверей, или, хотя бы на время, лёгким забвением в их неутомимой бродячей жизни. Так тебе хочется думать.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы моего знания, так что остаются только тишина, воображаемые волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и непредсказуемые звери. Непередаваема дикая сила и глубина, растворённая в каждом волке.

Волки стаятся в это время года под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы – его непременные герои, их обличья неисчислимы, а самое злобное – волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится

волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, не смотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одёжку колкими рогами, рвёт холодом стволы берёз и сосен, ещё пуще зажигает на небе звёзды, никому не даёт спуску.

Мерно скрипит под санями снег… Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

ХАН КУЧУМ

Если честно, то в дедушке Георгии не было ничего, что бы напоминало в нём последнего хана Сибирского ханства, в середине шестнадцатого века пытавшегося завоевать Прикамье, где находились владения русских купцов Строгановых, и вскоре разбитого Ермаком. Ну, может быть, только царственная степенность, с какой дед держался, опершись на вересковый посох, когда пас свой скот. Так уж повелось, что всякая знаменитая личность в нашей деревне непременно наделялась каким-нибудь, не менее запоминающимся, прозвищем, и сия доля не минула деда Георгия. За глаза его все звали «Хан Кучум», наверное, только из-за фамилии Кучумов, а кто-то и совсем просто – Гоша, не смотря на его восьмидесятилетний возраст.

Ещё дед Георгий выделялся окладистой седой бородой, под ней он прятал огромные натруженные ладони, когда опирался ими на посох, и бледно-голубыми, как выцветшее августовское небо, глазами, что, на первый взгляд, казались пустыми. Но только на миг охватывало тебя это обманчивое впечатление, пока ты не приближался к старику вплотную, после чего тело бросало в дрожь от колкого пронзительного взора, изредка вспыхивающего бесовским огнём. И в глазах, и в облике деда угадывалось нечто колдовское, потаённое, отчего хотелось всё время смотреть на него.

Поначалу дед, обычно, глядел всегда в землю, как будто находясь в задумчивости, но затем неожиданно поднимал глаза и цепко устремлял взор на того, кто оказывался рядом, чем порядком озадачивал его. Вглядывался зорко, пристально, будто примечая, чего человек стоит, а найдя для себя ответ, отводил глаза в сторону, словно теряя интерес. Для большинства людей взор деда Георгия оказывался невыносим. При этом во взгляде стариковских глаз не ощущалось укора, каких-то тяжких дум, напротив, дед взглядывал всегда ясно, желая не напугать, а усмотреть в человеке его суть.

Всё в облике деда было, вроде бы, открыто – и глаза, и борода, и крупные черты лица, и мощные руки, и покатые сильные плечи. И всё же, он

не казал до конца своего лика, и таинственность эту порождала его скрытная душа. Дела и слова деда тоже не показывали его подлинного лица, хотя и многое выражали. Ничем особым не отличаясь, в образе жизни, от своих поселян, дед словно жил для какой-то глубоко загадочной, как мне порой казалось, непонятной даже ему самому цели, и это, по-видимому, временами особо мучило его, не давая покоя.

Иногда же мне чудилось, что загадочный внутренний мир деда существует, и все мы только не можем его постичь, а для него он понятен и прост, дед живёт каждодневно по своим, непонятным ни для кого, законам, и людское непонимание не особо его и тревожит. Казалось, что оно, вообще, не трогает деда, к тому же, его речь постоянно перемежалась старинными выражениями, давно вышедшими из обихода, и оттого выходила невероятно путанной.

Ещё дед был охоч до разного рода пословиц и поговорок, он всё время заговаривал загадками, как будто проверяя того, с кем общался. А его колдовские глаза, по-прежнему, не переставая, лучились: то вспыхивали бесовскими искрами, то потухали, и окончательно запутывали собеседника.

«Не всякая поговорка для нашего Егорки! Так что ли, нет? Из поговорки слова не выкинешь, слышь-ка, ради неё мужик в Москву пеши шёл. А-а?! Да и то сказать: на всякого Егорку есть поговорка, токма у них, у ардатовцев-то, своя, - он неопределённо тыкал пальцем через плечо, куда-то за деревню, - а у нас, - и опять уже толкал рукой тебе в грудь, - своя. Соли нету – слова нету, а хлебушка не стало, поговорка стала. Хе-хе-е… Пиши, значится, пропало!»

И опять: «Не сумливайся! На пословного коня-то и кнута не надобно! Так надоть понимати, коли гладко до не торопко. От пословицы, как водится, не уйдёшь: ни обойти, не объехать. Или то, смекаешь, что эта пословица не для нашего Кузьмы Петровича? Кха-а… Старики-то не зря молвили: древняя пословица вовек не сломится. Аль, куды, чего-пошто? Есть притча короче носа птичья!»

Ошарашенный потоком трудно воспринимаемой, в словесную кучу малу перемешанной информации, человек замирал, не зная и не понимая, что ответить, а дед, будто наслаждаясь его растерянностью, вдохновенно давился смехом в бороду и, взахлёб, вперемешку с наставляющими замудрецкими отступлениями восклицал: «Шей, вдова, широки рукава! Было бы во что класть. Под небывальщину-то, слышь, уважаемый, подвод ненадобно. А и то в старину говаривали: и не быль, да в были поворотят. Верно толкую, аль нет, эта кобыла мать вашей лошади!»

Глаза его вспыхивали в очередной раз колдовским огнём, будто пытаясь устрашить, и слушающему деда человеку становилось и смешно, и одновременно не по себе: а вдруг дед на самом деле колдун и что-то такое знает и умеет, чего даже вообразить невозможно? Дед же, упиваясь человеческой непутёвостью и собственной удалью, только ещё более воодушевлялся, готовый показать всему миру Кузькину мать.

«Мать толста, дочь красна, сын храбёр, в поднебесье ушёл? Это чё? Кхы-кхы-ы… Смекаешь, нет? Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасибо ему не молвит, а пчёлка по искорке берёт, да Богу и людям угождает. Толкуй, кума, отчего такое деется, два кума Абакума, две кумы Авдотьи! Кума да кум наставят на ум!»

Скажешь ему, бывало: «Погоди, дед, не успеваю речи твои разбирать! Хорошо с тобой – страсть, а вот бы ещё всё усвоить!» Дед в ответ и глазом не мигнёт, и уж, будьте любезны, брякнет, не задумываясь: «Недолго годить – могу, а долго – года не годятся. Ведь девятый десяток пошёл. Пей, кума, да не пропей ума!»

«Уж больно ты речист!» - с улыбкой заметишь деду, и дед опять за словом в карман не лезет, тотчас сыпанёт своей очередной премудростью: «Люди речисты, дак им все пути чисты, а кто бессловесны – тому проходы тесны! Не про то речь, что много в печь, паря, а про то, куда из печи идёт? Согласен будешь?! Один мигает, тогда как другой уже смекает. У кого смекалки-то нет, так и ученье не даётся!»

Постичь причину и суть премудрых высказываний деда Георгия оказывалось почти невозможным, между тем как высказывания эти были, в общем-то, довольно простыми. Другое дело, что дед изрядно запутывал свою речь. Умышленно ли он так делал, а может, у него это непроизвольно выходило, и потому отыскивать смысл беседы с ним ты сразу отказывался, поскольку великим смыслом было само общение с этим человеком, переживание его самобытности, осознание, что такие люди ещё живы и тебе повезло общаться с одним из них.

Хорошо бы, думал ты, разузнать у деда про огород, к примеру, про те же черноплодные рябины, что ты пересадил с одного места на другое, и правильно ли всё обустроил при их перемещении? Так ли заложил в почву навоз, и зачем нужно постоянно перекапывать землю под яблонями? По каким признакам нужно судить, что за погода завтра будет, и отчего всегда так выходит, что если выбросишь за свою ограду какую-либо ненужную вещь, хотя бы обычный сорняк-репейник или гнилую картофелину, то она вскоре возвращается к тебе в дом бедою?

Дед принимался разъяснять всё так же запутанно, обладая исключительной способностью выражать мысли и чувства мудрёно, умело сочетая свою словесную речь с самыми разнообразными ужимками и звуками, главным образом, налегая на поучения. У деда был дар говорить, за короткое время сообщая прорву всего увиденного и услышанного им когда-то, к тому же, перековерканного на свой особенный лад. «Человеку слово дано, скоту – немота, чего же мне не баять, ежели и сорока говорит? Токмо со своей бабкой не могу говорить, что и рта не даёт отворить. С нею-то не всё по-говорёному выходит!»

Поучительное слово у деда выходило всё равно, что похвальное: «Слово не обух, в лоб не бьёт, а ум даёт. Даже клад со словом кладут, и коли доброе дело толковано, что сивая подкована! Отгадай, что я загадал?!»

Трудно было не поддаться обаянию деда. Как говорится, одет просто, а на языке речей со сто. Весь вид его, как я уже говорил, сразу приковывал к себе внимание, ибо наружность деда впечатляла.

Ходил дед и зимой и летом в одной и той же сермяге и шароварах, заправленных в высокие шерстяные носки, на ногах – калоши, а голову украшала выцветшая суконная шапочка, на старинный манер. Фигура осанистая, кряжистая, покатые плечи выдавали мощную спину и руки, привыкшие к тяжёлому труду, и весь он напоминал старый дубовый пень, не поддающийся истечению неумолимого времени. Время, кажется, иссушив, сделало его только более жилистым, крепким.

Дюжей фигурой, вьющимися седыми волосами, ниспадающими на лоб и прикрывающими пронизывающий взор голубых, с поволокой, глаз, дед напоминал врубелевского пана. Глаза его, кажется, смотрели в самую глубину, оголяя душу того, кто перед ним находился, и человек невольно отводил взгляд, чувствуя себя неловко. Дед словно нападал глазами на то, что видел, как коршун, мгновенно оценивая достоинства подвернувшейся добычи, но как только он начинал свои рассуждения, это неприятное ощущение оголённости проходило.

По внешнему виду, несмотря на то, что дед не выглядел старым и дряхлым, ему можно было дать целый век. Такая пропасть пережитого земного бытия в нём ощущалась, что её невозможно было вообразить! Господь, по-видимому, наделил зачем-то деда особенными знаниями, и дед, порой, просто не в силах был ими распорядиться. Он и сам часто говаривал: «Век живи, век учись, а помрёшь дураком!»

«Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом, - часто наставлял дед. – Незнайка на печи сидит, когда знайку на верёвочке ведут. Да только так бывает, что незнайка рано или поздно с печи слетает, а знайка верёвочку обрывает и в небо устремляется. Эхе-хе-е… Думать хорошо, а отгадывать бывает лучше того».

Дед редко когда улыбался, а только посмеивался в бороду, что торчала у него заступом. Кто-нибудь из соседей иной раз отважится, проходя мимо, съязвить: «Ну, Георгий, и оброс ты, поди, ничего не слышишь?» На что дед с ходу ответствовал: «Борода, что трава, скосить недолго», затем мгновенно делался серьёзным и, смеривая проходящего грозным взглядом, уже загадочно и строго добавлял: «Была бы голова, будет и борода!», после чего прохожий незамедлительно ускорял шаг, желая быстрее скрыться с глаз сурово настроенного старика. Поражала всегда способность деда молниеносно отыскивать в ответ верное слово, даже целую пословицу, о чём бы ни заходила речь.

Но порой дед становился немногословен, отчего лик его мрачнел. Вроде бы, жизнь, справно им же слагаемая, идёт шиком, да душа отчего-то пришита лыком. Сам на себя не похож, дед в такие моменты старался не показываться никому на глаза, а ко мне заглядывал через огород, с припрятанным за пазухой флаконом спирта, и, заговорщически подмигивая, изрекал:

«Выпьешь немного вина, так и не убавится ума. Всяк, как говорится, выпьет, да не всяк головой потрясёт. Тащи чакрышку!»

Я никогда не отказывал деду, выпивая с ним немножко за компанию, ибо знал, что ему это именно сейчас необходимо и, расслабившись, дед расскажет немало интересного. Лоб его после опрокинутой чарки сразу разглаживался, а глаза становились ещё более колючими, цепкими. Дед аккуратно утирал рукой усы и торжественно провозглашал: «Ангелы возликуют, а кто с ангелами ликует, тому завсегда праздник!»

Через минуту лицо его уже наливалось краской, вены на висках набрякали, а глаза вдруг отрешённо соловели. «Все мы, слухай-ка, люди, да не все человеки! Вот какая катавасия. - Дед смачно крякал, причмокивая губами, и упирался тяжёлым взглядом в землю. – Богатый-то с рублём, а бедный-то со лбом. У вора же ремесло на лбу не написано. Согласен будешь?»

Какое-то время мы сидели молча. Дед смотрел, не мигая, перед собой, изредка озабоченно вздыхал. «И пьём, и едим, как люди, а за что Бог не милует, не знаем. Аль в людях людей нет?»

«На свете не без добрых людей», - робко замечаю я. Дед опять озабоченно крякает, недовольно ворошится: «И за рекой люди живут, и за горами… Людей много, да человека нет. Кого, ежели, в свет выведут, так тому живётся. Встарь люди бывали умней, а ныне – веселей». И опять на какое-то время замолкает.

Самого деда судьба не жаловала. Рос без родителей, погибших, когда он ещё был мал, а воспитывался старым дедушкой Захаром, пасечником и плотником, на все руки мастером. Про него дед Георгий вспоминал так: «Старая любовь долго помнится, а дед меня шибко любил, хотя никогда и не показывал этого, словом, не баловал. Бывало, скажет: «Погоди, в старом походи». И я ходил в его же собственных обносках, подогнанных дедом под меня. Стар был дед годами, да молод умом, хоть и жил на исконный лад. Сейчас вот старое вымирает, а новое не нарождается: откедова пророкам-то взяться? Наши, старые дураки, умнее теперешних молодых».

Я сижу рядом с дедом и пытаюсь представить себе его детство, какой он был маленьким… Но у меня ничего не выходит. Кажется, будто дед всегда был таким – могучим, нелюдимым и очень мудрым, в своей неизменной войлочной шапочке, подпоясанный засаленным ужищем, на плечах – заношенная сермяга. «Воистину глаголят: где сшито на живую нитку, там жди прорехи! В живых-то больше корысти. – И, помолчав ещё немного, таинственно добавляет: - Есть и живая и мёртвая вода, да не про нас».

А вороньё с сороками, то и дело, перелетают над огородом, наперебой обеспокоенно перекликаются скрипучими голосами, будто жалуясь на что-то. «Черти носатые! – беззлобно замечает дед. – Всё-то им не сидится! Чуют скорое ненастье. Но нет живучее кошки да ежа. Самая же умная – корова. Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в серёжках, корова в рогоже, да всех дороже!»

Про огород дед Георгий мне однажды заметил: «Своё огораживай, чужого не пригораживай. Да только от соседа не огородишься! Закинут, кому надо, камешек и в твой огород. У кладбища-то никакой ограды нет, только канава. Овощ сажай под молодой месяц. Заборы обводи кустовьём. Ботву от репейника в ограде не оставляй – одолеет, выноси на дорогу, изрубая лопатою в мелочь! Овёс – он и тот скрозь лапоть прорастает!»

Завидев деда в огороде, выкапывающего картофель, подойдёшь, бывало, к прялу, окликнешь и поинтересуешься: «Дедушка, какая нынче выдастся осень?» Дед неспешно разогнёт спину, опершись руками о черенок вил, поглядит отрешённым взглядом в туманную даль, за деревню, и тихонько промолвит: «И бабье лето до Федоры не дотянет». А ты смотришь на него и видишь только огромные натруженные руки, напоминающие развалистые сошники.

Дед всегда вручную перекапывал по весне огород, не доверяя технике, накашивал за лето по два-три зарода сена, колол целыми поленницами дрова и, вообще, сам выполнял всю нелёгкую деревенскую работу, несмотря на свой возраст. В руках деда чувствовалась огромная сила, в чём я убеждался каждый раз после приветственного рукопожатия: возникало ощущение, будто твоя ладонь попадала в клещи, из них ей было не вырваться, и это при том, что дед не прикладывал никаких усилий, а просто здоровался. Как говорили в народе, «попадёшься в такие руки, так натерпишься муки».

Всё, что требовало от деревенского жителя усилий, старания и заботы, выполнялось дедом неукоснительно. Всякое физическое напряжение телесных и умственных сил он только приветствовал, а утомляло его отсутствие какого-либо дела. «Без труда нет добра, - говорил дед просто, и руки его, сжимающие лопату, вилы или колун, на глазах наливались силой, лицо же хорошело. – Два труженика – пчела и муравей, а одному – спасибо, другому – нет! Согласен будешь? А почему?»

«Для крестьянина одна забота – работай до пота! – таким весёлым напутствием сопровождал дед обычно любое начинание. – Пчела и та трудится, а для Бога свеча пригодится. Но одна работа не кормит, без душевного усилия не обойтися! Человек и духом и телом крепок быть должен, так я разумею, и на душе легко, когда ей до всего есть дело. Пока душа жива – жива и надёжа моя. Не свищи, душа, через нос!»

А сам, знай, вилами землю ворочает, дело у деда незаметно спорится: «Господь завсегда поможет укрепиться на хорошую жизнь, если сам не оплошаешь». И всё копает неспешно могутными руками, и выцветшая рубаха на крутых плечах взмыливается до пены, но дед ничего не замечает, впадая, кажется, в какое-то полуобморочное и в тоже время отчаянное до радости забытье. Будто службу несёт, не составляющую ему никакого производства в продвижении, но, тем не менее, старается изрядно, словно не замечая жизненной несправедливости и утверждая своим трудом какую-то собственную великую правду. «Дерево смотри в плодах, человека – в делах, - часто говорил дед. – От дел твоих сужду тя».

Земля у деда в огороде была мягкая, рассыпчатая, словно пух, ибо удобрял он её в течение нескольких десятков лет: скот у деда Георгия с бабой Шурой не переводился. Последними были восемнадцатилетняя корова Марта, телёнок Мальчик, свинья Аксютка, козёл Васька и коза Машка, да овцы – Пашка и Дашка. Всякую живность, хоть это и выражалось у него просто, без затей, дед любил какой-то особой любовью, как может любить только человек, всю жизнь проработавший на земле. Всякий дом хозяином хорош! А уж дед Георгий славился своею заботою.

К слову сказать, и походил дед частенько на сказочного духа, хранителя дома – домового, который только что не проказил, впрочем, редко обходясь без шутки. Нравилось деду тешить себя и людей забавной словесной выдумкой, несмотря на постоянные обвинения в обмане, в том, чего, по утверждению селян, никогда не было и не могло быть. Но если дед и говорил неправду, то не ради лжи, а для безвредной потехи: не надсмехаясь, скорее, просто дурача человека, поколе у того краска в лицо не вступала. Известное дело: правда шутки не любит, дед же забавлялся, что мёд пил!

Старуху свою он морил со смеху своими выходками смолоду. Когда баба Шура ходила ещё в девках, а сам дед Георгий слыл на деревне первым балагуром, молодухи уговорились на вечер, перед Рождеством, гадать. Взяли кольца, серёжки, уложили их в блюдо вместе с кусочками хлеба, солью, глиной из печки и углём, и всёэто добро накрыли чистым полотенцем.

Каждая из участвующих девушек загадала, что ей надобно, и затем отправились на двор, в амбар… Там, по стародавнему обычаю, несмотря на мороз, оголили зад и принялись ожидать, какая рука их погладит: мохнатая – выпадет богатый жених, с достатком; гладкая – добрый молодец; шершавая – бедняк, голь перекатная. Против обычая, известное дело, не поспоришь, и если по нему пришло, так и с рук сошло.

Георгий, подслушав о девичьем собрании, стянул из чулана старую медвежью шкуру, добытую дедом Захаром, и, накрывшись ею, заранее спрятался в мучном хранилище. А когда девки заявились, да оголили телеса, принялся охаживать их мохнатой звериной лапой, и первой досталось Александре… Девки, конечно, в визг: «Чур сего места! Свят, свят, свят!» - и врассыпную. Георгий не своим голосом им вдогонку: «Поехали, дуры, к чертям на задворки, в гриву вас и в дышло, в хвост и в хомут!»

Было ещё дело… Наловил дед летучих мышей да привязал их за лапы на сеновале, где баба Шура сушила бельё. Та с тазом поднялась по шаткой лестнице наверх, да и обомлела, когда они все встряхнулись под навесом и повисли, хлопая крыльями, у неё перед самым носом. Дед и лестницу отворотил в сторону, чтобы, значит, бабушке сразу невозможно было ретироваться, и пыл её, маленько, поостыл.

А на сеновале - вой истошный: «Гошка-а, кишка тараканья! Сымай меня отсель, у меня зад чижо-о-лый… Дурак стоеросовый. Чтоб ты сдох!» Дед лишь ухмыляется: «Хрен да капуста лихого не попустят».

Вспоминая былое, дед, по-прежнему, балагурит, не смиряясь со старостью: «Хочь на час, да вскачь! Ахти, Господи, кабы девка мне: при девке – я живой бы человек!» Бабка, поджав губы и прыснув деду в глаза мелкой щепотью, только обронит: «Тпрусь! Протри зеньки, хрен сухой!» Дед зарегочет, аж, борода трясётся: «Сгинь, пар со щей!» «Вали, разбряхивай, - обиженно шевелит губами бабушка. – Чего ешшо удумал?» «Не твоя забота месить чужое болото!» «Бога не гневи, а чёрта не смеши», - прикрыв улыбку кончиком платочка, открещивается от него баба Шура. А дед ей: «Не смейся, горох не лучше бобов!»

Со мной дед как-то поделился: «Думают, старик из лет выжил: веселит всех, как малое дитя. Дак, когда кочеток гуляет, он бояр потешает, а народ-то любуется. Что потешим, то и поживёт. Согласен будешь?!» - И уже строже, нахмурив густые брови: «Но всякая шутка надвое растворена: что коту потешно, то мышке за беду!»

«Опять Кучум чудит, народ мутит!» - обычно, только и слыхать от соседей. Дед же, посмеиваясь в бороду: «Шучу, да за спиной простор берегу, ибо живём шутя, а помираем взаправду. Шутка-то ряд делу!»

Особо сердобольные ему в ответ: «Шутку любишь над Фомой, так люби и над собой!» «Ежели шутки пошучиваю – на себя плеть покручиваю, - не сдаётся дед. – И дураку не всякая шутка к лицу. Или не до шуток рыбке, коли крючком под жабры хватают?»

Деду опять: «Шут выворотной, гороховый! Паралич конский!» А он: «Шут не шут, а шпын ещё тут!» - И, присев, задорно хлопал ладонями по ляжкам: «Не шут совал, сам попал!» От него только в бессилии отмахивались рукой, как от дыма.

Как-то возвратившись поутру с глухариного тока, я, видимо, привёл за собой в дом неведомую лесную силу… Прежде, чем обустроиться вздремнуть, отварил кусок баранины и оставил его в котелке, на загнётке, прикрыв миской, а когда проснулся через пару часов, и прошёл на кухню, застыл в недоумении: весь кусок мяса был съеден, от него осталась только вытянутая в нитку голубая студенистая жилка, бульон разлит по печи, но миска по-прежнему накрывала посуду… Как такое могло случиться?!

Внимательно осмотрев дом, следов пребывания посторонних я не обнаружил, и дверь, и окна были плотно затворены, печь – на заслонке, в полу – ни единого отверстия: клоп не пролезет. Что за загадка, перекинь её через грядку! Вышел в огород - и к деду: «Откуда сия напасть?»

Дед пот со лба рубахой обтирает и молвит: «Хомячье отродье… Больше некому!» «Да как же, - говорю, - они сквозь закрытые двери проникли? Ведь ни щелочки в доме!» Дед перекрещивается щепотью: «С нами крёстная сила… Как под благословеньем, расскажу!

Картоху я раз в жару окучивал, и заглянул на куфню водички хлебнуть. Потому, как был я в лаптях, проследовал, значить, через ограду неслышно, и вижу: три хомяка выталкивают из-под буфета кастрюльку с куриными яйцами. Чистый грабёж, ни в корень, ни в пристяжку, ни в собачий шиш!

Хомячьё – мастера до прокуды: и кадку с соленьями прогрызут, и пол, котёнка задавить им – пара пустяков, в любую щель не хуже мыши просунутся, амбар за ночь подчистую выметут. Что не сдерут, то попортят! Не портянкой, мол, утираемся.

Смотрю, один – силён, бес! Яйцо подбородком к груди прижимает, два других в передние лапы прихватил, и так, на задках, прямиком на выход чешет, сучий кот, хвостом как веником потрясывает. По сторонам, нечисть-ерыкала, зыркает, цену себе понимает! Идёт, серая шкура, не дрыгнет, не то, чтобы яйца обронить. А всё-таки скрозь морду его поганую, вижу, ехидство в нём пробивается… Шибко вумный, хлюст, знает край, да не падает: даром, что хомячина.

Двое других, что поменьше, идолами у него по бокам замерли: догляд ведут, чтобы яйца по избе не раскатились, и так это преданно ему в зенки заглядывают – уважают, значить. Подхалимажа – ни зги, одна сплошная удовлетворённость от хапужничества этого бесстыдного. И ведь с них, свиней собачьих, ещё станется, а нашему брату – неудобство. Кому рассказать, в раз срежут – с ума спятил, и уж тогда угодишь в ящик по самый хрящик!

Очень-но докучливые в домах твари – хомяки, но кабы не было их на скопидомку, так с нею бы и не сладить! У всякого существа – свой царь в голове, а у энтих сволочей – на особлинку, с промыслом. Стоит им скоромное взнюхнуть – табак дело! Должно быть, немцы таких хитрых «обезъян» придумали. Ежели их, чертей, накоротке не держать, голову начисто сгрызут. Поумствуешь надо всеми Божьими делами – ум вскружится!»

Весёлое расположение духа редко покидало деда, но когда это происходило, он заменял его крепким словцом, и в такие минуты становился похож на пузатый, закипающий паром медный самовар. «Что за смех подняли? – горячился дед. – Где смех, там и грех! Ась? – И дурашливо прикладывал к уху ладонь. – Смехом бока надсадишь – сколь с тебя взять?» Кто-нибудь серьёзно заметит: «Людям тын да помеха, а ему всё смех да потеха. Смех до плача доводит, им сыт не будешь!» А дед не унимается: «Смех тридцать лет у ворот стоит, а своё возьмёт! Век на нём живёт. Смех-то ведь, что волынка: надул, поиграл, да и кинул. Вот и ты посмеёшься – словно век проживёшь!» Все только со смеху покатываются.

Да, так оно и было: ты деду – слово, а он тебе – десять, да каждое, что ком. И ещё в назидание: «Словом человека не убьёшь, а только перелобанишь!» И хоть говорят, что кто словом спор, тот в деле не скор, но руки деда любую работу брали, а слова шкуру, с кого хочешь, драли. В общем, и на словах – как на гуслях, и на деле – как на балалайке. «Слово слову розь, - ехидно наставлял дед. – Словом Господь мир создал, словом же Иуда Господа оклеветал!»

Крепкий и на дело, и на слово, дед Георгий будто знал про всё какое-то древнее заклинанье, заговор, и колдовал себе в усладу. Кто-то говорит, будто

слово слову костыль подаёт, дед же за словом в карман не лез и разил им словно стрелой, а уж чары его внутреннего обаяния даже пугали людей. Не зря дед слыл на деревне волшебником и колдуном, и говорили про него невесть что, дед же обычно загадочно отмалчивается, а то вдруг брякнет: «Чудо чудное, диво дивное: от чёрной коровки – белое молочко. Мужик умён, да мир – дурак!»

А поселяне верили-таки, будто дед Георгий в своей старой бане, тёмными вечерами, бабкам снадобья волшебные раздаёт – косточки кротовые, настои на жабьих глазах, да болотные мази. Вороньё приваживает, и по гнёздам у них, с косточками да кишками, его сила чёрная хоронится. Ничего не стоит ему в человеке распознать чёрта щербатого, лесную раскоряку, и на белый свет тотчас вывести. А когда дед просто на завалинке сидит, толокно хлебает, то всё равно всю правду про каждого мимо проходящего ведает, в рот ему тыква! Словом, не без начинки старик! Старому, как говорится, хрена в квас не клади.

На самом же деле дед Гоша был обыкновенный крестьянин, но труд для него являлся целью жизни, а не средством к существованию. «Коль дюж – воду вози, - просто подсмеивался он над собой, - а издюжал – на живодёрню». Кто как не он – крепкий мужик, живущий в согласии с самим собой и окружающим миром, понимал суть гармонии, вполне и не разумея, наверное, этого слова. Деду важно было сопереживать всему живому, находя с ним наиболее простую форму общения, и он, конечно, её находил. Сама жизнь подсказывала ему, что нужно делать, живя на земле бок о бок с животными и птицами.

«Каждый из нас – пример суетности, - говорил дед, - а скотина тщеты не допускает, хоть и не скажет, что есть-пить хочет. Всякий скот – Божья тварь, а иной человек – от дьявола. Согласен будешь?! Спорынью тебе в квашню, сто рублёв в мошну!

Свиньям хвосты подмывать, известно, дело немудрёное, да только бывает свинка и золотая щетинка. Свинья, конечно, не огородник, и везде грязь найдёт, а под Рождество, на Василий вечер, подавай свиную голову на стол!

Валаам – премудр, а скотом обличён был. Как такое рассудишь? Скотинушка греха не знает, а иной лицом детина, да разумом скотина.

Лошадь человеку – крылья. Возит и воду, и воеводу. Покойный мой дедушка Захар, царствие ему небесное, говаривал: «Добрую лошадь одной рукой бей, другою слёзы утирай». Сам, бывало, не ест, а лошадь кормит. – А потом, с грустинкой: - Но не дорога лошадь, коли, бабушки во дворе нет.

Козлов не люблю: ни шерсти, ни молока, одно слово – вражина! От него псиной несёт, как от скорняка – кислятиной. Да и козы, что девки, те – тоже не люди. Всё, как козы смотрят. Недаром старики говорили: в девках засиделась, так на том свете козлов паси. У нас, замечаю, в последнее время овец не стало, а на коз честь пала.

Да и то случается: повадится овца, не хуже козы. И сыта кричит, и голодна кричит – не боится, скотина, что отдадут татарам. Наберётся за день репьёв, и только сено ей с ума нейдёт. Сера овца, бела овца – всё один овечий дух.

Но нет умнее скота, чем корова. После отёлу угостишь её на блюде сенцом или хлебом с солью, сваришь кашку на молоке, а она понимает, что молятся за неё, любят, и тоже относится к тебе по-домашнему, тепло. Если корову только по удоям считать, то молока – не видать: она обхождение уважает. Ласковое-то слово лучше мягкого пирога!».

В отличие от бабы Шуры, что встречала меня всегда радушно, сияя голубенькими глазками и робко, будто извиняясь, подвязывая под сморщенным подбородком платочек, дед долгое время никак не реагировал на моё появление в избе, и только выдержав паузу, сдвигал очки на лоб, откладывал пожелтевшую старую газету и серьёзно изрекал: «Привет, горожанин… Чего у вас там нового слыхать? Не предвидится ли войны?» «Ну-ну, куда поехал?!» – беззлобно останавливает деда баба Шура. Дед тотчас умолкает, откинувшись на подушку, и устремляет на меня свои бледно-голубые лукавые глаза.

В комнате мерно постукивали часы, кошка лениво спрыгивала с печи, мягко тукнувшись лапами об пол, на подоконниках, в картонных коробках, тянулась к свету рассада, а за окнами сияла весна…

Я любил приезжать в эту пору в деревню. Первым делом расчищал от снега дорожку, а затем отправлялся с вёдрами на колонку. Колонка как раз располагалась напротив дома деда Георгия и бабы Шуры, и набитая тропка указывала на то, что старики, слава Богу, живы - здоровы.

Воздух был прозрачен и синь, всё в нём играло от радостного весеннего света: и дома, и улица, и высокое бездонное небо. Хорошо было стоять и смотреть, как тягучая струйка воды медленно наполняет ведро, снега ярко сверкают на солнце, а ты щуришься от удовольствия, представляя, как отправишься поутру в лес, на глухариное токовище.

Небо выгнется над деревней светло-зелёной упругой простынёю, слегка розовея на востоке. Укатанная лесовозами дорога бежит под ногами прытко, будто подбодряя своим напружиненным, поблескивающим видом. Всё обещает, что день выдастся восторженный, по-настоящему весенний, каким он может быть только в марте. И ты обязательно увидишь начерченные глухарями на снегу знаки, самих таинственных птиц, всё это неописуемое мартовское раздолье с искрящимися на солнце полями, потаёнными ельниками и логами с пролёгшими по их склонам синими тенями, с барабанной дробью дятлов, что гулко доносится из-за реки. А возвращаясь в деревню, тебе будет приятно думать, что дома ждут натопленная печка и милые соседи-старики, которых ты почему-то любишь больше, чем родных людей.

В такие весенние дни, со сверкающим солнцем и снегами, дед выходил поутру из дома с рюкзаком за плечами и, опираясь на вересковую палку, неспешно отправлялся в пекарню за хлебом. За поворотом дороги, где его никто не мог видеть, он останавливался, присаживался прямо на сугроб и, неторопливо отламывая от горбушки кусочки хлеба, разбрасывал их подлетающим птицам.

Птицы – вороньё да сороки, будто ждали его, сидели неподалёку по голым деревьям, и в возбуждённом ожидании, как ни странно, не издавали ни звука. Так же молча, как будто украдкой, они слетали к хлебным подачкам и, ловко подхватив в клюв, уносили их куда-то за деревню, к лесу. Наверное, прятали.

Таким я увидел деда однажды, весной, за месяц до его смерти. Возвращаясь с колонки, поравнялся с прохожим, а тот, оглянувшись на деда, осуждающе обронил: «На весь мир пирога не испечёшь». Дед же, ровно не слыша, тихонечко промолвил: «В миру, как в пиру, всего в достатке. Скворцу, вон, даром скворечницу поставь, а отчего ворону чёрствой корочкой изредка не побаловать? Крошки хлеба грешно лишь на пол бросать».

Дед сидел, чуть сгорбившись, будто и не замечая птиц, не отдавая отчёта в том, что кормит их высохшими хлебными корками, а так, словно задумался о чём-то давнишнем, глубоко сокрытом от него самого, и эти воспоминания, кажется, не тревожили его и не радовали. Дед давно свыкся со своими скрытыми мыслями, и казалось, что возвращаются они к нему именно тогда, когда он принимался кормить жадное вороньё.

Со стороны можно было заключить, что кормит он птиц без желания, будто только с целью вызвать свои затаенные думы, и птицы ему в этом помогают. Молча расчерчивая весенний воздух, сороки и вороны сами представлялись этими скрытными мыслями деда, что вдруг вырвались наружу и оживили собой и без того насыщенное жизнью весеннее пространство.

Покрякивая, дед поднялся и, неловко переваливаясь, отправился дальше. В одной руке – посох с рукавицами, другой еле приметно подбрасывает в воздух хлебные кусочки, как сеятель. Птицы же подлетают к нему почти вплотную, и кружат над головой, будто сопровождая его в последний путь.

Я стоял с коромыслом и вёдрами, смотрел деду вслед… Всё обещало быть яркому мартовскому дню. Солнце радостно выкатывалось на востоке, а дед шёл неспешно ему навстречу, будто навсегда удаляясь за горизонт, и я не мог избавиться от ощущения, что больше уже старика не увижу.

Небесная ясная голубизна, под цвет дедовских глаз, дружно растекалась над деревней, небо торжественно выгнулось, напряглось, и откуда-то из этой необъятно-божественной сияющей бесконечности вдруг еле слышно, но величественно донеслось: «Бывайте же друг к другу благи, прощайте друг другу, якоже и Бог во Христе простил всем вам».

ПТИЧИЙ ДОМИК

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнёзд, которые до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинок, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнёзда ещё не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплёскивается в наши леса эта неописуемая волна радости, которую приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы – сама радостная волна, что сменяет одна другую, и так до конца мая, с непрекращающимися заливистыми трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье – что вольная пташка: где захотело, там и село. Так и птица: вроде бы не сеет, не жнёт, а сыто живёт, и уж чего ей не занимать, так это – воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полёт, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поёт, это - её гнездо. И тесен будто бы дом, а для птицы просторен, в нём совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своём жизнетворчестве.

Нет дерева, на которое бы птица ни садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьёт. Чаще всего это хвойные деревья, в особенности – ель, и всегда гнездо располагается с защищённой от ветра стороны. Птицы в первые дни просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая его где попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда, пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы – всё, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутинки вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя её при оплетении. В то время, как самец впутывает всё новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь и осторожно утрамбовывает собой своё будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создаётся полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топорёнка строится птичья

избёнка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своём огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неугомонных соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, тебе покажется, будто они живут без забот и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот пришла осень, за ней задули суровые метели… Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают лёгкие, присущие только лету думы: сердце твоё околдовано несказанной тайной зимы. Сидя молча у окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиревший хмурый лес, ты вроде бы ни о чём не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладкую скуку, как будто забывшись в долгом беспамятстве зимы. Скоро ли ещё растопят её тёплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя, наконец, ото сна, отправишься однажды поутру в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредёшь вдруг на чьё-то сорвавшееся с дерева гнездо. Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок подхватил гнездо, и оно закувыркалось по насту, отчего будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему делать дальше. Гнездо цело, а птиц нет.

На первый взгляд мне показалось, что в нём уже давно свила себе убежище смерть – таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нём оставалось розовое перышко, которое застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по перышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику.

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворённых теней и восхитительного света.

Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привёз его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нём до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне начинает казаться, что птичий домик терпеливо ждёт их радостного возвращения, и ни о чём ином не мечтает.

ВЕРБА

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошёл я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнёсся ко мне, как будто замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нём с моим появлением.

Мелкий, почти не видимый снежок сеялся среди стволов, лёгкая молочная пелена заволокла небо, солнце сквозь неё пробивалось едва ощутимо и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечёток встретила меня оживлённым щебетанием, и какое-то время легко и обрадовано сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре на крутобокой сосновой гриве, между двух отложков, я согнал глухаря.

Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалёку уселся. Больше я в этот день никого влесу не встретил, и всё время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой и не принесёт ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришёл с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал. Ничего, вроде бы, вокруг не изменилось: всё так же сеялся невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие и безучастные.

А я шёл неспешно на лыжах, пригибаясь под склонёнными снежной тяжестью деревьями, слегка дотрагивался до них рукой и, освобождённые, они взмётывались вверх, уступая дорогу. Деревья, будто вскрикивали на мгновение от радости, но тут же забывались и опять погружались в сон. Всё вокруг было недвижимо, печально.

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение на лыжах почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее приглядываться к окружающему лесу, ещё более ценить всё, что он открывал мне в этот день, и, наконец, увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремился: у самого края поляны стояла высокая … распустившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в крепкий мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распустившиеся барашки… Их было множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях.

Задрав голову, поражённый никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное лесом, и я не сомневался, что именно для меня.

ОДИНОЧЕСТВОМ МИР СИЛЁН!

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели - будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощёлкивают, а тетерева бормочут. Редко, когда кто-нибудь из них остаётся один, провозглашая весну как будто в безвестности, потому что птицы в эту пору предпочитают оживлённые сообщества. Им нужно, чтобы кто-то видел их, восхищался, благоговея перед той красотой, которую источает всё их существо, и отдавал им своё сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы – в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари – в чащобе, у старого заброшенного покоса, тетерева – на прогалинке, только что вскрывшейся от снега, вяхири – на укромных еловых опушках. Всем найдётся в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное, на первый взгляд совсем не подходящее. Одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи и только кое-где проклюнулись из не одевшейся земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, которое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному поверью, даже одна голова и смеётся, и плачет, и скачет.

А тетерев действительно остался один, и трудно было разобрать: то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, всё про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, которая перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая тёмно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки почему-то никак не представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и неизвестная речушка Карабаиха будто замерли, затаились в преддверии именно их весны, которую разбудили люди.

Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, в которых нас будто ждали неведомые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызывавший особого интереса, постепенно всё более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево, и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался, и каждый раз норовил выдать ещё более переливчатое колено. Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу…» Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, всё отчётливее для себя понимали: одиночеством мир силён!

ЦВЕТОК

В начале ноября, по утвердившемуся снежному покрову, шёл я краем жнивья и вдруг увидел цветок. Скрытый от снега маленькими пушистыми ёлочками, цветок отнюдь не выглядел робким и тянул свою лиловую головку кверху довольно уверенно. Лепестки его тоже не выглядели поникшими, и, если бы ни снег, он бы, наверное, не привлёк моего внимания. Было похоже, что цветок, несмотря ни на что, жив, и это меня озадачило.

Я остановился, присел на корточки и внимательно его рассмотрел. Цветок отдалённо напоминал астру, только более утончённую и загадочную. Стройный стебелёк имел красноватый оттенок и был довольно высокий, с продолговатыми удлинёнными листочками. Сам же венчик, с множеством нежно-лиловых пушистых нитей, сливался в изящный хохолок.

Пришедшая непогода, кажется, не особенно обременила цветок, и всё же это было странно: кругом лежал снег, было холодно, и даже травы давно пожухли. Что помогало цветку выстоять совсем одному и при этом сохранить живые краски? Как вообще могло случиться, что после двухдневной метели и крепких ночных холодов цветок не угас?!

«Наверное, он просто несгибаемый, - подумал я. – Такие существа существуют всегда. Они встречаются среди людей, зверей, деревьев, и почему бы им не быть среди цветов?» Мой цветок оказался именно таким – непокорным судьбе. Он выстоял вопреки всему, что могло его убить, но не убило. Может, цветок остался цел благодаря какой-то одной ему известной истине, которую обретает только самый сильный, а значит – свободный?!

Глянув ещё раз на цветок, и осторожно коснувшись его рукой, я понял: самое настоящее в жизни до такой степени просто, что о нём никто не в состоянии серьёзно думать, и чаще всего оно остаётся незамеченным. Но это

настоящее просится на язык и бумагу, причём, делает это ненавязчиво, как будто заведомо предугадывая непонимание в отношении себя. Оно всё терпит, чего-то ждёт и ещё более очищается в открытии того, что лучше честного и достойного восприятия окружающей жизни ничего не существует.

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Недвижимой представляется короткая весенняя ночь. Оранжевая луна, крадучись прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгорячённое за день воображение, и всё живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенётся в нём, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нём монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не привлекает обострённого внимания. Слух напряжён в ожидании долгожданного глухариного скирканья.

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неугомонной птице, считать свои года, готовые в любой момент оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка всё кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающуюся жизнь.

И всё же непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не даёт до конца успокоиться, тревожит, и, остановив своё счёт на трёхстах, я ещё долго слышу, как над лесом разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ

Помню, отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку. Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп – птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет». Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю свою мощь размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый раз спрашивая отца:

- Сегодня поедем в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы быстрее настал час встречи с природой, где, как мне казалось, нет ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей.

Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня. Думая о нём, мечтая чаще там бывать, я запасался добрым настроением на всю жизнь, как это происходит только весной…

Весна… Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу. Затем - учить уроки, и возиться с какими-то неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызывали во мне душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже – лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал в лесу, но всё же обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём… В этом восприятии леса куда-то улетучивались все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне все чувства и запахи разрастались, они, как никогда, будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились глубже. Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнущий бензином и пылью, именно – лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый шум.

Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц. Разве

задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше.

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега древесины. Ясен весенний свет, что поднимается над расправившей плечи землёй! Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже - игрушечным, как на новогодней ёлке. Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные коренья и пни издают аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички – словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие зарянки не в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задорно запрокинув головки. Обо всём можно позабыть, когда следишь за тем, как увлечённо перепархивают между ветвей чудесные крохотные птахи. Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц… Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсянки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетая по обочинам раскисших дорог. Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрав головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд.

Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю просыпающуюся землю. Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок – бекас.

Его не сразу и приметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, где, наверное, неслышны задорные возгласы дроздов и утробное постанывание вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало

знаменитой тяги. А бекас уже нашёптывает всему лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего, что происходит вокруг, и постепенно эти еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню.

Откуда-то сверху, действительно, как будто доносится «блеяние» невидимого «барашка»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно. Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильней, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, но в свои семь лет я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник. Праздник совершался и вокруг, весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в бездонном апрельском небе.

До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой - я был не в силах. Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто ты уже жил однажды весенним лесом, и я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно встрепенётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить. Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода - славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели, словно, только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь во всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит на оттаивающей земле. Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю – кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий

повсюду волшебные звуки, напоминающие блеяние барашка. Несмотря на вечер, воздух становится ясным, солнце будто торжествует, прежде, чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе только семь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу. Радостно струятся по нему говорливые ручейки, дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мякоти, резко ударяющей в нос, почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса: безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало.

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых.

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы, непременно, была полянка с мелким березняком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. – Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь.

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в напитанном душистой прохладой воздухе, не в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился.

Задрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась… Видишь – самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знаю, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее. Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в болотистой низине лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой.

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца, а он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса. Впрочем, тишина полнится нескончаемым лепетом птиц, журчанием ручьёв, и все эти звуки сливаются со струящимся влажным воздухом, что будто бы тоже звенит, так что в лесу ничего не слышно. Румяное небо подёрнуто синеватой дымкой, а сырость, струящаяся от земли, незаметно забирается в рукава моего старенького пальто, и мне становится зябко.

Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, а их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба, но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна – ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием.

Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, подержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает во мне особое видение жизни, доселе неизвестное…

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. – Словно ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неугомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца.

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови.

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенька робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина.

Тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно хоркая, обласканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими

головами первый вальдшнеп. Он и вправду, на секунду как будто приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда не доводилось мне видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмен, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулкого сердцебиения.

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем – ещё один, третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стреляным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то, и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? – вдруг опять встрепенулся отец.

Я, оцепенело, вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоянный на травах и кореньях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. – Он – мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым. Но, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть. Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом: весь я был – воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса. А лес был налит какой-то неимоверной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром: сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне.

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому – лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с боку на бок, так он, по-видимому, играет, то есть – токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечаю я.

- Бекас – самый крохотный из всех куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все. Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или зверя - тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недосягаемую для многих птиц вышину заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолюбие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом – своеобразие бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какую-нибудь отдельно стоящую сушину, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, таку-таку, таку-таку». И верно, разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь заслышав его песню, что чаще всего напоминает блеяние барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «блеяние» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом. Подобные звуки издают ягнята – молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них,

наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек.

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь.

Мне всегда нравилось солнце, особенно – в детстве. И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом – верхушек деревьев. Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый раз открывая для себя что-то новое.

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаясь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса. Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее. Хотя – всё такой же, маленький, и, тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и, замечая это в себе, становлюсь взрослее.

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваюсь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в моей груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось – может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким крохотным, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка», и до сих пор не могу успокоить моё трепещущее крылышками маленькое сердце.

«ПЯ-ЯТЬ, ПЯ-ЯТЬ, П-ЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ!»

Конец сентября. Еще не рассеялся промозглый утренний туман, а мы с отцом уже идём на охоту. На душе и во всём теле так сонно, что не верится, что когда-нибудь выглянет солнце. Туман поднимается из глубокого оврага, струится над землей леденящим дыханием, и мне кажется, будто там, внизу, живет какой-то могущественный лесной дух, и от него зависят в лесу и ночь, и звери, и птицы, и деревья. Почему-то совсем не страшно ощущать его таинственное присутствие, и я, еле сдерживая в колотящемся сердце сбивчивое восхищение, робко вдыхаю вяжущий аромат опавших листьев и не перестаю думать о рябчиках.

Отец шагает быстро, а я, не желая отставать, всё время спешу и оступаюсь. Тогда отец поворачивается ко мне и, сердито вздёрнув брови, даёт понять, чтобы я шел осторожнее. От его взгляда я чувствую себя неловко, стараюсь ступать как можно тише, но от этого ещё чаще запинаюсь. Отец впервые взял меня на охоту по рябчику, и мне очень не хочется его расстраивать.

Туман незаметно стелется между шероховатых стволов, холодными струями забирается в вытертые рукава моего пальто и как-то неестественно затаивается. Уже становятся видны маленькие пушистые ёлочки, сырые пни и белые лишайники на них. Ещё не слышно ни одной птицы, и я то и дело вслушиваюсь, не раздастся ли долгожданный рябчиковый свист. Но тихо вокруг, осенний лес пробуждается медленно, с неохотой.

Отец вдруг останавливается и показывает рукой, что нужно замереть. Изо всех сил пытаюсь я быть похожим на него: так же внимательно всматриваюсь в замерший лес, поворачиваю голову то вправо, то влево. Мне никогда ещёне приходилось слышать, как поёт рябчик, но я почему-то уверен: стоит только петушку подать голос, и я его тотчас узнаю.

Рябчиков я видел только дома, когда отец приносил их с охоты, неспешно выкладывая из ягдташа. В основном это были самцы с ярко-красными бровями, черными горлышками и хохолками на головках, аккуратно спрятанных под крыло. Всегда было приятно подержать рябчика в руке, ощущая его тёплую затвердевшую грудку, разглядывать, поглаживая пальцем серенькие перышки, и представлять птицу живой. Какое-нибудь перышко при этом обязательно отрывалось, на мгновение повисало в воздухе, а затем начинало весело кувыркаться. Иногда в оперении птицы застревал осиновый листок, ярко-жёлтый, в коричневую крапинку, и сразу хотелось попасть в осенний лес с его запахами, красками и неведомым рябчиковым свистом.

Отец часто показывал мне, как нужно подзывать рябчика на манок. При этом птица, охваченная страстью, стремглав бросается на зов и усаживается совсем рядом, почти в нескольких шагах от охотника. Подлетев вплотную, петушок обычно произносит трюкающий звук и в возбуждении начинает прохаживаться по ветке. Всё его внимание сосредоточено на воображаемом

сопернике, рябчик то и дело замирает, настороженно вытягивает голову и прислушивается. Вероятно, он надеется обрести себе подругу и очень волнуется.

Манок звучит тоненько, словно это какая-то загадочная лесная дудочка, но на самом деле он выточен из кусочка эбонита или, на худой конец, из обыкновенной глухариной косточки. Для того, чтобы рябчик поверил тебе и прилетел, надо иметь достаточно хороший музыкальный слух. Нужно быть своего рода виртуозом, изображая все переливы замысловатой рябчиковой песенки, и не допустить ни малейшей фальши: чуткий рябчик тотчас определит её и замолкнет. Легче подойти к другому петушку, и начать всё сначала, чем пытаться подманить старого.

Песенка рябчика восторженная, чистая и звенит всегда высоко и звонко. Начинаясь с радостной нотки, песенка то падает, то опять весело взметается: под конец она щедро рассыпаясь переливчатым драгоценным бисером. И так много раз, лишь с коротенькой паузой между одинаковыми птичьими трелями, но ненадоедливо, задорно. Как передать её обыкновенными человеческими словами, я не знал.

Чтобы отец согласился изобразить манком песню рябчика, он должен был находиться в добром настроении после удачной охоты, и ещё нужно было хорошо себя вести. Прежде чем произвести этот редкий свист, отец садился на табуретку, делал глубокий вдох и, осторожно взяв в рот пищик, на полном выдохе проводил всю коротенькую мелодию, залихватски вибрируя таким чудесным, обворожительным звуком. Получалось нечто вроде изящного призыва, легко повисшего под потолком, живого, так что хотелось взвиться вместе с ним и не падать. А на полу, у наших ног, воздушно белели дымчатыми грудками уже недвижимые, замечательные птицы.

Отец счастливо улыбался, глаза его блестели, и он не произносил ни слова. Только зачарованно смотрел перед собой, уносясь, наверное, в мечтах в бесконечные лесные дали, и улыбка долго не сходила с его губ. Ему, конечно, было что вспомнить, а мне не терпелось всё это увидеть.

И вот мы стоим, почти утопая в вязком тумане: он обильно оседает на нашей одежде. Она от этого тяжелеет, становится прохладной, а в нос ударяет резкий запах опавшего листа с корой, так что глаза сильно слезятся. В воздухе как будто что-то копится, быстро нарастает, и всё же ничего не происходит. Отец многозначительно вздёргивает брови, подносит к губам пищик, и лес оглашает пронзительная трель, она не теряется, как в комнате, а медленно проистекает в замершем пространстве, мягко пронизывает его, и всё вокруг постепенно пробуждается.

Сначала за логом послышался восторженный ответ, он будто расколол воздух на звонкие кусочки. Кусочки вздрогнули, покатились во все стороны, и вот уже справа подал голос второй рябчик, через минуту — третий, потом — за спиной, и ещё в самом логу... И лес сразу зазвенел, радостно ожил, в мгновение стряхнув с себя сонную одурь, а рябчики бодро перекликались на все лады, не давая друг другу передохнуть, то и дело перелетали на фоне

еловых ветвей вытянутыми пегими силуэтами, и повсюду разносилось их пугающее «пыр-р-р-р, пыр-р-р-р, пыр-р-р-р», так что сердце поначалу замирало и тотчас обрывалось в сладкой истоме.

Один из них уселся прямо напротив нас на голую березовую ветку, пробежал несколько шажков и настороженно наклонил головку, будто удивленно вопрошая: кто же это меня побеспокоил? Вышло это у него так забавно, что я чуть не расхохотался, но отец нахмурил брови, медленно прицелился, и оглушительный грохот расколол ожившую тишину. Рябчик глухо тукнулся в мох, забился, и, когда я к нему подбежал, он уже лежал, безжизненно распластавшись, хвостиком кверху.

— Хочешь попробовать? — спросил отец и протянул мне пищик на верёвочке. Чтобы получилось, как у петушка, нужно сначала пропеть про себя эту мелодию словами: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!», а потом уже попытаться переложить песенку на свист. Давай попробуй. У тебя обязательно получится.

Вот, оказывается, подумал я тогда, те самые слова, и какие простые: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Кто-то ведь их услыхал, подметил! Они именно лесные, по-своему обаятельные, и так удивительно подходят к задорному рябчиковому свисту, к этой незамысловатой музыкальной гамме, что их хочется непрестанно повторять. Если быть внимательным, можно, наверное, разгадать и другие птичьи песни, наполнив их близким человеку смыслом.

Не сразу получилась у меня рябчиковая песенка на костяном отцовском пищике. Долго я не мог добиться той самой мелодичности, что отличает в лесу только рябчика. Поначалу рябчик, вроде бы, охотно откликался на мои настойчивые призывы, и я, помнится, страшно радовался этой достигнутой схожести, но постепенно он переставал подавать голос.

Все мои старания оказывались безуспешны: птицы, видимо, почувствовав какую-то фальшь, очень скоро замолкали, и когда я, потеряв всякое терпение, пытался подойти к ним, они в мгновение с шумом улетали. Чего-то я не учитывал в своих попытках обмануть их, и прошло немало лет, прежде чем я овладел секретом рябчиковой песни.

Зато, уж, когда освоил все премудрости песни рябчика, и даже научился подманивать петушков голосом самочки, то получил истинное наслаждение, однажды осенью наблюдая, как подбирается ко мне охотник, переговариваясь со мной с помощью своего манка и принимая меня за рябчика! Причем, охотник был опытный, деревенский, но и он всё-таки поддался на мою уловку!

Мы посмеялись, разговорились, и оказалось, что этот охотник может точно копировать бормотание тетерева и вскрикиванья зайца весной, утиное кряканье и карканье вороны, глухариное пощелкивание с точением... Вообще, именно в народе издавна и очень умело охарактеризовали голоса и пение самых разнообразных птиц, подмечая, что соловей свищет, жаворонок заливается, чижик чирикает, тетерев бормочет, сорока сокочет, журавль курлыкает, сойка тарантит, выпь кричит, голубь воркует, канарейка поёт, ворона каркает, щегол и ласточка щебечут.

Может быть, только из деревни и пошли все эти удивительные птичьи восклицания: «Как? Как?», «Худо тут, худо тут», «Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!», «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Ка-чу! Ка-чу!», «Витю видел? Витю видел?», «Мечи-мечи в печи калачи!».

В рассказах знатоков леса, особенно среди деревенского люда, часто встречаются попытки изобразить песни наиболее известных и любимых в народе птиц словами. Конечно, эти звукоподражания каждым могут восприниматься по-разному, но у многих пернатых песни и вскрикивания, переложенные на буквы, удивительно совпадают с человеческой речью, волшебным образом преобразуясь в занятные восклицания и даже в целые фразы. Голоса птиц ничего не говорят только людям непосвященным и нелюбознательным. Для любителей же природы они весьма интересны, понятны и полны скрытой поэзии.

Поклонники лесной таинственной жизни легко восстанавливают по птичьим трелям, как музыканты по нотам, человеческие достоинства, слабости и надежды, забавные черты самих птиц и зверей, отголоски древних поверий и поговорок, дуновения ветра, шорохи трав и листвы. Таким образом, постепенно в народе создаётся словарь птичьего языка на человеческий лад — то, что народ по-своему слышит в пении окружающих его представителей пернатого царства.

Вот туманным декабрьским утром на заснеженной рябине сбились в тесную стайку дружные свиристели, устроились головками по ветру, нахохлились и, под стать еле слышно стелющейся над землей позёмке, так же тихонечко задули в свои тонкие дудочки: «Свири... свири... стель, свири... свири... стель, свири... свири... стель». Тоненьким голоском провозглашая своё имя, свиристели как будто скромно выпрашивают в эту холодную пору хоть какой-либо уют, и метель заботливо надувает им мягкую снежную постель. Красивые птички оживлённо сыплют мороженой ягодой, смело бросаются за ней в пушистый снег и, отмывая в нём свои нежно-дымчатые грудки, становятся еще красивей.

«Свири-свири, свири-свири, свири-свири», - разносится повсюду их ненавязчивая песенка, и в душах людей, несмотря на то, что колючая позёмка высвистывает свою неугомонно-надоедливую мелодию, как-то незаметно воцаряются покой и радость. Их принесли на разноцветных крылышках очаровательные хохлатые птички, и своим присутствием им суждено развеять суровую зимнюю печаль.

Когда зима ещё не наступила, а только раздумывает, как бы ей половчее исхитриться и огорошить своим появлением лесных обитателей, старый тетерев-косач, умостившись на вершине одинокой березы, заводит своё недовольное бормотание: «Бу-бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу-бу... Куплю шубу, продам балахон! Куплю шубу, продам балахон! Бу-бу-бу-бу-бу-у!» Будто обидевшись на весь белый свет, раздувшись от собственного недовольства и подступающего холода, тетерев выглядит очень забавным, и его совсем не надоедливые жалобы не могут восприниматься без улыбки. Поглядывая на

незадачливого косача, так и хочется поскорее не продать, а подарить ему тёплую шубу, чтобы тетереву было не лихо зимовать в суровую пору, и чтобы он не забывал в своих снах желанную весну, когда можно радостно провозгласить на всю округу: «Продам шубу, куплю балахон! Продам шубу, куплю балахон! Продам... Бу-бу-бу-бу-бу-у!».

Шуба эта с самого детства представлялась мне почему-то с бобровым стоячим воротником, плотно приталенная, и косач сидел в ней на дереве, лихо подбоченившись, со сдвинутой на яркие брови меховой ермолкой с пером. А вот балахон виделся длиннющим, каким-то неказистым, будто с плеча незатейливого сельского агронома, так что в заднюю прореху сиротливо выглядывали лирообразные косы, да и сам тетерев казался в нём смешным. Но как удивительно подходило ему это недовольное осеннее и восторженное весеннее бубуканье, приписываемое тетереву людьми, когда он становился похож на человека!

Всю осеннюю ночь напролёт из самой глуши таинственного леса чуточку монотонно, но мило доносится «сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-ю». Это сова-сплюшка пытается всех убедить в том, что она спит, хотя, ни на секунду не смыкает глаз, и только беспрестанно хлопает длинными веками. Сова эта маленькая, неприметная, и кажется странным, что она так невыгодно для себя заявляет о своём существовании.

А может быть, сплюшке обидно её незаметное положение, и она изо всех сил старается напомнить: вот я просто сплю-сплю-сплю, но никто меня не видит, а я стану спать-спать-спать и всем об этом рассказывать, и тогда каждый обо мне знать будет?! «Сплю-сплю-сплю»,— еженощно вещает неугомонная совка, и так к ней, наверное, все звери с птицами и привыкли, что она их своей лесной колыбельной усыпляет, а сама, изрядно намаявшись за ночь, спит днём, пока другие бодрствуют. Сплюшка спит и мечтает, чтобы её не только слышали, но ещё и видели!

Для того чтобы угадать в пении птиц нечто родное и близкое, человеку совсем не обязательно покидать город, непременно обращаясь к лесу, достаточно более пристально присмотреться к тому, что давно его окружает. Прямо под окном, на карнизе, сидит нахохлившийся воробей, и кричит в мороз: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив… Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив!»

Но мы ничего не видим и не слышим, и уж тем более не обращаем внимания на то, какой он неунывающий, храбрый и при этом совершенно обыкновенный. Правда, в оттепель воробей вдруг теряет всякую скромность и, что было сил, чирикает: «Я большой, я большой, я большой», но происходит это от радости, что перетерпел он трескучие морозы, и этой своей радостью неунывающий воробей просто и весело делится со всеми, а вовсе не превозносит себя.

Вообще, воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, то, распростерши крылья, он в отчаянии вскрикивает: «Царь, царь, царь!», а спасшись от беды, вновь

восторженно провозглашает: «Жив, ещё жив, ещё жив». Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы удивительно скучно жить.

Ну, а у нашей самой вздорной и вороватой птицы - серой вороны, и возгласы оказываются вздорные. Ворона кричит:«Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!» Что за «урода», какая-такая «капейка», и кто её «украл», остаётся непонятным. Но ворона с присущей ей настырной настойчивостью не унимается: «Ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, ур-ро-о-да, кар-р-р!»

Так, должно быть, она дразнит свою соплеменницу, сидящую напротив, не замечая при этом своего невзрачного вида, и по вздорности характера никак не в силах угомониться. Всё в ее бесшабашной голове перепутано: наглость с вороватостью, трусость с жадностью, невероятная неугомонность с изворотливостью. Целый день по всей округе без умолку разносится её изрядно наскучившее «гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р!», и вороне эта кутерьма, по-видимому, очень нравится. Она готова, наверное, охрипнуть или совсем потерять голос, лишь бы только о ней не забывали.

Морозная ли зима на дворе, раздольное ли лето - вороне всё едино. Даже с наступлением ясных мартовских дней, когда солнце припекает особенно жарко и на дорогах показываются кучки ещё не оттаявшего навоза, ворона усаживается на них и жалуется: «Калач, калач! Не Ук-калупишь!»

В любое время года она не оставляет своих скверных привычек: то хорохорится, вечно всем недовольная, то норовит подцепить, что плохо лежит. Загомозится на дереве и во всю свою ненасытную глотку провозглашает: «Капейка, капейка, оггр-ра-а-били! Капейка, капейка, оггр-ра-а-били!» Всякий знает, что она, скорее, сама, кого хочешь, ограбит, но ворона пытается выставить себя в лучшем свете, жалуется во всеуслышание, прибедняется и не вызывает в душе человека ничего, кроме беззлобной усмешки или, на худой конец, крепкого словца.

Что греха таить, без этой неподражаемой птицы было бы скучно, и, несмотря на её жуткий характер, все ворону примечают, что ей, в конце концов, и надобно! «Ук-к-ра-а-ли, ук-к-ра-а-ли», - надсадно продолжает хрипеть серая разбойница, и так себя распаляет, что чуть не сваливается с ветки. И ведь оставишь дела и обратишь-таки на неё внимание, а ворона от того ещё пуще надрывается, но лишь повеет малейшей тревогой, и она тотчас срывается, вскрикивая:«Кар-р-раул, кар-р-р! Кар-р-раул!»

Ещё не миновали жгучие крещенские морозы, далеко до самых суровых афанасьевских, и неизвестно, покажут ли себя сретенские, а неунывающая синица уже запинькала весело под окном, и на душе сразу стало как-то по-весеннему привольно и радостно. Несмотря на суровую пору, синички беспрестанно находятся в движении, залетают в раскрытые форточки между рамами и расклёвывают хранящиеся там продукты. Невероятно сообразительные и шустрые, они могут снимать крышки с молочных бутылок, сделанные из фольги, или же продырявливать их и клевать сливки.

Зима ли на дворе или дело идёт к весне - песня у синицы всегда короткая,

множество раз повторяющаяся, но не лишённая приятного своеобразия. Причем, в течение весны синица постоянно меняет голос и песню, будто боясь надоесть. В этих восторженных вскликиваньях маленькая птичка выражает маленькие заботы, радости и, кажется, довольна всем: и первой капелью, и морозными утренниками, и даже нередкой апрельской метелью. Только та угомонится, а синичка опять тут как тут: звонко, будто в несколько хрустальных колокольчиков, ударяет своим тоненьким клювиком и не может нарадоваться!

В начале марта обычно устанавливаются ослепительные синие дни, и синица не устаёт превозносить в песне это высокое синее небо и ясные дали. «Синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь!» - с раннего утра слышится за окном, и от этих радостных птичьих возгласов на сердце становится ещё более приподнято. Синее небо, синий воздух и синие тени от деревьев и домов переливаются в солнечных лучах и манят в беспредельную высь. Там, сиюминутно пронзая бесконечную синеву, копится вместе с солнечным блеском восторженное синьканье наших крохотных соседей, и почти не верится, что зима вернётся.

В конце марта синица поёт уже иначе, в зависимости от происходящих в природе перемен. Будто торопливые капли, перегоняя друг друга, скатываются с крыши её проникновенные«дзинь, дзинь, дзинь!» Когда побегут ручьи, песня синицы и вовсе изменится, напоминая всем о том, что можно без устали пить чудодейственную весеннюю влагу, сколько бы её ни натекло: «Пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви». Так зачарованно переговариваются между собой прозрачные тонкие льдинки и студёные струйки, щедро играет в небе разбуженное весной яркое солнце.

А вот ближе к маю, когда незаметно минует самое восторженное весеннее время, синица будто успокаивается, переходя на более деловой лад: «Куй, мужик, лемеши; куй, мужик, лемеши... Си-си-ши, си-си-ши, си-си-ши». Земля оттаяла, возрождается под паром, и синица озабоченно советует мужику готовиться к долгожданной пахоте. Ей и самой пора заняться выведением потомства, и она на какое-то время пропадает из поля зрения человека, чтобы вскоре вновь нести ему тихую и ласковую радость.

Всю зиму, бывает, прозимуешь, а так и не встретишь обыкновенную овсянку: птичка эта бывает только там, где просыпан овёс. Держится она у дорог, скотных дворов и зернохранилищ. Да и куда ей больше деваться? Овсянка и сама словно спелым овсом обсыпана: маленькая, кругленькая, на нежно-солнечной грудке тёмно-коричневые мазочки, будто отборные зернышки. Птичка с виду аппетитная, аккуратная, обронённые людьми семена подбирает и тихо поёт свою скромную песенку: «Фись-фись-фись, светись, фись-фись-фись,светись».

По-настоящему овсянка запевает только весной, и всегда её песенка тиха и незаметна. Намаешься в поисках глухариных токов, выберешься на какой-нибудь залитый солнцем сенный зимник, тут тебе и попадётся эта маленькая,

обаятельная птичка. Будто и не замечая ничего, перелетает с места на место, собирает зёрнышки, и, кажется, что она никого не боится: покойна и мила, каждому доступна.

Только уже ближе к апрелю, на такой же вот дороге, порядком раскисшей, заприметит она возчика и давай ему вослед насвистывать: «Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з!» При этом совсем не насмехается, а словно ненавязчиво учит. Возчик поначалу ничего понять не может, то и дело оглядывается, кто это его дразнит, но, догадавшись, только в усы себе улыбается да приговаривает: «Сменю, матушка, сменю, касатушка!»

В мае овсянка и вовсе оживляется, становясь ещё более озабоченной. Всё махонькую птичку в эту пору беспокоит, и ничто не минует её самого пристального внимания. Увидит она, что скотник сено коровам несет, и поёт: «Неси, неси, неси, не тру-си-и! Неси, неси, неси, не тру-си-и!» Скотник только диву даётся: как это она узнала, что сено последнее?! А сердобольная и милая овсяночка уже к мужикам обращается: «Мужики, мужики, точите сошники, пахать пора!» И тут же: «Старые старушечки, чистите черепушечки!» Никому не даёт покоя вездесущая птичка в эту весёлую пору, и в народе её за это всегда примечают и любят.

Довольно рано, когда повсюду ещё лежит снег, прилетают к нам с юга удивительно красивые кулички – чибисы, и сразу располагаются на мокрых, вспаханных с осени полях. Чаще всего чибисы начинают гнездиться именно на них, и поскольку в лесу в эту пору появляются только зяблики, всегда обратишь внимание на резкие, даже, можно сказать, взвизгивающие вскрикивания чибисов.

Чибисы, вообще, очень живые птицы с довольно неуравновешенным характером, и когда ты бредёшь ясным мартовским полднем мимо них с лыжами через плечо, они обязательно привяжутся, и будут сопровождать долгое время.

Если хорошенько прислушаться, то иногда можно разобрать в этом плачущем, о чем-то вопрошающем крике имя беспокойной птицы. «Чи-бис, чи-бис, чи-бис!» - проникновенно распевает кулик своё имя, и то устремляется кругами вверх, то вихляет в стороны, а то камнем падает вниз, чуть не до самой земли. Добрался, наконец-то, чибис до своего родного края, и нет предела его восторгу!

Вскоре после прилёта у птиц начинаются брачные игры, и они тоже сопровождаются радостными возгласами. Чибисы разбиваются на пары, принимаются выводить птенцов и становятся ещё более осмотрительными, с любопытством облетая всякого, кто забрёл в их владения. «Чьи вы, чьи вы, чьи вы?» - как будто спрашивают у кого-то не на шутку растревоженные птицы, переживая за своё молодое потомство и с тревогой наворачивая в небе бесконечные круги… Так ведут себя в основном обеспокоенные самцы, самки же бегают по земле, уводя нарушителя их спокойствия подальше от гнезда. Вовсе раздосадованный кулик иногда может даже презрительно и насмешливо

браниться: «Вшивик, вшивик, чьив-чи-вык, чьив-чи-вык... Вшивик, вшивик, чьив-чи-вык». Чего только не услышишь в этом удивительном мире природы!

Глубокой мартовской ночью возвращаются с далёких зимовок самцы певчих дроздов, и тотчас заявляют о своём праве на избранный гнездовой участок далеко разносящимися голосами. Когда заслышишь морозным утренником их звонкую песню, всегда становится радостно от ощущения близости весны. Поют дрозды, сидя на высоких ветвях ещё голых деревьев, и потому видны отовсюду.

В народе примечали: если дрозды поют на верхушках деревьев, значит, весна на пороге, а когда между ветвями, то наступит она не скоро. Ещё, глядя по тому, как дрозд располагается на деревьях, судят о том, каков будет год. Если дрозд сидит на самых нижних сучках ёлки — год хороший, на середине дерева — цены на хлеб будут средние, на макушке — высокие, и сам мужик от того запоёт, заскулит, как тот дрозд.

Поют дрозды почти всё светлое время дня, но особенно энергично — на утренних и вечерних зорях. Песня у них звонкая, громкая и довольно продолжительная, состоящая из разнообразных свистовых слогов. В хоре поющих в апрельском лесу птиц она, пожалуй, самая долгая и замысловатая. По продолжительности и сложности песня дрозда уступит, может быть, только песне соловья, недаром певчего дрозда в народе иной раз называют соловьём леса.

Весенняя песня дрозда никогда не прекращается: если один замолкает, тотчас подхватывает пение другой, и так до бесконечности. Именно песня дрозда создаёт в весеннем лесу тот общий музыкальный фон, на котором и разворачивается бесподобный по звучанию спектакль. Разноголосый птичий хор, главные дирижёры в котором дрозды, не умолкает до полуночи, и только когда потухает на западе розовый закат, все краски леса стираются, а на небе зажигаются зелёные звёзды, хор незаметно утихает, и всё живое погружается в непродолжительный, тревожный сон.

Иногда в чистый апрельский дождь дрозды не смолкают даже ночью, и в преддверии скорого глухариного тока, стоя без движения в промозглом сыром лесу, всегда с интересом прислушиваешься, какие звуки они издают. В особо холодные утра дрозд, с не присущим для себя хрипом, вдруг выдаст: «Свинина, псина, ужасть холодина... Досыта бы солонина... Свинина, псина, холодина, тек-тек-тек, витью-витью-витью, циин-н». Поражённый, ещё более пристально вслушиваешься в пробуждающуюся темноту и с нетерпением ждёшь рассвета, а когда туман рассеется, и на коричневых веточках заблестят капли, над лесом, наконец-то, радостно разнесётся: «Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром, с сахаром!» И ещё: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем, выпьем!» Всё бы, кажется, бросил и пошёл с неведомым кумом Филиппом в гости к дроздам утро весны встречать!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу, по прилёте, занимает густые поросли по опушкам и берегам рек, потому как петь начинает лишь тогда,

когда покроются листвой деревья и кустарники. Это - буровато-серая, маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, только спинка у неё слегка оливково-бурая, да чуть рыжеватый хвостик. Поёт соловей всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения - и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Пение его очень богато пересвистами и пощёлкиваниями, в них с удивительной прелестью нежные звуки сменяют громкие, а восторженные – печальные. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует ещё более очаровывающая. Причём, всё торжество издаваемых звуков льётся неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом - неповторимость соловьиной песни, она всегда изумляет своим разнообразием, полнотой и силой. Соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике весны.

Соловей поёт, сидя на какой-нибудь ветке невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен, и как тут не забыться, почти весь день провозглашая весну! Бывает, соловьи не прекращают свои песни до середины июня, когда все другие птицы уже давно успокоились.

Хороший соловей поёт всегда с толком: после сильного, страстного колена выставит вдруг легкое, нежное, затем пустит переливчатое и вновь его повысит. Получается нечто чарующее, и среди знатоков соловьиной песни определенные колена даже получили свои названия: «пленьканье», «почин», «лешева дудка», «кукушкин перелёт», «водопойная россыпь». Но как бы ни была неповторима соловьиная мелодия, человек подметил в ней ещё и близкие своей речи созвучия. Ввиду сложности соловьиных трелей воспроизвести их словами довольно трудно, и пение соловья выглядит примерно так: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо-о!» И опять: «Мужик, мужик, мужик, сало пёк, пёк, пёк, пёк, пёк, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течёт, течёт, ешь, ешь, горячо, горячо, горячо-о!»

Песня соловья, в отличие от всех наших лучших пернатых певцов, хороша ещё тем, что в ней нет ничего заимствованного, а только своё неподражаемое и вдохновенное творчество.

Радостно всё, что появляется в природе с приходом весны, и особенно восторженные журавлиные вскликивания, что так торжественно разносятся в высоком апрельском небе... Люди задирают головы и в восхищенном молчании провожают птиц взглядом, а журавли поют свою красивую трубную песню, и в душе каждого человека просыпается что-то новое. Весной журавлиный клин приносит с собой чувство радости и обновления, осенью — грусти и печали о чём-то добром и сказочном, что птицы уносят на своих крыльях в дальние края, а возвращают только в следующем году, когда это добро становится более желанным.

Вернувшись с юга, домой, журавли всегда устраивают незабываемые танцы. Прежде, чем начать танцевать, птицы издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и важно прохаживаются, с каждой минутой убыстряя темп. Время от времени они неожиданно замирают с приподнятой ногой, как будто к чему-то прислушиваются, и, высоко вытянув голову, принимаются бить поклоны, кружась на месте. Иногда журавли замирают один против другого, а затем вновь пускаются в свой неподражаемый танец.

Ещё часто можно наблюдать, как журавли подскакивают, и порой очень высоко. В этом коротком парении они почти прижимаются друг к другу и, медленно планируя, опускаются на землю. Повторившись несколько раз, таким образом, танец прекращается, но может возобновиться снова, и партнёры опять кружат, подскакивают, неожиданно замирают, устремив клювы вверх. При этом все движения птиц исполнены изящества и грации, они напоминают ритуальные древние таинства, присущие всему живому.

Крик журавлей в весеннем небе - это, наверное, олицетворение бескрайности наших российских просторов, их красота и лёгкая печаль от неизъяснимой любви к родному краю. В особенности, когда ты надолго его покидаешь, а затем вновь возвращаешься. Но вот осенью красивые, немного грустные голоса птиц не похожи на те, какими они переговаривались в весеннее время.

Журавли - птицы разговорчивые, и криками часто выдают своё настроение. По осени их трубные голоса напоминают всем о том, как удивительно прожили они рядом с людьми весну и лето, просят их не забывать о чем-то дорогом и сокровенном, даже ненавязчиво советуют.

Перед самым отлётом птицы обычно отправляются на поиски полей, где скосили овёс и можно найти просыпанное зерно, чтобы набраться сил на дальнюю дорогу. Пролетая над пахарем, обрабатывающим землю под озимые, журавли«критикуют» своим курлыканьем его работу: «Мужик скривил, мужик скривил, курлы-курла, курла-курлы... Мужик, спрями, мужик, спрями, курлы-курла, курлы-курлы». И люди опять, как и весной, с улыбкой обращают к ним свои взоры и желают доброго пути, а птицы машут им на прощание крыльями и забирают с собой все печали, оставляя только неугасающую надежду.

Одной из самых последних, когда весна уже полностью вступила в свои права и деревья покрылись листвой, прилетает к нам иволга, золотисто-жёлтая птица величиной с горлинку. Для гнезда она устраивает уютный гамачок, и он висит, чуть покачиваясь на ветру, будто в такт её песне. Песня у иволги довольно длинная и состоит из набора тихих, скрипучих и щебечущих звуков, а заканчивается неожиданно мелодичным свистом.

Иволга - очень скрытная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит. Если же опасность угрожает ей непосредственно, она смело налетает на врага, издавая что-то наподобие боевого клича, и, тем самым, открывает себя,

поражая яркостью своей окраски.

С первых чисел мая из густой кроны деревьев разносится её красивая песня, и чудится, будто кто-то играет на флейте. И тут же - раздражённый кошачий крик: можно подумать, что кошка забралась за кем-то на дерево и никак не может достать или ей просто прищемили хвост. Оказывается, когда звучит «флейта» - птица в хорошем настроении, а если кричит «кошкой» - значит, она испугана или рассержена.

Иволга обычно поёт всё лето, когда многие птицы уже замолкают, и, заслышав солнечным июльским утром её сочный переливчатый свист, сразу выделишь его среди окружающих звуков и остановишься, заслушавшись. Прохладная тень, затаившаяся внизу высоких сосен, добавляет таинственного изящества звукам её песни, она очаровывает и незаметно усыпляет. Хочется лечь где-нибудь на тенистой полянке, закрыть глаза и с наслаждением от всего отрешиться. Или представить себя этой красивой птицей, что так загадочно хороша!

Не каждую весну удаётся посмотреть на удивительную птицу, и её чистый флейтовый свист что-то переворачивает в душе. Душа начинает думать и чувствовать по-летнему, с присущей этой поре роскошью красок, где золотисто-жёлтая птица - её чудесное дополнение. В крике иволги уже не услышишь резкого «вж-ж-жела, кш-ш-ш!», а только нежное«фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу», что напоминает, вроде бы, не подходящие ей слова: «Удил, да вынул, удил, да вынул, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу». И дальше, словно кого-то допрашивая: «Ты видел, видел, видел, фью-тиу-лиу?» При этом всегда непроизвольно оглянешься, но, никого не приметив, улыбнёшься и радостно прокричишь птице в ответ: «Видел, видел, видел!»

Нередко, уже со второй половины марта, в лесу раздаётся, вроде бы, монотонная, состоящая сплошь из повторов песня пеночки-теньковки. С ней можно встретиться повсюду, если быть внимательным: пеночка - это маленький лесной невидимка. То она легко перелетает рядом, ненавязчиво напоминая о себе тонким попискиванием, то надолго теряется, и пройдёт немало времени, прежде чем птичка вновь появится в кронах деревьев. Легче услышать её, чем увидеть! Только после того, как остановишься и внимательно всмотришься, заметишь, наконец, нечто трогательное и нежное оливко-дымчатого цвета, еле приметный пегонький росчерк в ветвях, и на душе сразу станет радостно.

Пеночка-теньковка - незаметная радость леса, и она всегда с нами. С нами её неуловимая нежность, изящество и сила. Эта небольшая, скромно окрашенная птичка, размером меньше воробья, несмотря ни на что живёт и никуда не исчезает, перелетает в ветвях, тихо тенькает и будто ничего не ждёт от жизни. Ей просто и хорошо в этой своей лесной незаметности, и она радует всех таким неприхотливым и скромным присутствием.

Песня её будто звон капель воды, падающих с высоты. Начало песни сухое, потрескивающее «тр-трр, тр-трр, тр-трр», и слышно оно только вблизи. Но затем, в том же ритме, птица исполняет своё «тень-тинь-тень-тюнь, тень-

тинь-тень-тюнь», меняя тональность почти на каждом слоге, и именно из-за этого она и получила, наверное, своё имя.

Теньковка — один из самых неутомимых певцов: она поёт и рано утром, и днём, и вечером. Усевшись на верхней еловой ветке, птичка будто тянется головкой к солнышку, и с клювика её срываются восторженные звуки: «Тень-тинь-тень, тень-тинь-тень, тё-тень, тё-тень, тё-тень». Прислушавшись хорошенько, вдруг различаешь, что она не только радуется ясному дню, но и зовет какую-то «тётеньку», а та никак не откликается, и пеночка вновь принимается настойчиво повторять: «Тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь, тё-тень, тё-тень, тё-тень, кап-п, кап-п, кап-п... Тётенька, тётенька, тётенька!» Ничто так в весеннем лесу не отогревает сердце после долгой зимы, как тоненький голосок этой маленькой и неутомимой птички!

С приходом лета разнообразных птичьих голосов в лесу нисколько не убавляется. На берегах рек и озер, что совсем недавно покрылись растительностью, часто можно встретить неброского цвета юркую птичку - болотную камышовку. Но красивой ей быть и ни к чему, поскольку большей частью она держится в самой гуще прибрежных кустарников и тростников. Камышовку редко увидишь, она почти незаметна, но очень подвижна и, наверное, не желает ничего иного, кроме как жить в густых камышах, не чувствуя себя потерянной.

Песня камышовки покойна и необыкновенно мелодична, она состоит из смешения многих чужих и собственных звуков, быстро сменяющих друг друга высоких посвистов, трескучих и визгливых выкриков. Постоянно повторяющаяся мелодия «чип-чип, чек-чек, чип-чип, чек-чек», по мере спада нотки озабоченности птички,незаметно преобразуется: «Цири-цири, тере-тере, чип-чип, чек- чек, тр-тр-тр-р... Крак-крак, кли-лилили, кли-лилили... чи... чи... тере!» Обычно камышовка держится скрытно, но во время пения взбирается на верхние ветки куста, как будто стремясь показать себя. Иногда камышовка даже взлетает кверху, но песня её при этом не прекращается.

Чаще она сидит на тростнике, залитом водой, и от этой близости водной поверхности, полной загадок и жизни, песня её убыстряется, звуки становятся крякающими и постепенно повышаются: «Кэре-каре, кэре-каре, кру-кру-кирикири-кики... Крак-крак-крак, клин-клин-клин, чек!». Наблюдая из прибрежных кустов за птичкой и видя, как она то и дело склоняет голову набок и заглядывает в воду, будто высматривая там кого-то, чудится, что камышовка быстро произносит: «Карась, карась, рак, рак, линь, линь! Карась, карась, рак, рак, линь, линь!», и ты невольно начинаешь верить, что птица видит этих рыб и, не в силах сдержать себя, сообщает всем об этом!

И вот становится совсем тепло, воздух наполняется насекомыми, и однажды утром под мостом появляются очень изящные и юркие птички. Блестяще-черное оперение спинки, бело-охристое брюшко и длинный вилообразный хвост позволяют безошибочно различить в них долгожданных ласточек. Их элегантное одеяние в сочетании с вытянутой, лёгкой фигуркой создаёт ощущение, будто все птички зачем-то переоделись во фраки, а их

длинные хвостовые косички напоминают свободно ниспадающие фалды. Переполненные восторгом возвращения в родные края, но еле сдерживаемые своим «аристократическим» одеянием, ласточки схожи с волнующимися оркестрантами, преисполненными важностью предстоящего: ведь им надлежит за короткий срок исполнить так много!

Ласточки любимы в народе, и всегда было принято думать, что они приносят счастье. Их оберегали, старались не обижать и помнили: ласточка — святая птица, к ней был неравнодушен сам Всевышний, и оттого, наверное, ласточки под Троицын день поют высоко в воздухе еле улавливаемую молитву: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». Может быть, конечно, это и не ласточки поют, но кроме них в небе никого нет, и люди всегда думают о святости близких их сердцу касаточек.

Ласточки, видимо, чувствуя к себе такое отношение человека, всегда держатся к нему поближе. Однажды они даже сменили места своего постоянного обитания — скалистые берега речных долин и пещеры, и стали вить гнёзда на стенах жилых домов и сараев, под балконами, карнизами и в конюшнях, образуя целые колонии. И повсюду слышится их радостное щебетание: «тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч!».

Но вот иногда у ласточки пробивается и настоящая песня, особенно заметная в пору прилёта, когда первые стайки этих птичек появляются над полями и деревнями, или сидят на крышах и телеграфных проводах. Песня эта — торопливое щебетанье скороговоркой, с отдельными, более звучными выкриками и с тихой трелькой, большей частью перед самым концом. Призывный крик звучит как «твид-твид» и «тлюи-тлюи», потом вдруг, завидев выехавших в поле на работу мужиков, ласточки сочувственно им напевают: «Мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яишню».

Вот уж что действительно подходит к ласточкам, так эта самая яишня, и невозможно объяснить, почему. Только крутится всё время на языке это простое деревенское лакомство, как и ласточка, что неотступно кружится над людьми и всё за ними подмечает. Задрав голову, следишь отрешённо за её стремительным полётом и не помышляешь ни о чём, кроме лета.

Когда трава поднимается достаточно высоко, наконец-то, прилетает с юга и перепел. Увидеть перепела, когда он бегает по земле, нелегко: окраска хорошо маскирует птицу. При этом перепел бежит так быстро, что его даже трудно разглядеть.

Птицы эти любят открытые пространства, в особенности заливные луга с посевами, а если селятся в самом лесу, то на широких полянах. Часто они держатся на хлебных полях, и их много гибнет во время косьбы. Взлетают перепела в крайнем случае, но, вспугнутые, летят недолго, как правило, низко над землёй, и быстро присаживаются, всегда готовые надёжно укрыться в бескрайних просторах золотых колосьев.

Спустя несколько дней после прилёта, сначала только на утренних и вечерних зорях, а затем и круглые сутки можно слышать «бой» самцов. В народе ещё говорят, что перепел не поёт, а вавакает и уже потом кричит: всё

это и называют «боем». Бегая по траве, самцы перепела «бьют» и разыскивают, таким образом, перепёлок, издающих в ответ хрипловатый свист.

Но не все перепела поют одинаково. У огромного большинства птиц все колена «боя» обычно сливаются в один поспешный, несколько свистящий удар, его можно передать звуками вроде «фвать-вальват, ва-ва-ва, фвать»или «фвить-фвить-фвить!» Такие перепела называются чистохватами, и только у редкого перепела песня состоит из трех особых колен — подъёма, проволочки и отлива, благодаря которым и слышится нам, будто птица … разговаривает.

Вот повёл пастух коров на пастбище, а перепел уже тут как тут, и из травы у дороги доносится: «Вот ведёт, вот ведёт, вот ведёт!» Или ещё какой-нибудь самец, оказавшись поутру у самой околицы, зарядит до того настойчиво и бесперебойно, что отчетливо слышится: «Полно спать, полно спать, полно спать!» Когда же бабы забудутся за домашней работой, перепел так даёт о себе знать: «Досыть, бабы, шить, надо полоть: под полоть, под полоть, шить, полоть, шить, полоть».Ну, а уж если засидятся бабы за полночь, перепел им заботливо напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» Попробуй тут не послушать такую серьезную птицу, которая с вкрадчивого «разговора» возьмёт, да перейдёт на однообразное ваваканье, и тогда, по народным приметам, горе бабам — лён будет плохой!

В поле перепел кричит, а над болотом кулик заунывную песню заводит: всякий кулик, говорят, своё болото хвалит. Пришло и его время родину посетить, поэтому, когда спрашивают его: «Где живешь, кулик?», он отвечает: «На болоте!» К нему опять: «Кулик, иди к нам в поле! Здесь сухо», а кулик в болоте плачет, но из болота нейдёт. Всяк кулик - на своей кочке велик!

Но на самом деле кулик в болото, наверное, не по своей воле бежит, а затем, что голову там бережёт. Ему в болоте спокойнее и радостнее, чем в открытом поле.

Весной к нам прибывает множество разных куликов, но большинство из них долгоносые, имеют длинные ноги и оттого любят бродить по мелкой воде у берегов рек, ручьев и топких болот, выискивая для себя лакомый корм. Они часто летают над водой, привлекая внимание своими воздушными играми и громким токовым криком, состоящим из растянутых, как бы с ударением повторяемых «стонущих» звуков - «кююйи... куулик... куулик, кююйи... куулик». Когда же зацветает гречка и поле за болотом покрывается белым ковром, кулик принимается носиться над ним и в отчаянии кричит: «По-о-о-гиб, по-о-о-гиб, по-о-о-гиб», думая, что пришла зима и выпал снег. Но вокруг лето, и кулик скоро в этом убеждается. И вновь разносится над болотом его жизнеутверждающее: «Кююйи... куулик, кююйи... куулик, кююйи... куулик-к!»

Бывает, сенокос уже в разгаре, копны растут как грибы, но вдруг ни с того ни с сего возьмут и зарядят обложные дожди, так что мокрое сено начинает гнить… Зато быстро подрастают новые травы, свежие и сочные, и тогда озабоченный кулик мечется в воздухе и без устали то и дело кого-то

призывает:«Жгите сено! Жгите сено! Новое поспело!»

А лето в самом расцвете, и только и слышится отовсюду:«Как? Как?», «Тпрусь, тпрусь!», «Ка-чу! Ка-чу!», «Мечи-мечи в печи калачи!» И опять: «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Худо тут, худо тут, худо тут!», «Под полоть, под полоть, под полоть!». Этому птичьему многоголосью вторит хорошенькая горихвостка, только что выведшая на свет птенцов: «Я у Питере была, Питер видела... Я у Питере была, Питер видела». Ей не уступает красавец щегол, что старательно, не обращая ни на кого внимания, щеголевато выговаривает: «Пили кофе, пили чаааай... Пили кофе, пили чаааай... Пили-пили, пили-пили, пили- пили».

Ширится многоликое лето, набирается сил и красок, и вместе с ним наполняется жаждой жизни разбуженное весной сердце, что, как и птицы, поёт на разные голоса, переживая ко всему любовь, и с неизъяснимой радостью взмывает в бескрайнее небо!

Уже много лет хожу я по лесу и разгадал немало птичьих песен, но до сих пор не могу забыть первую: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Вспоминаю её, а из далекого детства всплывает в памяти то туманное сентябрьское утро, когда лес впервые дохнул на меня своей тайной, но не напугал, а лишь предстал во всей своей силе. Огромные ели за логом, утопая по грудь в тумане, глядели серьезно и внимательно, как будто оценивая, чего ждать от этого маленького человека. Несмотря на их возраст и видимую неприступность, они ни казались зловещими, а лишь молчаливо наставляли на что-то очень значительное, что недопустимо было пропустить мимо своего внимания.

Вспоминаются и замершая осенняя тишина, наполненная последними отзвуками уходящей поры, и вскрикивания птиц, собирающихся в беспокойные стаи, и доводящий до слез запах прелого листа вперемешку с сырой корой, и, конечно, тот самый отцовский пищик, что я берегу до сих пор, и нет-нет, да достану, чтобы насладиться знакомой мелодией… И тогда как будто оживает окружающий воздух, до того пронзительно разносится в нём рябчиковое пение, и хочется вновь отправиться в осенний лес, чтобы, остановившись у опушки, услышать восторженно-приподнятое признание птицы в любви к замечательному туманному утру и возможности просто жить и петь: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

КОЛЯ – ЧЁРТИК

Николая Ивановича Черткова, разнорабочего тарного цеха при местном леспромхозе, на деревне звали просто - Коля-чёртик. Прозвище своё Коля получил не столько благодаря фамилии, сколько из-за внешней схожести с вышеозначенным сказочным существом, в точности отображая его всем своим внешним видом. Не то, чтобы он нёс в себе олицетворение зла, какого-либо нечистого врага человеческого, одним словом, чёрную силу, но весь

облик Коли очень точно отображал какого-то изворотливого беса, коим он представал перед людьми, вступая с ними в контакт.

Не обошлось тут, наверное, и без непреодолимой любви Коли к зелёному змию. Когда он напивался, как говорится, «до чёртиков», тогда Колю, вообще, было трудно узнать, в него будто вселялся сам дьявол: как только Коля за порог, чёрт ему поперёк!

И то, правда, что греха таить, выглядел Коля, прямо скажем, сообразно этому самому чёрту. Вроде, как к чёрту пристал, а от людей ещё не отстал: и мелок, и неказист, и одежонка на нём всегда донельзя изжёвана. Будто какая-то неведомая сила Колю в преисподнюю к самому сатане сунула, невесть сколько там носила, но чем-то неизъяснимым он к себе, всё же, притягивал. Выверт какой-то особый в Коле присутствовал, и он об этом, конечно, знал, и с удовольствием им пользовался, может быть, только в подпитии этот самый выверт в себе и угадывая. Кого чёрт рогами под бока не пырял!

Передвигался Коля по деревне одному ему ведомыми маршрутами, даже в крепком подпитии не нарушая своё следование ими. Маленький, с виду неловкий, он будто сдерживал в себе природную изворотливость, некую изощрённость, которую ему, между тем, очень хотелось продемонстрировать. Вроде, как эта способность всё понимать и в любом деле быстро проникать в самую его суть ежеминутно билась в нём неугасимой жизненной жилкой, не давая покоя.

Как только Коля завидит что-нибудь, по его мнению, никоим образом не укладывающееся в рамки здравого смысла, и он уж тут, как тут. Почитает за долг вмешаться, надо не надо высказать своё мнение, а то и прямо-таки влезть с каким-нибудь мудрёным советом, тогда как сам, на деле, не отличается никакой последовательностью, вечно пуская всё на самотёк.

Или, вообще, безо всякой причины начинает отлынивать от исполнения возложенной на него работы, переводя выполнение её в некую понятную только ему забаву, приятное упражнение для его причудливого ума, словом, в потеху, каких-либо особенных неудобств, между тем, никому не доставляя. Смеха ради, а вернее всего - для увеселения собственной непостижимой души, решался Коля на очередную хохму: напускал на себя дурачество, чудил под этой личиной, не без удовольствия промышляя своей дурью, и от того слыл среди людей шутом гороховым. Чистый чёрт, шут его бери!

На деревне к Коле-чёртику относились неоднозначно. Одни поселяне, вообще, его не воспринимали, как будто человека и нет вовсе. Другие смотрели на его чудачества с укоризной, а третьи – просто вертели пальцем у виска: мол, что с него взять – малохольный! По большей части наш герой вызывал смутные чувства, что располагали ближе к недоумению, чем к отрицанию.

Многие не понимали Николая, искренне принимая его за баламута, и Коля-чёртик, скорее, веселил деревенских жителей, нежели вызывал у них какое-либо раздражение. Они великодушно прощали ему все его совершенно безобидные выкрутасы, с улыбкой или беззлобным смешком пересказывая

друг другу Колины подвиги. Нельзя сказать, что это была любовь: Колю-чёртика просто терпели, как неминуемый огрех природы, порой журили, а затем на неопределённое время забывали, чтобы после очередного Колиного «подвига» опять вспомнить и изумиться его неистощимой непутёвости вперемежку с таким же обезоруживающим обаянием, с каким Коля умудрялся удивлять народ.

Взять хотя бы случай с ивовой корой, которая шла на изготовление красителя, и её сдавали в деревенском приёмном пункте на вес, заводя телеги с вязками прямо на весы. Коля, нагружая подводу в лесу возле давно разработанной делянки, умудрился напихать под пуки с корой старые берёзовые чурбаки, чтобы, значит, таким огулом весь деревенский мир смутить и себя в лучшем свете представить. Легко, что дурню под гору, но на всех, как ни старайся, известное дело – не угодишь.

И если бы Коля был какой-либо малоумный, юродивый, человек без рассудка, а то ведь мог предстать миру и как голова! Был он, скорее, неорганизован, нежели глуп или ленив, и во всякое дело, с коим каким-то образом соприкасался, привносил присущее только ему обаяние. Чудаку, мол, всё смех на уме, и даже плач из него весельем прёт. Словом, дурак не дурак, а сроду так, но чудак чудаку рознь. Коля чёртик был нашего Бога дурень!

И ведь знал, конечно, что обман его рано или поздно раскроется, но хотелось Коле хоть немножечко, на какой-то миг, побыть лучше всех, так сказать, передовиком производства, то есть, учинить очередную хохму, преподнося её как маленький праздник жизни. И Коля, не задумываясь, а подчиняясь только своей шутовской, но беззлобной натуре, вытворял его, на что был великий мастер. А уж потом не грех и пострадать: бейте, ругайте, приму любой срам.

И в этом опять проявлялось Колино обаятельное простодушие, желание и себя показать, и народ посмешить: у всякого, как говорится, свои причуды в голове. Да и то сказать: скучно было бы без Колиного чудачества, ибо проявление в человеке потехи есть свидетельство доброго расположения духа. Иной смех плачем отзывается, над Колей же потешались с улыбкой.

Отправил однажды Колю бригадир коневодческой бригады лошадку отбившуюся привести, делов-то на полчаса, не более. Ещё смутило тут всех то, что Коля сам напросился: мол, ему пригнать верхом отбившееся животное – пустяковое дело. Отчего не подсобить родному колхозу для общего блага?

Час проходит, другой, Коли всё нет: как в воду канул. Ждали так, пождали – терпение у всех лопнуло, и пошли сами. Глядят, а Коля стоит возле кобылы, держится за стремя и чуть не плачет: ростом-то не вышел! Видать, кружил вокруг неё, карабкался – карабкался, а залезть никак не сподобится, ну, и плюнул в сердцах. И лошадь измучил, и сам весь извёлся: и смех, и горе!

А то было дело – провалился Коля в прогалинку между штабелями с брёвнами, когда раскатывали их на погрузку. Только с ним могло случиться подобное. Слетел туда, и давай понизу метаться, да всё приплясывает, какую-то околесицу выкликает. Такую суматоху учинил, что все в голос хохочут, чуть ли не до упаду! Ну, что тут скажешь: посильна беда со смехами, а невмочь со слезами.

Жена Коли, Татьяна Никифоровна, была женщина основательная, даже строгая, не в пример своему мужу имела высокий рост и сильную худобу. Отчего, находясь рядом с ней, Коля заметно терялся и выглядел, можно сказать, нелепо. Но это его, опять же, не смущало. Временами Коля даже осмеливался прикрикивать на Татьяну Никифоровну, особенно, когда опрокидывал чарку, а то и руку поднимал, на следующий день, правда, стараясь не попадаться ей на глаза.

И всё-таки было видно, что Татьяна Никифоровна любит Колю, как-то молча, и не для чужих глаз, опекает его. Если случится вызволять своего непутёвого муженька из очередной беды – никогда не оставит, даже если приходится тащить его на себе через всю улицу. А уж напивался Коля порой: прощай, белый свет и наша деревня! Нет рядом Татьяны Никифоровны – и переехала эта самая деревня поперёк мужика.

Кстати, познакомился я с Колей именно благодаря его супруге, когда мы повстречались с ней в июльском лесу, где она собирала лечебные травы. Помнится, я запнулся за валежник, и сильно расшиб коленку. Сидел на тропинке и, закатав штанину, прикладывал к ране листочек подорожника, а тут вдруг, откуда ни возьмись, бабушка-старушка, строгая на вид, а голос добрый, и на сухой ладошке цвет беловато-жёлтый протягивает: «Возьми, - говорит, - голуба. Порезанная трава называется. Подержи над ссадиной маненько».

Татьяне Никифоровне была присуща некоторая степенность, что придавала ей, в свою очередь, какую-то затаенную значимость, а знание лечебных трав и вовсе выделяло её в деревне как особенного человека, сведущего почти в колдовском деле. В чулане и сенцах у неё стоял пряный травяной дух, под потолком чуть покачивались пучки засохших цветов и ситцевые мешочки. Знала Татьяна Никифоровна - и какова собой всякая трава, и на что пригодна, и в какую пору её собирать надобно, но не смогла отвести мужа от лихого зелья.

На деревне Коля слыл известным пьяницей, но, что называется, на особинку: выпьет, да оборотит, да в донышко поколотит. Пил всё, что есть, и без остатка: хоть рюмочку, хоть стакан, а то и цельный ковшик – чего же не пить, если выпивается! Ну, а коли чужое вино подворачивалось, тои подавно: и пил бы, и лил бы, и скупаться попросил бы. Но как-то так выходило, что не спивался. Наверное, потому, что пил больше на радостях, ибо горе своё уже давно запил.

Был он всегда весел. Но весельем этим никому не докучал. Как говорится, запьём, так ворота запрём, и если люди пьют и им честь и хвала,

почему мне – стыд да беда! Больше в Колином поведении выходило чудачества, шутки. И какое явление природы, скажем, люди не могли объяснить, то Коле, по известным только ему законам, все чудеса на свете были доступны.

Часто, уже изрядно подвыпив, он любил с лукавинкой озадачить какого-либо доброхота заковыристой загадкой: «Дважды родится, ни разу не крестится, один раз умирает?» А для того, кто упрекал Николая в чрезмерном увлечении выпивкой, у него всегда было наготове оправдание: «И курица пьёт!» Или ещё: «Пить – умереть, не пить – тоже умереть. Уж лучше пить, так и так помирать!»

Диво, необычайная вещь или какой-либо необъяснимый случай поразительным образом ошеломляли Колино воображение. Нечто, казалось бы, едва сбыточное, но, тем не менее, существующее повергало Колю в неописуемый восторг, и он, переполненный одолевающими его разбережённый разум впечатлениями, напивался. Водрузив на переносицу старые костяные очки, у которых вместо дужек была привязана засаленная резинка, Коля в сомнамбулическом состоянии сладостной отрешённости погружался в изучение затёртого журнала «Наука и техника», бережно разглаживая истёртые страницы, и в каком-то полубезумном восхищении от только что прочитанного восклицал: «Чудовые дела на свете творятся!» Этот чудный, дивный и удивительный мир, похоже, никогда не покидал Колиного восприимчивого представления о нём, и Коля, расплывшись в беззубой улыбке, и с восхищением воззрившись на стену с облупленными обоями, зачарованно добавлял: «И чудней меня на свете есть, да некому привесть!»

Однажды Коля, наконец-то, забрёл и ко мне в гости. Какое-то время сидел, молча, неспешно оглядывая мои хоромы, чуточку ошарашенный, а затем в восхищённой задумчивости произнёс: «Чистота-а…». И потом опять, терпеливо оглядев внутреннее пространство избы, с некоторым недоумением добавил: «Да-а…». По внешнему виду его можно было заключить одно: Коля порядком озадачен. Собственное домашнее обустройство Николая оставляло желать лучшего, и Коля никак не мог взять в толк: как подобное возможно?

Кося одним глазом на печку, а другим - уставившись в чистый пол, он долго ничего не произносил. Приплюснутые губы его еле приметно шевелились: то расплывались в недоумевающей улыбке, то вытягивались в трубочку. Нелегко осилить даже очевидное, если годами простодушно погружал своё существование в хаос. Но и около святых, как говорится, водятся черти! Коля уже давно привык обходиться самым малым, то есть краем, не пытаясь что-либо изменять вокруг себя, не потеряв, наверное, только способности удивляться.

Запустив заскорузлый чёрный палец в нагрудный карман застиранной гимнастёрки, и в нетерпении причмокнув губами, Коля загадочно произнёс: «Слышь, чего покажу!». Через мгновение на свет божий вызволяется измочаленная бумажка, коей оказывается во множество раз сложенная газета «Лесная промышленность» за 1977 год. Коля с еле сдерживаемым трепетом

разворачивает её, тои дело облизываясь и улыбаясь, будто собираясь соорудить изрядную самокрутку, а расправив, наконец, измятую страничку, заботливо разглаживает её и, прищурив глаза, заворожено вглядывается в истёртые строки давно знакомой ему статьи.

Что-то в ней особенно занимает Колино воображение, и, закатив глаза под потолок и поучительно погрозив кому-то своим заскорузлым пальцем, он торжественно возглашает: «В Мексике кактусы произрастают до двадцати сажён росту!» Чёрные раскосые глаза его при этом, видимо, от переживаемого восторга, собираются в одну точку, лоб сплющивается к самой переносице, а уши оттопыриваются, впрямь, как у чёрта, и Коля становится похожим на лукавого маленького шайтана. Чёрт Колю не обманет: Коля сам про него молитву знает!

Так Коля и жил: ни Богу свеча, ни сатане кочерга. Одним словом: чёрт ногу сломит! В доме – неразбериха, можно даже сказать – бардак, в огороде – всякая культура к свету тянется, как придётся. Работы кругом – невпроворот, да отнял нечистый охоту. В общем, вселился чёрт в Колин двор: все люди как люди, один он в колпаке.

К слову сказать, на голове у Николая в любое время года красовался непонятного происхождения треух – тёплая шапка с ушами и задником, да ещё с узким передником вроде козырька. Висячие лопасти у этого малахая всегда торчали назад, что, действительно, вызывало ощущение каких-то странных больших ушей, что воспринимались как естественное продолжение Колиной головы. На ногах – широченные валенки, зачем-то урезанные сверху, носки же до такой степени загнуты, что непонятно, как возможно было достигнуть подобного. Вышагивал в них Коля по деревне вперевалочку, очень даже проворно, умудряясь не запинаться даже в изрядном подпитии. В общем, мужчина-красавец, коли хоть немножко красивее чёрта!

Коля и на правду был чёрт, то есть неумолим, и резал её к месту и без оного. Ведь чудаки не глядят на то, что-де люди скажут, а делают то, что чтут полезным. А полезным Коля считал всякое чудесное творение, по его соображению, не обошедшееся без вмешательства всевышней силы. То и держал он в красном углу иконку святого, почитаемого за любимого, Николая Чудотворца, сам же больше слыл меж людей великим затейником и шутником, вытворяя порой странные и даже непонятные для поселян вещи, как бы с чудом. Словом, был известен на деревне как «чудотворец», не будучи богомольцем.

Тешить себя и людей пустой выдумкой, какую сам он, кажется, воспринимал на полном серьёзе, было его излюбленным занятием. То есть, говорить не правду, то, чего нет, но не ради лжи, а для безвредной забавы. И, конечно, всё сказанное, вернее всего - тут же им придуманное или вычитанное где-то и изрядно перековерканное, воспринималось Колей как истина. Попытка не пытка, а спрос не беда. Шутка-то ряд делу!

Впрочем, любое дело, если быть честным, валилось из Колиных рук, и больше он был горазд на занятные речи, нежели на какую-либо кропотливую, длительную работу. После смерти жены к Коле мало кто заходил, если только какой-нибудь пьянчужка или бродяга, и я, наверное, был единственным, кому он по-настоящему оказывался рад, всегда оживлялся при моём появлении, и, как мог, принимался за хозяйство, не в силах долго определить – где у него что лежит.

Вообще, непритязательность Коли в житейских делах, то, как он относился ко всему, что его окружало, просто поражала. К предметам домашнего обихода, скоту, постройкам, плодам и овощам, что незатейливо выращивал он у себя в огороде, Коля проявлял такую же удивительную незатейливость и простоту. Простоты в кладовых Вселенной много, как и простоты человеческого сердца, а у Коли её было в достатке. Но одною простотой на свете не проживёшь.

Домик у Коли-чёртика был такой же, как и он сам: маленький, непутёвый, но стоял на пригорке, не как попало, а гордо, будто устремляясь в какие-то дальние дали, за родную деревню. Когда я, обычно, возвращался из леса, то всегда, в первую очередь, отмечал для себя Колину маленькую избушку, словно бросающую кому-то вызов. Домик старенький, да ещё от времени глубоко вжат в землю, а было в нём что-то необыкновенное, даже несгибаемое, что непроизвольно притягивает взор.

Нередко случалось, что кто-нибудь из соседей, не от великого ума, не преминёт потрафить Коле:

- Уж больно он у тебя, Николай, неказистый!

- Домик у меня, конечно, не велик, да лежать не велит, как будто извиняясь, увещевает соседа Коля. – Три кола вбито, бороной накрыто, и то дом, а у меня – хоромы! Заходите в гости, без церемоний!

- Выходит, дом не гож, а хозяин хорош? – не перестают подзуживать его.

И Коля, будто чувствуя за собой какую-то непоправимую вину, тихонько замечает:

- Дом вести, не лапти плести, он – свой, не чужой, из него не уйдёшь…

- Кто дома ладного не видывал, тому и корыто за диво, - не унимается сосед.

А Коля, вздохнув, добавит:

- Горе тому, кто плачет в дому, а вдвое тому, кто плачет без дому!

Внутри Колина изба не отличалась убранством: всюду царил жуткий беспорядок! Но хоть и тесно в нём было, и не совсем уютно, а в тоже время - просторно. Несмотря на отсутствие чистоты, в доме не тужилось, что ощущалось сразу: сиротский обиход обстановки, скорее, веселил, нежели озадачивал.

- Дома не в гостях, сижу, как хочу, - говорил Коля. – Грязь не сало, помял, она и отстала!

Коле нельзя было отказать в доброжелательности, и как бы ни била его судьба, он никогда не озлоблялся, а наоборот, кажется, даже становился ещё более покладистым и дружелюбным. Идёшь, бывало, по главной поселковой улице, и Коля, как всегда, неожиданно выныривает из своего переулка, а заприметив тебя, тотчас расплывается в улыбке. В каком бы настроении ни находился, трезвый или пьяный, он был расположен к общению.

Слезящиеся глаза радостно лучатся, озорно стреляют по сторонам, рожица вся светится от необъяснимого счастья, а между тем - не умыта и с недельной щетиной. Носки валенок лихо загнуты кверху, немудрецкое пальтишко до невозможности затёрто, штаны в заплатах: кого уж Господь полюбит, то нищетою взыщет! Но Коля ничуть не унывает: голо, бедово, а луковка во щи есть! Радостно приветствует любого встречного: вертится, раскланивается, и со стороны напоминает какого-то непутёвого, странного человечка, действительно временами смахивающего на чёртика.

При виде меня Коля обычно замирал на месте, как вкопанный, немножко отклонившись назад, разводил руки и в оторопелом недоумении и каком-то необузданном веселье, нараспев, восклицал: «Ста-а-ры-ы-й дру-у-г!» Глаза у него начинали часто моргать, ещё более слезились, и Коля, осторожно взяв мою ладонь в свои руки, принимался часто встряхивать её и счастливо улыбаться. И потом, уже несколько успокоившись, будто сбросив с себя неведомый груз, умиротворённо повторял: «Ста-а-рый друг!»

Радость в такие моменты, видимо, перехлёстывала в нём через край, а у меня начинало сосать пол ложечкой, и в горле вставал ком. При этом я неловко отшучивался, тоже принимался трясти уже его руку, и со стороны мы, наверное, напоминали приятелей, не видавшихся, по крайней мере, несколько лет. Наконец, Коля в удовлетворении вздыхал, смущённо улыбался и несколько загадочно произносил: «Какову дружбу заведёшь, такову и жизнь поведёшь».

Верно ли было называть наши отношения дружбой? Пожалуй, что так. Мы с уважением относились друг к другу, хотя и редко встречались, даже видели в каждом то, чего другие не замечали. Несмотря на разницу в возрасте, которой, впрочем, не придавали значения, чувствовали себя вместе легко, свободно, могли говорить обо всём. И я знал, что если случится в ночь-полночь бедовать и не к кому будет приткнуться, Коля никогда от меня не отвернётся и ворота отопрёт.

Возвращаясь из леса, мы с приятелем нередко захаживали к Коле в гости, и он как будто даже ждал этого, и всегда с радостью нас встречал. Такое внимание к своей одинокой персоне оказывалось, несомненно, событием в его жизни, и Коля, как мог, пытался нам угодить: подтапливал печь, варил нехитрую похлёбку, приносил из сеней крынку козьего молока, что у него, кажется, не переводилось. Больше всякой живности Коля любил именно козочек, и с тёплой лукавинкой, посмеиваясь, рассказывал нам о них, как будто это были непутёвые, но самые дорогие существа, не способные прожить без его рачительного надзора. Про козочек он готов был рассуждать

часами, искренне восхищаясь ими, и дивясь исключительной целебности козьего молока: «Козье молочко пью – сердце охает!»

Однажды я зашёл к нему летом, когда он «колдовал» у себя на грядах в огороде, и так был увлечён этим занятием, что, завидев меня, даже не поздоровался, а разогнувшись и, видимо, захваченный переполняющими его душу ощущениями, воздел к небу руку с огромным огурцом и с трепетом прошептал: «Ты только погляди, какая у меня на огородишке овощь завелась… Культу-у-ра!» Коля по наивности своей совершенно искренне полагал, что это он сам вырастил нечто невиданное, между тем, как «культурой» на деле оказался обычный декоративный сорт «лагенария», используемый как кабачок или огурец, который был выведен именно ради величины, достигал обычно восьмидесяти сантиметров, а Коле на базаре просто подсунули не те семена.

Главное, что меня трогало в Николае, это его душевная непосредственность, какая-то почти детская наивная простота в восприятии окружающего мира. И люди, и животные, и растения оставались для него неодолимой, но восхитительной загадкой, которую Коля, кажется, и не стремился постичь, а только радовался возможности жить и удивляться. Душа его была переполнена глубоким совестливым чувством взаимосвязи со всем живым, ответственностью за него, и, может быть, именно это качество побуждало Колю чудить, так как при своём неказистом виде он просто не решался открывать кому-либо своё сердце. Душа-человек, хоть и с телом чёртова мука! «Но не тужи по красоте, - говорили в народе, - если душа жива!».

Прошло немало лет, но по-прежнему часто приезжаю я в родную деревню, где уже нет в живых бабы Шуры, деда Геогрия, бабы Нюры, да и Коля-чёртик давно умер. И как прохожу по знакомой улице, рядом с тем самым переулком, так и чудится, будто из него сейчас вынырнет маленькая, неловкая фигурка Коли, он узнает меня и простодушно обрадуется. А затем, как он обычно это делал, раскинет в радушном приветствии руки, чуть привстанет на цыпочки, как будто подавшись ввысь, к небу, и нараспев, с выражением, что идёт из души, точно так же прямодушно и просто произнесёт: «Ста-а-рый друг!». И малое не мало, коли столько и есть, а простых и Бог простит, ибо в сердцах их почивает.

СМЫШЛЁНАЯ ВОРОНА

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше бани не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих ей паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть поразительно смышлёной.

ВОРОНЬЁ

Не помню дня, чтобы над моим огородом в деревне не появились вороны, то и дело без устали прочерчивающие воздух. Зима ли на дворе, весна или осень, вороны неизменно держались рядом, и при этом всегда слышалось их карканье, что они, кажется, только и знают. Деревенская жизнь без надоедливого воронья, наверное, не была бы такой интересной!

С воронами у меня в огороде происходило немало очень занятных историй, и я привык к их существованию, как к неминуемому, но приятному неудобству. И, тем не менее, птицы никогда не устраивали свои гнёзда поблизости от жилья, заводя их обычно в лесу. А тут вдруг по весне обосновались на одном из тополей, возле самого дома, прямо у меня над головой, каждый день, в возбуждении, оглашая округу безудержным граем. Этого только не хватало!

Призадумался я о таком беспокойном соседстве: что вынудило птиц завести гнездо рядом с человеком, которого они раньше сторонились, всё же, до конца, не лишая его своего присутствия, и выбирали тополя только как временное пристанище, тотчас срываясь при обнаружении любого движения в доме или ограде? Какое препятствие оказывалось для птиц совсем недавно непреодолимым, а сейчас им ничего, вроде бы, не препятствует, и они, у всех на виду, соорудили своё нехитрое обиталище прямо возле моего дома? Трудно было сразу понять такое необычное поведение ворон, и стал я за ними наблюдать.

Сосед Кирюха, завидев в развилине тополя воронье семейство, будто даже обрадовавшись, при встрече расплылся передо мной в ехидной улыбке: «Ни яблочков теперь тебе, значить, ни клубнички… Кха-а!» А я ещё более загрустил, недобро взглядывая на незвано появившихся под боком гостей. Ничего хорошего подобное соседство явно не сулило.

И всё-таки, думал я, почему вороны поселились именно над моей крышей, ничуть меня не опасаясь? Как это всегда бывает, решение пришло неожиданно, но только после того, как я сам явился свидетелем небольшого переполоха в вороньем стане.

Уже не однажды приезжал я той весной в деревню, и всегда ненадолго, так что топить печь мне не приходилось, зимой и вовсе отсутствовал, но вот в последний раз пришлось задержаться. Давно нетопленная печь разгоралась

нехотя, беспрестанно дымила, а когда, наконец, пламя взялось и радостно заиграло, над самой крышей неожиданно раздался хриплый вороний ор: «Кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р, кар-р-ра-улл!» От неожиданности я даже поднял голову и присел, так отчётливо, будто под самым потолком, послышалось недовольное карканье. Ворон, конечно, вывел из себя едкий печной дым, что валил из трубы густым столбом, упираясь прямо … в гнездо.

Выйдя из дому и задрав голову, я не без интереса поглядывал, как беснуются раздосадованные птицы, и мне сразу стала понятна причина их былого отсутствия и недавнего неожиданного появления. Вороны долго не занимали тополя, потому как просто не решались. Во всей округе эти деревья были самые высокие, очень удобные для обозрения, так необходимого любопытным, неугомонным птицам, но мои постоянные приезды в течение нескольких лет настораживали ворон, и они остерегались присутствия человека. Главное же, птиц беспокоила топящаяся печь, так неуютно для них дымящая: едкий дым тревожил вороньё, мешая им наслаждаться беспечным существованием.

Но последний год я почти не ездил – держали дела в городе, и вороны пообвыкли без меня, осмелели, и к весне, видать, решили устроить новые хоромы, облюбовав, наконец, подходящее для себя место. Тополя явно пришлись им по душе: и высокие, и кустистые, и все огороды, как на ладони. Но дело, как говорится, не ворона: не каркнет, а скажется, и принялся я потихоньку наводить в огороде порядок.

Вскоре в гнезде появилось прибавление, и всё семейство сразу ещё более оживилось. Вороны то и дело вскрикивали, шипели, хрипели, в общем, издавали самые невообразимые звуки, по-видимому, обсуждая свои нехитрые заботы, беспокойно ворошились, родители не успевали подносить прожорливым воронятам корм, а те ещё более обеспокоенно требовали добавки, прибавляя в весе, кажется, не по дням, а по часам. Работая в огороде, я с тревогой поглядывал на всю эту воронью кутерьму, вороны же при виде меня необыкновенно возбуждались, наверное, по праву считая себя полноправными хозяевами. «С воронами по-вороньи и каркать», - невесело думалось мне.

К началу сенокоса воронята здорово подросли, я насчитал их пять штук, и все они оделись в аккуратные серовато-чёрные сюртучки. Обычно они слетали бесшумно вниз, присаживались на маленькие стожки, или важно расхаживали в траве под яблонями, не обращая на меня никакого внимания. Даже при моём приближении не улетали, а только перескакивали боком подальше, и опять принимались степенно разгуливать у меня под носом. Ворон будто подменили, они и кричать перестали, лишь иногда выражая чем-либо своё недовольство. Но я почему-то стал постепенно чувствовать, что это недовольство не относится ко мне, к тому же, птицы, как ни странно, ничего не трогали.

К этому времени по склонам овощной ямы высыпала алая земляничка, на грядах успела поспеть ароматная клубника, но вороны, словно, не

замечали ягод, даже не приближались к ним. Они по-прежнему держались в огороде, что-то выискивали в траве, поклёвывали, и созревающие плоды, это было очень необычно, совершенно их не интересовали.

Иногда вороны куда-то исчезали, и за заботами я успевал о них позабыть, а появлялись, кажется, только за тем, чтобы навести порядок, может быть, даже проведать меня. Они прогуливались в траве под деревьями, порою настороженно замирали, забавно повернув голову набок, и, как чуткие часовые, издавали странные тревожащие звуки, будто кого-то предупреждая. В народе говорят: «Первые детки – соколятки, а последние – воронятки», эти же молодые птицы были какими-то особенными, вроде, как и не воронами, что было уж совсем удивительно.

Так незаметно прошло лето… Вороны, между тем, даже не попробовали ни клубнику, ни землянику, ни малину с облепихой, ни вишню, за которую я почему-то особо опасался. К яблочному Спасу яблок народилось так много, что ветви не выдерживали и ломались. Под некоторые деревья пришлось ставить подпорки, но и это не помогало. Яблоки почти беззвучно падали, утопая в изумрудной отаве, и лежали там тихо, словно, чего-то, ожидая, но и их никто не трогал, разве что мыши.

Правда, порой на деревьях мне всё же попадались поклёванные яблоки, но вскоре оказалось, что в саду безобразничают дрозды. Вездесущие полчища этих птиц ещё не успевали примоститься на яблонях, как на них тёмной тучей слетало с тополей дружное воронье семейство, и дрозды тотчас обращались в бегство, после чего я только разводил руками.

Как могло случиться, что вороны отчего-то превратились в моих спасителей? До сих пор эта загадка не даёт мне покоя, и, видно, верная ведётся среди людей поговорка, что на своей стороне - и ворона родня!

ДЕТИ ВОЗДУХА

Сколько помню, всегда под нашим деревенским мостом, у железнодорожных путей, целое лето вились стрижи, и деревенские жители воспринимали их естественно, скорее даже не замечая. Носятся в воздухе – и ладно, так заведено в природе. Это, в конце концов, нужно самим птицам, они витают в вышине, выискивая необходимый корм, постоянно отчего-то вскрикивают и, в общем-то, достаточно наскучивают своим безудержным парением. Но, между тем, стрижи не так уж просты и безынтересны.

Стрижи никогда не обманут в «предсказаниях» погоды. Перед похолоданием и дождями птицам становится трудно добывать пищу – насекомых, они ловят их только высоко в воздухе, и поскольку насекомые при непогоде опускаются ближе к земле, это вынуждает стрижей тоже снижаться. Если надвигается затяжное ненастье с похолоданием, стрижи и вовсе покидают места обитания, и легко откочёвывают за сотни километров, где стоит тёплая погода, ярко сияет солнце и вдоволь летающих насекомых. Когда же на родине снова устанавливается хорошая погода, стрижи с такой

же лёгкостью возвращаются. Из-за приспособленности стрижей чувствовать непогоду и сложились в народе приметы: «Коли вдруг среди лета стрижи исчезают из города или деревни – жди дождя, и дождь будет затяжной», «Летающие высоко над строениями до самых поздних сумерек стрижи – признак сохранения хорошей, тёплой погоды».

Стрижи полезны поеданием многих летающих вредных насекомых, так как вся их жизнь проходит в воздухе. Даже пьют стрижи на лету, пролетая над самой водой и зачерпывая её широко открытым клювом. Стрижи – неугомонные птицы, недаром природа снабдила их мощными, серповидно изогнутыми крыльями, по которым стрижей всегда легко узнаешь в полёте. От ласточек их отличают длинные крылья и маленький вильчатый хвост, тогда как касатки, как часто называют в народе ласточек, имеют узкие короткие крылья при очень вытянутом изящном хвостике. В высоком летнем небе стрижи всегда отличаются от ласточек именно благодаря крыльям, и их трудно спутать друг с другом.

Стрижиная пара – заботливые родители. Сами недоедят, но детей, во чтобы то ни стало, накормят. Добывая пищу для своих птенцов, они держатся в воздухе большую часть суток, а спят всего часов пять-шесть, отдыхая в скромном гнезде из кучки перьев и сухих травинок, скреплённых собственной слюной. Гнёзда стрижи обычно устраивают в дуплах высоких деревьев или под карнизами каких-либо высоких строений: важно, чтобы неподалёку от гнезда находились значительные открытые пространства. Однако случается, что самец и самка вдруг покидают гнездо, порой на несколько суток… Отчего это происходит и как отсутствие родителей влияет на оставленных ими беспомощных птенцов?

В народе существует поверье, будто взрослые птицы, надолго покидая птенцов, кормят их необычайно питательным птичьим молоком, наподобие того, каким кормит зайчат зайчиха, когда убегает от них. На деле оказывается, что птенцы стрижей просто впадают на время в оцепенение, пока не вернутся родители. К чему только не прибегнет мудрая природа, чтобы уберечь живых существ, продляя в них свою жизнь!

Вернувшись с началом хорошей погоды домой, родители-стрижи застают своих детишек живыми и здоровыми. Непогода птенцам ничем не повредила. Во время отсутствия взрослых все жизненные процессы у них замедляются: дыхание и кровообращение почти останавливаются, сердце бьётся еле-еле. В таком состоянии птенцы могут прожить без пищи несколько дней. Этим и пользуются родители, без волнений отлучаясь из дома на время непогоды. Когда выглядывает солнышко, пригретые стрижата просыпаются, а родители уже тут как тут: по-прежнему стремительно носятся в высоком небе, вылавливают насекомых, изредка отчего-то пронзительно вскрикивают.

Долгое время для меня оставалось загадкой: почему стрижи, что охотятся исключительно в воздухе, как и ласточки, прилетают весной позже их, а отлетают на юг раньше. Ведь те и другие достаточно теплолюбивы!

Оказывается, всё дело в зрении или, точнее, в устройстве глаз: ласточки видят насекомых, летающих вокруг, и гоняются за ними. Стрижи же насекомых не замечают, появляются, только когда их становится много, и летают с открытым ртом, просто на лету захватывая добычу. С уходом тепла в августе количество насекомых тоже снижается, и стрижи, не находя достаточно корма, отлетают.

Видимо, отсутствие у стрижей острого зрения, а также потребность как можно больше находиться в воздухе, и обуславливают то, что крылья у них от природы мощные, предназначенные осваивать большие воздушные пространства. Оттого и летают стрижи стремительно и прямо, но не вёртко: когда нужно повернуть, они делают большой вираж. Им нет надобности юлить в воздухе, как это ловко проделывают ласточки, и они просто таранят воздух, с силой разрезая его серповидными крыльями.

По стремительности полёта стрижи держат первенство среди птиц, развивая скорость до двухсот километров в час, а визжат они постоянно потому, что им нужно держать рот раскрытым: так в него залетит больше насекомых. В силу размаха крыльев и безудержности полёта стрижи с каждым пойманным насекомым прилетать к птенцам, конечно, не могут. Они скапливают корм в клюве, обволакивая клейкой слюной, и затем приносят птенцам. За один раз стрижи способны выловить несколько сот насекомых, а птенцы съедают их за сутки десятки тысяч!

Чем ещё интересны стрижи? У крупного иглохвостого стрижа, что обитает в восточных частях Сибири и Дальнего Востока, каждое хвостовое перо оканчивается острой иголкой. Он предпочитает гнездиться в высоких выгнивших пнях, обгоревших во время лесного пожара деревьев. Иглы хвоста, вероятно, помогают птице подниматься вверх внутри пустого ствола.

В тропической зоне Азии и Африки живёт пальмовый стриж, он строит оригинальное гнездо. Впрочем, гнездом это сооружение можно назвать с некоторой натяжкой. Оно скорее похоже на подушечку, склеенную из пуха, соринок и мелких перышек.

«Подушечка» крепится к нижней стороне пальмового листа. Конечно, на ней яйца лежать не будут, да и птице не усидеть, тем более, что лист пальмы висит почти вертикально, поэтому стриж яйца … приклеивает, а сам садится на них, крепко цепляясь коготками за «подушечку». Так и посиживает, пока не вылупятся птенцы. Детишки, едва появившись на свет, тоже вцепляются коготками в «подушечку» и сидят, таким образом, в гнезде, пока не подрастут.

А вот у стрижей, обитающих в Юго-Восточной Азии и Индонезии, гнёзда знамениты тем, что из них готовят так называемый «ласточкин суп». Говорят, этот суп действительно превосходный, а само гнездо по вкусу напоминает осетровую икру. Дело в том, что гнёзда стрижи изготавливают исключительно из очень питательной собственной слюны, включая в неё кусочки ароматных растений и корешков. Именно эти гнёзда ценятся среди заготовителей, забирающихся за ними в самые труднодоступные места.

Так уж повелось, что стрижи, которые всегда держатся вместе с ласточками, чаще всего остаются для людей незамеченными. В первую очередь люди примечали ласточек, наделяя их самыми добрыми эпитетами. «Ласточкой», «касатушкой» называли в народе особо любимых женщин и милых дочерей. А вот стрижей как-то бесчувственно и просто: пташка, схожая с ласточкой.

По-видимому, в том были повинны большие, серповидные крылья, напоминающие острые и даже опасные орудия, что выглядели как-то несуразно. К тому же, стремительный полёт стрижей как будто подчёркивал в них эту невнятную, но возникающую в воображении угрозу, и стрижей не особо жаловали, впрочем, не имея против них ничего дурного. То ли дело – изящные ласточки с вильцеобразными хвостиками и в белых аккуратных манишках, которые всегда тянутся к человеческому жилью, будто принося ему своим присутствием счастье!

Стрижей же, всё же, недолюбливали, называя их «коротконожками» из-за того, что они весьма тяжело поднимаются с земли. И действительно, ножки у стрижа настолько малы, что если он окажется на земле, то в лучшем случае проползёт несколько метров, а взлететь не сможет – крылья при взмахе ударяются о землю. Каким-то птицам, чтобы подняться в воздух, нужно хотя бы маленькое возвышение, но и этой возможности стриж лишён. Большинство птиц способно летать и плавать, ходить и бегать по земле, но всё, что требуется стрижам, они проделывают в воздухе: бросаясь с высоких сооружений, ловят насекомых, отыскивают материал для гнезда, на лету пьют и купаются.

А ещё стрижи могут в воздухе … спать! Причём, не считанные минуты, а по нескольку часов, лишь изредка пошевеливая во сне крыльями и наслаждаясь воздушной стихией. Стрижи – «дети воздуха!»

Наверное, из-за того, что стрижи не похожи на других птиц, их часто и не принимали среди людей. Отсюда не совсем лестные высказывания о них: «стрижом» на Руси называли какого-либо плута, мазурика, а ещё пуще – карманника-вора. Бытовало поверие, что когда стрижи летают, они якобы людей «оплетают». «Стрижей считать» - означало зевать, ротозейничать, а про ребятишек, завидев, что они куда-то отправились дружною ватагой, могли заметить: ребята пошли стрижей выдирать! Словом, отношение к стрижам в народе как-то незаметно и беззлобно сложилось неважное, чаще этих птиц вовсе не замечали, а мне стрижи всегда нравились.

Если ласточки веселы и радостны в своей юркости, дружелюбны в полёте, по крайней мере, их именно так воспринимает большинство людей, то стрижи при всей своей воздушной неутомимости и головокружительной эквилибристике выглядят более серьёзными, деловито нацеленными только на свою стремительность. Будто бы их ничего кроме скорости не интересует – лишь бы носиться высоко в небе, выхватывать клювом попавшихся насекомых и вновь отдаваться безудержному парению. И всё-таки, стрижи мне больше по сердцу… Наверное, потому, что я – мужчина, и мне ближе

нацеленный, стремительный полёт стрижа, чем постоянные взлёты и падения милой касатки, что приходятся по сердцу женщинам.

Получив от природы право весь день стремительно парить, схватывая в воздухе поднятые ветром соломинки, перья, травинки и пух, которые стрижи используют для строительства гнёзд, а ещё разного рода насекомых, подкармливая ими своих птенцов, эти птицы, наверное, незаметно для себя полюбили полёт и просто наслаждаются им. Человек, заглядываясь на стрижей, невольно представляет себя птицей, когда ей ничего не препятствует, и она радостно витает в облаках, если захочет – присядет на гнездо, в ветвях деревьев или повиснет на выступе скалы. Хорошо быть стрижём, размышляет человек, от его безудержного полёта охватывает такое головокружительное радостное ощущение, что хочется тоже полететь над расцветающей землёй, закладывая в воздухе крутые виражи и ни в чём не чувствуя каких-либо ограничений.

Ты летишь, видишь под собой всё то, чего бы никогда не увидел, оставаясь просто человеком, и душа твоя спокойна – везде можно побывать, обладая безграничной свободой. Какие они замечательные, эти стрижи, думаешь ты, и птицы, конечно, получают удовольствие от своих воздушных похождений, но как хорошо всё-таки быть человеком, хоть и не имея возможности парить в небе подобно им.

Важно понимать: всё, к чему бы ты ни прикоснулся, волшебно, если относиться к жизни серьёзно, и в твоих возможностях сделать всё для того, чтобы мир стал лучше. А виной твоим душевным рассуждениям – эти обыкновенные стрижи, что благодаря устремлению человека к полёту оказываются … необыкновенными!

Стоит раздольное июльское утро… Всё в нём предполагает удивительное и радостное отдохновение для всего живого, и, конечно, ощущение непередаваемого восторга от того, что ты можешь поверить в возможность тоже взвиться в небеса, воспарить в них свободной замечательной птицей, и стать ещё более глубоким и сильным, когда вернёшься на землю. В этом помогают тебе неудержимые стрижи – дети воздуха, что живут им, самозабвенно отдавая себя на волю бескрайнего небесного пространства, и оно наполняется восхитительной свободой.

МОЁ МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Выдалось мне однажды стоять в ограде своего деревенского дома перед распахнутыми в сад воротами, и в полной растерянности глядеть на длительную непогоду, что напрочь приостановила в то лето рост картошки и овощей. В деревне такого давно не помнили, тем более, что стоял июль, и необычность лета связывали с предшествовавшей ему небывало суровой зимой, когда морозы доходили до сорока пяти градусов и держались в течение всех зимних месяцев. Лето как будто повторяло необычную зиму, сводя на нет затраченные по весне усилия, и кажется, ничего хорошего не

обещало. Жалко было не уродившихся огурцов, кабачков и свёклы с морковью. Они давно прекратили своё развитие и выглядели жалко, тогда, как лето близилось к концу.

Я стоял, не зная, за что взяться: всё было бесполезно и как-то безрадостно. Над огородом задувал холодный ветер, рвал пустые, без ягод, рябинки, и уж какую неделю подряд сеялся противный, промозглый дождик. Земля так насытилась влагой к этому времени, что на неё было больно смотреть. Лишь ветки крыжовника сгибались под тяжестью зелёных ягод, и упрямый укроп растопырил в серое небо свои нахохленные зонтики. И было бы счастье, да одолело ненастье.

И тут в ограду неожиданно запорхнула горихвостка. Уселась напротив меня, на верстачке, и взмахнула пару раз хвостиком, будто поприветствовала. А затем, склонив голову набок, взглянула вострым глазком: мол, не отчаивайся, не всё быть непогоде, будет и у тебя праздник. Ровно для этого и прилетела, чтобы подбодрить, через мгновение опять взмахнула хвостиком и упорхнула, а на душе сразу стало тепло.

Я вдруг остро почувствовал, что всё будет в порядке, и птичка эта появилась не зря: такая махонькая, вроде бы, совсем не защищённая от нескончаемых дождей, да ещё в такой холод, она всё-таки окрылила меня надеждой. Что-то в этой птахе было жизнеутверждающее, даже – несгибаемое, и её появление будто окрылило меня.

И действительно, вскоре что-то переломилось в природе, через пару дней повеяло теплом, а ночи перестали быть промозглыми. Ещё через день выглянуло солнышко, лёгкий ветерок разогнал серые тучи, и на душе стало радостно и хорошо.

Весь август простоял погожим: подсох и вырос лук, подтянулись свёкла с морковью, зажелтели круглыми боками кабачки, и к концу месяца появились первые огурчики. Жизнь, кажется, окончательно наладилась, в лесу пошли грибы, и все постепенно даже думать забыли о случившейся посреди лета длительной непогоде.

Горихвостка же никуда от меня не улетала, по-прежнему держалась в огороде, перепархивая с грядки на дерево, с карниза на забор. Изредка она подлетала совсем близко к воротам, усаживалась на ближнюю веточку ирги и заглядывала в ограду, будто проверяя, здесь я или нет. А может быть, просто хотела напомнить о себе, как будто успокаивая: я – твоё маленькое счастье, оно всегда будет рядом, и никогда тебя не оставит.

СМОРОДИНОВЫЙ КУСТ

Поздней осенью, когда все работы в саду были завершены, решил я избавиться от старого куста смородины, что изрядно иссох, уже давно перестал плодоносить и лишь занимал место. Выкопал его, тщательно высвободил толстые корни и отнёс в самый дальний угол огорода, где

обычно складывал ненужный хлам. Так куст и остался лежать там на всю зиму, с неестественно торчащими ветками и повисшими на обнажённых корнях комьями земли.

А весной, когда зацвела черёмуха и распустились тюльпаны, смородина неожиданно покрылась множеством набухших салатно-сиреневых почек: они тоже стали распускаться и набирать цвет. Сначала я не придал этому значения, и просто не обращал на куст внимания, но вскоре он зацвёл в полную силу, и это – лёжа на боку, совершенно оторванный от земли! Вот тогда я и попробовал вновь его посадить, наскоро выкопал яму и удобрил землю. Куст как будто воспрянул, и мне даже показалось, что в этом году он начнёт плодоносить.

Но к середине лета, несмотря на тщательный уход, смородина стала подсыхать, а листочки свернулись и постепенно опали. Местами кора даже отошла от веток, повисла струпьями, и к сентябрю куст выглядел безжизненным и жалким. Почесав в затылке, я в сердцах выкопал куст и опять оттащил его в дальний угол, думая, что теперь уж навсегда.

Бедному кустику давно бы погибнуть, да случилось так, что к очередной весне он вновь сумел зацепиться за жизнь, весело распустился, и мне ничего не оставалось, как во второй раз его посадить. По всему было видно, что куст чувствует себя не так уж плохо. А вскоре смородина не только выпустила листья, но и зацвела, погнав к теплу и свету новые побеги, что совсем, должно быть, не задумывались, кому они обязаны своим возрождением. Жизнь в смородине, по неизвестной причине, дружно взялась за работу, и даже в таком невыгодном положении она опять обрела надежду.

Всё лето смородина, ничем особым не выделяясь, распускалась, цвела и плодоносила. Ягод, правда, было немного, в основном мелкие, но ничего лишнего куст не требовал. Я уже было уверовал в его жизнеспособность, как вдруг безмятежное существование необычной смородины нарушилось: она быстро начала чахнуть, и к осени засохла.

Чего-то не хватало ей для полной красоты и гармонии, а я никак не мог помочь, видимо, лишь доставляя мучения. Выход оставался один: выкопать, причём, окончательно.

И вот уже третий год подряд я выкапываю свою сухую, безжизненную смородину, отволакиваю её в захламлённый угол, а сам про себя рассуждаю: что же будет, если смородина всё-таки зацветёт на будущий год - мне опять её придётся высаживать?!

ЧЕМ ПАХНУТ ВРЕМЕНА ГОДА?

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, что, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме ёлки и мандаринов, да ещё, пожалуй, яблок.

И действительно, иногда и снег, и воздух источают аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает? Что на самом деле составляет её головокружительную или, быть может, убаюкивающую и сладкую суть?!

Одно я знаю точно: запах зимы – свежий и душистый, как только благоухают щёки молодых девушек с мороза, а ещё хвойные ветки, принесённые из леса в натопленный дом, и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашёптывают. Ночью отчётливо слышится их ласковый шорох, и вместе с ним – чья-то таинственная поступь, что постепенно обволакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные дали. Зима очаровывает, скорее, звуками, чем запахами, и более всего - своей загадочно переливающейся глубинной мелодией, будто это звенят сказочные колокольчики.

Но вот пришла весна, самый её разгар, и сразу запахло талой корой. Остальные запахи лишь дополняют этот дурманящий аромат, что течёт над открывающейся прелой землёй, пронизывает всё вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикиванья воронья с непрекращающимся щебетом воробьёв пахнут зарождающейся жизнью, то есть - волглой корой. Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, что вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето – это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника. Целый сонм будоражащих запахов и оттенков, что просто околдовывают, повисая над деревней. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето – не лето? Самый приятный, одинаково ублажающий и в дождь, и в вёдро, незабываемый и тёплый, необыкновенно солнечный… Запах короткого уральского лета, что почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мёд! Вот в чём нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мёде, и именно мёд, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета.

Когда окажешься на деревенской пасеке, возле медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся рамки, сладко пахнет воском и пчёлы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло, пытаясь пробиться к желанному июльскому жару, сразу почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом. Он немыслим без этого золотистого солнечного раздолья, им пронизано всё вокруг, и хочется бесконечно вдыхать этот густой, напоённый ароматами лета медовый дух, отчего на душе становится радостно и сытно: с мёдом и лапоть проглотишь!

Ну, а к осени, в пору пышного увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в нём ещё угадывается сытный аромат кульбиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибков, присесть где-нибудь на пенёк и, посыпав солью, да сдобрив свою нехитрую лесную снедь

куском ржаного хлеба, с аппетитом уплетать их, впитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры.

МУЖИЧОК В АРМЯЧКЕ

Всюду встречаем мы воробья – и в городе, и в деревне. Городской воробей, в отличие от деревенского, домового, живей и изворотливей. Приученный на шумных городских улицах ко всему, он нечета своему пугливому полевому собрату. Только вот с сюртучком горожанин оплошал, он у него серенький, пегий. Селянин же выгодно отличается рыжевато-бурой одёжкой, широким чёрным галстучком, да ещё яркой коричневой шапкой! Знай белый свет и нашу деревню!

Люди пригляделись к воробьям, и будто их не замечают, а ведь это одни из самых замечательных птиц в царстве пернатых. Несмотря на свой малый рост, воробей неустрашим. Какие суровые зимы переживает он, и даже в сильные морозы мы слышим за окном его жизнерадостное чириканье: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив-жив, жив-жив-жив».

Со всех сторон доносится его однообразная песенка, она не надоедает, а даже чем-то ободряет и радует. Воробей на удивление приветлив, и если бы ни его проникновенное щебетание, то одно сорочье стрекотание и воронье карканье нам давно бы уже опостылели. Не обладая красивым голоском, воробей, наверное, воображает себя настоящим певцом, особенно - весной, и его односложное чириканье вызывает у людей одобрение.

Вообще, воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например, ястреб, он в отчаянии вскрикивает: «Жив, ещё жив, ещё жив». Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы скучно жить.

Воробей хоть и слывёт забиякой, но все его любят. Он удивительно свободолюбив, и остаётся, пожалуй, единственной птицей, что не живёт в клетках и не попадает в сети птицеловов. Воробей – далеко не глупое существо, и очень хорошо запоминает, где его встречают с радостью, радушно, а где со злом да метлой.

И вот что удивительно: любая другая птица, не превосходящая воробья по размерам – поползень, синица или королёк, может до такой степени привыкнуть к человеку, что будет брать у него корм с руки. Воробей же в руки никогда не дастся, а из рук, что хочешь, выхватит. Есть в нём какая-то непоколебимая черта, что не позволяет воробью поступиться своей волей, хотя гордецом его не назовёшь, но оттого уважения он к себе не теряет, и более того – умножает его. Маленький, удаленький, он весь проникнут неизбывным зарядом энергии, и его, наверное, следует просто принять таким, какой он есть, не посягая на дорогую его сердцу свободу.

Воробьи – изрядные драчуны, и любят устраивать между собой шумные потасовки, что, впрочем, беззлобны. Они, скорее, заменяют вездесущим птичкам своеобразную зарядку, удовлетворяющую, отчасти, их потребность

постоянно двигаться. Птицы не доставляют друг дружке большого вреда, если только потеряют пару-другую перьев, хотя со стороны вся эта оживлённая свалка порой представляется совершенно отчаянной.

Обращая всеобщее внимание на свою оживлённость, что предполагает некую видимую бесшабашность, воробьи, в тоже время, очень осторожны, и поймать их не так уж просто. Они быстро примечают любую, грозящую им опасность и успевают вовремя ретироваться. Воробьи редко становятся добычей кошек, и всегда предупреждают их появление громким чириканьем.

Мой кот, когда я привозил его с собой в деревню, исхитрялся ловить зябликов, горихвосток и даже дроздов, но вот с воробьями у него ничего не получалось. Он поджидал их в малине, спрятавшись в картофельной ботве, на подоконнике у раскрытого окна, и всё напрасно. Воробьи всегда заранее обнаруживали его коварные перемещения, и неизменно ускользали из-под самого носа.

Несмотря на частые стычки в собственном стане, воробьи дружны и очень привязаны к своему подрастающему потомству. Только что они ожесточённо схватывались между собой, но вот пришла беда, и птицы мгновенно позабыли о своих распрях и объединились. Бывает, воробьиха приносит за лето два, а то и три приплода, и вся эта весёлая ватага на полных правах вливается в воробьиное семейство.

Всем своим буровато-сереньким полчищем поедая вредных насекомых, они неутомимо несут службу на благо человека, и потому не надо выгонять их из занятых ими скворечен: воробьи оправдывают своё нахальство. Ни одна птица, кроме горихвосток, не уничтожает столько жуков и личинок, а если учесть, как их много, то воробьи просто незаменимы на наших приусадебных участках, в садах и парках.

Я где-то прочитал, что воробьиха выталкивает из гнезда не очень здоровых птенцов, почти не раскрывающих рта, когда она приносит им еду, во что, при известной всем воробьиной взаимовыручке, поверить трудно. Вернее всего, она, наверное, просто не замечает при обилии подрастающих птенчиков потерю самых слабых, отдавая все силы тем, кто оживлённо требует внимания, и, возможно, последние, не ведая того, являются причиной гибели своих хилых собратьев. Воробьи больше заслуживают уважения, так что никогда не подумаешь о них как о глупых, наглых и прижимистых птицах, отмечая про себя лишь их ум и находчивость!

Весёлый нрав – это ещё одна черта всеми нами любимого воробья. Любимого даже более, чем обыкновенная синица: если синица просто радует нас, то воробей вдохновляет! Скачет воробей под ногами у людей, снуёт под колёсами автомашин, не боится залетать в продуктовые магазины, где-нибудь да перепадёт ему несколько хлебных крошек – чего ещё желать? Всегда в приподнятом настроении, он вызывает у людей только добрую улыбку. Спасибо ему, никогда не унывающей пернатой крохе, что подсказывает нам быть более терпимыми к неудачам и горестям.

Воробьи, например, обожают устраивать себе водные ванны. Они с удовольствием лезут в любую лужу, старательно трепещутся в ней и так увлечённо чистят перышки, что это выглядит очень заразительно. Другие птицы предпочитают для своего туалета землю, песок или пыль, а воробьи – только воду!

Воробьи – невероятно чистоплотные птички, и чтобы избавиться от надоедливых насекомых, они притаскивают в гнездо веточки полыни, что избавляют их от докучливых клещей и пухоедов. В их гнёздах часто обнаруживают и салат, и кустики петрушки, и даже бутоны цветов. Может быть, воробьи, таким образом, украшают свои жилища?

Впрочем, воробей совершенно неприхередлив. Всё, что ему нужно – это лужица воды и напёрсток обронённых кем-либо крошек. Может он перебиться и горсточкой семян, в достатке попадающихся в наших дворах и парках, тем более, в деревенских амбарах. Воробью, главное, присутствовать при любом маломальском событии, быть у всех на виду, внося в бурлящую жизнь и своё маленькое оживление.

Недаром воробей – самая общительная птица: оставаться неприметным - удовольствие не для нашего храбреца. Его можно увидеть не только в весёлой ватаге других воробьёв, без конца обменивающихся новостями, но и рядом с голубями, галками и сороками. Воробьи всюду к месту, и никто из пернатого царства не обращает на них внимания. Даже важные вороны, от которых всегда можно ждать подвоха, не злятся на вездесущих воробьёв.

Всем взял неприглядный, маленький воробей, что никогда не унывает, по характеру бесстрашен, но при этом нисколько не надоедлив. Это только от глупых людей можно услышать, что они воробьёв терпеть не могут и вездесущие птицы, якобы, никому не дают покоя. Но представили бы они себя на месте крохотного воробья, когда он в условиях оживлённой деревни, уж не говоря об огромном городе, не перестаёт удивлять всех чудесами стойкости и храбрости! Это про него говорят меж людей: «Сам с воробья, а сердце – с кошку!»

Не удивительно, что именно на примере воробья учили на Руси мудрые люди своих детей и внуков. «Андрей-воробей, не летай на реку, не клюй песку, не тупи носку: пригодится носок на овсяный колосок», - говорили старшие, остерегая от неверного поступка своего сына, но он «летел, клевал, да тупил», не поверив в то, чему его учили родители. И, конечно, расплачивался за это. А надо-то было послушаться взрослых, посмотреть пристальнее на себя и окружающую жизнь, и рассудить – жить тебе или проживать.

Не с руки было русскому человеку приниматься за любое дело без любви ко всему тому, что его окружало, и в том числе – без этих вездесущих неунывающих птиц. Просто так, как воробей, дело, говорили, не скажется, если та же махонькая птаха не вспорхнёт из-под самых ног, не обрадует своим присутствием, не отогреет твоего сердца. Не зря его место – быть среди людей, именно там, где он более всего нужен.

Быть открытым и, в тоже время, не терять себя – может быть, самое главное достоинство воробья, что и не стремится стать большим. Ведь выше плетня ему не перелететь! Зато он родится неустрашимым борцом, и этому следует у него, не уставая, учиться.

Дождь на дворе или холодный северный ветер – воробью всё едино, ибо никогда не иссякает его желание жить. И если стреляют в воробья, то попадают чаще в журавля, потому как воробьиным сердцем просто так не овладеешь. Нерадивый человек, не подумав, обронит: «Дело не воробей, не улетит». Но вот как раз такое неосторожное слово, что воробей: вылетит – не поймаешь. На деле эта малая птица напоминает всякому, что следует неукоснительно исполнять своё дело каждый день, вот как воробей, который поутру вместе с синицей день открывает, за обедом с соловьём за одним столом пропадает, а ввечеру солнышко провожает и никогда не тужит!

К воробьям невозможно не привязаться, наблюдая за их обыденными перемещениями. На первый взгляд, вроде бы, ничего не происходит: воробей скачет по земле, чирикает возбуждённо, и создаётся впечатление, будто он намеревается осуществить нечто необыкновенное. До такой степени он весь подтянут, молодцеват, по-деловому нахохлен, а чёрный глазок его так возбуждённо и вопрошающе блестит! Вот-вот, кажется, что-то должно произойти, но … ничего не происходит, и всё продолжается по-прежнему.

Воробей, кажется, настроен только на что-то очень важное, не терпящее отлагательств. Грудь колесом, головка приподнята, перышки топорщатся. Всегда невольно улыбнёшься, глядя на его подтянутую фигурку, и засмотришься. Больно уж воробей хорош, когда, несмотря на непогоду и свою неприхотливую жизнь, не вызывает печали. Крутится весь день под ногами, то и дело перелетает с дерева на столб, со столба на забор, с забора на дорожку, и так без конца.

Правда, долго летать воробей не в силах, и если ему не давать садиться, он может погибнуть. Конечно, воробью никто не препятствует, и он волен делать всё, что ему вздумается. Воробью достаточно только взлететь, перепорхнуть, и вот он уже опять сидит, оживлённо покручивая во все стороны головой. Дальние перелёты воробью ни к чему: всё, что ему нужно, у него под боком!

А не пускают его выброшенные нами куски и крошки, на них разводятся мухи, великое обилие семян сорняков, златогузки, совки и шелкопряды, разного рода мошки и гусеницы, личинки и так далее. И всё это с утра до вечера воробьи клюют, хватают в воздухе, на деревьях и земле, спасая тем урожай человека. Доброе бы слово сказать за то воробью-домоседу, но люди больше замечают, что он повадился в конопельку, семена воровать, чем хвалят его.

Суетлив воробей, замечали в народе, а пива не сварит! Ну, так что с того? Разве воробьи ещё и горох тормошить подвизались, если они всегда такие живые?

Нет, по воробьям из пушек не стреляют, потому как бесполезное это дело, да они того и не заслуживают! Вернее будет поблагодарить их за соседство, полезное для человека во всех отношениях, а что до воровства, которым воробья всегда попрекали, так разве это убыток? И всё-таки, как ни странно, в народе к воробьям часто относились презрительно, даже враждебно, так как считали их самыми настоящими ворами, совершающими, якобы, большие опустошения вокруг дома.

Само имя этой птицы сложилось, несомненно, из двух слов: «вора бей!». Так называли воробьёв русские крестьяне, у которых на конопляниках воробьи обклёвывали спелые семена. «Вора бей! Вора бей!» - кричали деревенские мальчишки, которым было поручено охранять коноплю. Но много ли зёрен мог унести маленький воробьишка, при его и без того обильном меню?!

Даже гнёздышко у воробья – и то немудрящее, как будто наспех прилепленное, да это и понятно: всю свою энергию и умение птицы расходуют на уничтожение вредных насекомых. Оттого они и занимают чужие скворечники, чтобы хоть как-нибудь перебиться, вывести потомство и рассыпаться по всей округе. Лучше иметь другом одного воробья, как говаривали умные люди, нежели десять ласточек, и когда у тебя свой воробей – это не то, что общий бык.

В старинных сказаниях к воробью тоже выказывалось непонятное пренебрежение. В них упоминалось, что когда Христа распинали, воробьи летали вокруг креста и чирикали: «Жив, жив», чтобы евреи продолжали его мучения. Голуби же в это время ворковали: «Умер, умер», желая избавить Спасителя от мук. С тех пор воробьи – проклятые Богом птицы, «христопродавцы», а голуби – птицы святые.

По другому поверью, прегрешение воробьёв относится к той поре, когда жиды искали младенца Христа, чтобы его убить. Православные говорили, что его нет более на свете, а воробьи кричали: «Жив!» И было дано воробьям за их прегрешения такое наказание: Бог им ноги спутал невидимыми оковами, чтобы они не ходили, а прыгали.

В народе с воробьями связывали ещё такую историю. Есть будто бы одна ночь в году, когда чёрт забирает воробьёв себе. Перед наступлением этой ночи воробьи сидят, насупившись, и пищат так, что страх. А придёт ночь, они слетаются в одно место, и там чёрт забирает их, насыпая ими целую меру. Наполнив её воробьями, чёрт выравнивает верх чубуком: которые птицы при этом ссыпаются, те и остаются на земле, а остальных, что в мере остались, чёрт с собою уносит. Оттого будто бы летом воробьёв видно много, а придёт зима – и редко-редко какого встретишь.

С приближением весны среди воробьёв начинается невероятное волнение. Где устроить гнездо, не занято ли будет старое место под крышей сарая, чем прокормить своё первое потомство? К тому же, за соседской кошкой глаз да глаз нужен: стоит только чуть зазеваться, и маленьких деток – поминай, как звали.

Живя бок о бок с людьми, воробей к ним и к домашним животным быстро привыкает и не боится их, почему часто его называют удальцом: «Воробей и на кошку чирикает!» Но как бы высоко воробей ни залетал, орлом он не будет, что его, наверное, не особо беспокоит. Умный воробей под кровлей хлебного амбара гнездо себе по весне вьёт: знает, где можно поживиться.

Бурно потекли ручьи, запели скворцы, а воробьи, бывает, так расчирикаются, словно хотят заглушить весенние песни скворцов. Каждое воробьиное семейство перетряхивает старые гнёзда, строит заново, тут же играет без устали – и так с утра до вечера. Никогда не увидишь по весне воробья скучающим, без дела, ну, если только в непогоду.

Какая радость увидеть таким весенним днём кустарник акации или сирени, густо усыпанный вживкающими воробьями! Воробьёв – тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом они нисколько друг другу не мешают, и только ещё более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе – полное довольство тепла, запахов и света, и маленькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, вот-вот перехлестнёт через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлёбываются, ты даже остановишься напротив сгрудившихся птиц – как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий дурман и торжество жизни, воробьи в ней - не самые последние! Даже неустанную капель перебивает их неугомонная суета, и оттого небо становится синее, солнце ярче, а воздух звонче!

Не без зависти поглядывая на воробьёв, представляешь себя таким же неунывающим и радостным. Думаешь с улыбкой: вот опять прошла зима, и вместе с ней миновали тягостные думы. Сколько света проснулось в душе, доброго ожидания и надежды!

А воробьи, между тем, только жарче чирикают, восторженно прославляют долгожданное тепло. И где бы тут, казалось, духу неугомонному уместиться, когда вся птица – пуховичок с ноготок, в ладошке не видать? Однако только её на дворе и слышно: «Чики-ври, жив, чики-ври, жив, чики-ври, жив, жи-ки, жи-ки, жи-ки, жив, жив, жив!»

Хорошо внимать этой незамысловатой воробьиной музыке, что звучит прямо у дома! Синиц, что радовали нас все мартовские утра, и не слышно. Только вездесущие воробьи маленькими стайками, по двое, по трое, но не в одиночку, без умолку снуют под окнами. Какое-то воробьиное столпотворение, призванное растормошить, поскорее сбросить с себя путы зимы и воскреснуть. И всё - благодаря милым воробьям, что как маленькие оголённые сердца бьются без устали весь весенний день и никогда не замирают!

Но проходит весеннее время, полное занятных тревог, забот и лёгких огорчений, и в поправленном старом гнезде вновь начинают пищать малыши,

а неуёмные папа с мамой уже подумывают о следующем потомстве. Не успеет в мае вылупиться и подрасти первый приплод, как воробьиха откладывает следующие яички, и так всё лето. Великую гвардию нужно успеть воспитать родителям, чтобы управиться с множеством вредоносных насекомых, и способны на это только воробьи.

Воробей не примечателен ни внешностью, ни голосом, и не мы выбирали его себе в соседи, но, тем не менее, он более всех других птиц привязан к человеческому дому, рядом с которым находит и пропитание, и уют. По тесноте общения с человеком, помимо воробья, могут сравниться только разве что крыса и мышь, приносящие больше вреда, чем пользы, зато уж воробей – истинный его помощник. И даже одёжка воробья, хотя и неброская, всё же обращает на себя внимание, если приглядеться к ней достаточно пристально. Да и голосок, так хорошо всем знакомый, на деле вряд ли может наскучить, поскольку, скорее, выражает неиссякаемый задор и неустрашимость перед судьбой, зловредность которой воробей так часто испытывает на своей незатейливой шкурке.

То кошка соседская повадится выдирать его коричневато-пегие перышки, то хозяйский кот примется за дело, но все эти кошачьи поползновения сравнимы для воробья с чистой забавою, в отличие от нескончаемого осеннего дождя или лютого январского мороза. К добру, говорят, воробью ненастье, коли стреха под боком, и когда она спасает, воробей и на человека чирикает. Но более всего страшится он бескормицы, и если хоть изредка перепадает воробью семя, то беда ему по колено.

Старого воробья на мякине не проведёшь, а молодого и на испуг просто так не взять, потому как обладает эта птица незаурядным жизненным настроем. Откуда что и берётся, когда он налетает на кур, уток и даже индюков. Одно слово – забияка, но с характером, которому бы позавидовала любая и более крупная птица. Попробуй кто-нибудь тронь его!

Куры опасливо обходят воробья, будто не замечают, а петух, хотя и хорохорится, шаркает шпорами в пыли, всё же с робостью поглядывает на него. Утки раздражённо крякают, толкутся, завидев воробья, и только индюк, напыжившись, важно проходит мимо, показывая, что ему-то здесь бояться некого. Но воробью до всех этих обитателей птичьего двора дела мало, он - сам себе хозяин, и потому никого и ничего не боится.

Воробей – птица вёрткая, ухватистая и никогда своего не упустит. В ней какая-то особенная смелость, для такой малой птахи, вроде бы, и не подходящая. Ни у синицы-матушки, ни у зяблика-интеллигента, ни у нежной и трогательной горихвостки такого напора не чувствуется. Воробей чётко представляет, в какой момент и как ему надлежит себя вести. Попусту затевать толкотни он не станет.

Иной раз и в повадках птицы, и в стремительном коротком полёте видна некоторая прямолинейность, но она тоже, по-своему, неотразима. Воробей только от бесстрашия несколько суетлив и резок в движениях, на самом же

деле он осмотрителен, всегда насторожен, с любой бедой в силах совладать и выйти из неё сухим и невредимым.

Присмотревшись внимательнее к этой птице, особой любви в себе, может быть, и не обнаружишь, но зауважаешь уж непременно! Крохотным сердчишкой трепещет в воробье какое-то особое обаяние, так что, глядя на него, невольно подумаешь: воробей – это неунывающий мужичок в сером армячке, что по дворам шныряет – крохи собирает, в полях ночует – коноплю ворует, словом, не плошает и при этом никому не мешает. Невелик воробей, зато нет его удалей!

ПРИЯТНОЕ СОСЕДСТВО

Ещё в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнёзда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались на наличники и сразу принимались вытягивать из пазов паклю, так что по всему дому слышались невнятные стуки, словом, стояла жуткая возня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут – и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится, кто посильнее, ну, а мелкота – последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу за столом у окна, слушая завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, что они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замёрзли, а успели утеплить свои гнёзда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам и пишу про весну.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень, вечер, ещё не выпал снег, и я иду по тёмной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешённо мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами чавкает стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды… Жизнь будто умерла.

Идёшь, то и дело, оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшую всё предзимнюю немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было пригожее и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъёмами, с запёкшейся на солнце земляникой и неугомонными пчёлами, разухабистое, неудержимое, такое желанное… Красное лето никому не докучает, все ему рады.

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается, и тоже отвечает тебе улыбкой: в ней начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника. Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

ВОРОБЬИНЫЙ СКОК

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не воспринимался так восторженно, и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней распутицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил несравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо более поэтичное, русское и земное, чем «воробьиный скок»?!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время. Его на её пороге если и становилось больше, то всего на такой незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проведывать человека неустанные вьюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный деревенский двор проводить старое, надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Бывает, ещё в конце января в воздухе вдруг запахнет весной, и ты не понимаешь: откуда взялся этот запах? Ведь ещё вчера его не было, хотя так же веял тёплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу.

Выйдя на улицу, замрёшь и стараешься угадать, где его источник. Невольно думается: вот сейчас, стоит только сосредоточиться, и, наконец, всё узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься, и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны источает … подтаивающий снег, что в

оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащённо биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошёл к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, вышел поутру из деревенского дома, и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралём затерялись где-то в далёком прошлом.

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно так же, как в начале мая – к лету. Если ты почувствовал его, надоевшая тяжесть от бесконечных снегопадов незаметно спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, когда готов в любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

СОРОКА НА КОНЬКЕ

На Руси исстари повелось связывать появление у жилья разных зверей и птиц с какими-либо переменами в жизни людей. Перебежит ли улицу заяц, взметнётся по тополю у родного дома белка, ни с того ни с сего застучит по бревенчатой стене дятел или закукует над оградой кукушка – на всё у смекалистого и приметливого деревенского жителя находилось своё суждение… Да и как его не иметь, если жизнь твоя вплотную соприкасается с удивительным миром природы, у которой приходится не только учиться, но и помогать всякой божьей твари, что в суровую для себя годину льнёт к жилью человека, старается в нём укрыться или позаботиться о своём пропитании.

Часто можно услышать, что птицы небесные не сеют, не жнут, а сыты живут, однако нелегко им пропитание своё находить, да ещё и детей прокормить надо, и потому у птицы со зверем житьё не такое весёлое и лёгкое, как многие об этом думают: хлопот и забот у них полон рот. И хоть говорят, что всякая птаха своим носом сыта, но наступает в жизни каждого лесного обитателя такое время, когда он приходит за помощью к человеку, и порой так к этому привыкает, что уже не в силах от своей привязанности отступить. Он самой жизнью повязан с человеком, которого и пугается, и не может без него обойтись.

Испокон веку живёт по соседству с человеком медведь. Медведь – любитель глухих лесов и людского шума не выносит, но к жилью его подходит часто, и собирает с человека подать на пасеках или с пчелиных бортей, как будто тот ему задолжал, и зверь без зазрения совести пользуется

этим. Может быть, именно поэтому в народе и повелось поверье, что, повстречав медведя, следует ожидать какого-либо худа.

Ещё с давних времён медведя в деревнях все хорошо знали, так как пойманным его часто водили на цепи для представления господам-барам и простому деревенскому люду. Учёный медведь показывал, как ребята горох воруют, как пьяные мужики по канавам валяются, как старухи и молодушки ходят. И всё же, более всего медведь трущобу любит, и в отличие от человека всякого шума сторонится, а уж если появляется рядом с жильём, то по крайней нужде.

Вздумается ему, к примеру, корову задрать, и уж никто его не остановит, потому как медведь гнёт – не парит, а переломит – не тужит. Медведь корове не брат. Перед долгой же зимой, чтобы, наверное, было не так скучно спать, залегает он иной раз поближе к деревне и слушает, как петухи распевают: одну половину зимы лапу сосёт на одном боку, другую – на другом. Счастлив медведь, что не попался человеку, а человек счастлив, что не попался медведю. Так они издавна, бок о бок, и живут.

Часто человеку приходится сталкиваться в своём жилье лицом к лицу и с серым хищником – волком: то зверь зарежет корову прямо у деревни, то ворвётся в самую середину стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберётся тёмной ночью на двор, потому как голод не тётка. Волк не глядит на хозяйскую заботу и тащит овец без счёту. Не было на Руси, наверное, деревни, жители которой не могли бы обмолвиться: «Есть волки и в нашем колке».

Не может серый обойтись без человека, тянет его к жилью на поживу, и оттого в деревнях ещё примечали: где волк рыщет – там хлеба ищет. Замечали также, что если в какую зиму покажется много волков под деревней – быть голоду, но вот если волк перебегал кому-нибудь из людей дорогу, это, как ни странно, обещало счастье. Встреча же с волчьей свадьбой почему-то считалась благополучной вдвойне. И всё-таки, вопреки необычной примете, во многих деревнях для предохранения скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к самым задворкам, существовал заговор: «Около двора железный тын, чтобы через этот тын не попал ни лютый волк, ни гад, ни злой человек!»

Но сколько волка ни бей и ни корми, он всё-таки частенько не в лес, а в сторону деревни глядит. На то, как говорится, Георгий ему зубы и дал, чтобы он кормился. Как бы враждебно народ ни относился к волку, он и в его положение входил, ведь ему рядом с этим зверем жить приходилось: «Говори на волка, но и рассуди по нему!»

Лиса слабее волка, не а пример, конечно, его уму и сноровке, но благодаря своей хитрой повадке нередко живёт куда сытнее его, пробираясь ночами к человеческому жилью. Не зря говорят: «Волк – голодай, лиса – лакомка». Как ни стереги собака от неё двор, а всё равно лиса курятинки себе добудет. Лиса и во сне кур у мужика считает!

Не может лиса обойтись без человека, особенно зимой, и тот, хорошо зная этого зверя и ту заботу, которую он ему доставляет, всё же величает его про себя доброжелательно, даже с уважением – «кумушкой» или «Патрикеевной».

Выйдешь поутру за околицу – всюду видны её следы, потому как главное занятие у лисицы - кур да всякую другую птицу у человека таскать. Лишь этим она живёт, а значит, у деревни всё время держится. Зимой лиса охотно ходит на падаль, не найдя же возможности раздобыть себе на обед курочку, роется в помойных отбросах или на свалках по окраинам городов и деревень. Ничем не гнушается лисье племя, знай, терпеливо рыщет, манит да льстит. «Лисой пройти» - в устах людей равносильно желанию схитрить. Есть даже особое слово – «лисить».

Но как лиса не хитри, она всегда хитрее себя найдёт, и рано или поздно попадётся. «Посмеялась лиса мужику, кур покравши, посмеялся и мужик лисе, шкуру с неё снявши». Сколько лисе ни красть, а попадётся в пасть.

Правда, в народе замечали, что лиса никогда около своего жилья не промышляет, и отправляется вдаль зло творить. Даже логовище своё она старается устроить подальше от человека. Словом, нанималась, как говорится, лиса на птичий двор беречь кур от коршуна с ястребом, а к концу жизни обещает ещё и в монахи поступить, да кто ей поверит!

Странно вот только, что лиса, по народному поверью, при встрече на дороге почему-то предвещает удачу. Коли на дороге встретится лиса, то это хорошо, а коли заяц – худо. Может быть, виной тому её драгоценный хвост, которым она во сне в мороз укрывается, и след свой от погони заметает, оттого всячески хвалит его и бережёт?!

В простонародных сказках вместе с хитрой и изворотливой лисой обычно выводится заяц, что рядом с ней представляется трусливым и беззащитным. Но ион не чурается человека, норовя забраться к нему в огород: то морковочкой разговеться, то капусткой, а на худой конец поглодать яблоньку, он её считает посаженной специально для него. Часто зайца можно увидеть у деревни, но вот если он перебегал дорогу, то это не приносило удачи, и лучше было вернуться домой. Когда же косой оказывался в самой деревне, то приключившуюся невидаль, вообще, связывали с большой бедой: заяц мечется по деревне – к пожару.

Вероятно, подобные убеждения уходили корнями в глубокую старину и объяснялись тем, что заяц сотворён дьяволом и служит нечистой силе. Крестьяне искренне верили, будто ведьмы с колдунами иногда превращаются в зайцев, и если такой заяц вбежит в дом, то это сам чёрт. Отсюда появление зайца поперёк дороги и означало неудачу, предотвратить которую можно было, только повернувшись вокруг три раза и выкинув с повозки на дорогу клок сена. Зайцы считались, таким образом, нечистыми зверьми, и их не следовало употреблять в пищу. Поверье это было связано ещё и с тем, что у зайцев лапы с пальцами, а, по мнению русских крестьян, есть можно было только тех животных, у которых раздвоены копыта.

Но следует ли верить во что-либо худое, зная нашего милого, всем хорошо известного зайку, у которого и во сне глаза со страху раскрыты? Едва ли есть ещё такой зверь, которого бы столько преследовали охотники, но он всё равно к деревне тянется, а уцелел только благодаря своей плодовитости, да быстроте бега. Пока зайца догонишь – с пару, говорят, зайдёшься, и это несмотря на то, что цена ему две деньги, бежать же – сто рублёв! Всю свою жизнь заяц бежит, лететь ему не на чем, и надежда у него только на себя, да лесного бога.

На самом же деле заяц вовсе не трус, а просто он себя бережёт, оттого и любимое местопребывание у него на опушке леса или в кустах, где он, скорее всего, почует опасность. С необходимостью постоянно бояться и убегать связывали в народе и отсутствие у зайца хвоста, отчего его прозвали «куцым». Недостаток этот объясняли в старину по-разному. Одни говорили, что при раздаче животным хвостов было ненастно, заяц из норы не решился выйти да и остался навеки куцым. Кто-то рассказывал, что у зайца был хвост, но его волк оторвал, когда заяц от него бегством спасался. Третьи уверяли, будто заяц зимой хвостом в проруби рыбу ловил и отморозил его… Седая быль веков, святая простота!

Так или иначе, но не даровал Бог зайцу хвоста, зато наделил знатной шубкой, он ей пуще хвоста своего дорожит! Чуя приближение человека или собаки, заяц лежит до самого последнего момента, так что чуть ли не наступишь на него, и потому чаще всего он поднимается там, где его меньше ожидают. Какой восторг обычно вызывает он своим неожиданным появлением!

Белый и пушистый как снег, с симпатичными чёрными ушками, заяц воплощает в себе нечто необыкновенное, когда вдруг выскакивает на опушку, почти у самой деревни, и на мгновение замирает. А уже через секунду пускается в пружинистый бег, несётся что есть духу, подхлёстываемый залихватским свистом, и нет, пожалуй, ничего прекраснее поздней осенней порой, чем стремительно удирающий по озимям беляк. Сквозь облетевшие ветви осин виднеются серые крыши крайних домов, дымки над ними, а по полю, будто оторванный неведомой силой от земли, летит ослепительно белый заяц!

Нет, как ни крути, а человеку от зайца больше радости, нежели печали, и сколько бы неприятностей заяц не причинил, все они несравнимы с его обаянием! Не горюет человек о погрызенных яблоньках, вишенках и рябинках так, как если бы волк или медведь у него под боком тёлку задрал, и благодарит Бога за дарованную ему красоту леса, вместе со всеми его обитателями. В народе зайца всегда почитали и, несмотря на связанное с ним худое поверье, радовались хотя бы мимолётной встрече с ним, а меж собой называли с любовью, как единственную и ненаглядную дочку: «заюшка-горностаюшка»!

Красивый пушистый зверёк белка, своим непоседливым бойким нравом оживляющий пустынное безмолвие северных лесов, тоже, случается,

подходит вплотную к деревне. То и дело упоминается она в русских сказках, где ловко перепрыгивает с ветки на ветку, распевает весёлые беличьи песенки, а сама, знай, грызёт орехи, скорлупа у которых из чистого золота, зёрна – ядрышки жемчужные. Но вот если белка забегала в деревню – быть худу, гласило седое народное слово.

Чем же мог досадить человеку этот забавный зверёк, не менее безобидный, чем заяц? Всему, по-видимому, виной была его повёртка, словно у беса: уж больно шустро зверёк перемещался с места на место, преодолевая немалые расстояния за короткое время. А ещё, наверное, сыграла роль её способность затаиваться на дереве, как будто исчезнув. Не могли помочь ни собака, ни колотушка охотника, ни его ружьё: белка как сквозь землю проваливалась, очень ловко замирая в своём невидимом с земли гайно. А в деревню зверька гнало обыкновенное соседство леса с жильём человека, что в старые времена было гораздо теснее.

То же близкое соседство лесного и человеческого миров привлекало на крестьянские дворы и такого занятного зверька, как ласка. И хотя среди людей было признано, что ласки в курятниках выпивают куриные яйца, в отдельных местностях зверьки считались полезными на скотных дворах. Где в хлеву есть ласка, там водится скотина, замечали в народе, а каждая корова имеет свою ласку-покровительницу: какой масти корова, такая у неё и ласка, и если её убить, то и корова вслед за нею издохнет.

На самом же деле юркие зверьки забегали чаще всего в деревенские конюшни, где их привлекала соль, выступающая на крупах лошадей. Ласки бегали по ним, слизывали её, и отсюда, наверное, повелось в народе поверье, будто бы ласки – чёртовы посланцы, заплетающие из конских волос косички и вгоняющие в лошадей худую силу. Недаром, мол, лошади волновались, взбрыкивали и храпели, не в силах успокоиться, но кому понравится, когда по тебе бегают, да ещё и облизывают!

Ещё ласка поедает в обильном количестве мышей, для их поимки она прибегает к разного рода хитростям, например, притворяясь мёртвой, но чаще, всё же, посещает человеческое жилище, где для неё мышиное раздолье. Словом, она не зря получила своё имя, потому как по характеру гибка, изобретательна и игрива. «Ласть, да ласть, - поговаривали про неё деревенские жители, глядишь, а она уже и живёт себе всласть!»

В некоторых деревнях считали, что ласки приносят счастье дому. Если же ласку, у которой есть дети, обидеть, то весь выводок нападёт на дом и уничтожит в нём все запасы. С лаской следовало дружить, привечать её, и тогда зверёк платил человеку взаимностью, предохраняя его дом от нашествия грызунов.

Предрассудки были так крепки, что даже обыкновенная летучая мышь, залетевшая ночью в окно, означала неминуемую беду. Ведь небесные, божьи птицы, по мнению людей, должны были летать днём, а ночью – только порождённые чёртом. Но солнца ли вина, что летучая мышь в полдень не

видит, а в вечернее время и ночью устремляется на свет, что привлекает для неё насекомых?

Кровью летучих мышей можно убрать веснушки на лице – верили люди, и потому, опять же, относились к зверькам по-особенному. В старые годы их считали непременной принадлежностью жилища колдунов и ведьм. Существовало даже убеждение, что если обыкновенная мышь поест «священного» хлеба, то есть освящённого кулича или пасхи, то превратится тотчас в кожана, летучую мышь.

Про летучих мышей, что летают, как птицы, но только ночью, водилось и такое поверье: птицу создал Бог, а летучую мышь чёрт, но только не мог сделать так, чтобы она летала, и обратился за этим к Богу. Бог согласился исполнить его желание, но с условием, чтобы чёртова птица летала тогда, когда божья покоится. Народ пользовался летучими мышами, чтобы отгонять от скота всякую нечисть: пойманную летучую мышь убивали и прибивали за крылья у входа в хлев.

Однажды я действительно увидел на омшанике у одного старика-пасечника такую прибитую мышь, и очень удивился. Мышь изрядно высохла, побелела от времени, и я спросил у старика, зачем она здесь. Он объяснил, что это «хранимый знак», по которому быть на пасеке достатку, а все беды, якобы, обходят её стороной. Ещё издревле, заверил меня старик, ведётся в деревнях подобный обычай, и он не упомнит, чтобы эта «чёртова голова» не помогала. Распростёртая над приземистой дверью мышь до сих пор стоит у меня перед глазами, и я отчего-то сам начинаю верить в её скрытую силу.

Сродни летучей мыши ещё одна любительница темноты – сова. Сова, ночная гуляка, что величается в сказках и присказках «совушкой-вдовушкой, разумною головушкой, залесною барыней, Ульяной Степановной», тоже частый гость и в деревнях, и в городах. Часто представление о ней соединялось с понятием о мудрости, но русское суеверие, всё же, не сулило от совы добра. «Виден сыч по взгляду, а сова – по полёту, которая хоть и тиха, да птиц душит», - убеждённо заключали они.

Вообще, все птицы, принадлежащие к этой породе, как по образу жизни, так и по приписываемым им свойствам, всегда подозревались в близких сношениях с нечистой силой. Крик этих птиц над домом всегда связывался с несчастьем для его жильцов, и чтобы его избежать, советовали бросить в огонь соли. На крыше появился с криком сыч – верная примета скорого несчастья, потому как верили, что сыч своим криком хозяина из дому выживает. А вот если над селом слышалось уханье филина - не миновать пожара. С давних времён крестьяне воспринимали эту птицу как великого охотника «скверниться», то есть – браниться. Слыша в лесу повторяемые эхом свои слова, крестьяне подозревали в этом передразнивании филина и посылали ему в отместку крепкое словцо, снова повторяемое эхом и вновь вызывающее брань, которая, в конце концов, прекращалась, потому что «филина-бугая не перебранишь».

Колдуньи по деревням обыкновенно держали при себе сов, как олицетворение нечистой силы. Совам они поручали охрану заклятых кладов, приговаривая: «Сова клады сторожит, а филин – совкин деверь, спутник лешего, беду людям пророчит». Когда с наступлением темноты всё живое прячется под кровлю, сова-мёртвая голова отправлялась на ловлю.

В народе было весьма распространено ещё и такое мнение, будто сова – птица смерти, дающая знать своим жалобным криком около дома больного, что он скоро умрёт. На самом деле огонь держали зажжённым в избе, где находился сильно хворающий человек, а ночник привлекал хищных ночных птиц. К тому же, благодаря свету у окна собирались летучие мыши, бабочки, различные жуки, и это не могло не привлекать сов.

Крупных сов неясытей в отдельные, особо голодные для них годы часто приходится видеть не только деревенским жителям, но и городским. Совы прилетают на улицы наших городов, сильно исхудав, решаясь на это в безвыходной для себя ситуации. Они держатся обычно садов и скверов, рассаживаясь на самых высоких деревьях, и приводят в бурное недовольство ворон, сорок и галок, что то и дело нападают на них и не дают покоя. Как правило, всеми гонимые совы в городе погибают, часто так и не разубедив, даже своей жалкой участью, людей в их недоверии. Хоть, как говорится, под небеса летай, а всё сове соколом, меж людей, не быть.

Более завидна участь аистов, всем хорошо известных красивых и очень величественных птиц, на репутацию которых никто, наверное, не покусится. Аист – желанный гость южнорусских деревень, где нарочно устанавливались на крышах шесты с тележными колёсами для их гнёзд. По старинному поверью, аисты охраняли избу от пожара: люди верили, что если что-то загорится, птицы начнут носить в клювах воду и заливать огонь. Обидеть аиста, разорить его гнездо значило накликать великую беду на свою голову!

Про аистов особенно много рассказывают своим детям, когда хотят убедить их в том, что птицы приносят новорождённых младенцев в клюве не случайно, а как воздаяние хозяевам за их доброту и хозяйственность. И потому родителей своих, мол, следует почитать, ибо аист – птица мудрая и поселяется на домах с разбором. Верили, что на крыше мошенника или ленивого человека птица гнезда никогда не совьёт.

Весной на наши необъятные русские просторы счастье и радость приносила из-за моря, по народному поверью, ласточка-касатка, она представлялась ещё и олицетворением домовитости. Примечали, что если не вернётся по весне касатка на старое гнездо, это предвещает несчастье, и оттого ласточку ждали, никогда не обижали и очень гордились, если она избирала именно их дом. Ласточку считали любимой Богом птицей, убивать или разорять её гнездо считалось огромным грехом, и уж если поселилась ласточка под кровлей, значит, во благо. Ласточка, уверяли, вьёт гнездо на том доме, где живут добрые люди, и только добрый человек замечал первую, прилетевшую из тёплых краёв ласточку, хоть она, по народным

наблюдениям, весну и не делает. За постой же ласточки платили хозяину дома помётом. Птичий помёт, как известно, хорошее удобрение.

Ну, а тому, кто всё-таки покушался на птицу, она могла и отомстить: подлезет под вымя коровы и испортит у неё молоко: корова станет молока давать мало и с кровью. По другому поверью, ласточка за причинённый ей вред могла даже избу спалить. У того же, кто её убивал, помирали родители. Такого рода напасти, конечно, менее всего подходили ласточке с её добрым нравом, и потому во многих деревнях верили, что за разоренное человеком гнездо она наказывает его лишь … веснушками.

В некоторых местностях России существовало ещё такое поверье, по которому не следовало начинать купаться до тех пор, пока ласточка не окунулась в воду, что бывало приблизительно около Троицына дня. Долгое время были живы представления о зимовке ласточек в реках, озёрах и колодцах, а так же о возвращении их на юг под крылом аиста или журавля. По всему видно, что в народе о ласточках постоянно думали, не мыслили без них жизни, с ними даже соизмеряли свои поступки.

Часты прилёты в деревню и дятла, про которого рассказов в народе сравнительно немного. Причём, они почти все касаются его свойства долбить дерево, выковыривая из него насекомых и личинок, которыми он питается. Если дятел держится вблизи строений, то в зависимости от того, что он клюёт, выводятся и разные предсказания, большей частью почему-то неблагоприятные для людей. Дятел весной долбит по преимуществу изгородь – наступающее лето будет червивое; стены холодных строений – будет много мышей; стены жилых помещений – к смерти одного из членов семьи; дом в переднем углу – к кончине самого хозяина.

Иногда дятел долбит стоящие рядом с домом телеграфные столбы, и даже порой залетает в ограду, стучит на какой-нибудь стойке. Может оттого, что дом просто начинает стариться и в нём заводятся разного рода личинки, а дятел предупреждает хозяев об этом и старается им помочь? С дятлом всё более-менее понятно: птица эта серьёзная, работящая, и за работой, видимо, не разбирающая, лес это или деревня.

А вот зачем прилетает на деревню кукушка, никто сказать не может. Усядется на столб, вытянется в веретено и давай, как флюгер, во все стороны крутиться: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». Плачет, наверное, кукушка, что детей в люди отдала, да им на это и жалуется.

Но, с другой стороны, почему бы птице, что гнёзд не вьёт, яиц не высиживает и птенцов не выводит, не побывать в гостях у людей, среди которых она славится своим кукованием, тем более, что по нему каждый человек для себя определяет, сколько ему жить осталось. Кукушка, говорят, кукует – по бездомью горюет, так отчего же ей в деревне, что расположилась рядом с её родимым леском, не побывать?!

Кукушку, принимая во внимание её вдовство и бездомное положение, в народе называли «горькой», поскольку живёт она «тепла гнезда не греючи, малых деток не лелеючи». Но, понимая нелёгкую долю птицы, что будто бы

оставляет на траве и цветах свои «кукушкины слёзы», люди стали связывать прилёты птицы в деревню с горем, что она может принести. Ведь и бездомный человек, что норовит к чужому очагу пристроиться, опаску вызывает, чего уж говорить про бедовую птицу!

Кукушка кукует, замечали в народе, горе вещует, а если кого натощак окукует или в затылок, то добром это не кончится. Конечно, пение кукушки негармонично, да она мелодичнее и не умеет, и потому лучше куковала бы птица на свою голову, тем более, что летая по деревне, кукушка пророчит пожар. А уж когда кукушка закукует перед каким-нибудь домом в сумерки, там обязательно кто-нибудь умрёт. Если кукушка продолжала куковать после Петрова дня, это обещало плохой год.

Кто-то нередко, кукушку выше соловья ставит: когда кукушка к нам весной возвращается, то она с собою тепло приносит. Люди верят, что кукушка ни за что не обманет, и если её услышишь, значит, лето близко. В некоторых деревнях даже был обычай не работать в тот день, когда запоёт первая кукушка. Пение её доносилось из самого дальнего леса, отчего стар и млад веселели, а вокруг всё пробуждалось.

По весне, когда земля оживала, люди не могли обойтись ещё без одной птицы, скворца, которую старались привлечь в свои сады и огороды, нарочно строя для неё скворечни. Птица, весьма полезная тем, что поедает огромное количество насекомых, привлекала среди других особое внимание ещё и потому, что была красива и обладала способностью всех и вся передразнить. Скворцы в эту пору затмевали собой всю пернатую братию, населявшую деревню, и даже вездесущие вороны с сороками оказывались, как будто, на втором плане.

Скворец, в отличие от других птиц, всегда летел к человеку целенаправленно, в уже приготовленный для него домик, и так к этому за долгие годы привык, что ограничить его чем бы то ни было просто невозможно. Откуда это повелось, с каких пор – ответить, наверное, сложно, но неизменно каждый год птицы очень настойчиво ищут нашего соседства. Может быть, именно длительное нахождение рядом с человеком и послужило появлению у скворца способности имитировать окружающие его звуки. Иначе, где бы он так ловко научился мяучить кошкой, скрипеть рассохшейся дверью или старым колесом, вторить контральто певицы, мастерски ведущей свою партию по радио, что доносилось из окна дома?

Повернув изумрудно переливающуюся грудку к юго-востоку, где поднимается солнышко, скворец самозабвенно и, в тоже время, очень уверенно провозглашает весну. Никто не пройдёт мимо скворца, не полюбовавшись на его красоту, никто не скажет худого слова про птицу, что всеми любима. Человеку бы в самый раз задуматься: а почему не развить подобные взаимоотношения с другими представителями животного мира, хотя бы изредка приходящими и залетающими к нам из леса?

В лесу многие звери и птицы не добились бы того, что получают, находясь рядом с человеком. В холодное время и вороны, и галки, и сороки

рассаживаются на деревья прямо над печной трубой, чтобы погреться. Не перестаёшь удивляться этой их способности использовать любую ситуацию в свою пользу. Только, бывало, растопишь баню, а ворона тут как тут: раскорячится на трубе в самом дыму, вытянет шею и в такой, полной удовлетворения, позе замирает… Ворона, таким образом, выводит перьевых клещей.

Но и человек, из года в год, наблюдая поблизости лесную жизнь, многому учится и многое открывает. Вот, скажем, погода… Кто как не звери с птицами безошибочно предугадывают её, ни разу не ошибившись?!

Волки завыли неподалёку от деревни – будет мороз. Перед наступлением сильных холодов приближаются к жилью и зайцы. Появление в большом количестве белок в садах предвещает мокрый год. Зачиркали снегири под окном – скорая оттепель. Ласточки летают высоко - к вёдру. И даже надоевшие всем дрозды, усевшись на нижних сучках ёлки, предвещают хороший год, если же высоко, на макушке, сам мужик скоро запоёт, как тот дрозд.

Ну, а что сорока, что дала название этому рассказу? Да ещё на коньке? Сорока всем хорошо известна, всякий её всегда приметит и невольно залюбуется, даже если бы птица проявила свой вздорный характер. Сорока на коньке – это своеобразный символ неразделимости природы и человека.

Сорока, на первый взгляд, отличается удивительно однообразным оперением, особенность его составляют белые перья на боках: не живёт сорока без белого бока. Этим однообразием оперения сорока, будто бы, превосходит всех других птиц, пока к ней не приглядишься внимательней, и не обнаружишь бархатную зелень на груди и спинке, отороченные снежной каймой веерообразные крылья, изящно покачивающийся, с еле угадываемой синевой хвост. И сразу птица преобразится, оперение её заиграет, и из обыкновенной сороки-белобоки - она превратится в деревенскую жар-птицу, что не всякий и приметит. Ведь для многих людей сорока от сороки в одно перо родится, и ничем особенным не выделяется. А зря!

Птица эта, несмотря на своё кажущееся однообразие, невероятно своеобразна по уму и, уж конечно, хорошо знает, где ей зиму зимовать. Тянется сорока к человеческому жилью, где ей и дом, и дол, и желанная вольница.

Никто из птиц не проявляет такого повышенного интереса к человеку, как сорока. Она просто примелькалась, её не замечают, да к тому же лишний раз она на глаза не покажется, но наблюдение за человеком ведёт постоянно. При этом сороки очень любят комментировать события, происходящие вокруг них, и бурно реагируют на любое взволновавшее их действие. Человек, в свою очередь, не может не замечать этого оживления и, несмотря на заботы, тоже невольно обращает внимание на него, про себя любуясь занятной птицей. Ещё неизвестно, кто больше нуждается друг в друге – человек или сорока?

А как удивительно угадывает сорока возможное для себя пиршество, да ещё не предполагая, откуда его ждать! Разрубая однажды мясо в крытой ограде, под сеновалом, так что никто из птиц не мог меня видеть, я ушёл ненадолго в дом и, когда вернулся, застал у мясного крошева на полу сороку. Птица, конечно, тотчас взлетела, но уселась неподалёку на заснеженной ирге, и стала наблюдать за мной. Я потом долго думал, откуда сорока узнала про мясо, но, ни к какому выводу, так и не пришёл. Недаром эту птицу называют чёртовой птицей, посвистухой или деревенской бабой-лепетухой, способной любого обвести вокруг пальца.

Ещё сороку считали вещей птицей, что вечно сокочет – гостей пророчит, которых она давно уже поджидала, и скорее сорока пером вся побелеет, чем сокотать перестанет. Такая уж эта птица, сорока-белобока, зелёный хвост, долгий нос, что задолго до всех предвещает чей-либо приход или приезд, усевшись на коньке дома.

«Не было сороки, а гости у порога!» - восклицали в первую очередь, удивляясь, почему сорока не предупредила о визите, поскольку даром она не сокочет: либо к гостям, либо к вестям. Так глубока была в народе вера в её предсказания, и, конечно, эта способность использовалась людьми не только как оповещение о приближающихся гостях или скорых вестях, но и в лесу, при выслеживании зверя, а также при определении погоды: если птица под стреху лезет – к вьюге. Сорока за то щеголяет рядом с человеком, будто в барских хоромах, и горя не знает!

Зимняя картинка

В народе говорят, что зима тетереву за обычай и длится всего лишь ночь. Морозный же декабрьский день для птиц – в одну кормёжку, когда они вылетают из-под снега на берёзы и, рассевшись по ветвям, будто стерегут торжественный зимний покой.

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы. Не всегда увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, весело искрится на фоне нежно голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли на деревьях.

Неторопливо склёвывая пахучие берёзовые почки, тетерева изредка замирают, бросив клевать, и прислушиваются. Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Смешно вытянув шеи, тетерева поворачивают головы к розовеющему востоку, настороженно вглядываются в морозную

даль. Но нет, всё тихо, и убедившись в нетронутой тишине, птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: нужно успеть набить зоб за короткий светлый день, чтобы хватило на двое-трое суток, и ничего не мешало их сладкой дрёме под снегом.

Насытившись, тетерева не улетают, а тяжело срываются прямо под деревья, в сугроб, и крепко засыпают. Теперь их присутствие угадывается только по голубеющим с края поляны лункам. Из них птицы неожиданно вырвутся однажды поутру, и снова ненадолго рассядутся по берёзам теребить серёжки, слушая зимнюю тишину.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами на заснеженных берёзах - самая красочная картинка зимы: она отражает её короткое пробуждение, предвкушая нескончаемо сладостный сон. А природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись красавцами-тетеревами.

ЛИСИЧКИ

Затянул я однажды со сбором опят и отправился в лес только в двадцатых числах сентября, после первых крепких заморозков. В деревне поговаривали, что опята несут целыми корзинами, грибы уже идут неделю кряду, и такого грибного хода давно уже никто не помнит. Мне очень хотелось нарезать аккуратных светло-коричневых грибков, чтобы заготовить их на зиму, но я всё никак не мог собраться, и, в конце концов, чуть было не опоздал.

Опавший лист местами почернел, свернулся, и под его толстым слоем трудно было разглядеть какие-нибудь грибы. Их почти не было, за исключением редких подосиновиков, уже порядком перестоявших и покосившихся, да промёрзших волнушек, с виду довольно крепких, но попадались они ещё реже. Лес казался пустым, приготовившись к долгой непогоде, и я стал подумывать о возвращении. Горько, конечно, появляться дома с пустою корзиною, но ничего не поделаешь!

И тут в листве вдруг что-то закраснело: и вон там, под ёлкой, и среди берёзок, а дальше – больше, ещё и ещё. Это были лисички. Летом – жёлтые, будто рассыпанные во мху монетки, под осень они превращаются в ярко-оранжевые, хорошо приметные даже среди опавшей листвы. Лисичек высыпало так много, что поначалу я растерялся.

Оглядевшись, долго не мог прийти в себя, и всё озирался, не зная: откуда же начать? Лисички маленькие, средние и совсем большие, размером с хорошее блюдце, окружили меня со всех сторон. Самые крупные напоминали глубокие чаши или какие-то неведомые цветы, чудом сохранившиеся в глубокую осень.

На них не повлияли даже заморозки, что не прекращались в течение трёх последних дней. Лишь у самых переросших и завалившихся набок грибов края от влаги потемнели, но и их, всё же, можно было брать, обрезая

подгнившие верхушки. Большинство лисичек оставались сочными и мясистыми.

Такого грибного раздолья я не помнил даже летом, и обрадовано бросился наполнять корзину. Забыл и про подосиновики, и про волнушки, и про опята. А лисички всё не кончались, стелились по усыпанной листом земле оранжевыми лоскутами, и я уже боялся смотреть вокруг. Когда корзина заполнилась с верхом, грибы прекратились, как будто по мановению волшебной палочки. Я, наконец, разогнулся и в полном удовлетворении перевёл дух: трёхведёрная корзина была набрана за какие-нибудь полчаса!

Обратно шёл приятно взволнованным, в приподнятом настроении, и даже думать забыл о том, что кто-то носит опята целыми корзинами. Вот и тучи, совсем недавно обложившие всё небо, куда-то рассеялись, и выглянуло ласковое осеннее солнце. Было радостно шагать по грязной, медленно подсыхающей дороге навстречу небольшому, но весёлому стаду коров и овечек.

Пастухи, поравнявшись со мной, залихватски щёлкнули кнутами и приняли независимый и важный вид, но всё-таки заглянули исподтишка в корзину. Что был моложе – хмыкнул и, скорее недоумённо, чем пренебрежительно, обронил: «Лисята-а…» А я отчего-то встрепенулся, с удовольствием расправил уставшие плечи, и вдруг всей грудью ощутил чуть уловимый аромат осенних лисичек – последних из грибов, что подарили мне в этом году незабываемую радость.

ЛИСТОК

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами лось-великан или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

Только когда ветер шевельнёт старым листом, вдруг покажется, что он ожил… И сразу представится, как лист родился весной, сколько сил земля, вода, солнце и воздух положили на то, чтобы он распустился. А затем, как он менял свой цвет, становясь, поначалу, тёмно-кремовым, с чёрными прожилками, дальше – оранжевым, ярким, и вскоре – фиолетово-пурпурным, переполненным жизнью.

И вот пришло время ему оторваться и улететь, и лист упал где-то, зарылся в ворох таких же обессиленных листьев и, свернувшись, вдруг почувствовал, как его высушенных боков коснулся живой воздушный поток. И лист, быть может, откликнулся ему, на миг поверив в оставшиеся силы, и на какой-то миг действительно ожил, перевернувшись на другой бок, а человек заметил это, поверил тому, что произошло, и улыбнулся.

ДОРОГАЯ ПРИРОДА

Случится с тобой однажды такое, что жизнь оказывается остановлена: и еда не лезет, и работа в тягость, и сон отлетает, и в лес идти совсем не хочется… Так проходит день, другой, третий, а то и неделя, и даже месяц. Вот уже и солнечный март подступил – у тебя же одна мысль: как бы одолеть свою кручину и поверить в нечто спасительное, чтобы оно нежданно-негаданно коснулось твоей души и та, хоть маленечко отогревшись, радостно затеплилась?

А надо-то было всего лишь забыть на время себя самого, помочь какому-либо доброму человеку и, отрешившись ото всех случившихся с тобой переживаний, улечься пораньше и пробудиться рано поутру от барабанной дятловой трели, что протяжно и звонко разносится в ближнем лесу, куда-то зовёт и обещает только счастливые события! Ведь если человеку всё надоело, и он устал, ему надлежит узнать то, что не подвержено даже смерти, а что это такое?

Вся жизненная удовлетворённость, наполненность благословенным смыслом существования находится, оказывается, в нём самом, необходимо только всё это отыскать, но сначала – прийти к желанию поиска, насытившись обыденной, пусть и приятной жизнью. Человеку не достаёт решительного броска навстречу самому себе, к заложенной в глубине своей природы божественности, с пониманием, что она не отделима от тела.

Единство тела и духа – вот, где заложена причина человеческого счастья, и когда человек достигает этого благословенного слияния, он обретает в душе недостающую удовлетворённость, то есть – Бога. Но Его невозможно воспринять без поклонения и постижения такой дорогой всем нам природы, что для русского человека – всё мирозданье, то ежедневно зримое благо, которое и призывает, и высит его дух!

О ПРИЯТНОМ

Ночью, в ожидании глухариного тока, редко, когда удаётся уснуть, и ты лежишь на ворохе елового лапника, и думаешь о чём-нибудь приятном, связанном, почему-то, всегда с природой…

Например о том, как приятно, наверное, быть маленькой птицей, что неслышно переносит на крыльях свою тихую, прелестную жизнь, и никогда ни о чём не тоскует.

Приятно встречать утро года, весной, открытое для возрождающейся жизни, смотреть на распустившуюся вербу и не срывать её, разводить в лесу костёр, поддерживать его всю весеннюю ночь и вслушиваться в ночные звуки.

Приятно наблюдать, как кудрявятся в весенний день белые облака над садом или лесом, а между ними замирает ласковая синева.

Приятно, когда волосы твои ворошит лёгкий весенний ветерок, ласково запуская в них свои невидимые пальцы…

Приятно, когда свою нежность отдают тебе апрельские звёзды! Посверкивают тихо, настойчиво, как будто что-то подсказывают и окрыляют. Ты им, конечно, благодарен за это.

Рождественские звёзды вспыхивают в морозном небе уже как-то торжественно, беспокойно шевелятся и подмигивают тебе, отчего на душе тоже становится очень приятно.

А как приятно замирает сердце в предвкушении дальней дороги! Что-то принесёт она тебе? Веришь, что только незабываемые встречи, восхитительные открытия, всё самое неизведанное…

Приятно шагать по ней летом, может быть, за малиной, и ощущать рядом маленького человечка – сына или дочку, который сжимает в руке корзиночку. Чувствовать, как ответственен за него, и что это твоё продолжение на земле, пока ничего не ведающее, но такое трогательное, чистое.

Как восхитительно июньское солнце, пронизывающее воздух радостью и ожиданием только хорошего, как приятен ласковый день в июле, который длится долго, и кажется, что он никогда не кончится.

Ещё приятна неясная печаль, что касается тебя осеннею порой… Опустели леса, воздух замирает меж облетевших деревьев, хочется только чего-то радостного и настоящего. Душа твоя болеет за всех, она полна добра.

Приятно бродить в тенистой прохладе притихшего сентябрьского леса в поисках грибов, смотреть, как кружит высоко в небе одинокий канюк, а вечером любоваться на большую осеннюю луну, что неторопливо взбирается на небо, и с этого момента повелевает всем в природе. Приятно наблюдать, как осенью птицы собираются в стаи у горизонта, и подолгу переговариваются между собой.

Приятно ощущать в душе добро, когда сажаешь деревья… Вроде бы, ничего не происходит: ты дотрагиваешься до тоненьких прохладных стволов и веточек, в ноздри ударяет запах земли и навоза, над головой внезапно взмахивают крыльями вездесущие сороки. До тебя даже не доходит – как важно и замечательно то, что ты делаешь. Это придёт после… И от осознания этого на душе опять становится приятно.

Приятно сознавать себя человеком, который мудро относится ко всему живому.

Приятен труд на воздухе, когда тело напряжено и мышцы налиты силой, и только что расколотые осиновые поленья так приятно пахнут весенней свежестью, нежно белеют на солнце и мягко ложатся под ногами на снег. Взглядом дотрагиваешься до них, ласкаешь и восхищаешься замершей в них жизнью.

Приятно стоять под высокой раскидистой елью и ждать, когда закончится дождь… А дождь всё не кончается, льёт и льёт, но тебе не становится грустно: ещё так много принесёт лето, вознамерившееся

перевернуть твою жизнь. Эта небесная капель, часто никем не замечаемая, дотрагивается до твоих рук и лица с такой нежностью, что отдаётся в сердце ещё неизведанной любовью.

Приятно представлять себя каким-нибудь неведомым лесным зверем, который крадётся в девственной шелковистой траве и радуется своему звериному существованию. Ты живёшь замечательной звериной жизнью, жаждешь всего живого для своих детёнышей, учишь их этой непростой жизни и надеешься на добрый день.

Приятно думать обо всём хорошем в природе и ощущать его… Вот солнце выглянуло ненадолго и скрылось, а потом опять взошло – сколько счастья в душе! Скоро его сменит вечерняя печаль – приятная, лёгкая, неземная, и ты задумаешься о чём-нибудь, таком же неземном, и загадаешь про себя то, что обязательно сбудется!

Приятно, вообще, жить, видеть, как цветёт земля, и переживать ко всему свою большую любовь.

ЯСНЫЙ МЕСЯЦ

Морозной осенней ночью, когда слышен каждый шорох и сон не идёт, а ясный месяц так весело заглядывает к тебе в окошко, ты постепенно обнаруживаешь в нём, помимо приевшегося всем куска сыра, и ломтик сочной чарджойской дыни, дольку лимона, озорную улыбку прекрасной лунной девушки и уголок небесной монетки… Архангелы, наверное, потёрли её, чтобы им лучше было наблюдать за тем, что происходит на земле.

Ещё месяц представляется изящно изогнутой щёлочкой, через неё можно глядеться в звёздные миры, сказочной хлебной краюшкой, что вот-вот зацепится за угол бабушкиной избы, или рожками чёртика, убежавшего от старого чёрта и взявшегося развеселить всё звёздное небо.

А разыгравшееся воображение уже рисует хрупкую материнскую ладошку, будто поддерживающую головку ребёнка, колыбельную люльку этого загадочного младенца, в окружении бесчисленных звёздных нянек не ведающего своего небесного возраста, волшебное коромысло, что наклонилось от обилия доставшихся ему жемчугов и, конечно, драгоценное лукошко, полное ещё не рассыпавшихся подарков для всех людей.

Уже засыпая и находясь в сладостном полузабытьи сменяющих друг друга лунных образов, вдруг увидишь в месяце обгрызенный волками бочок ночного солнышка, что, всё же, не пожелало быть до конца съеденным, в последний миг взметнулось от зверей на небо, и замерло там в довольной улыбке.

СОКРОВЕННОЕ БОГАТСТВО

Звери, птицы и растения предназначены для того, чтобы обратить наше внимание на более тонкий, глубинный мир леса, который люди никогда не замечают и не используют. Люди настолько не чувствительны, что не осознают происходящего рядом, а ведь мир природы, каким бы это ни казалось невероятным, создан для них, для их работы над собой с устремлением становиться лучше.

В жизни существует множество основополагающих и, в тоже время, простых вещей, достижение которых невозможно без мудрого отношения к окружающей тебя природе, к миру зверей, птиц и растений, в конце концов, к самому себе. Они незыблемы в стремлении жить осознанно, без них не сложить собственного здорового существования, и только с обретением этих самых знаний ты становишься собой.

Например, я не понимаю и не вижу смысла в желании предугадывать своё будущее, думать о нём и мечтать, надеясь, что всё в нём сложится самым наилучшим образом, потому как живу в настоящем, только оно меня радует и приносит удовлетворение. Ведь я делаю только то, что хочу, что для меня по-настоящему дорого и ценно, и ничего иного я не желаю. А ещё в этом настоящем я люблю море, лес с его обитателями и дорогу, открывающую смысл моего существования.

Мне неинтересно то, что меня не касается, и ко мне никак не относится такое пустое понятие, как «мечта». Если у меня появляется цель, то я её просто достигаю, руководя собственной жизнью. Именно цель наполняет меня жизненной энергией, она заряжает необходимым энтузиазмом, и для того, чтобы осуществить её, нужно лишь проявить решимость, терпение и отвагу. А где эти качества проявляются в полной мере? Конечно, и в море, и в лесу, и на пути постижения себя. Пустое же мечтание ни к чему не приводит.

Далее… Когда тебе, скажем, хочется убить оскорбляющего тебя человека, необходимо, конечно, владеть собой. Но как этого добиться? Только благодаря богатому жизненному опыту, когда ты именно добивался своих целей, оказываясь, казалось бы, в самых невыгодных для себя условиях. Причём, не только в настоящей жизни, но и в предыдущих воплощениях: твой жизненный опыт должен быть неповторим по переживаемым впечатлениям, и, не имея его, ты никогда не научишься руководить собственным поведением. Тебе непременно следует обладать всесторонним и глубоким знанием проистекающего вокруг существования, в котором ты давно живёшь уже не только по человеческим законам, но и по божественным. Это знание невозможно без понимания себя и окружающей тебя природы.

Или любовь… В первую очередь, это способность любить самому, нести в себе это чувство всегда, проявляя его ко всему живому, и если вам встречается родной по духу человек, вы точно так же будете дарить свою

любовь и ему. Важно, чтобы это любовное чувство жило в вас, вы были переполнены им, иначе вам не любить и не быть любимым.

Вы, конечно, спросите: а откуда такому чудесному переживанию взяться во мне? Ответ прост: его надлежит в себе копить, и это невозможно без отдачи себя миру птиц, зверей и растений, всем людям. Именно в нём ты обретаешь свободу, а истинная свобода – это когда и тело, и сознание человека ведут себя так, как и ждёт от них божественное пространство, сама жизнь.

Благодаря этой свободе, осознанному отношению к себе, к своей жизни в этом божественном мире, человек движется в согласии и с ним, и с собой, ничего не придумывая, а именно чувствуя. Он интуитивно угадывает свою истинную природу, и оттого всё, что он делает – выходит у него совершенно естественно и верно, каким ему и надлежит быть.

Я никогда бы не обрёл эту свободу без слияния с природой, с нашим божественным русским лесом. Ведь природа – это творчество самой жизни, её непредсказуемо прекрасное поведение, каждый день очаровывающее нас своей неповторимостью. Так и человек должен двигаться, имея своё собственное, не похожее на других душевное поведение, воспринимая жизнь как божественное откровение. Ты должен стоять за свою собственную жизнь, как за самое важное, ибо это - твоё сокровенное богатство, твоя душа, и она - тоже божественна.

ЗЕМНОЙ РАЙ

Задумаешься порой, ночуя в лесной избушке, о проистекающей вокруг неведомой жизни, и неожиданно осознаешь себя в ней неотъемлемой частицей. Понимание этого приходит легко, будто ты никогда и не сомневался в том, что мир устроен иначе. А помогает тебе разобраться в себе лес, его потаённая тишина, и именно благодаря ей ты осознаёшь, что земная жизнь есть продолжение существования небесного, и оно подразумевает не только осознание своего тела, но и устремления души, чётко представляя – что ты делаешь и для чего.

Каждый твой шаг, каждое движение души должны быть осознаны. Тебе непременно необходимо осознавать – зачем ты живёшь, что будешь делать сегодня, завтра и в течение всего года: перед тобой должна стоять глубоко осознанная цель, и ты осознанно должен идти к ней. Мало того, всё, что происходит вокруг – не минует твоего внимания, ты всё примечаешь, ничего не упуская, во всём участвуешь, как бы находясь над собой, озирая весь окружающий мир, понимая его и принимая. С течением времени ты научишься различать энергию всех предметов, находящихся рядом: все они одушевлены. И когда ты овладеешь пониманием окружающей жизни, то непременно начнёшь постигать саму жизнь.

Значения преисполнено всё, даже – тишина. Может быть, все звуки в природе только за тем и существуют, чтобы иметь возможность и умение

обратить внимание на тишину, которая никогда не бывает пуста, она всегда заполнена ещё более содержательным составляющим, которое невидимо, но оно есть. Важно научиться чувствовать его, и находясь в нём – понимать.

Реальность такова, что невидимое в ней – наиболее значимо, именно оно определяет весь этот красочный мир. Нужно не забывать об окружающем нас пространстве, которое огромно в сравнении с горами, деревьями, даже звёздами, его, кажется, не объять, но мы должны стремиться к его познанию, относясь с великим уважением. Верно воспринимая невидимое пространство – всё, что нас окружает, оно необыкновенным образом оживает.

Осознание мира следует начать с самого себя, с собственного тела и мыслей, и только тогда ты освоишь более тонкие вибрации окружающего божественного мира с его необъятными далями, морями и лесами. Рай везде, где бы ты ни был, он неотделим от тебя, и в этом – истинное счастье нахождения на этом божественном свете. Нужно просто понять эту благостную истину, почувствовать Бога в своей душе, и следовать Ему, ничего не боясь и не прося. Да будет так!

ПО МЕДВЕЖЬЕМУ ХОТЕНИЮ

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студёная длится: как повернётся зверь в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению – всё всегда кабы, да авось, то ли этак, то ли так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы, живи не хочу, но смущает опасение, что вот-вот зарядят нескончаемые дожди, а то ещё задует пронизывающий северо-западный ветер. Пришла зима – и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И, наконец, прилетает на животворящих крыльях чудесница-весна: ни цветами её не измерить, ни голубизной небесной не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли, на сей раз, сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю и пожелаешь обустроить своё житьё так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелёгким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы всё, о чём мечтает душа.

НАПОЛНЕННАЯ СВЕТОМ ДУША

Тетерева токуют так страстно, что, кажется, вот-вот что-то произойдёт: птицы задохнутся, взорвётся на тысячи звенящих осколков их неугомонный боевой дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но … ничего не происходит.

По-прежнему плывёт над полями жаркое, несравнимое ни с чем тетеревиное бормотание: то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой всё весеннее пространство. И вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимает незаметно над землёй, и так же незаметно куда-то уносит.

А иной раз, сидя у крыльца избушки, и слушая, как поёт совсем рядом какая-то лесная птица, зачем-то возьмёшь в руки обронённое ей перо… Непроизвольно крутишь его в пальцах, совсем не ощущая, и даже не заметишь, как лёгким перышком устремляется над весенней землёй твоя наполненная светом, бормочущая от счастья душа…

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ

Непоколебимая вечность стоит в небесах, безмолвно распростёрла своё необъятное дыхание по всей земле: и день проходит, и ночь, и нескончаемые века, и не видится ни конца, ни края этой бесконечной жизни. Зачем она, что за великую тайну скрывает в себе, и куда всех нас несёт? Неужели – просто так, без всякого смысла, лишь бы только жить, дышать, плодиться, и … умирать?

Не может того быть: во всём этом завораживающем истечении жизни должен быть заложен какой-то скрытый ото всех смысл, но отчего – неведомый, будто нарочно утаенный? Одолеет ли его когда-либо человек, доберётся ли до исконной вселенской правды?! Нет ответа…

И потому ничего не остаётся человеку, как отправиться в этот нескончаемый путь постижения, и на этом пути ни в коем случае нельзя унывать, предаваясь печали или чувствуя себя растерянным. Наоборот, нужно всецело, с удовлетворением, отдаться преодолению дороги, не страшась никаких преград и прекрасно понимая, что иначе не достичь истины, той самой божественной правды, что чудесным образом существует, и её так хочется разгадать.

И вот, если осознаешь в полной мере значимость этой вселенской загадки, или, вернее, твёрдое намерение её прояснить, то и настраивайся уже на жизнь мужественную и решительную, с желанием все беспокоящие тебя вопросы наилучшим образом разрешить. Причём, без оглядки, с надеждой на свою стойкость, терпение и выдержку, а верной порукой тому может послужить твой добрый настрой и такое же искреннее устремление души.

Взялся, как говорится, за гуж, так уж каляниться не пристало: жарь по жизни во весь дух, покуда его хватает, ибо разменяваться на мелочи времени нет!

Нет ничего хуже бесплодно прожитой жизни, и хоть представляется она, по большей части, обыденной, но и эта её обыденная простота с непонятной быстротой минует: не успеешь оглянуться, а все жизненные страницы уже пролистаны. Хватишься так, бывало: где находился ты, чем был занят, и опять не находишь ответа…

Не дорожил ты, как зеницей ока, отпущенным тебе временем, не озадачивался пробуждением собственного сознания, и зря, потому как нет ничего более сладостного для человека, чем постигать и себя, и окружающую чудесную жизнь с её лесами, горами и морями, и быть для этого прекрасного мира пригодным. Ведь раньше смерти не помрёшь, и нужно успеть до правды добраться!

СЕМЕЧКО

Бывало, положив семечко на ладонь, опустишься на колени, прежде, чем его посадить, и вдруг задумаешься: отчего в каждом мельчайшем проявлении природы заложено стремительное движение к будущему, и все силы её работают на то, чтобы ему прорасти? И вот, задумавшись так, и позабыв обо всём, неожиданно ощутишь, как трогательно ждёт природа такого же внимательного и чуткого отношения к себе человека.

Жизнь, таящаяся в каждом крохотном семечке, поддерживает и вдохновляет меня на не прекращающийся творческий труд, когда взращённая в себе радость, кажется, куда-то однажды уходит, и тебе уже не верится, что доживёшь ты до очередного праздника жизни, побеждающего любую неустроенность и нежелание созидать. А как подумаешь обо всех семенах, несущих в себе жажду к жизни, так и вовсе одумаешься, и обратишь свой взор ко всем маленьким и большим деревьям, что тянут свои веточки к солнцу, не упуская ни единого шанса к росту, развивая себя, как самостоятельное, не похожее на другие деревья растение. И эту силу одинокого растения перенесёшь на себя, отчего сделается стыдно за допущенную слабость, и уж тоже, как любое деревце, стараешься тянуться к свету, радуя при этом других.

Такова сила природного примера, хотя бы это было обыкновенное зёрнышко, почти не приметная на ладони былинка, что побуждает не забывать заложенные в тебя Существованием возможности. И ты, конечно, исключаешь теперь всякое чувство личной ненужности и неспособности помочь другим людям, в конце концов, ощущая себя настоящим человеком.

ДУШЕВНЫЕ МАНТРЫ

Осуществляя однажды у себя в деревне горловое пение как одну из практик древнетибетской дыхательной гимнастики, я неожиданно обнаружил, что исходящая при этом звуковая вибрация отрицательно воздействует на … комаров. Только что надоедливые насекомые кружили по всему дому, мешая мне сосредоточиться, как куда-то все исчезли, будто их и не было. А может быть, наоборот, необычная звуковая тональность так зачаровала насекомых, что они, словно околдованные, просто замерли, безропотно внимая пронизывающей воздух мелодии.

Комары, видимо, были не в силах пошевелиться от этой охватившей всё пространство музыкальной дрожи, почему-то предпочитая её своему заунывному жужжанию. Горловое пение человека оказалось более глубоким, гармоничным, совершенно повергнувшим своей силой и мелодичностью неугомонных насекомых, и я решил впредь непременно воспользоваться им, оказавшись в летнем лесу.

Правда, при этом меня самого не покидало ощущение, что моя внутренняя мелодия исходит не из меня, а из Вселенной, и реакция комаров будто открывает во мне неведомое око возрождения, благодаря чему ты постигаешь, какое важное значение может играть в мире лишь одна растущая душа, черпающая силы из неистощимого источника Мироздания.

Вскоре я действительно очутился в июльском лесу и вынужден был заночевать в маленькой избушке у реки. Усевшись, поджав под себя ноги, у костра, я принялся сосредоточенно производить горловые звуки, которые лились над водой низко, сочно и полно. Вокруг тихо качали головами сосны и ели, зудящие комары, будто оцепенев, замерли в воздухе, и я стал замечать, что мой сознательно пониженный тембр голоса, как это ни удивительно, постепенно изменяет течение струящейся рядом жизни.

Душевные мантры, со своим особым вибрационно-резонирующим строем, вызывали в окружающей природе ещё большую гармонию, будто возвращая ей нечто молодое и мощное, но однажды почему-то утраченное. А комары, кажется, только радовались предоставленной им возможности побездельничать, восторженно приплясывая на одном месте в мягко роящихся над землёй летних сумерках…

ЧЕЛО

В лесу никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, но всегда верното, что тебя в нём ждёт открытие…

Радостно, легко на душе, когда неспешно идёшь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землёй в проникновенном мартовском воздухе. Во всём ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идёшь, впитываешь все запахи и краски, и

даже не заметишь, в какую глухомань заведёт тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, не ровен час, может пробудиться от твоего нежданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаённой устремлённостью.

И всё же почему-то не перестаёшь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Но недаром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба – хлеба, а от покоя – покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать. Ну, а уж если потревожил, пренебрёг исконной таёжной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха, и возмущённое тобой затишье стало частью лесного быта. Стань сам зверем, растворись в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоено вздохнёт, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мёрзлой позёмки. Всё слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворённое мартовское солнце, синие тени от берёз, радостно сбегающие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет чёрной тучей, метнётся к тебе и в два счёта накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь её прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащённое дыхание. Прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь.

Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запёкшейся на солнце корочкой, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но не долго ему осталось ждать. Скоро понесёт он свои снеговые воды к лесной реке, и она будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее

возрождение, что однажды разбудит лесную тишину весёлым грохотом и шумом…

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегчённо вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось и ты благополучно миновал глухие места. До деревни – рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога, да пару покосов. Затем – спуск к реке, отдых у родника, и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме, у ещё не успевшей остыть печки…

И вот тут, когда этого совсем не ждёшь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твоё приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на неё молодыми ёлочками и берёзками, она создаёт впечатление неумело сооружённого кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесённой снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело – изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснётся…

ВОЗВЫШЕННЫЕ НАСЕКОМЫЕ

С раннего утра и до полудня собирал я однажды землянику, и так устал от надоедливых насекомых, что до станции решил добираться по железнодорожному полотну. Июльское солнце пекло неумолимо, и, шагая по шпалам, я не сразу обратил внимание на многочисленных бабочек, которые десятками витали над самыми рельсами. В основном это были переливницы ивовые, довольно крупные, отливающие перламутровой синевой, хотя среди них попадались и капустницы с боярышницами, крапивницы и «павлиний глаз».

Бабочки порхали вокруг разноцветным облаком и воспринимались летним днём совершенно естественно, но постепенно я обнаружил, что они не отлетают от насыпи, а держатся, как привязанные, у железнодорожных путей. Причём, невысоко, на уровне человеческого роста, извиваясь впереди нескончаемой живой лентой. Я забыл и про комаров, и про землянику, и всё никак не мог разобрать, что привлекает бабочек в столь не подходящем месте, когда вокруг так завораживающе тянутся к солнцу налитые травы, источают аромат цветочные поляны, повсюду стрекочут неугомонные кузнечики?!

Но бабочки неустанно вились прямо под ногами, присутствие человека их ничуть не занимало и не отпугивало, и они были будто чем-то околдованы. Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что многие из них вели себя, словно пьяные, перелетали как-то неровно, боком, некоторые вообще падали и, видимо, не в силах подняться, судорожно трепыхали крылышками. Временами попадались и вовсе окоченевшие насекомые, наверное, сбитые

проходящими электричками, с изуродованными и разорванными тельцами, изваляные в пыли. Жалко было смотреть на эти беззащитные существа, ещё недавно порхающие в воздухе живыми цветками.

Остановившись и отойдя немного в сторону, я стал наблюдать за происходящим и вскоре убедился, что виной необычному поведению бабочек был креозот, им обычно обрабатывают шпалы, предохраняя их от гниения. Под палящими лучами едкая жидкость вытапливается, превращаясь в густые матовые капельки, а бабочки летят к ним, привлекаемые исходящим дурманом, присаживаются рядом, и жадно пьют, тотчас пьянея.

Ни яркий солнечный день, ни его ласковое тепло, ни цветочный нектар уже не притягивали возвышенных насекомых: им хотелось впитывать только этот неведомый, но чарующий для них «сок», и с помощью него они, наверное, уносились в ещё более безоблачные и недосягаемые июльские дали.

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, вороны, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать своё: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известная синица, без остановки принимающаяся будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой на кого-то: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, как ни старайся, никак не передашь: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным.

Иначе древний житель лесов не откроет тебе своей тайну, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всяк в природе своим голосом славится, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни как будто несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только приноравливается к пению, как бы настраивая свой музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею и вздрагивая всем телом, он сообщает окружающему пространству о своём

пробуждении, трепетно роняя эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы хотя бы попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной. И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию.

По глубоким летам птицы и её безупречно отточенный голос, в котором нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными ему средствами, прекрасная лесная глушина и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберёг его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, что вещует в ночи о чём-то непостижимом и древнем. Мало того, что он человеку непонятен, так к нему ещё надлежит добраться через лесные дебри, отыскать в необъятных таёжных просторах, потратив на это немало времени и усилий. Но даже обнаружив – постараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится.

Голос природы – это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную, наверное, восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как и глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

ПНИ И ВЕТЕР

Одинокие пни, на первый взгляд, кажутся безучастными ко всему, что их окружает, неторопливо перекатывая свои угрюмые мысли. Усталыми корнями погружённые в темноту подземного царства, они отдалённо улавливают шёпот буйно подступающих к ним трав.

Иногда, откуда-то сверху, до них доносится неясный шум и, угадывая в нём для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно, и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять, на неопределённое время, утихают, пока ветер не принесёт им какие-нибудь чуткие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своём порывистом напоре присутствия пней и, потеревшись какое-то время об их порядком иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновавшись от его ласковых прикосновений, ещё долгое время не могут успокоиться, на разные лады вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по ним слегка ударить какой-нибудь берёзовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пень, обычно ненароком посочувствуешь его утомлённому виду, и с неожиданным облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как лёгкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь, что же насторожило тебя в нём.

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени. Словно это звуковые бороздки: проведи по ним зелёной хвойной иголочкой – и запоёт тихо обнажённая душа, разбуженная ветром. В мёртвом пне, вместе с давно отжившим, всегда проявляется неведомое новое.

ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями, окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая, работают они в своём заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, которую переживает дерево каждый день.

Когда входишь в лес, всегда не покидает переживание совершенно особого времени. Это века в образе старых деревьев смыкаются над твоей головой, и среди них слышно, как длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость коры, втягиваешь в себя запах смолы и, наконец, понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный сок жизни по устремившимся к небу стройным древесным телам, строят город из леса, и в нём появляются звери, и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живёт: шелестит листом, машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит, не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны под ураганным ветром, зашумят деревья ветвями и в окружающем пространстве вмиг повеет отрешённой пустотой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и совершающееся в воздухе смятение ты отнесёшь к поднебесным

силам, ожидая только оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как именно из недр земли, от шевеления корней начинает подниматься протяжный гул.

Взвоют тогда леса, ещё более грозно загремят ветвями деревья, будто идёт великое переселение. Тёмно-зелёное полчище великанов неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю. Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии, не боясь задохнуться, ещё более погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешённости корней беспамятства или безрассудства. Они – сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, стараемся не причинить им боли, а преодолев видимое неудобство, которое они создают, взираем на них с немым любопытством. Исподволь копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их затаенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах представить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к корням тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни ни на что не обращают внимания, почти ничего не слышат и, не прекращая труда, молчаливо заповедуют нам свою непреложную созидательную истину.

ЗВЕРИНАЯ СВАДЬБА

От какого-либо, пока не встреченного, зрелища в лесу порой отделяет совсем несущественная мелочь, несмотря на то, что шёл ты к нему не один год. Кто-нибудь, случайно опередив тебя, к глубокому твоему сожалению, вспугнёт зверей, которых ты вот-вот должен застать за чем-то интересным, и, кажется, ничто уже не в силах помочь.

Но благодаря оставшимся на снегу следам можно без особого труда прочесть произошедшие недавно события, и ясно представить упущенную лесную картинку. Например, о том, как однажды лосиха с лосем вознамерились в потаённом осиновом уединении продлить свой род, и всё у них для этого было: и небольшая укромная полянка, и тихое октябрьское утро с ласково струящимся над землёй светом, и неизменное по осени желание зверей быть вместе.

Первый мягкий снежок, выпавший за ночь, осел и придавил слежавшуюся листву, отчего идти было легко и приятно. Что-то неясное несло меня сюда, в места, где я давно уже не был, и очень радостно переживалась возможность снова всё увидеть, но уже по-другому, так, как никогда ещё не удавалось. Прозрачные крупные капли от растаявшего снега застыли на мокрых ветках, изредка лесную тишину пронизывало тонкое

посвистывание рябчиков, и хотелось верить, что за следующим поворотом просеки обязательно встретится нечто удивительное и неразгаданное.

И вот, впереди вдруг залаяла собака – отчаянно, заливисто, явно натолкнувшись на нечто неожиданное для себя и, похоже, сильно распылившее её. Лай быстро удалялся, уходил вниз к реке, и это означало, что собака кого-то подняла и гонит. Когда зверь оказывается один, собака обычно держит его на месте, не давая уйти, но вот если она кого-то погнала, тут может быть что угодно.

Судя по расстоянию, откуда доносился возбуждённый собачий лай, я опоздал к месту развернувшихся событий на каких-нибудь семь-восемь минут. Пройдя до этого с десяток километров и, как будто догадываясь, что тебя может ждать здесь ещё невиданное зрелище, неприятно было испытать неудачу. А лай всё удалялся, и вскоре совсем затих.

Через некоторое время я вышел на открытое место. Это было пересечение двух просек, где весь снег оказался изрытым лосиными копытами. Сначала я подумал, что здесь недавно произошло сражение двух быков, тогда как самка держалась где-то рядом в ожидании победителя. Но внимательно рассмотрев место предполагаемой битвы, я не обнаружил следов крови и обратил внимание на то, что одни отпечатки следов округлые и широкие, а другие узкие и вытянутые.

Чуть поодаль, там, где снег был почти не тронут, следы расходились в разные стороны. Стало ясно: чья-то собака просто разогнала зверей, не дав продлиться самой поздней в лесу любви, что протекает у лосей осенью. Пришёл не зван, и ощущаешь, будто и сам изгнан, но разве за богатством я гнался? Мне хотелось соприкоснуться с чем-то неизведанным!

Долго я стоял, представляя, как здесь всё происходило… Лось неспешно подбежал к лосихе и замер рядом, величественно повернув рогатую голову, а она слегка коснулась мордой его щеки, положила свою голову ему на шею, и так они стояли какое-то время, чувствуя, как гулко ударяются их возбуждённые сердца, и ничего не предпринимали. Им, наверное, было радостно оказаться этим утром вместе, вбирая всем своим существом расстилающийся над землёй запах первого снега, а мне стало до боли жаль, что зверей вспугнули, и они, быть может, больше никогда не встретятся.

ХОТЯ БЫ РАЗ В ЖИЗНИ

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность: волком, совой, медведем, глухарём, цаплей, барсуком и лисицей, лосем, кабаном, яркой сыроежкой, молчаливым рогозом, светлой берёзкой, могучим дубом и старым лысым пнём… Ещё, пожалуй, скромной медуницей, вольным канюком и неустрашимым ёжиком, вкрадчиво ступающей красавицей-рысью, стремительной белкой, безжалостной росомахой и сторожкой лаской, белоснежным лебедем, выдрой, пахучим

мхом, вересковым диким мёдом, потаённым чистым ручейком, весёлым роем пленительных звёзд, переливающихся в морозном небе.

Сколько же в лесу замечательных и неповторимых, трогательных и до отчаяния смелых, божественно прекрасных и неуловимых, до невероятного чутких, проницательных и неутомимых существ! И все они готовы вмиг преобразиться, стать невообразимо выносливыми, тотчас пожертвовав собой ради своих детёнышей, не страшащихся никакой напасти, а жаждущих только свободы! При этом – и звери, и птицы, и растения неукоснительно утверждают свою непреклонную природную волю, во всём, в любой мелочи, что касается глубинной лесной жизни.

И разве можно в ней обойтись без роскошных луговых цветов, богатства грибного царства, замшелых болот и потаённых буераков, сокровенных птичьих гнёзд и переливчатых трелей их восторженных хозяев? А разве забыть плеяду легкокрылых неведомых насекомых, таинственных, словно пришедших из сказки?

И все они – эти звери и птицы, вековые деревья-великаны и молодые рощи, диковинные растения и еле уловимые перламутровые стрекозы абсолютно безоговорочно преданы своему лесному богу, ОТЦУ-ЛЕСУ, к коему взывают своими неповторимыми жизнями, чтобы Он их любил и оберегал. И ЛЕС, действительно, оберегает этот чудный трепетный мир, куда хочется попасть и тебе, чтобы быть там своим… Но зачем?!

Разве не лучше, при возможности представлять себя кем угодно, оставаться человеком! Научился бы я, как волк, рысь или медведь, тайнам звериной жизни, умению красться зверем, парить вольной птицей или оранжевым перевёртышем-листом, неслышно опускаясь на такую же яркую сыроежку, не узнал бы уже никогда сладости постижения в себе божественного духа. Но как заманчиво, хотя бы раз в жизни, всё-таки слиться с первозданной лесной чащей, стать в ней, действительно, своим, и прожить в этом таинственном мире таинственную, ни на что не похожую прекрасную жизнь, захватившую тебя своей дикостью и свободой!

ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА

Весна… Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном то и дело прочерчивают воздух носатые вороны, без устали оглашают округу простуженными голосами вездесущие сороки. Густеет от влаги воздух, в нём мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё в природе готово тронуться, заиграть, и не хватает только прилёта первых птиц, что окончательно прервут сладкий зимний сон… Весна!

Никакое время года не тревожит душу так, как весна. Ушастым филином прокричит и взмахнёт лохматыми крыльями апрельская ночь. Предрассветные майские сумерки огласят лесную тишь таинственным

глухариным скирканьем. Мартовское утро восторженно озарит своё пробуждение пронзительным пиньканьем вездесущей синицы. Солнечный же полдень весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка.

И ещё целый день, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, всё-таки переживший суровую зимнюю пору, недавно появившийся на ещё заснеженных полях чибис-кулик, проникновенно призывающий обратить внимание на свою озабоченную персону, крохотная и аккуратная овсяночка, что пробавляется вдоль раскисших дорог обронёнными с возов зёрнами: « Си-си-пи, си-си-пи, си-си-пи-и». И, конечно, неугомонные родные журавли трубно прокричат в бездонной небесной вышине: « Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а». Вот когда захочется, позабыв обо всём, вознестись вместе с ними в небесное пространство, и с немым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла!»

Весной всё приходит в необыкновенное движение, создавая несравнимое ни с чем возбуждение, и если ты не удосужился отдаться этому движению, и не возродился в себе для чего-то настоящего, нового, весна тебя может просто замучить. Важно не пропустить весну, непременно сделав её своею, и тогда всё это жизнеутверждающее время будешь переживать неописуемую радость, понимая, что живёшь не зря. В такую весну душа твоя преображается, всё в тебе словно рождается заново, и ты летишь вместе с птицами к чему-то необыкновенному, чего ещё не бывало в твоей жизни.

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь, как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь над землёй, подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краёв весною – твоя судьба!

И вспоминается вдруг, как сидишь ты на пороге лесной избушки, а вокруг – головокружительная весенняя кутерьма! Весна и света, и воды, и цветов входит в свою силу, повсюду перебегают зяблики, овсянки и зеленушки, дрозды пронзительно высвистывают в невидимые дудочки, в вышине взялись провозглашать пришедшую на землю радость восхищённые жаворонки. Вроде бы, и тебе пришло время радоваться объявившемуся всеобщему счастью, но не покидает твоего сердца томительная забота, что вот, и эта весна проходит, а тебе так и не удалось отыскать таинственное токовище глухарей: ожидай теперь следующей весны!

Чувство свободы, что подарила тебе весна, вскоре незаметно уходит, оно постепенно перетекает в размеренное желание жить дальше и работать, позабыв все свои весенние переживания. И всё-таки, нет-нет, да коснётся

сердца скрытая неудовлетворённость, даже – лёгкая печаль: так и не подкрался ты, как об этом уже давно мечталось, под песню к токующему глухарю! Не заглядывался, позабыв обо всём, на его вздрагивающую бороду и распушенный хвост, не ощущал сладость обладания возможностью находиться среди этих загадочных древних птиц, чувствуя себя в их царстве своим.

Проходит очередная весна твоего терпеливого ожидания сокровенного глухариного таинства, что, кажется, тебе уж не видать, и наступит ли ещё следующая, отчего ты невыразимо страдаешь: удача опять миновала тебя. Выйдет ли из всей этой затеи что-либо хорошее, хотя бы только для тебя, уж не для всех людей, которых тебе хотелось одарить своей радостью, с огорчением думаешь ты. Представится ли тебе когда-нибудь такое счастье – отыскать свой глухариный ток?!

И вот, приходит к тебе однажды глубоко желаемое обладание своим первым глухариным током: ты его всё-таки нашёл! На сердце, конечно, неописуемый восторг, торжествующее отпущение души на волю, когда, кажется, все дороги перед тобой открыты, ничто и никто тебе теперь не помеха.

Но не забывается и та душевная мука, что не позволяла долгое время чувствовать себя счастливым, и ты вдруг осознаёшь в одно мгновение, как были дороги твоей душе все эти многолетние поиски и неизбывные весенние ожидания, что необходимо было пережить, иначе бы - не видать тебе своего счастья. Как благотворны были все те вёсны, в которых ты не предал своих искренних устремлений, как они были нужны и прекрасны! Ты заслуженно переживал каждую свою весну, чтобы однажды все они перетекли в ту самую, единственную, свою, что открыла для тебя радость жизни, а через неё - и Бога в душе.

В каждом сердце живёт Господь, и когда приходит весна, все мы, независимо от возраста, религиозных или ещё каких-либо убеждений, в конечном итоге, от собственного восприятия жизни, чему-то радуемся в своей душе, не понимая, как эта радость всех нас объединяет. А нужно научиться эту радость понимать, постигая и то – откуда она исходит.

Жизнь так полна этой радостной энергией, что тихонько чему-то улыбается про себя всеми забытый, неухоженный нищий. Отчего-то не сходит со старческих губ инвалида, которого родственники поместили в дом приюта, несгибаемо спокойное и твёрдое приятие всего, что происходит в эту пору за окном. Не ропщет на незавидную судьбу заболевший онкологией, вполне молодой человек, мужественно выдерживая с ней борьбу, и обретая, благодаря своим душевным усилиям, то удивительно благостное состояние, схожее именно с приходом весны, когда только и понимаешь, для чего хочется жить.

Что уж говорить о восхитительно трогательном восприятии жизни милыми зверёнышами, не важно – медвежата, лисята или это только что появившиеся на свет непутёвые полосатые глухарята, что в мгновение ока

исчезают под ногами в молодой майской траве?! Вообще, все чудесные природные детёныши, в том числе, и человеческие, что появляются на свет по весне?! И все они счастливо и мило радуются этому событию: ведь по земле идёт весна, и, наверное, сам Господь из всех времён года предпочитает больше всего именно её, до того она прекрасна.

Бог – повсюду, Он – и в твоей душе, и когда это осознаёшь, становится понятным, что ты должен только радоваться жизни, превознося её удивительные богатства и божественные свойства, наслаждаясь, в конце концов, этой замечательной во всех отношениях способностью просто быть и созидать, переживая в душе своё самое любимое время года – весну!

ОБАЯНИЕ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Русский лес… Красота и очарование его бесконечны в своём кажущемся однообразии. Он наполнен могучим дыханием жизни, дышит ароматом девственной свежести и нашёптывает что-то приятное. Лес возбуждает наши мечты и память гулкими голосами далёкой старины, перекликается звонким щебетом птиц и расстилает под ногами путника нескончаемые дороги. Он зовёт за собою под таинственные своды своих тенистых деревьев, скрывающих волшебные чары…

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается человек к нему с молчаливым вопросом, и не всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые веками.

Ещё лес копит в себе богатство, давая приют зверью и птице, переживает столетия не нарушаемой ничем тишины и думает своими неясными шумами. Он – величественное безмолвие, воскрешающее в душе мудрую печаль… Печаль по чему-то ещё не утраченному, но и не обретённому.

И вековечная тоска, и тихий свет радости, и несказанные тайны – всё это слышится в глубоком молчании нашего родного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей – и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с непогодой. Шумит лесная крепь невиданными и вещими голосами, неудержимо влечёт к себе и навевает думы о том, что человек – сам сын природы, вырастившей его и лес.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы и море. Только лес, дарованный как божественный сад, свыше, даёт ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нём он ищет своё пристанище, к нему обращает свой пристальный взор.

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благодать и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединённости с окружающим его царством. Даже какое-то умиление, западающее в сокровенную глубину души.

Крылатая народная молва говорит о лесе в самых любовных выражениях: «Лес – к селу крест, - гласит она, - а безлесье – неугоже поместье!» Не на чем глаза остановить человеку, если нет с ним рядом какого-либо дерева.

Там, где поднимаются ввысь деревья, душа человека воспаряет к небесам. «Был бы хлеб да муж, а лес никогда не переведётся!» - убеждает людская мудрость, принимая лес как нечто исконное и неотъемлемое от жизни. И ещё более убедительно и правдиво: «Возле леса жить – голода не видать!»

Лес в народе недаром слывёт садом Господним, дарованным для всех и про всякого: «Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит!» Однажды в лесу родившись, ему приходилось и под кустом креститься, и вокруг него венчаться, да ещё пенькам молиться! «На что нам мякина с лебедой, - замечал неприхотливый крестьянин, - когда сосна кругом: поскоблил – и брюхо набито?»

Он же, большей частью от щедрот лесных питающийся, часто приговаривал: «Лес богат, не то что наш брат!» Для мужика нелегко было прокормиться одним хлебом, и он обращал свой взор к лесу, где ему и обжорный ряд, и пушнина, и курятная лавочка.

Кто жил в лесу, словно омывался божественным светом, и, чувствуя его присутствие, добрел душой. Человек никогда не оставался перед лесом в долгу, а жил мудро. И на деревья глядел весело, ровно говорил: «Аль кому в лесу лесу мало?!»

Но только, по народной пословице, в лесу Бог лесу не уравнял, а в народе – людей! Растёт лес, не переставая, подтягивается, и становится человеку добрым подспорьем. Только какому-нибудь непутёвому, бестолково заплутавшему и отчаявшемуся в жизни, бросали: «Как в тёмном лесу». Видно, правду мудрость гласит: «Доброму человеку – любая травинка в надобность, худому – и дерево нипочём».

О бывалых людях, которые не представляли себе жизни без леса, было сложено такое присловье: «Соколу лес не в диво!» Были они по-особенному мудры и глубоки, наблюдательны и чутки, жили в согласии со своей душой и никому зла не причиняли. Достаточно им было для общения лесной тишины и покоя, всего, что обещала эта неиссякаемая природная кладовая.

Кто любил лес и знал в нём толк, мог обмолвится меж нерадивых людей и такими словами: «Беда не по лесу ходит, а по людям!» Загляните, мол, в себя, разберитесь в своих душевных зарослях, а уж потом и на лес пеняйте! Нет в сравнении с ним места на земле более достойного и близкого для русского человека. Из него ему надлежит, не уставая, черпать недостающие знания, чтобы не пришлось когда-нибудь в сердцах заметить: «Всё был лес, да лес, оглянулся – одно залесье!»

Благоговейное смирение просыпалось в душе русского человека при входе под своды леса, если он признавал его своим храмом. Но и для знающего человека ещё многое в лесу оставалось в лесу невысказанным. Под знакомыми уже издавна кронами деревьев текла необычная, стоящая особняком от человека жизнь. Там, в святая святых лесного царства, жила неувядающая тайна.

Должно быть, таинственность этого лесного мира и вызвала к жизни великое множество загадок обо всём, что связано с ним. Словно сердцем чувствовал русский человек чудодейственный лесной дух, и шаг за шагом приближался к нему. Ни малейшие подробности не могли ускользнуть от его зоркой души: чуял человек скрытое дыхание лесной силы и наполнялся ей.

По словам русской загадки – «Что выше лесу?», ничто не могло быть выше его, чем красное солнышко и ветер. А уж потом – тянущиеся к ним деревья… Но

каждое дерево имело свою особенную жизнь, приуроченную к всеобщей жизни леса, и, конечно, крепкую привязанность к себе русского народа.

X X X

Таинственное в природе, на деле, до такой степени просто и реально, что порой это приятно обескураживает, и потому не всегда следует без устали его добиваться, тем более, что оно само рано или поздно себя обозначит.

X X X

Летом, над тихой уютной заводью, в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, хоть и необъяснимое, что хочется жить, угадывать его во всём, и ни о чём больше не думать.

X X X

Нередко бывает так, что кукушонок, оказавшись в чужом гнезде и быстро подрастая, выталкивает из него маленьких птенцов, и остаётся в нём один. Родители погибших птенцов продолжают его усердно кормить, пока он не вырастет и не улетит. Так природа, принося в жертву множество птичьих душ, заботится о своём здоровье: его призваны хранить прожорливые кукушки. Уничтожая в огромном количестве самых вредоносных мохнатых гусениц, которых не трогает ни одна птица, они приносят несоизмеримо большую пользу, чем загубленные ими славки, мухоловки или пеночки-теньковки.

X X X

Если человеку приведётся побывать зимою в глухом хвойном лесу, то ему обязательно откроется какая-нибудь чудесная тайна.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении таинственной природы и готовность удовлетвориться лишь сказкой.

X X X

Сумрачно, но с загаданною тайною глядится в человека могучий хвойный лес, где самая высокая ёлка, чаще растущая посреди дремучей чащи, похожа на зелёную таинственную колокольню, что своим бесшумным звоном собирает вокруг себя все деревья и не даёт им потеряться.

X X X

Даже немотствующие, занесённые к концу января снегом овраги, кажется, живут полной, неспешной жизнью, что глубока, содержательна и очень таинственна.

X X X

Всю любовь к таинственному в лесу создаёт для меня, наверное, и мудрое отношение к нему моих предков.

X X X

У каждого человека есть свой тайный узелок, который в лесу, если быть с самим собой честным, обязательно развяжется.

X X X

Всецело захваченный впечатлениями, что обычно переполняют тебя в лесу, присядешь с записной книжкой на какой-нибудь пенёк, отдохнуть, и в одно мгновение вдруг поймаешь себя на ощущении своей ненужности здесь, в лесу…

Поражённый этим открытием, долгое время не можешь прийти в себя, а потом, успокоившись и переболев эту свою отчуждённость, во всей простоте того, что совершается вокруг, постигнешь: таинственный лес, наверное, за тем и существует, чтобы ты, человек, пришёл к нему, присел на пенёк, и записал всё то, что он с таким упорным трудом, веками, готовил для встречи с тобой.

X X X

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, нести в себе, и благодаря ей черпать желание жить.

X X X

Войдёшь в июне в смешанный лес с еловым подростом, и ужаснёшься от обилия в нём комара, слепня и гнуса. Но стоит вступить в сосновый бор, выросший на какой-нибудь песчаной гриве, и ничего этого там, к своему удивлению, не обнаружишь, а вскоре вообще позабудешь о надоедливых насекомых, как будто их и не было.

X X X

Ни одна черта в оляпке не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегает она по дну ручья, выбирая при этом ещё и стремнину!

X X X

Когда научишься принимать жестокую декабрьскую метель как твёрдое устремление своей души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся такое же твёрдое желание быть любимым и любить, и оно обязательно сбывается.

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, и хочется разделить с кем-нибудь свои опасения, но только так, в одиночестве, можно добиться в себе чего-то важного, может быть – самого главного.

X X X

Хочу понимать язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру, и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой птица величественно роняет весеннею порой, но более всего, почему-то, завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная тоска и тайна…

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что могу рассмеяться и заплакать одновременно.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души одного гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Если хочешь, чтобы природа открылась тебе во всей своей силе – помыслы твои должны быть абсолютно чисты, и она безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить – как и почему это происходит.

X X X

Пока осень не доскажет человеку всё до конца – ни за что его не оставит.

X X X

Человек ничего ещё не изобрёл такого, чего нет в природе.

X X X

Много чудес встречается в лесу, и самое запоминающееся то, когда, обнаружив его, обо всём забываешь.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень…

X X X

Если не сумел сразу, смолоду, войти в мир природы, то куда потом не пойдёшь в лесу – везде будет казаться всё не так и не твоё. Чтобы действительно замечать и понимать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого детства.

X X X

От холодных северных ветров ели опускают свои нижние разлапистые ветви к самой земле, и так образуется еловый шалаш – уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Когда молодая зелень ещё не закрыла собой прошлогодний мусор в лесу, и он неприятно цепляется и хрустит под ногами, всегда почему-то и в себе обнаружишь ненужное, оставшееся после зимы, и даёшь себе слово как можно быстрее избавиться от него.

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол лиственницы, и не можешь поверить, что это могучее древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великанлось или присевшая на ветвь птица, зацепившийся за лист паучок благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья, но ни за что у листа не хватит сил оставить дерево самому, без чьей-либо поддержки, когда он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

Бывает, в январе над лесом повисает такая беспросветная холодная тьма, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко, и всё же твоя душа, не задумываясь, зачем-то отправляется туда, в скрытую ото всех чащу, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на помощь.

X X X

В ноябре лес ещё не укутан в снежные шали, и потому хорошо видно, как он собирает к ночи все свои последние мысли, из зелёного постепенно превращаясь в чёрный. Но не пристало в темноте природы худое искать, ибо чёрная ночь – белому дню родная мать.

X X X

Заяц, хоть и труслив, но всегда разберёт: вот лёд треснул под ногой лошади или человека, а этот – сам по себе.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается, обычно, до тех пор, пока не напитает душистой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим живительным ароматом проникнется и человеческая душа, возжелавшая света, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек: какое он отношение изберёт к себе и ко всему живому, так и будет.

X X X

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

X X x

В жизни, как и в лесу, человеку было бы хорошо как можно раньше отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться всегда только на самого себя. В этом – неоценимая роль природы, что призывает и высит его дух.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь: как бы побыстрее пережить зиму и обрадоваться весне… Но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от незаслуженных приобретений, обратив её к истинному осознанию самого себя.

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим душевным теплом.

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух от этого наполнился самыми разнообразными звуками, и скоро стало очень тепло.

X X X

Каждая птица, дерево или зверушка тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и как будто подсказывают, что всё замечательное в них давно уже есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели длительные и кропотливые изучения.

X X X

Ночью берёзы изливают какой-то иной, сокрытый в дневную пору свет, и становятся от этого ещё ближе.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ей без остатка, и оттого мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием, увлекая в недосягаемо прекрасную бесконечность.

X X X

Меня всегда необыкновенно трогала вкрадчивая поступь лесного зверя, но ещё более занимала бесшумность грациозного полёта птицы и её безграничная воля, что как ничто пробуждало жажду к жизни.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает с себя сон, радостно перешёптывается между собой, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек ничего этого не замечает.

X X X

Всю зиму держишь в уме и зайцев, и волков, и лосей, и куниц с лисицами, и медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, что полнится светом, водой и цветами.

X X X

Как звери – так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

X X X

Множество семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждое из них превратится в чудесное дерево, а только стремление к объединению и преумножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

X X X

Натолкнувшись на звериную тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то подивишься – что тут делали

люди, и уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны-лоси, и ещё водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

На южном склоне холма весело, и снега уже почти нет, на северном же он лежит не тронутый и всё вокруг хмуро, но даже когда снег стает и наступит лето, здесь по-прежнему, изредка, будет пробегать холодок…

X X X

Выдастся под осень такой день, когда оранжевые, коричневые и жёлтые сыроежки попадаются под ногами как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу… А грибов с каждым шагом становится ещё больше, и всё радостнее и краше.

X X X

Торчащие из сугробов кустики полыни и репейника не радуют глаз идущего по зимней дороге человека, пока не выглянет из-за туч солнце, и от их стебельков не упадут на снег голубые радостные тени.

X X X

Снег опускается бесшумно, отрешённо припадая к замершей земле, но если прислушаться – в нём угадывается шёпот снежинок, будто неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес…

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём, кажется, с самой весны, но, чего-то не досказав, вдруг угаснет. Посмотришь туда - и подумается: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени, и не в силах противостоять – без особого сожаления уступило.

X X X

В последние дни рассудительной и серьёзной зимы, завалившей все дорожки непроходимыми сугробами, ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от всего наносного, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Без удержу играет глухарь в ночи, всё сильней раздаётся его восторженная песня, и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, наверное, предвкушая следующий миг от своего восхищения всем происходящим, а ты, не в силах постичь мотивов её поведения, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Странно, что осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-нибудь лесной колее, заполненной тихой водой, но никогда не додумаешься вглядеться в весеннюю восторженную лужицу.

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему и чему-то улыбается.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются кувшинки белых лилий, но он пропускает это трепетное движение природы, без которого ему, ни за что, не разглядеть своего счастья.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Зима ещё тужится январскими морозами, а душа, между тем, желает ослепительного марта, когда же в лесу теплеет и во всём чувствуется весна – в ней уже совершается счастливый поворот на лето… Теперь на дворе стоит батюшка-июль, но я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый октябрь?!

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется, уже не бывать рассвету.

X X X

Порой повстречаешь свежий отпечаток медвежьей лапы, оставшийся после дождя, и почему-то захочется его запомнить, и унести с собой.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на птиц и зверей, лесная природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

Морозной мартовской ночью в лесу стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями и никак не могут расцепиться.

X X X

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гайно, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно, и своей доступностью вмиг развеет желание, во что бы то ни стало, отыскать её скрытое жилище.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ожидал я того момента, когда положу на ладошку ещё не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, взмахнёт крылышками, и в миг улетит.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну, и когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает своей затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлелым жаром, но вглядываясь в эту красоту, перед глазами вдруг отчего-то встаёт промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие над ним, порыжевшие стрелки иссохшей осоки… Всё в природе готово дарить человеку удивительное ощущение покоя, если он достиг это безмятежное состояние духа в себе.

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей каплет мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать свои золотые монетки – ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивей, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной!

X X X

Самыми обычными своими цветами – подснежниками, горицветом и медуницей весна лечит самые израненные души.

X X X

Будучи только здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, и оцениваешь её по-настоящему лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

X X X

Майские холода – это уже совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаивающееся в глубине розовеющего мартовского утренника, но на то она и красная весна, что всё покажет и скажет, всех удивит, а улетит – и не заметишь.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка, птица всегда хранят тишину, как будто ожидая – что она принесёт им сегодня, и мир, на какое-то мгновение, становится совершенной тайной.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

Только когда пожертвуешь в написании книг своей душой – невыразимая тяжесть от многолетнего труда, в одиночестве, преобразуется в Учителя-друга, любимую женщину и непрекращающуюся весну!

X X X

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Сорочье царство – всегда чёрно-белое, и не каждый догадывается о скрытой в нём перламутровой зелени, но именно по ней в народе судят о его необыкновенной сказочности.

X X X

В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться, а не сразу всё видеть и понимать.

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или радости?

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются в тебе мысли; жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело твоё наполняется уверенностью и силой.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают уже не жалобно, а удало!

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство, старая же берёза, уже давно распустившись, не перестаёт осыпать землю своим ароматным дождём.

X X X

Преодолевая в одиночестве свой лесной путь, ты, на самом деле, прокладываешь его для множества людей.

X X X

С утра на душе было хмуро и пусто, как-то по-стариковски бессмысленно, но прошёл дождик, каждая капля засветилась маленьким золотым лучиком, и осенний день сразу предстал молодым и красивым.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская заметь.

X X X

Самое замечательное в лесу то, что он всегда, как бы глубоко ты не проник в его душу, остаётся недоконченной сказкой.

X X X

Люблю, когда после первой майской грозы просыпается на землю золотой дождь, солнечные тёплые капли весело стекают по оконным стёклам, и они ласково всем улыбаются.

X X X

Красавица-сосна или липа растут сотни лет, а человек хочет приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

X X X

Ещё в детстве я почувствовал, что в лесу живёт только моё счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются между собой, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Лето с великой щедростью, кажется, очень просто распахивает для всех свои зелёные одежды, но ничего при этом не обещает… Всё, что сокрыто под зелёным покровом, лишь помогает сберечь в душе завораживающую тягу к жизни.

X X X

Кажется, никогда не уловить тот момент, когда и как, ещё в утробе января, зарождается весна, но я каждый год каким-то чудом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, если весна выходит тебе навстречу.

X X X

Старые великаны-деревья умирают, а новые, выросшие на их месте, шумят также, по-старому.

X X X

Особое чутьё в лесу – это, быть может, твоё первичное состояние души, когда она была к нему по-настоящему близка.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений, всего, что она несёт в себе и открывает. Может быть, это предощущение томительной надежды, призванной всегда хранить чистоту?!

X X X

Законы звериной жизни всегда влекут зверя по кругу, чтобы вернуться на старое место, откуда его согнали, но никогда вперёд, как это присуще человеку.

X X X

В феврале зарождается какой-то младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен, но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятности, а затем быть готовымверно распорядиться всем приобретённым, великодушно отдавая его другим.

X X X

Даже облетевшие с деревьев листочки сохраняют своё лицо, приобретая, к тому же, ещё что-то новое… Берёзовые напоминают маленькие рысиные шкуры, ирги – словно аккуратные монетки, засветившиеся изнутри золотистым жизненным соком, осиновые – это бушующие пламенем сердца и души, тополевые – как будто просто выкрашены жёлтым цветом, черёмуховые же – почему-то не докрашены, а ясеневые, широкие, с тёмно-зелёными, грязноватыми боками принимаешь за чёрные грузди…

Только наклонившись к ним – убеждаешься в их неподражаемой осенней игре, которую они ненавязчиво и тихо затевают с тобой.

X X X

Смутное волнение от одного слова «лес» сначала почему-то возбуждает в человеке желание его непременно завоёвывать, а уже затем приводит к необходимости вдумчивого понимания лесной чащи, к неудержимой потребности сродниться с ней.

X X X

Весна долго примеривается – как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю своими зелёными коврами, а когда приглядится, да раскинет – всё вокруг в один день станет уютно, чисто, и даже кукушка закукует по-особенному уверенно и звонко.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то незаметно перестаёшь замечать бегущие по небу лебяжьи облака, вольный ветер и дождь-ситничек пополам с благостным солнышком, но вся природа, ещё более проникновенно, возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Изо дня в день, благодаря общению с природой, во мне неприметно, но неотступно зарождаются мысли о ней, и так, капля за каплей, появляется на свет лесная книга, созданная мной новая жизнь.

X X X

Из промозглого тумана вдруг посыпал мелкий тёплый дождик – и тревоги как не бывало!

X X X

Так просто и ясно воспринимается, что тучи могут греметь!

X X X

При малейшем неловком шуме, производимым человеком, медведь всегда бежит, потому как никогда не трогает никого зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то важным, и зверь, несмотря ни на что, откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит.

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же не в состоянии быть по-настоящему свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё неведомой жизни.

X X X

Никакая любознательность в лесу никогда не принесёт тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

X X X

Придя в лес, присядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе до конца, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птахи…

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато обнаруживаешь в себе лёгкость проникновения в окружающий тебя мир.

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, по небу, вместе с неудержимым ветром.

X X X

Слепой солнечный дождь не занимается по нескольку раз на дню, или – неоднократно, в течение всего лета, как обычный, так, что на него уже не обращаешь внимания, а только однажды, наедине с самим собой и природой.

X X X

В лесу бывает так: стоит только сосредоточить своё внимание на чём-то неизведанном, но очень интересном, как тотчас же у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, что залёгли в меже… Долго смотришь издали, и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое невыгодное для себя место и не убегают?!

X X X

Во всю бескрайнюю весну только один раз, как ни странно, приходит к тебе желанная минута, когда ты действительно вступаешь в цветущий мир, и ты должен дождаться её и не упустить.

X X X

Открытие человеком сокровенных сторон жизни невозможно без постижения им природы.

X X X

Аромат цветка будит у любого живого существа если не мысль, то хотя бы приятное воспоминание.

X X X

Когда я пишу свои лесные заметки, то будто выхожу за рамки уже известного, познаю нечто необычное, и с помощью родных для себя слов – рождаюсь заново.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть пример не отдыха и безудержного веселья, а напряжённой работы, потребность которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

И декабрь, и январь, и февраль старательно расстилают свои самобраные скатерти, но только мартовский морозец знает – как крепка и раздольна накрахмаленная им белизна!

X X X

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает, делая тебя ещё сильнее.

X X X

С высоты самого родного и восторженного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующую ему глухую и строгую зиму.

X X X

Обычно для своих лесных записей я беру на заметку, казалось бы, совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взятыми ранее, может быть, очень давно, рождаются удивительные в своей правдивости картинки, которые сразу и не увидишь.

X X X

Когда замечаешь, как одно деревце заглядывает через плечо другого – замираешь от счастья: это ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочив кусты, и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Приятнее всего открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, которая перемещается всю ночную пору со стороны востока так стремительно, что пока мысленно ставишь для неё небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, уводя от непутёвого в себе к чему-то поистине главному и дорогому.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг о друга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне.

X X X

Звери и птицы – неважные поэты, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладает забота о выведении и поддержании потомства, и только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные, залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостаток собственной чистоты.

X X X

Густой туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое время мысли леса, которые он незаметно для всех переживает и не ведает – на что с ними решиться?

X X X

В каком-то удивительном согласии выходят у меня отношения с яблонями, которые я каждый год сажаю у себя в огороде, ухаживаю за ними и всегда этому сопутствует какое-либо приятное знамение… Грянет первый раскатистый гром, завозятся по лужам пучеглазые лягушки, скворцы вдруг запоют у самого дома так азартно, порывисто, что почувствуешь – как это важно, а то за одну ночь вся южная сторона сада распустится ароматными крупными подснежниками, и ты уже не сомневаешься: этой весной тебе не обойтись невинным романом. Яблони же незаметно тянут свои ветви к небу, распускают нежные листики, и сопереживают вместе с тобой возможности радоваться и любить.

X X X

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать, а если наоборот – то и жить не стоит? Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения! Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что всё хорошее в жизни рано или поздно будет атаковано, и мы должны быть готовы к этому.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания, и это почему-то не удивляет, а только веселит.

X X X

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка красноватой, но вот случиться вдруг увидеть её зелёной, свет от неё заберётся к тебе в душу, и нащупает там неведомые ранее мысли и чувства.

X X X

Когда сильный ветер гнёт деревья – чувствуется, как они солидарны в споре с ним, даже если разобщены между собой. Не поддаваясь его силе, они словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу и, кажется, никак не может напитаться, чтобы потом, весной, отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, обнаружив для себя тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудут себя в нём и сделаются совершенно беззащитными.

X X X

Странно, что когда молодая листва только обозначается на деревьях, леса представляются более внушительными, большими, нежели в период зрелости. Так девственность, внушая доверие видимой лёгкостью своего неминуемого развития, одерживает победу над тяжестью умудрённой завершённости, и разве предпочтёшь последнюю первой?!

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля», но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Каким-то особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед перелётом, в чём-то уговаривают друг друга, учат, соглашаются и даже спорят, но с виду, при этом, остаются почти невозмутимыми.

X X X

Зимняя поляна в солнечный день иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить её светоносности, и дальше уже идёшь совершенно распахнутый оттого, что вобрала в себя душа.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены чувственной мыслью: в ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Отчего-то никакая другая птица, кроме утки, не держится так за жизнь, когда настигает её погибель… Подраненная, почти без сил, она всё же ныряет под воду и, ухватившись клювом за какую-либо травинку, терпит там до последнего, но ни за что не дастся охотнику в руки.

X X X

По строгой заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся.

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, отрешённо опускающимися на холодную землю со всех сторон, однако же вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься и отчего-то не в силах прекратить этого молчаливого наблюдения.

X X X

Когда лесной человек, на склоне лет, начинает вспоминать былое, его природные струнки отзываются в душе по-особенному тонко, и как ничто оживляют совсем было угасшую жизнь.

X X X

Отправляясь ранним утром в лес – радостней всего сознавать, что он не скоро кончится, и будет длиться целый бескрайний день!

X X X

Оказавшись на долгое время в море – всегда предаёшься мечтам, а вот в лесу почему-то никогда ничего для себя не желаешь, и думаешь только о том, что тебя окружает.

X X X

В природе важен какой-то маленький невидимый поворот, без которого и вода освободилась ото льда, и земля покрылась травой, и деревья оделись листом, а услышишь ли первый весенний гром – неизвестно.

Бывает, уже к середине мая, с раннего утра задастся такой крепкий утренник, что, кажется, снежная корка выдержит лошадь с упряжью и телегой. Затем стылый северный ветер нанесёт по дороге мёрзлой крупы, разбросает её повсюду, захолодит. Но уже к полудню что-то неуловимое в воздухе повернёт на тепло, и к всеобщему удивлению из-за леса донесутся отдалённые раскаты грома.

А потом, прямо сквозь солнце, вдруг просыплется светлый радостный дождь, и всё вокруг оживёт. Тесно становится весне, и она совершает поворот у ворот на добрую жизнь!

X X X

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать… Неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, ошарашит своей стремительностью… Цокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, позабавит… И только от писка какой-нибудь неприметной болотной камышёвки захочется, неожиданно замерев, о чём-то задуматься.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя лес – обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься, а потом захвораешь, долго станешь приходить в себя, и когда уж совсем потеряешь к нему интерес, он же тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первоснежью, в лесу не видать ни малейших следов каких-либо зверей, кроме редких беличьих переходов… Неугомонным зверькам, должно быть, никак не сидится в обустроенном гайно, и всё не терпится разузнать – целы ли заготовленные ими на зиму запасы?

X X X

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, что в отличие от мудрых елей – святы.

X X X

Первое предчувствие весны – это ещё ни весна света и воды, а тиснёные томики Аксакова, Пушкина и Мамина-Сибиряка, с трепетом перелистываемые глухим декабрьским вечером, у разгорающейся печки, когда чувство природы и её будущие ароматы заменяет тебе запах слипшихся глянцевых страниц.

X X X

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползёт, замирая, шипит, но … не находит себе места.

X X X

Принимая ветер, как брата, и понимая работу мысли, как самую свободную энергию, я вдруг однажды почувствовал, что ветер и есть та сила, которую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

X X X

Случается такая весна, когда март ещё только миновал, не прилетели даже зяблики и овсянки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень…

X X X

Кому хоть однажды привелось оказаться зимой, где-нибудь под Рождество, в омшанике, послушать через резиновую трубочку, вставленную одним концом в леток, как ведут себя в эту пору пчёлы, для того холодные звёзды в вышине роятся уже по-особенному торжественно и празднично, а будущая жизнь представляется только счастливой.

X X X

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной же – в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Ни с чем несравнимо это ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли свои обиды и стали все хороши!

X X X

Будешь добр к лесу – Бог непременно сделает счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

В отличие от человека, звери и птицы живут так, как будто не боятся ничего, что должно случиться в будущем.

X X X

Слепой дождик бывает и золотым, и серебряным, и самым незамысловатым, вроде бы, совсем не нарядным, но никогда незаметным.

X X X

Глухарь всегда представляется мне той огромной чёрной птицей, которую я уже видел где-то, давно-давно, когда ещё, кажется, время проходило бесследно, и земля не была грешной.

X X X

По-особенному прозрачны осенью лесные ручьи, в которых вода, кажется, недвижима, и на дне виден каждый камешек.

X X X

За всю зиму хоть раз, а захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем окне, и увидеть там удивительный весенний мир…

X X X

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, как будто пытается отыскать место, где бы ей можно было присесть так, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полётом, но не находит его.

А кто-то восхищённо вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует ей и надеется когда-нибудь подняться в это бездонное небо, хотя бы в мечтах связав с ним свою жизнь.

X X X

Весной, на закате, с неба как будто обращаются ко всему живому чьи-то всепонимающие, прекрасные глаза…

X X X

Из всего живого только дерево, наверное, умирая, благоухает…

X X X

У самого края высокого обрыва, как будто на пороге в вечность, растут величественные сосны, и так отрешённо тянутся туда, шумят, что даже облака останавливаются в своём движении, в восхищении прислушиваясь…

Величественное устремление могучих деревьев настолько увлекает их, что облака, наверное, не знают: в какие заоблачные дали им ещё плыть?!

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит такое время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, и очень внимательно в него вникнуть.

X X X

Мысль человека свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

X X X

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней нашей русской весны!

X X X

Жестокость мороза – это только часть той неукротимой силы, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Почему-то всякий, неравнодушный к природе человек старается догадаться про лес по себе, и нисколько не гнушается сравнить свою человеческую душу со звериной.

X X X

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарки – никогда не получал от зверей хоть какое-либо удовольствие, которое в достатке всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за что не скажешь о

нём того, чего он на самом деле стоит, тогда как увидев зверя, хоть раз, в его родной среде – в мгновение открываешь для себя огромный таинственный мир.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно бескорыстной, и это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Никогда и не задумаешься о том, как где-то в таёжном северном лесу, посреди морозного января, медведицы рожают своих ещё непутёвых последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне, и совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы почувствовать в эту пору, и в себе, до краёв наполненную радостью душу!

X X X

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу всё же бьётся радостное зелёное сердце…

X X X

Лес предоставляет человеку собственную жизнь как нечто, уже давно им обдуманное, где всё мудро взаимосвязано, а тот незаметно для себя безоглядно пользуется этим богатством, воспринимая все открытия души в нём только на собственный счёт.

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, водить глазами по деревенской улице, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не готов исчезнуть в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Сколько видели глаза таёжного странника – не видел никто.

X X X

Сколько незабываемого несёт в себе молодая весна, но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой старуха-зима.

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой мелодичный стиль.

X X X

Солнечным мартовским днём почувствуешь за спиной что-то, как будто тебя позвали, обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны…

X X X

Пронизанные игрой солнца капли смолы не напоминают слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа, его густой и терпкий аромат.

X X X

Тихо живут в лесу камни, неприметно, и вспоминаешь о них только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила… И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в твоей душе, а лес обретёт для тебя ещё большую цельность.

X X X

Даже нагону, уморённая, лиса всё-таки оставляет свою метку там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по лесу никем не преследуемая и просто обозначала свою территорию.

X X X

В лесу следует и слышать и видеть, но больше чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении всеохватной любви, что не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Человек всё думает, да говорит, а лес знает, и молчит.

X X X

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, долго смотрит в твою сторону, затем как-то обмякает и, кинув на тебя последний раз свой необъяснимо потухший взгляд, не торопясь, удаляется в чащу.

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег…

X X X

Глядя весной на поющую птицу, успевающую, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитать своё время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Старый глухарь перед смертью, наверное, совсем не ест, и не надо ему ни клюкву, ни бруснику, ни подмороженный осиновый лист или сладкую хвойную иглу… Скрытно сидит он где-нибудь в густой верхушке сосны, гордо глядит перед собой, но ничего уже не видит.

X X X

Случается осенью день, который не отличишь от весеннего – в нём так же пахнет землёй, снегом и листьями… И только по отсутствии в себе той, приподнятой радости, когда внутри тебя бродят ещё нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, переболев свою золотую пору, тихонечко притаилась. Весна, говорят, своё скажет, осень же – как прикажет.

X X X

Бывает, в феврале начнутся долгие оттепели, снег на молодых ёлочках подтаивает, скатывается и деревья стоят обнажённые, даже чуточку растерянные, как будто и не зима, если смотреть только вверх. Ночная пороша заботливо присыплет открытые лица деревьев снежною пудрой, а наутро опять тепло, и тогда припорошенные ёлочки сбрасывают свой ночной наряд и, радостно посверкивая свежими блёстками, выглядят ещё более молодыми.

X X X

От свежего запаха коры, капели с розовых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана, и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, переливающимся от радости, ароматным…

X X X

Тем, кто ещё не вошёл в лес – хочется поскорей туда войти, тот же, кто уже побывал – желает быстрее выйти. Что за сила влечёт нас туда и оттуда, и отчего, когда мы находимся там – время незаметно приостанавливается и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим? А кто-то и не думает ничего обо всём этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично…

X X X

Если прислушаться – о чём рассказывает каждая травинка, цветочек или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Поздней осенью, когда волки собираются в стаи, в народе говорят, что звери наглеют.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала неслышим никому, живёт как бы украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре восторженно обнимет всю землю.

X X X

Люблю, когда вечерние тени в лесу не сливаются одна с другой, будто каждая живёт своей потаённой жизнью, а ночь подступает крадучись, неспешно, чтобы ты так же, потихоньку, проникся своими самыми сокровенными за день переживаниями, и незаметно перенёс их в вещий сон.

X X X

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлением свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним своё внимание.

X X X

Когда зверь пьёт из ручья – он вряд ли обращает внимание на своё отражение, и подобное предположение лишь подтверждает обаяние звериного мира.

X X X

В весеннем лесу, после дождя, так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое куда-то бесследно исчезает.

X X X

Поздняя осень… Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Проснувшись посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе или звёздно. И если звёздно – тотчас, неизвестно чему, обрадуешься и окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурно – долго ворочаешься, думаешь о чём-то, но ни к чему не можешь придти, тяжело забываясь только под утро.

X X X

Пир мартовского восторга в природе, кажется, только начался, а солнце явилось на него уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Изучая дремучий лес досконально, по всей правде, и добившись в этом важном деле немалых успехов, вдруг однажды забьёшься, подобно птице в силках, в его тончайших таинственных подробностях, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, которое, поначалу околдовав и запутав, неожиданно и выведет тебя к недостающему ответу: от мрака бегать, света не видать.

X X X

Даже самый маленький ветерок не бывает случайным…

X X X

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой, настороженные, легко принять за придорожные цветы, то появляющиеся под напором ветерка вдоль колеи, то исчезающие…

X X X

В мрачное ноябрьское время не скоро доберёшься в лесу до той жизни, что никогда не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую заметь у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Изголодавшаяся лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и тот разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

X X X

Как хорошо оказаться в непривычной для тебя лесной обстановке самим собой, и принять её за свой дом.

X X X

Когда подкрадываешься в предрассветной темноте к токующему глухарю, по колено в снеговой каше, и тебя интересует только он, лесной красавец-исполин, то чем дальше продвигаешься в своём отрешённом устремлении, тем всё больше и больше сживаешься с поющей птицей… Подойдя же вплотную - и вовсе перестаёшь желать её смерти, и только наслаждаешься дорогим для себя соседством.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы, которые стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому глупому человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и уже не будет сидеть, сложа руки, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый в лесу человеком лось, редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и, напоследок, величественно бросив свой неуловимый тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутина звуков, красок и радости, которая нежно обволакивает человека, когда он заслужил её и меньше всего ждёт.

X X X

Старые пни не удручают своим высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Далеко не сразу я разглядел, что дожди, как и месяца, бывают разноцветны… Первые, апрельские, обычно чисты и прозрачны, подобно драгоценным слезинкам земли – алмазным камешкам. В них сосредоточен весь весенний свет. Летние, с солнцем, - золотисты, с туманной дымкой – нежно-перламутровые. Осенью же, в октябре, из-под высоких небес летят и разбиваются о ветви холодные серо-коричневые капли…

X X X

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

X X X

Клесты любят присаживаться целыми гроздьями на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются и еле слышно перебирают замысловатыми крючкообразными клювиками переливчатые коленца… Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек в поисках семян, и птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Когда снег уже почти стаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, а оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Как только заговорили между собой по весне деревья – землю окутал головокружительный аромат…

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Бывают такие места в лесу, что будто созданы хранить в себе его вековечную тайну, и люди не трогают их, словно не замечая, но чувствуют и обходят стороной.

X X X

Нигде, кроме как в лесу, у костра, не слыхал я таких свободных душевных разговоров!

X X X

Только на первый взгляд кажется, будто бесчисленные полянки заплутали в наших необъятных лесах, а они просто ищут друг друга, но не находя и не встретившись, всё равно как-то очень светло и незаметно радуются….

X X X

Иногда так бывает, что самые важные слова о жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько в лесу цветов, и разве посмотришь на них всех сразу! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть свою душу. Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов остаются безвестны, и опустишься перед лесом на колени…

X X X

Голос воркующего в лесу голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись внимательнее, обязательно различишь в нём свою страсть, силу и гордость.

X X X

Деревенское счастье – возможность рано поутру отправиться в сказочный лес!

X X X

Ни у кого из зверей не таится в глазах столько сдерживаемой дикой воли, как у волка, оттого она, наверное, и не даёт ему покоя. И хоть волк всегда на воле, а не зря воет доволе, ибо знает, что если дашь себе волю, заведёт она в неволю. Не случайно в народе повелось: воля портит, а неволя учит!

X X X

При мысли о голубом васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда будто напряжена ожиданием несбыточного, но глубоко желаемого.

X X X

Неодетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть, меняя такую грациозную невинность на обременительную, хотя и прекрасную зрелость.

X X X

Всегда поражало: как завораживающе просто звучит в весеннем лесу барабанная трель дятла! При этом думалось, что лес, конечно, необычайно гармоничен, если так мелодично несёт в себе однообразную дятлову стукотню, что он полон невероятных проявлений, которые слагают его насыщенное звуками живое пространство, а барабанная трель, может быть, самая выдающаяся вибрация, какую услышишь только в нём, настроишься благодаря ей на что-то очень важное, и будешь терпеливо ждать – что за диковинную дверцу откроет в твоей судьбе этот звуковой ключик?!

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Если долго посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескиванье костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Весенние ручьи только на первый взгляд кажутся невинными, а приглядишься – они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, что дарит всему живому безудержный простор!

X X X

В первые дни после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Однажды я заметил, что, вроде бы, ничем не заполненное лесное пространство не пустует, а имеет свои скрытые ритмы и упорядоченность.

X X X

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундука, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

X X X

Когда восход солнца невидим из-за тяжёлых туч или облаков – всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

X X X

Прежде, чем запеть брачным голосом, синица большую часть весны радостно превозносит её.

X X X

Первыми весной зеленеют края лесных ручьёв, и лишь затем склоны логов и лужайки.

X X X

Лучшие русские сказки родились в лесу.

X X X

Обнаружив сухостойное гулкое дерево, расщеплённое молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой, с удовольствием слушает, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя, выводя незаметно общую для всего живого радость.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому услышав его – не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего на неё страстного томления?

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато сколько в них желания очаровывать!

X X X

Голод помогает зверю перебороть свой страх.

X X X

Венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, но всегда в собственной душе.

X X X

Иная птаха в лесу так привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, что он боится сдвинуться с места.

X X X

Пока стоят мартовские дни с золотистой капелью и весёлыми ручьями – ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый, туманный апрель с холодными дождями – птицы появляются…

X X X

Глухариная любовная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, так неясна, расплывчата, почти неосязаема, что поначалу даже не верится – с какой радостью, постепенно, она способна пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки откроется – ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют по-особенному светло и радостно.

X X X

Всю зиму снег гнетёт верхушку молоденького деревца, пригибает его к земле, и обессилев, деревце, наконец, сдаётся, поникает… К весне оно становится совсем неприметным, так что ходишь над ним по насту, даже не подозревая о его существовании. И вот, в апреле, когда снег уже быстро сходит, случайно тронешь лыжей такую неприметную веточку, а она вдруг распрямится, выпрыгнет на свет во всей своей красе, и душа твоя тоже весело вздрогнет и обрадуется.

X X X

Невозможно придумать поход в лес: его нужно пережить!

X X X

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу и, казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати метрах, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла.

Я стоял опешивший от ощущения близости такого редкого зверя и почему-то был уверен, что ещё увижу его. И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и заглянула в лицо.

Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не произнося ни звука, удалилась.

X X X

Ни одна наша лесная птица не увлекает человека из чащи вдаль, к горизонту, потому как нет среди них райской, а только родные, приземлённые.

X X X

Лес так стар и мудр, что никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе ребяческой улыбки. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское всё же победит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадовано рассмеётся.

X X X

Забрался я как-то в морозную февральскую даль к глухарям, вёрст за пятнадцать от деревни, чтобы проверить численность птиц перед началом брачных игрищ. Птицы сидели очень скученно, в глухом сосняке, и, наверное, им было там хорошо и покойно.

Я же подходил к каждой птице нетерпеливо, попеременно поднимая одну за другой, жадно вслушивался в шум их полёта и ликовал, что и на этот раз обнаружил. Глухари, конечно, все разлетелись, но я особо не переживал, поскольку знал: весной они опять соберутся здесь вместе.

И всё-таки по дороге домой меня не покидала неприятная мысль, что я потревожил птиц, помешал их сокровенному зимнему течению жизни. И тут вдруг ударила жестокая метель, прямо навстречу, наотмашь, будто мстя за нарушение умиротворённой жизни таинственных птиц.

Метель вымотала меня, пронзила насквозь, но я не пожалел ни о чём, даже с каким-то удовлетворением выдержал это испытание, и когда, наконец-то, выбрался на дорогу, то тотчас услышал гул приближающейся машины, её почти не было видно из-за поднявшейся пурги, и она очень быстро подбросила меня до самой деревни. А вскоре низкие тучи незаметно рассеялись, и на небе засияло умытое солнце…

X X X

Если весна дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и ложатся отдыхать днём на оставшихся сувоях снега.

X X X

Хорошо помню, как впервые попала мне в руки живая птица: это была подраненная из отцовского ружья сойка, которая безропотно реагировала на любое моё прикосновение, быстро отдавая мне всё своё тепло.

X X X

Раз я как-то так уходился по солнечной апрельской дороге, с лыжами через плечо, с рюкзаком, и улёгся от усталости прямо у обочины, на наст… После бессонной ночи на глухарином току, снежная постель показалась мне простой и удобной.

Небо над головой выгнулось необъятной синью, как шёлковое одеяло, и дышало теплом. У самых ног, в колее дороги, ласково журчал неугомонный ручей, так что мне тотчас захотелось спать, и я уснул. Но спал, не обрывая своего восприятия, всё чувствуя и замечая вокруг, так что время протекало мимо, и … оставалось на месте.

X X X

Ружьё, патроны, котелок, нож, спички – это не просто средства для лесного существования, а символы мужской отваги, терпения и силы.

X X X

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут вверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, что они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься и вслушиваешься в тишину леса, пока сам не почувствуешь, как она тоскует о былой молодости, словно это ты сам, и, наконец, примечаешь с необыкновенной радостью: вот эта…

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю, и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными и тебе рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце прозрачными перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Когда ещё никто из людей поутру не встал и ничего не увидел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется по-прежнему неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь: ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьет твой час, что внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы, музыка и чувства, что попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему себя обрести.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна.

X X X

Потаённая мудрость леса – это когда впереди попадается то зверь, то птица, то ягодное и грибное раздолье.

X X X

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрят на тебя, не мигая, и молчат.

X X X

Любовь животных к друг другу бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня, своим равномерным морозным дыханием успокаивает всех и, загадочно затаившись, усыпляет.

X X X

Иной раз уходишься по лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и дыша ещё более проникновенно.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе – им нужно обладать внутри себя.

X X X

Даже весной в серых глазах стоит одна туманная дымка, в карих – открывающаяся от снега земля, зелёные – это ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в голубых глазах отражаются лазоревые отсветы восхищённого поднебесья!

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем – начинаешь понимать его душу как бы через себя самого: затаившегося, чужого, готового к чему угодно…

X X X

Когда последний солнечный луч зимой скользнёт по верхушкам самых высоких сосен – снег на них вспыхивает яркими рождественскими огоньками только для старого седого ворона.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно животрепещущей тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

Старый лес всё больше блюдёт себя самого, оберегая от чужих глаз свой таинственный дух, молодой же – тянется к человеку, уже за околицей затевая с ним одному ему понятную забаву… Так и среди людей: старому бы всё только спать, а молодому – без удержу играть!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность… Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а весельем – к людям.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела.

X X X

Ласточка именно бросается из своего гнезда в беспосадочный полёт за кормом для птенцов.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку смотрят на тебя чьи-то проникновенные глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за его невыразимую тайну.

X X X

Ни солнце, ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Переживания души по весне никогда не бывают тяжки, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в свой самый тёмный угол.

X X X

Когда я гляжу в остановившиеся волчьи глаза – они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть, наконец, потолок своих безукоризненно отточенных инстинктов.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розоватым пером лесного голубя, который ещё не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

Бывает, в лесу, как во сне, вдруг смешается время, словно остановится, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться?

Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час, в одно место, и оставил там на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем забыл про то, что ты здесь – гость.

X X X

Обычная песенка лесного ручейка по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённая, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Когда задумаешься, что в каждом мельчайшем семечке заложено стремительное движение к будущему, и все силы природы работают на то, чтобы ему расцвести, забудешь про собственное несовершенство, опустишься на колени и, положив семечко на ладонь, вдруг ощутишь, как трогательно оно добивается внимания к себе человека.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду, и только когда почувствую его – воспаряю и лечу.

X X X

В природе никогда ничего не даётся человеку даром, и до всего интересного можно добиться только ночёвкой в холодном, пугающем, но удивительном лесу.

X X X

Странно, что заяц – очень сторожкий зверёк, безбоязненно ведёт ночной образ жизни, когда лес полон пугающих звуков, и по-настоящему страшится светлой, тихой поры, хоронясь весь день в непроходимом чапыжнике.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, и набухшие почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, как ненужные устаревшие одежды, а проснуться поутру уже свежим и чистым в благоухании первой невинной листвы.

X X X

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую для людей судьбу, но ты зачем-то подбодряешь себя очень нужными с ними встречами, томишься в ожидании их, и стараешься заранее угадать: как, получше, подглядеть сторожкого зверя, которому нет до тебя никакого дела?!

X X X

Весной, непроизвольно, выводишь образ любимой женщины из окружающих тебя ароматов, зари и цветов, а она, на деле, ждёт только твои печальные глаза, которых ей всегда не хватает.

X X X

Даже в самом благородном устремлении к ласковому весеннему свету нельзя отказываться от холодящей таёжной тьмы, что порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

Встречи с людьми в лесу всегда редки и интересны, потому как лесной человек необычен сам по себе. Он в лесу всегда не случаен. От него веет какой-то самобытностью, особым взглядом на жизнь и добродушной лукавинкой, с которой он не без удовольствия поведает о чём-нибудь очень простом и важном, о том, что непременно поразит даже самое избалованное воображение.

Такая встреча тем более любопытна весной, когда в лесу нет ни ягод, ни грибов, да и охота запрещена. Мой старичок собирал в апрельском лесу … берёзовые почки.

По его словам, в последнюю неделю перед сходом снегов почки берёзы становятся клейкими, их можно обирать и затем сушить в полутёмном месте. Почки подсыхают, но не теряют своей клейкости. При больном горле они тщательно пережёвываются, а образовавшийся в результате этого сок время от времени, понемножку, сглатывается. Вкус горьковатый и не совсем приятный, но эффект поразительный: на следующий день воспаления как не бывало!

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

В лесу я собираю впечатления в виде обыкновенной еловой веточки, облака, птицы, до которой дотянешься только взглядом, старого рассохшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки, а дома вспоминаю, оттачиваю эти видения всем опытом своей жизни, и так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы… Они, оказывается, уже существовали в природе, но их нужно было извлечь трудом своей души.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается на верхушках елей… Именно туда, к пригревающему розовому свету, подымаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в весеннем лесу, неожиданно откроешь в себе долгожданную мечту, от радости всплеснёшь в душе ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем можно было бы поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают в уставшей за зиму душе добрые устремления, и так, постепенно, в ней сосредотачивается вся сила природы.

X X X

Однажды мне посчастливилось отыскать маленький глухариный точок неподалёку от деревни, и когда я подходил под песню к токующему глухарю, отчётливо было слышно тявканье собак. Глухарь в такие моменты замолкал, забавно замирая на суку с приподнятой лапой, настороженно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, внимательно прислушиваясь к доносящимся звукам, и новую песню заводил уже не так азартно, а как-то нехотя, вполсилы…

Родившись и живя рядом с человеческим селением, и будучи, по-видимому, достаточно молодым, глухарь чем-то неуловимым становился похож на деревенского петуха, по сути оставаясь всё же лесным.

X X X

Приходит весна … и в сердце твоём как будто распахнули окно!

X X X

В лесу никто никого не притесняет, а только пользуется отведённым ему жизненным пространством.

X X X

Часто бывало, что в лесу надо мной кружился чёрный ворон, но никогда не произносил своего зловещего «гра-а».

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру… Но вот вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид: ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей – весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойства, что овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

X X X

Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продлеваясь в человеческой душе…

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

В мартовские розовые утренники, когда наст отливает сахарной глазурью и ещё хорошо держит, глухарь любит побродить по нему, осмотреться, а как только солнышко подымется над горизонтом – он взлетает на самую высокую ёлку и вбирает грудью все его ласковые переливы, окуная её в сияющий перламутр, небесную синь и потаённую зелень.

X X X

Завидев в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё не было и не было.

X X X

Берёзы в апреле как будто плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Ходил раньше по одному и тому же лесу, и будто не замечал его, но вот однажды обратился душой – и всё в нём ожило, будто открывшись заново: значит, время пришло.

X X X

Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубые каменья, а душа переполнилась счастьем и весело заиграла.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок – и, одну за другой, задувает на небе звёзды.

X X X

Однажды весной, на вечерней заре, я поднял двух журавлей, кормящихся у края укромной полянки… Развернувшись на фоне заходящего оранжевого солнца, птицы потянули, призывно курлыкая, прямо на меня, и от взмахов их огромных крыльев так ощутимо повеяло древностью земли, что я вдруг почувствовал, будто человек ещё и не начинался.

X X X

Самая живая птичка весны – светло-серая, с чёрным бантиком на груди, трясогузка, что только прилетев – уже куда-то зовёт за собой. Кокетливо помахивая длинным хвостиком, она то и дело перебегает дорожку и трогательно попискивает, будто приглашая в какие-то неизведанные края, в которые сама ни долететь ни добежать, кажется, не в силах. Но почему-то не оставляет своих попыток, всё неустанно семенит лапками, перепархивает и, никого не дождавшись, возвращается, чтобы вновь куда-то стремиться и увлекать.

X X X

Даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него диким.

X X X

Не могу не смотреть в лесу глубоким, проникновенным взглядом, благодаря которому проявляется такое ясное жизненное пространство, что свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Жёлто-пегая болотная сова живёт в жёлто-пегом болоте…

X X X

Когда талая весенняя вода выгоняет всё живое из нор – хочется пожалеть бедных мышей и бурундуков, что беспомощно катаются по влажному льду, будто на коньках, мокнут и никак не могут обрести для себя спасение.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит где-то сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

Так приятно, побывав в лесу, оставаться с чистой совестью.

X X X

В отличие от неугомонных воробьёв, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, которые всегда обаятельны, скромны и обладают очень проникновенной и нежной песенкой.

X X X

В конце апреля никем не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму невысокие уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрупкий «черепок».

X X X

Как нас радует лес сразу за околицей, когда он свешивает ветки прямо в огород, как будто приветствуя это близкое соседство с человеком… На самом же деле лес безмолвно умоляет: не приближайтесь ко мне так скоро и легко, не склонившись, как и я, до самой земли.

X X X

Когда над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда переживаешь ощущение чего-то радостного, но ещё несбывшегося, что, веришь, рано или поздно обязательно придёт и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Осенний разноцветный вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой, и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом и долго припархивает, как будто не находит себе места.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна и по-настоящему радостна в самом своём начале, когда к ней ещё достаточно не привыкаешь, всё же остальное время она дарит лишь счастливые мгновения.

X X X

После посещения леса готов писать обо всём, что ты там увидел, даже о том, о чём раньше вовсе и не хотелось.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушаешься в тишину, а там - будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликается и ненадолго замирает… Это значит - весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

Хоть и говорят часто – «ветер непостоянен», но вряд ли сыщешь что-либо более надёжное и утвердившееся в своей свободе. Просто временами ветер улетает туда, где в нём испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, словно опасаясь её нарушить, взбирается на небо осторожно, как бы ненароком.

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется только поведением в нём самого человека.

X X X

Чем более развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно.

X X X

Интересно: чем отличаются по запаху кулик, тетерев и, скажем, куропатка? Ведь собака определяет эти различия совершенно точно!

X X X

Случится в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по дороге жизни, и по крупицам находишь радость и в лете, и в осени, и, конечно, в зиме.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеется под вечер мелкий занудливый дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе становится хорошо и покойно.

X X X

Именно в лесном отшельничестве, при сознательном переживании собственного самоограничения, в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

X X X

Затяжной полёт цапли не есть следствие её значительных размеров или какая-то раздумчивость этой странной птицы, а скорее – осёдлость неторопливого образа жизни в глуби необозримых болот.

X X X

Вечером, в марте, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость весны света не оставляет, а ещё более усиливается с зажигающимися на небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая овражья темнота и нетронутая хвойная глушь.

X X X

Потревоженная на гнезде самка чибиса редко когда подымается на крыло, а всё больше бежит впереди, то и дело останавливаясь, оглядываясь и жалобно постанывая… Самец же сразу устремляется в воздух, летает тревожными кругами прямо над головой и пронзительно вскрикивает.

X X X

Сколько бы я не писал про лес, а героиней моего рассказа чаще всего оказывается весна…

X X X

Дремучий лес говорит даже своим безмолвием.

X X X

Всё в природе уже взыграло, справило весну света, и только зимнее заснеженное поле будто затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание лесного, скрытого под снегом ручья, что пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Есть нечто жуткое, почти необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуте, который зачем-то уничтожает за день множество птиц и мышей, съесть всё это не может и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая, к тому же, у своих жертв головы.

X X X

Когда насытишься разудалой апрельской порой в лесу и она перельёт в тебе через край, хорошо помечтать о жизни больших, древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о празднике русской весны.

X X X

Лес видит во тьме даже лучше, чем днём, и особенно радуется, когда встречается в ней с глазами любознательного человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён увиденным: у обыкновенной, изрядно примелькавшейся и надоевшей всем серой птицы яички имели цвет голубовато-нежного, весеннего неба…

X X X

Крупные хищные птицы в полёте неподражаемо легки, они царят в вышине, это - их стихия, но вот у самой земли становятся какими-то вялыми, на суки деревьев присаживаясь как-то скособочившись, неумело.

X X X

Радостно представлять себе безудержную весну, с широким лесным раздольем, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и … раствориться.

X X X

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись и без него!

X X X

Ранняя весна хороша тем, что только начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания…

X X X

И заря, случается, показывается неприступной царицей – холодной, гордой, чужой… А на следующее утро – опять добрая княжна, что кланяется, улыбается, и только родившись, принимается всем служить.

X X X

Если весна опять бросает тебя в дорогу – лучше всего подчиниться её зову, пока она окончательно тебя не одолела, и взлететь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

Отправляясь в ночной лес, у меня и в мыслях нет поигрывать с опасностью, а только чувствовать его глубинную жизнь и быть слитным с ней.

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся ослепительно зелёными, а сердца людей наполняются тем радостным светом, что они могли и сами, ещё раньше, в себе зажечь, но отчего-то не делали этого.

X X X

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове, а в окружающем человека пространстве, какое-то время живут там, восхищают своей простотой, и потом потихонечку растворяются в его душе.

X X X

Не со всякой сосны склёвывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое на вид почему-то всегда неприглядно.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко – погода всегда стоит ясная и они обязательно курлычут; в пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, а голос подают лишь изредка, тревожно вскрикивая и тотчас замолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

В иной год весна так обуяет твою душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «бу, бу, бу, люблю-люблю, бу, бу, бу, люблю…»

X X X

Может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого зверя или птицы их истинное лицо.

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе большие апрельские звёзды и остался с ними до утра: рано или поздно они укажут тебе твой путь.

X X X

Весна неподражаема тем, что разбив сердце – может в мгновение одарить великим восторгом!

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра в невидимой вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших к нам птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное ночное пространство!

X X X

Глядя на человека всем своим существом, лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг сразу оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается, что мыслей в голове рождается сразу много, они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и улетают, так до конца и не оформившись, а надо выбрать только одну, заняться ею и тотчас все остальные остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел желна, всегда неожиданно и как-то сказочно выпархивающий на тебя из чащи, напоминает неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не думаешь тушить, а только любуешься огнём алой шапки, не опасаясь её жара.

X X X

Продолжительный и очень мелодичный свист рябчика схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в любую непогоду настроена на трогательную радость.

X X X

В мае звёзды теряют свою яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно под вечер, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключённую в лесу истину, к тому же, не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав – подражает её истечению, но не желает полновластно обладать.

X X X

В марте от растаявших к полудню луж будто разносится детский восторженный крик, что наполняет радостью весь воздух!

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подала свой голос.

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, глядя вверх, то и дело выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а подымают головы лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный крик.

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уже потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету и, кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись – постепенно, всё же, угадаешь в нём ещё не высказанную мысль о жизни, что ждёт его впереди.

X X X

Когда токует глухарь – его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду… Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя ещё блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками.

X X X

Во вскликиваниях прилетающих с юга журавлей – к людям опускаются с неба звуки родной земли.

X X X

Цапля так устроена, что вспугнутая – не вылетает, а вымахивает из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись в какой-нибудь потаённый лесной уголок, ничем особенным не отличающийся от множества подобных ему, поначалу несказанно обрадуешься, а потом долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого, вроде бы, обыкновенного места?!

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза…

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь самой птицы, складывается как-то неустроенно и осиротело.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес вдали стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо… И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются и совершенно изменяют собой унылый зимний вид.

X X X

Трудно себе представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и присядет вдали от них просто отдохнуть.

X X X

Всю майскую ночь, напролёт, слышно страстное посвистывание соловья в черёмухе, и становится вдруг так, будто бы повсюду рождается любовь.

X X X

Снегири – это трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своём робком обаянии.

X X X

Весной самое лучшее время – это утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком молодым, нетронутым и прекрасным.

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издаёт двойной звук – «хор-хор, цвиг-цвиг…» Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Маленький, затерявшийся в лесах куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях, радость от притягательности красивых ягод, что так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какое-то необыкновенное, переживаемое с детства знание, почти уверенность, что волки плетут с лыка кустарника сказочные корзинки, и ходят с ним по грибы и ягоды...

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую секунду и минуту своей потаённой жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но он тяжело переносит его невнимание, мгновенно становясь неприступным и даже зловещим.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывает тот первый свет, когда узкая полоска зари только-только показывается из-под небесного одеяла, а человеку её ещё не видно.

X X X

Пока весной не пахнёт от земли теплом – она всё как не родная.

X X X

Весной больше чем когда-либо хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что об этом себе не признаешься, и всё продолжаешь свой путь, не уставая.

X X X

Молодой ястреб-тетеревятник жадно впивается в жертву желтизной своих глаз, красные же глаза взрослого хищника смотрят как бы с недосягаемого высока, холодно и надменно.

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг утомлённо дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись, не вернуться.

X X X

Необычно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается другого, но совершенно никому не мешает.

X X X

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнёзда и сильно тиранят певчих птиц, поедая их яйца.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну боль, ни в чём не можешь ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха с сиренью, кажется, не источают свой аромат… И только когда приходит осень – неожиданно отмякаешь душой, забываешься и летишь.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы дятел – эта умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидела на дереве в отрешённой задумчивости, без дела.

X X X

Многие писатели используют животных в своём творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, кажется, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью добрую сказку из детства.

X X X

Все звери и птицы обладают неповторимым голосом. Был он когда-то, по-видимому, и у древнего человека. Со временем человек обратил всю мощь своего голоса в мысли и чувства, которые позволили ему проникнуть в тайны природы. Но постигая их в нелёгком душевном труде, он ещё научился слагать песни, вкладывая в них сердце, и по ним можно было определить – как человек стал силён.

X X X

Желна – большая чёрная птица с красной головой, что, кажется, забыла себя в лесу, отрешённо перелетает с дерева на дерево, пронзительно взывая неизвестно к кому, и всё больше таится, не ведая: зачем ей суждено быть такой?

X X X

От нежной апрельской зари и чистого небесного пространства, отражающихся в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, начинаешь ощущать, что ты тоже переполнен живительным весенним соком, и готов вот-вот броситься со всей накопленной в себе за зиму силой навстречу жизни!

X X X

В детстве для радости не виделось никакой опасности: она казалась вечной. В зрелости человека всё чаще начинает будоражить память об этой радости, желание прочувствовать её вновь и понять: почему она со временем уходит? И он идёт в лес, и часто всё увиденное там помогает ему преодолеть накопленную усталость и разочарование.

Но отчего же закрадывается в сердце человека эта безрадостность, когда, вроде бы, надо только жить и жить, до последней капли впитывая каждый отпущенный тебе день? Ведь в детстве чувства разочарования не было, а теперь радость в себе приходится отстаивать, и порой борьба эта даже сводит её на нет. Вернее, добираться до радости в себе приходится всё труднее, но когда всё же добьёшься до неё – она оказывается такая же чистая и трогательная, как в детстве.

Лишиться удивления этим миром – значит, потерять единственную и изначально дарованную тебе возможность обрести правду жизни, а правда всегда требует неиссякаемой честности по отношению к существованию, и неутомимого поиска сердечной радости в самом себе.

X X X

Есть в лесу нечто такое, чего однажды увидев – мы тщательно в себе оберегаем и никому о нём не рассказываем, словно исподволь угадывая, что сердце без тайны – пустая грамота, и не всякое тайное должно быть миру ведомо.

X X X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, не издаёт при этом ни звука, и оттого представляется особенно прекрасной!

X X X

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете – самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

Бывает, ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно выносить, но истосковавшаяся по весеннему теплу душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Если способность видеть и понимать лица у диких животных, птиц и растений присуща только немногим, то как же мы сохраним хотя бы близкую нам родную природу?!

X X X

Случается весной, неизвестно от чего, поднимешь голову к небу, и к неожиданной радости своей обнаружишь в нём торжественные косяки уток… Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые бы птицы могли себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, одним им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить человеку.

X X X

В затяжное ненастье стрижи отлетают на время непогоды в более благоприятную зону, порой за многие километры, не боясь оставить своих птенцов в завораживающем оцепенении.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает свои объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё сердце, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы.

X X X

Золотистые глаза цапли кажутся недобрыми, и наблюдение за ней почему-то не доставляет удовольствия. При приближении человека цапля лениво взмахивает крыльями и неторопливо перелетает на другое место.

Обычно она присаживается на макушку ели, замирая там изогнутым силуэтом, и ты порой подолгу гадаешь: кто бы это мог быть? Разобрав же – разочарованно шагаешь дальше, и вскоре забываешь о существовании странной птицы, что живёт у воды, а гнёзда вьёт на вершинах высоких деревьев.

Гнёзда у цапли получаются широкие, сплетённые из толстых прутьев, и всегда располагаются в раскидистой развилке сосны, ели или берёзы, чтобы разместить в нём полдюжины своих колченогих неповоротливых птенцов. Цапля не любит какого-либо соседства, и может быть, именно поэтому выбирает высокие деревья.

Однообразие дороги вскоре вынуждает вернуться в своих мыслях к цапле, и странной начинает представляться не сама птица, а то, почему её существование тебя не занимает. Странная птица чем-то будто отталкивает от себя, и хоть живёт всегда неподалёку от деревни, и часто попадается на глаза, но ничем не привлекает.

Её нередко можно увидеть на берегу лесной речки, неподвижно замершей в камышах. Птица терпеливо высматривает свою добычу, затем – неуловимый удар, и извивающийся уж у неё в клюве. Цепко цедит свою цель царственная цапля – цап!

X X X

Для полной встречи весны мне всегда не достаёт журавлиного крика, и как только услышу это восторженное – «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чибис или ворона, расхаживая по закраинам полей, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе… Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность.

X X X

Иной раз сорока вскрикнет не своим голосом, но ты не удивишься, а сразу почувствуешь родственную тебе взаимосвязь всего живого в природе, её гармонию.

X X X

Живая ночь в лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Идя ночной порой на глухариный ток – задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце…

Запинаясь о невидимые кочки, не спеша бредёшь в этой липкой темноте, и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе неспокойно и сумрачно. Вот уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные лягушки, и пустив несколько пузырей – так же умиротворённо замирают. Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса, над самой головой, выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек…

Вглядываясь в призрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца. Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась когда-то утерянная радость.

X X X

Журавлиное грудное курлыканье – тот самый жизнеутверждающий позыв, после которого уже точно знаешь, что весна в твоей душе свершилась, и всё задуманное зимой следует непременно осуществить, оно наилучшим образом случится. У тебя в этом нет никаких сомнений, и оттого, что на свете остаётся много неизвестного, о чём тебе очень хочется разузнать, становится ещё более интересно жить.

X X X

У каждого времени года в лесу – своя тишина, каждая имеет свой смысл и отраду, и каждую нужно попробовать услышать, после чего непременно доберёшься в самом себе до своей тишины, возле которой уже никогда не заскучаешь.

X X X

Быть с природой в дружеских отношениях – это значит не выжимать её без остатка, а пользоваться миром птиц, животных и растений бережно, во всём себя ограничивая, как если бы мы встали из-за стола с чувством лёгкого голода, и это ощущение бы нас только радовало.

X X X

Именно ласточки, первыми улетая на юг, уносят с собой восторженный звон лета, его восхищённую отрешённость и младенческую весёлость.

X X X

Нарядные шмели в мае поначалу кажутся вальяжными вельможами, которые очень заносчивы и никого вокруг не замечают… Но, присмотревшись получше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

X X X

От зари до зари светит нам солнце, но небо бывает при этом разным: предрассветное – обычно нежно-зелёное, чуть розоватое, днём – чистое золото, а вечернее – оранжевое или ярко-красное.

X X X

Любая весна никогда до конца не наступит, пока в ней не осуществится последний поворот. Поворот этот всегда незаметен и происходит в считанные мгновения, как будто по мановению чьей-то волшебной палочки, после чего кругом воцаряется тепло, землю омывает первый солнечный дождь, а в небе весело перекатывается многообещающий гром.

X X X

Кабаны и волки, барсуки и лисы, росомахи, хори и куницы, а ещё горностаи с ласками да могучие медведи без устали рыщут всю жизнь по лесным дебрям, но, кажется, так чего-то и не находят, и только птицы, наверное, догадываются, в какой стороне лежит счастье.

X X X

Никогда не бывает так, чтобы лес признавал тебя своим долго, почти всегда, а лишь изредка озарит улыбкой или лёгким прикосновением, и опять уйдёт в себя, пусть даже ты общался с ним всю жизнь, всё время пытался понять и относился с уважением.

X X X

Зимнее поле не одноцветно, и поблёкший, казалось бы, занесённый снегом мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

X X X

Осиновый лист всегда дрожит сам по себе, но под осень – ещё и от рёва лосей.

X X X

Самый жаркий зной летом – земляничный…

X X X

Природа всегда манит и ублажает человека, глухариная же песня в весенней ночи призывает его дух к труду и возвышает.

X X X

Невозможно весной делать что-либо так себе, мимоходом, а наоборот – только с великим желанием, когда при одной мысли о пробуждающейся вокруг природе становишься чище и сильнее.

X X X

Весна – это всегда любовь, а любовь дарует возможность всем расцвести во всей красе, и тогда возникает гармония.

X X X

Чем глубже мы видим себя, тем глубже способны проникнуть в таинство леса.

X X X

Всё, что есть у меня в лесу, это чутьё и видение, но этого вполне достаточно для постоянного переживания счастья и радости.

X X X

Заслышишь, бывало, в глухой речной долине сухой стук рогов, заприметишь между маленьких сосенок на миг сталкивающиеся коричневые тени, но ни стона ни рёва, ни всхрапывания зверей не уловишь… Схватившись намертво, лоси молча месят острыми копытами заснеженную землю, и лес как будто ещё более притихает от их отрешённого единоборства.

X X X

В декабре и поле, и лес, и небо – всё уже ослепительно белоснежное… Но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, жёлтые и вишнёвые тени.

X X X

Еле заметный клюв у куличка-перевозчика – как приставленная дудочка: из неё он трогательно выдувает чистые нотки своей трепетной любви.

X X X

Проклюнувшиеся зелёные листики полны не только жизнелюбия, но и любопытства.

X X X

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

X X X

Весенние бабочки – это будто проснувшиеся мысли леса, которые перепархивают в воздухе легко и неутомимо.

X X X

Природа жертвует бесчисленным количеством семян шишек, одуванчиков, рыбьих икринок, чтобы только отдельные особи выросли и принесли плод. Человек же не имеет права на подобную трату своих сил, и ценою каждой жизни обязан заслуженно доказывать её торжествующее бессмертие.

X X X

Весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость в ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

X X X

Звон зари по весне бывает малиновым и красным, жёлто-оранжевым и розовым, но самый тонкий – перламутрово-зелёный…

X X X

Стоит только отправиться в лес – и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия.

X X X

Кому довелось увидеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится.

X X X

Утка, как старинный утюжок, гладит поверхность озера, превращая его в безукоризненно чистое зеркало.

X X X

Золотистым барашкам ивы просто неоткуда взяться, как из самих её ветвей, однако выглядят они так, будто привнесены извне.

X X X

В светлые майские ночи созвездия уже почти не угадываются, но в этой пришедшей прозрачности времени совсем не ощущается пустоты.

X X X

Мы совершенно спокойно воспринимаем осенние бои сохатых, этих сильных и горделивых зверей, когда они борются за самку, но как объяснить подобные турниры среди прекрасных бабочек, например, махаонов, если они бьются до тех пор, пока не полетят кусочки крыльев?!

X X X

Розоватые лепестки волчьего лыка источают по весне такой же сильный запах, как и волки во время течки. Неутомимый ветер доносит его волны до самой деревни, а ты и не замечаешь, что тоже становишься диким и неприкаянным.

X X X

Десятки раз меняя за лето свои оттенки, зелёный цвет к осени иссякает и просто желтеет.

X X X

Лесные существа обычно не показываются в дневную пору, но совсем без внимания оставить человека не могут, и как будто для догляда посылают к нему чёрную ворону. Загадочная птица изредка перелетает поблизости, тяжело взмахивая крыльями, усаживается на какой-либо сосне или ели, и начинает громко каркать, напоминая о скрытой в лесу темноте и тайне, которую поскорее хочется разгадать.

X X X

Медведь превосходно разбирается в настроении находящегося перед ним человека, но всё же стремится побыстрее убежать.

X X X

Выпадет первый снег – и весь мир изменится, так что кажется, будто и жить надо как-то по-другому, лучше…

X X X

Часто у тетеревов бывает так: большого весеннего сборища, которого обычно все от них ожидают, не происходит, но зато птицы яро токуют в одиночку, кто где придётся, и это никак не влияет на их радостное восприятие пробуждающейся природы.

X X X

Аккуратные головки мать-и-мачехи – как жёлтые граммофончики, что радуют нас своей неслышной музыкой.

X X X

В осеннем лесу так тихо, что слышно, как ступают по сухой листве рябчики…

X X X

Смотришь зимней морозной ночью на сияющие в бархатной черноте далёкие звёзды – и не боишься их потерять.

X X X

В марте по полям и в лесу ещё лежат таинственные великие снега, но чувствуешь, как они полнятся вешней водой, еле сдерживая в себе ещё более неведомый, весенний пир.

X X X

Вглядываясь в уходящую вглубь леса просеку, незаметно и сам становишься более умудрённым и загадочным.

X X X

Трудно представить в переваливающейся неспешной походке медведя его способность к молниеносной реакции, невероятной быстроте и ловкости, но так оно и есть.

X X X

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, ещё не успевает закатиться, а луна уж давно выклюнулась, засветилась неполным белым диском,

будто никуда не исчезала, и у тебя замирает сердце от её нетерпеливой оголённости, с которой она пытается опередить время.

X X X

Когда по весне начинает пригревать солнце, крохотные синички вдруг становятся необыкновенно драчливы, и даже милый поползень ищет повода для ссоры.

X X X

Разноцветные, яркие платья деревьев в ясную погоду удлиняют осенний день, словно задерживая последние лучи солнца.

X X X

Если повнимательнее вглядеться в жизнь леса, то в чистых березняках заприметишь промелькнувший было заячий хвост, в мглистых ельниках померещится уже пристально вглядывающееся в тебя медвежье око, заросшие и тесные ольшаники покажутся чьей-то неразрешимой судьбой, редкие сосняки откроют щедрую и добрую сказку, а заматеревшие осинники нежданно-негаданно подарят радость постижения того, что всегда не давало покоя, пряталось, но всё же однажды, погожим сентябрьским вечером, открылось в их серо-зелёных и чистых верхушках, на которых в лучах заходящего солнца грели золотисто-бурые грудки копалухи, а могучие мошники горделиво сидели рядом, изредка роняя в предвечерний воздух укромные капли-звуки: «чек-уоок, чек-уоок, чек-уоо-ок…»

X X X

Относиться к лесу следует так, чтобы он был для тебя всегда светел своей темнотой.

X X X

Только у волка в глазах мерцает луна…

X X X

Предзимняя морозная чистота так проясняет воздух, что долго её выносить невозможно.

X X X

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку…

X X X

Торопливо, но тщательно плетёт свои тенёта паук.

X X X

Иногда, в ноябре, вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

X X X

Глядя на Венеру, которая во все времена года, как и Луна, одинока, никогда не назовёшь её волчьей звездой.

X X X

Лесная тишина, на самом деле, не боится вмешательства человека, не разлетается вдребезги от производимого им оглушительного грохота и нескончаемого шума, а выдерживает любой злорадствующий напор и погребает его под собой.

X X X

Бывает, два оленя сплетутся рогами в схватке из-за самки и, не в силах разъединиться, погибают… Так случается, увещевают бывалые люди, но я в это почему-то не верю.

X X X

После ночного снегопада деревья в чаще светятся, как на солнце!

X X X

Дрожит последний лист в самой вершине осинки, и будто мокрой ладошкой пытается потушить зажигающуюся звезду.

X X X

Тёмный-претёмный лес в звёздную ночь ещё более затаивается в себе, устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам и ничуть не пугает.

X X X

С детства помню, как краснели ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студёные стволики, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью… С особым удовольствием сосульки пробовались на вкус!

X X X

Бывалые охотники утверждают, что нельзя долго смотреть в глаза зверю, иначе он разозлится, но я ничего не могу с собой поделать, и всё смотрю и смотрю…

X X X

Написание книги можно сравнить с появлением весной первого стебелька, только-только проклюнувшегося из земли, с его постепенным ростом, возмужанием и, наконец, цветением, которое навсегда остаётся в душе примером жизнеутверждающей красоты. Цветок созревает, распускается во всей своей красе и радует собой мир. Так и настоящая книга, задуманная, выношенная и написанная писателем, однажды приносит удовлетворение от приобретаемых благодаря ей знаний, учит более совершенной жизни и никогда не увядает.

X X X

Каждый шаг человека в лесу чаще всего связан с разрушениями: не ведая, ты превращаешь в развалины невидимые природные замки, которые, впрочем, быстро восстанавливаются…

X X X

Холодной сентябрьской ночью взвоет где-то волк, а на душе становится тепло и покойно.

X X X

Перламутрово-розоватый снег слетает с небес в декабре, в январе валит тёмно-вишнёвый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами.

X X X

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи что-то щебечут без умолку, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

X X X

В лесу ещё не распустились на деревьях почки, а волчье лыко уже красуется розовыми лепестками, что появляются на совершенно голых кустах даже раньше листьев.

X X X

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой.

X X X

Весной, задрав голову к небу, пытаешься угадать: друзья ли тебе призывно вскрикивающие в вышине гуси или они сами по себе, без каких-либо привязанностей, и просто отрешённо стремятся на свою северную родину, ничего не замечая?

X X X

Отломишь льдинку от закраины ручейка, и смотришь сквозь неё на скособоченную у дороги ограду, а там – целый пейзаж, стягивающий в себя весь огромный весенний мир.

X X X

Лес – огромная тайна, полная знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать.

X X X

Всё печальней отголоски осени, а рёв лося становится ещё более призывным!

X X X

Звёздная рождественская ночь – это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

X X X

Утки проносятся над головой всегда со свистом, а в воду – шлёпаются.

X X X

Всего лишь месяц проходит после торжества глухариных токов, когда, казалось, для тебя не существует в жизни ничего, кроме этого весеннего возбуждения, затмившего самое дорогое, а только забываешь в макушку лета о весне, наслаждаешься его великодушным жаром и летишь над тёплой землёй, уже не помышляя ни о чём.

X X X

Весенний ветер так силён, неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что.

X X X

Удивительно точен русский язык, нет в нём ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудрёного: пурга пуржит, вьюга вьюжит, метель метёт, всё одно и то же – снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метёт понизу, вьюга над землёй крутит и вьёт, а пурга, знай, снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

X X X

Даже если лес только еле слышно что-то нашёптывает тебе, ему следует беспрекословно подчиниться.

X X X

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зелёный, но никак ни белый.

X X X

Весенний наряд тетерева-косача лирообразен, краснобров, головокружителен, самки же – практично выдержан в цветах лесной подстилки из прошлогодних листьев и увядшей травы.

X X X

В фиолетовых колокольчиках отстаивается нежная лазурь утра, зреющая синь дня и сгущающийся лиловый вечер.

X X X

Крылышко стрекозы прозрачно и хрупко, а между тем – всем открыто.

X X X

Человек старается скрыть в себе то, что обнажено в природе – половую страсть, жестокую борьбу, озлобленность гордеца за справедливое возмездие, но, обращаясь к ней, не замечает там всего этого, обнаруживая только радость.

X X X

Слушай весну – и ты услышишь самого себя.

X X X

Тянет в щели лесной избушки смоляной душистый ветер, сбивает набок язычок пламени на фитиле, но от этого он светит ещё ярче, ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять, не мешкая, отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни.

X X X

Послушай хотя бы один вечер, как переговариваются между собой на лесном озере гуси, и ты непременно проникнешься важностью их беседы.

X X X

Лепестки ромашек, будто реснички, ближе к вечеру, кажется, удлиняются, загибаются на самых кончиках и осторожно прикрывают уставшие за день желтенькие глазки.

X X X

Душа человека слагается из всего, что окружает его в природе.

X X X

Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства света в природе сразу наступила самая благодатная пора.

X X X

Лесному человеку не дано знать, когда призовут его к ответу лесные боги, но он каждую минуту должен помнить об этом и ощущать их невидимое присутствие.

X X X

Грустно порой становится от того, что не находишь истинной осмысленности в поведении животных и птиц, которую им обычно приписывают. Вот дятел выдалбливает в крепких сушинах многочисленные углубления, и все уже склонны видеть в этом его заботу о пернатых, а не собственную ни с чем не сравнимую и неутолимую жадность в добывании лакомых личинок. Всегда замкнутый в себе дятел большую часть времени проводит в поисках пищи.

Но дупла, как никак, всё же достаются птицам, укрывая их в лютые зимы от холода, а осенью – от нескончаемой сырости и ветра, и, убедившись в этом, начинаешь неожиданно для себя сознавать, что дятел – птица необычная, отшатнулся ты от неё в мыслях напрасно, и благодарным ему обязаны быть многие из лесных жителей. Дело это немаловажное в жизни, где каждый норовит, в первую очередь, позаботиться о своей сохранности.

Так, подивившись чудесному лесному миру и его неприятной, на первый взгляд, неразрешимости, постепенно придёшь в себя, успокоишься, а грусть незаметно улетит, словно её и не было.

X X X

Огромные, похожие на слоновьи уши, листья лопуха на ощупь тёплые…

X X X

Ноябрьские синие тени быстро укорачиваются, исчезают, но из надвигающейся в природе темноты постепенно вырастает огромное желание света.

X X X

Старые лысые пни не похожи на монахов-богомольцев, но своё вынужденное смирение несут по-божески, достойно.

X X X

Обычно сухая и надоедливая стукотня дятла по весне, наконец-то, приобретает нежность звонкой капели.

X X X

С виду глухая и неприступная стена леса на деле оказывается нескончаемо притягивающей глубиной.

X X X

Тёмно-бурый и белоногий, под стать пожухлой коричневой листве и молоденьким берёзкам, среди которых он часто стоит, лось, благодаря своему окрасу, даже в оголённом осеннем лесу остаётся незаметен… И если, наконец, выбирается на открытое место, и осторожно преодолевает просеку или полянку, всё равно убеждаешься в его изумительной способности сливаться с лесной чащей, когда зверь, вроде бы, и пересекает пространство, но получается это у него опять же как-то неприметно.

X X X

Когда вокруг ни души, и над лесом одиноко блуждает холодная луна, ещё сильнее хочется быть человеком.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы одинокий ворон летел куда-нибудь торопясь.

X X X

Июльский стог чутко хранит в себе память всех цветов и навевает светлые думы, когда упадёшь в него навзничь, наблюдая, как проплывают над тобой облака…

X X X

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкою на неторопливую и длительную работу. Весной же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то

время вновь разгорается с ещё большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости, и только тянешься ввысь, к свету.

X X X

Ни одному русскому не придёт на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому что каждый ещё загодя, может быть, даже со Сретенья, ясно обрисовал её форму в своей душе.

X X X

Только пройдя долгий лесной путь, постигаешь, что нет силы без знания и нет знания без муки.

X X X

Человека можно обманывать бесконечно, зверя – только один раз.

X X X

Даже в самых далёких землях, за множеством рек, морей и лесов, живут близкие всем нам боги.

X X X

Нет у тебя ни ножа, ни карты, ни компаса, а только чуткое сердце, но именно оно и есть незаменимое оружие в дремучем лесу.

X X X

Если даже неумело завоешь волком, он обязательно отзовётся.

X X X

В лесу я охочусь не за птицей или зверем, а за счастьем увидеть и воплотить это увиденное в живом слове.

X X X

Из всех диких животных олень, пожалуй, самый красивый и благородный, но в его прекрасных глазах всегда почему-то таятся непреодолимая тревога и скорбь.

X X X

В первые дни зимы, с весёлыми ядрёными морозцами, в воздухе носится нечто неуловимое, но такое по-хорошему предрешённое, исконно русское, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

X X X

Поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли и крепли, всё более отдаляясь от любознательного человека.

X X X

Прелесть сбора грибов не только в их обилии, сколько в обнаружении в самых непредсказуемых местах.

X X X

Пижма, вроде бы, отошла, стебель и листья её пожухли, покрылись за лето обильной пылью, особенно – вдоль лесных дорог, но жёлтенькие бутончики только набирают цветосилу, поднимая к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

X X X

Примятые ногами опавшие листья, тихонечко выправляясь, будто вновь на миг оживают, озаряясь последней прекрасной улыбкой.

X X X

Весной сидеть в избе никак невозможно: птицы летят!

X X X

В старину особые умельцы ладили на зверя такие чуткие капканы, что их заглавную часть называли душкой, или душой, как и у человека.

X X X

Издали вороны кажутся зловещими, но, приглядевшись к ним вблизи, вдруг отмечаешь их трогательную неуклюжесть и какую-то неприкаянную растерянность. Вороны, должно быть, погибли бы в одиночестве, очень его боятся и хорохорятся, чтобы никто этого не заметил.

X X X

Даже июльский зной не в силах помешать желанию осинки укромно шевелить своими трепетными листочками…

X X X

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, леса и звёзд, которые очень просты, именно этими знаками изъясняется с нами Бог, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совершив, не ставить их себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешённым от своих побед, и в тоже время находиться в мудрой взаимосвязи со всем, что его окружает.

Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется её загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

X X X

Ондатра – единственный зверь, кто в половодье умудряется изготовить маленький плотик из мусора, на котором и спасается, безопасно для себя переживая десять-двенадцать дней высокой воды.

X X X

Ранним утром, задрав маленькие аккуратные головы, степенные журавли отрешённо и даже несколько устрашающе выступают навстречу друг другу, предвещая тем свои торжественные бои и свадьбы, а невидимые росинки весело скатываются по клацкающим клювам и, блеснув на миг, никем не замеченные исчезают среди перьев…

X X X

Как крепко прилепляется к стволу дятел, как слитен он с тем, без чего не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждёт, когда птица подлетит, присядет и тщательно прослушает его. Дерево замрёт на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит – облегчённо вздохнёт: дятел ничего не обнаружил, значит, можно

продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на ветру, втайне оставаясь благодарным неутомимой птице.

X X X

Приятный ветерок обнимает мокрые плечи могучих елей, а их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгорячённым щекам и шее…

X X X

Еле слышно, тише, чем вполголоса, провозгласит старый ворон какое-либо известие, и оно разносится далеко-далеко, и будто совсем не тает.

X X X

Сходство поступков и действий зверей с человеческим поведением меня нисколько не озадачивает и не удивляет.

X X X

Весной воздух звенит от щебета птиц, летом их пение в нём утопает.

X X X

Тёплое тетеревиное перо в жаркий августовский полдень приятно холодит ладонь…

X X X

Любишь животных, птиц и растения – постигнешь однажды божественную тайну.

X X X

Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаёшься один на маленьком полустанке, немного погодя из тьмы заснеженного леса выступает его душа, и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

X X X

Махонькие воробьи, заранее предугадывая непогоду, дружною гурьбой жмутся под застрехой, тогда как человек ничего не чувствует, и всё норовит, несмотря ни на что, воспарить гордою птицей.

X X X

Когда-то мне очень захотелось посмотреть на невиданную мощь природы, ради чего пришлось пожертвовать очень многим, и уехать аж к Тихому океану, но я и не догадывался, что ещё в детстве спокойно увидел эту мощь в нашем лесу.

X X X

Величавость Вселенной создаётся из крохотных частичек красоты, и каждый должен воспитывать её в себе неустанно, в течение всей жизни.

X X X

Сколько уж лет прошло, а всё хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждёт и никогда не минует.

X X X

В общении со зверями больше надеешься на их удивительное обаяние и чутьё, нежели на собственное умение.

X X X

Когда сижу напротив жарко пышущей печки или потрескивающего костра, и смотрю, не отрываясь, на огонь, как будто заглядываю в какую-то нескончаемую природную даль, и постепенно обретаю там самого себя.

X X X

Лица деревенских людей, их простые деревянные дома, лес за покосившейся околицей и низкое серое небо над ним могут быть очень печальны, даже сиротливы, но в них никогда не ощущается равнодушия.

X X X

Упруго и мягко вспархивает затаившийся в еловой чаще рябчик, будто слегка надорвали кусочек шёлка – «пр-р-р-р-р»… Но если обмолвится охотник, что рябчик, раньше времени вспугнутый им, испугался и улетел, з-а-г-р-е-м-е-в /!/ крыльями, то бывалые люди воспримут его слова вполне обычно, как должное.

X X X

Более всего, почему-то, соблазняют звёзды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав которое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фёкла, Алиот, Бенеташ, Мизар…

X X X

Самый молодой, только что выпавший снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, он только восторженно кричит!

X X X

Отправившись в лес и повстречав там зверя, который вдруг попытался напасть, глупо было бы обвинять его за это. Будучи увлечённым чем-либо в лесу, ты в тоже время должен оставаться отрешённым от него, чтобы не пойти на поводу у страха, а поэтому и лес, и зверя необходимо воспринимать как нечто обыденное, вполне естественное.

Именно так просто принимая лесное естество и себя в нём, ты увеличиваешь свои шансы на пути обретения знания и собственной безопасности, когда никакой зверь, чувствуя твоё простодушное состояние, тебя не тронет.

X X X

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги, и загрызть.

X X X

В декабре, когда всё, наконец, укрывается снегом, и взгляду, кажется, не на чем остановиться, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

X X X

Я очень люблю лес, море, цветы и землю, и думаю, что никогда ко всему этому не привыкну.

X X X

Огромные ярко-оранжевые глаза филина смотрят так пристально, что в них непроизвольно угадывается глубокая мысль.

X X X

Не чудо, если глухарь примется прогонять вас со своего токового участка, принимая за соперника, безбоязненно наскакивать, норовя ударить мощными крыльями или уцепится клювом за одежду, а то, того пуще, начнёт клянчить у вас кедровые орешки, тем более, принимая их с руки! Чудо, когда он по-прежнему будет пугать человека неожиданным взлётом, оставляя его в неведении относительно своей древней судьбы.

X X X

Вспугнутые с лесного пруда утки поднимаются на крыло винтообразно, совершая каждый круг шире предыдущего, а достигнув недосягаемой для выстрела высоты и убедившись в отсутствии для себя опасности, так же постепенно, сужая круг за кругом, снижаются и опять садятся на воду. Но прежде, чем опуститься, они хотя бы раз пронесутся над твоей головой и всегда поприветствуют, чуть покачивая крыльями, если ты идёшь без ружья.

X X X

Драка тетеревов на весеннем току – это проявление жизненной энергии, бьющей через край, а не злобное стремление во что бы то ни стало победить возможного противника.

X X X

До чего же хороши наши вороны, что даже карканьем могут приветствовать снегопад!

X X X

По мере того, как приближается момент появления птенцов, самка ястреба всё чаще наклоняется к яйцам, трогает их клювом и прислушивается, а иногда что-то тихо произносит.

X X X

Как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а любо человеку, который таит его в себе, не хочет с ним расставаться и может вызвать в любой момент.

X X X

Многие птицы, которые прилетают к нам на зиму, при виде кормёжки тотчас рассыпаются - кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплочённо, кормятся на одном дереве, и даже на придорожную траву или сугробы опускаются все вместе.

X X X

Многим представляется, что неугомонные воробьи избалованы жизнью, что бьёт в них ключом: везде им дом и дол. Но присмотревшись пристальнее – убеждаешься: маленькие птички вынуждены быть вездесущими, чтобы хоть иногда потешить себя лишней крошкой или семечком.

X X X

В неустанном куковании кукушки в весеннем лесу слышится нескончаемая влюблённость.

X X X

Счастлив тот, кто, не истратив себя, продолжает всю жизнь учиться, и как хорошо это выходит в общении с природой.

X X X

Красиво, как древние письмена, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

X X X

Когда темнеет, лес, кажется, надвигается на деревню, и ты чувствуешь, как он пристально всматривается во всё, вслушивается, но никого не пугает.

X X X

Всего лишь птичка-кроха пискнет за густым переплетением ветвей, но зачем-то начинаешь подбираться к ней потихоньку, терпеливо высматриваешь и сразу обо всём забываешь.

X X X

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

X X X

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже припрыгивает на одной лапе, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полуопущенным крылом.

X X X

Маленькие стаи пернатых шумливы, быстры и всегда норовят опередить весну.

X X X

Было дело, подстрелил я на заброшенной пасеке выпорхнувшую из-под ног серую куропатку. Куропатка, театрально спланировав прямо на деревянный настил у домика, раскинула крылья и замерла.

С переломленным ружьём, ничего не подозревая, я подошёл к ней почти вплотную, и уж было протянул руку, как птица неожиданно встрепенулась, неуверенно приподнялась над землёй, и бочком-бочком, постепенно выправляясь, улетела, но я, помнится, тотчас поймал себя на мысли, что не разочаровался, а обрадовался.

X X X

Камни на дне потаённых лесных ручьёв всегда смотрят на склонившегося над ними человека зеленовато, влажно и очень целомудренно.

X X X

Глухарю безразлично, что в своей восхитительной любовной страсти он никому, кроме глухарки, не видим, человек же безвестности совершенно не переносит, даже если умудрился сохранить в сердце цветы жизни.

X X X

Когда ястреб нацеливается в броске на увлечённо долбящего шишку дятла, тот, заметив опасность, не спасается бегством, а ловко шмыгает в последний момент на другую сторону ствола и возобновляет свою работу.

X X X

Замершую весеннюю тишину может разбудить даже трепетное биение твоего собственного сердца.

X X X

Всё в природе почему-то воспринимается как должное, заведённое в ней для всеобщего согласия, и если чижи со щеглами всегда первыми шелушат семена придорожных трав, а чечётки довольствуются оставшимся чешуйками, то это их вполне устраивает.

X X X

Человеческая жажда полёта есть, на деле, слитность земли с простором неба.

X X X

Из оврага хочется поскорее выбраться, а в лог – спуститься.

X X X

На птицу невозможно смотреть просто снизу вверх, а всегда только с открытой душой и ясными глазами.

X X X

Чарующие сине-голубые цвета – это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-голубянки, порхающей всё лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюблённой души…

X X X

Манера охоты у стрижей и ласточек одинакова, но первые – стремительны, а вторые отличаются юркостью.

X X X

Всё, что происходит вокруг скворца, по весне, составляет лишь музыкальное отступление, после которого и начинается его неподражаемая, зажигательная песня.

X X X

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костёр из цельных брёвен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки»…

X X X

Широко и вольготно простирается вокруг величественная осень, тёмно-синие ельники сменяют оранжевые и пунцовые осины, а берёзы уже почти облетели… Всеобъемлющие покой и тишина опустились на землю, всех зверей и птиц постепенно умиротворили и как-то необыкновенно обособили. Всем до всего в лесу стало дело, и каждый, не мешая другим, неспешно принялся обустраивать перед долгой зимой свою жизнь.

Лишь человек, обуреваемый необъяснимыми думами и чувствами, зачарованно вступает под лесной полог, отрешённо бродит по укромным тропинкам и никак не может разобрать, для чего он это делает.

X X X

Только заслышишь ворона по сильным взмахам крыльев, оглянешься, а его как будто и не бывало…

X X X

Любовь к людям, как ни странно, приходит через любовь к травам, цветам и насекомым.

X X X

Лениво, будто спросонья, летают вороны над лесом, не то, что в деревне, где за ними невозможно уследить: только поспевай!

X X X

В укромном рождении мглистого и неустроенного октября, что ни колеса, ни полоза не любит, мне всегда чудится радостная пора моего далёкого и глубоко затаенного детства.

X X X

Тетерев-косач – это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворённости. Взорвавшись в осиновом молодняке и порядком напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда… Усевшись же для кормёжки на заснеженную берёзу, тетерев становится похож на чёрную грушу и вызывает в душе неожиданное успокоение.

X X X

Только весенним светлым утром до тебя, наконец-то, доходит, как противоестественно держать наготове заряженное ружьё…

X X X

Когда цапля только расправляет широкие крылья и поднимается в воздух, полёт её представляется торжественным, но затем почему-то быстро приедается и теряет свою красоту.

X X X

В лесу быстро понимаешь, что всем хорошо никогда не будет, а только тому, кто душевных сил не жалеет, о других думает и Бога не забывает, а главное – не устаёт удивляться этому неизведанному миру, который постигает всегда с волнением и радостью.

X X X

В ворону можно пальнуть из ружья просто так, без зазрения совести, в ворона – даже не подумаешь.

X X X

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытропить зайчика, спозаранку встаёшь и за полночь ложишься, словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и всё же не встретишь ни одного косого… Но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чём-то переговариваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

X X X

Птица, взлетая, привлекает внимание человека, и оно затем перетекает в мысль, постепенно воплощаясь в живое проникновенное слово.

X X X

В сгущающихся осенних сумерках совы усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль дороги, и будто провожают тебя из леса, молча напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

X X X

В ноябре звёзды колючие и недосягаемые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышей, а в мае – доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

X X X

Когда наблюдаешь весенним ветреным днём за ястребом, кажется, будто воздух сам несёт птицу, но на деле ястреб умело отдаёт себя ему, сберегая всю свою силу.

X X X

Идя однажды рождественским вечером по упругой деревенской дорожке к колодцу, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы с летом, их восхитительную слитность, и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землёй.

X X X

Глухарь – единственная реликтовая птица, оставшаяся в наших лесах с доледникового периода, наверное, только за тем, чтобы поддерживать связь времён.

X X X

Люди часто приписывают животным и растениям человеческие свойства, и это называется антропоморфизмом, но истинная суть происходящего в природе заключена в том, чтобы обычные свойства животных стали применимы для большинства людей.

X X X

Услышишь русское - «колотьё», и сразу представляется смёрзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с похрустывающим ледком и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тугие. Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промёрзла до земли, и всё вокруг, вместе с полёгшей бурой травой, стылой землёй и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттает уже никогда.

Прокалён морозом и воздух, им трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щёки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб. Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но заморозок и не думает отступать, к рассвету ещё более цепенит, сковывая ледяным дыханием… А всего лишь одно слово – «колотьё».

X X X

Из всех птиц только поползень, попав в ловушку, не бьётся в ней изо всех сил, а спокойно ждёт, когда его выпустят.

X X X

На первый взгляд кажется, будто лягушки, сидя по весне в своём болоте и утробно урча, всех передразнивают, на самом же деле они распевают, как птицы.

X X X

Светло-радужная оболочка вокруг глаз у галки придаёт ей внимательную озабоченность, и в этой маленькой, не всегда замечаемой людьми чёрточке – вся суть птицы.

X X X

На кончике клюва, в невидимой розовой капле приносит рассвет маленькая птичка зарянка и, элегантно обронив её на грудь, во всеуслышание провозглашает!

X X X

Ни одно растение, зверь или птица никогда себя не обманут, и лишь человек в течение всей жизни предаёт свои самые сокровенные мечты.

X X X

После полудня сосульки сваливаются с крыш и бесшумно утопают в снегу, ещё какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным светом, отчего тоже захочется дарить кому-нибудь сбережённое в себе за зиму тепло.

X X X

Вытянутый вверх древесный нарост напомнил мне в сгущающихся сумерках сидящего на суку филина, который зажмурил оба глаза, нахохлился и замер в ожидании добычи, будто окаменел, волнуя воображение скрытой в себе цепкой жизнью, а когда я приблизился к ёлке, вдруг … ожил, взмахнул мохнатыми крыльями и растворился в чаще.

X X X

Когда трубят по весне журавли, всё валится у меня из рук, и тянет в лес, на скрытое от глаз глухое болото за рекой, что птицы облюбовали для своих

свадеб… Там я постепенно успокаиваюсь, жадно вслушиваюсь в их тревожащие душу голоса и чего-то жду.

X X X

Какое счастье – просто взять и отправиться в лес, затеряться в нём и, разведя костёр, остаться там один на один со всем мирозданием.

X X X

Когда скворцы покидают скворечники и перебираются ближе к лесу, в огороде становится так тихо, будто бы кончилось лето. А оно ещё только началось…

X X X

Солнце весною рыжее и взлохмаченное, похожее на влюблённое сердце…

X X X

Странно, но на снегу никогда не бывает чёрных теней, а только синие, голубые, лазоревые…

X X X

Скажут: «Неутомимый сеттер поднял стремительных куропаток…», и фраза тотчас пропадёт, даже толком не появившись, но вот кто-то знающий заметит: «Поратая борзая вытурила из чащобы толстоусого русака…» - и слова сразу заиграют, забегают, как этот русак, и живо представится осенний лес, притихшее жнивьё и жалобно вскрикивающий дятел-желна, которого вспугнул за соседним перелеском стронутый с лёжки косой.

X X X

Первый снег покроет землю лёгким кисейным покрывалом, первый лёд скуёт озёра и реки изысканным хрусталём, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес ещё более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

X X X

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без устали бобочут по всей округе до самого утра. В августе – волчью, с проникновенным и вдумчивым завыванием загадочных животных. А зимой упоительно угадывать тетеревиную,

что укутана пушистыми снегами, переливающимися под звёздами драгоценными каменьями!

X X X

Набедокуришь в лесу – захочешь всё поправить, но ничего нельзя в нём вернуть: если лес однажды застал тебя за тем, чего ты стыдишься и всё же допустил, то сколько бы ни совершал потом добрых дел – он уже никогда тебе этого не простит.

X X X

Всегда умиляет потребность волков, когда они следуют стаей, зачем-то обходить с обеих сторон попадающуюся им на пути преграду – куст, пень или небольшой взгорок, невозмутимо продолжая движение дальше.

X X X

От талого духа весной становится до тошноты разнежено и дурно, и только маленькие щиты бесчисленной солнечной рати – мать-и-мачехи, вмиг отражают всю твою сковывающую онемелость и, отрезвляя, наполняют бодростью.

X X X

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старый, кажется, позабывший себя лисовин хорошеет…

X X X

Нащупывая широкими крыльями малейшие потоки воздуха, и используя их для подъёма, чёрный коршун может часами парить над лесом, пока ему не повезёт с добычей.

X X X

Сколько счастья, по-видимому, переживают в своих маленьких сердцах только что прилетевшие с юга кулики-черныши… Стремительно срываясь с придорожных озерин, они поначалу только всхлипывают от переполняющих их чувств, не в силах выразить всей радости, и уж затем вытягиваются в полёте с восторженно стонущим свистом!

X X X

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с ещё большим достоинством восседает на голом суку, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

X X X

Махонького воробья, кажется, легко можно обидеть, но никогда не увидишь его расстроенным: ведь сердце у него, согласно известной пословице, с кошку!

X X X

Раскатисто засвистал в майской ночи её властелин – соловей, и в восхищении замерли земля, лес и даже ласково струящийся воздух.

X X X

Вроде бы, и размеренная, работа дятла отличается восхитительным остервенением!

X X X

Нет для человека более величественного зрелища, чем звёздное небо, особенно – морозной зимней ночью, когда находишься в каком-нибудь маленьком зимовье, посреди глухого леса… Однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

X X X

Летним вечером, на лугу, начнёшь подбираться к коростелю на его скрипучий голос – и он сразу смолкнет, а повернёшься спиной – снова заскрипит, словно несмазанные колёса у телеги, отчего подивишься чуткости этой скрытной птицы, что, по народному поверью, даже на юг отправляется только ночами, пешком, и в одиночку.

X X X

Однажды на охоте, в жаркий августовский полдень, вдруг так пересохло в горле, что я от души напился прямо из болота…

X X X

Нет, кажется, более заботливых родителей, чем чибисы, но, как ни странно, гнездятся они прямо в открытом поле, на перепаханной с осени земле. Далеко от

гнезда встречают чибисы проходящего мимо человека, храбро бросаются вниз, чуть ли не на голову, пронзительно кричат и долго провожают… Отчего же они себя так мучают?!

Наверное, их переполняет не испуг, а восторженность от своей опьяняющей открытости, на которую решаются по весне эти чувствительные птицы.

X X X

Домашний гусь – само тщеславие, что важно вышагивает взад-вперёд и никак не может сообразить, куда себя деть. Но надо слышать, как вскрикивает в дальнем перелёте, по весне, белощёкая казарка: в одном своём возгласе она во всеуслышание провозглашает обо всём, что происходит вокруг!

X X X

Именно в том, как поэтично умолкает природа к осени, проявляется её доверительное отношение к человеку.

X X X

Хруст глухариных крыльев повергает своей мощью, неожиданной даже для лесной чащи, и ещё сильнее хочется разгадать тайну птицы, которую она принесла с собой из неведомой древности.

X X X

Из надломленных веток старых берёз сок по весне льётся дождём…

X X X

Серой вороне, похоже, никогда не надоедает её будничное карканье: ей, наверное, кажется, что всякий раз она каркает по-новому!

X X X

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колокольчик, оповещающий о себе волнами тонкого аромата…

Но вот на юге России в нём увидели ланье ушко, на севере – лесную лилию, на Волге – воронец или ландушку, в Калуге – заячью соль, а на Смоленщине – собачий язык!

X X X

Уже близится скорый осенний вечер, а дятел всё стучит и стучит на одном и том же месте…

X X X

В середине апреля гладишь нежную кору берёзы, и трепет её сердцебиения явственно отдаётся в твоей ладони.

X X X

Свет от луны в самом чёрном ночном лесу никогда не бывает жёлтым, а всегда таинственно бледным, даже белёсым, и лишь изредка – мёртвенно-серебристым.

X X X

Когда подступает весной такое время, что снег начинает таять даже ночью, к нам прилетают удивительные птицы – вальдшнепы, чьи глаза переполнены смородиновой нежностью и теплотой юга.

X X X

Если взять осиновый лист и посмотреть сквозь него на солнце, то рисунок жилок совпадёт с рисунком кроны дерева, живо повторяя разбег даже самых мельчайших веточек.

X X X

Крупная, под цвет осенней листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил её только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо и полетела с нескрываемым достоинством, будто даже не выказывая своего недовольства тем, что я её побеспокоил.

X X X

Беспредельная мощь океана ощущается не только в прилив, но и в пору отлива… Несказанная сила ветра проявляется даже в его отсутствие, когда ничто не предвещает этого непередаваемого порыва стихии, но предчувствие великой несгибаемости в природе всё же присутствует, и её несёт в себе зарождающийся в отрогах Вселенной ветер.

X X X

Своим оперением чечётки очень схожи с воробьями, но последние не виснут вниз головой на тоненьких веточках, а сидят на них бок о бок дружною оравой.

X X X

В ноябре тяжёлый тёмно-красный закат обещает на утро лёгкий серебристый заморозок.

X X X

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, зарянок, коньков и пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

X X X

В отличие от человека, души животных и растений не обременены собой и принимают любую окружающую их среду беспрекословно, мудро сливаясь с ней, а не пытаясь её подчинить.

X X X

Вспугнутые птицы, особенно певчие, никогда не уходят свечой в небо, а чаще всего слетают к земле.

X X X

В дремучем лесу даже шорох случается как бы украдкой, тотчас замирая, будто боясь нарушить его дикую тишину.

X X X

Приходилось ли вам стоять возле поющего глухаря, перед самым рассветом, когда уже не видно ни одной звезды, но оранжевая луна ещё повелевает на небе? Нет?! Тогда зачем вы живёте?!

X X X

Горячий июльский ветер, прорываясь сквозь зелёную чащу, остывает.

X X X

Утренняя заря словно омывает душу своей первозданной чистотой, переполняя её несказанным восторгом, а первая, вспугнутая тобой птица - в считанные мгновения её успокаивает.

X X X

Если весенний вечер ясный и холодный, то вальдшнеп торопливо машет крыльями и старается быстрее пролететь над поляной, догоняя самку… Но когда погода погожая, пусть даже пасмурно, то он летит медленно и важно, будто норовя задержаться в воздухе как можно дольше, насладиться его теплотой и светом, и, конечно, не боится ничего, открываясь в своей любви.

X X X

Берёза – одно из самых красивых деревьев в нашем лесу: на утренней заре она выглядит розовой, к середине дня становится ослепительно белой, вечером – голубеет, а когда ночью волшебный луч луны нежится на её стволе, кажется, что она светится изнутри серебром!

X X X

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-чёрные тетерева, представишь их ночлег в морозном лесу, под снегом, и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

X X X

Привычка говорить с вещами появилась у меня благодаря лесу.

X X X

Среди множества птичьихублажающих слух голосов, встречаются и хриплые, унылые крики, но и они завораживают.

X X X

Домовито, с хозяйской смёткою и нескрываемым довольством сытно квохчут по осени упитанные дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево, а рябинки с черёмухой кажутся после них обнищавшими… Да что поделаешь: рябиновый и черёмуховый род по осени чужую суму полнят, так Господь повелел, но и то верно, что нищета живёт, а богатство гибнет.

X X X

Среди орнитологов принято думать, что в одиночку, помимо хищных птиц, к нам летят с юга только кукушки. И вот как представишь себе этот одинокий полёт ночью, когда птица абсолютно беззащитна и лишь чутьё подсказывает ей верную

дорогу, так сразу проникнешься ещё большим уважением к кукушкам, которым Бог и без того предопределил нелёгкую долю родителей, вынужденных отказываться от своих детей во имя здоровья природы.

X X X

Нет большего удовольствия весной, чем вглядываться в мартовские и апрельские дали.

X X X

Филин такой сказочно мохнатый, не похожий на других лесных птиц, даже – неправдоподобный своим огромным и каким-то старообразным силуэтом, что, кажется, дотронешься до него рукой – и он тотчас обернётся загадочным существом, напугает и унесёт твою душу.

X X X

Только весной, особенно в марте, так безудержно пахнет русским простором и свободой.

X X X

Маленькая рыжеватая пустельга то чуть ли не касается травы острым крылом, то, отброшенная ветром, исчезает в вышине, а остановившись в воздухе, пристально, но без надменности разглядывает тебя и, сжав своим когтистым взглядом, забирает с собой.

X X X

Золотистый зверобой и фиолетовые колокольчики, наконец, дождавшись своего часа, с нескрываемым удовольствием утверждают в течение всего лета одно из самых дивных цветовых сочетаний. Милые ромашки и застенчивые васильки вторят им добрым согласием…

X X X

Случается такое, что солнце поутру закатывается, а к вечеру – раскатывается, так и человек: пропустит в трудах праведных свою молодость, но уж зато под старость золотом разольётся!

X X X

Голос у вороны неблагозвучный, порой невероятно надоедливый и неприятный, но в нём отражено всё то, чего не видит, не слышит и не понимает никакая другая птица.

X X X

Пристально вглядываясь в Природу, всё более убеждаешься, что Творцу необходимо постоянно поддерживать её мудрость и красоту, и для этого он создаёт бесчисленные души, стремящиеся к совершенству. Тем самым Творец сохраняет абсолютное благо Природы и его бесконечность.

X X X

Весенние выкрики домового воробья, у ещё не достроенного гнезда, трудно назвать песней, но и они не на шутку будоражат сердце.

X X X

Удивительно подымает настроение журчащий в мартовских сугробах ручеёк, до которого всегда хочется добраться и с надеждой взглянуть на него.

X X X

Иногда в лесу можно обнаружить ежовые шкурки, начисто выеденные и вылизанные хищными птицами и зверями, но вот филин не оставляет ничего и глотает даже иголки!

X X X

Иду по лесу, а вокруг - птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

X X X

Глухарь только присаживается с шумом, ещё грозно гремит мощными крыльями, когда срывается с ветви, а летит неслышно, будто это вовсе и не глухарь.

X X X

Только кажется, что запев в весеннем лесу, под вечер, дрозд кого-то окликает, на самом деле, если прислушаться, он скороговоркой всем подсказывает: «Быть добру, быть добру, быть добру!»

X X X

Ещё стоит сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной голубизной.

X X X

Не замечаешь времени в лесу, где никто никуда не торопится.

X X X

Весной птице надо во что бы то ни стало лететь, а осенью – возвращаться.

X X X

Высота приглушает гортанный гогот пролётных гусей, но он, как ни странно, становится от этого проникновеннее и мягче.

X X X

Когда вокруг воцаряется непогода, я смотрю на неё глазами любви, и принимаю как часть прекрасного в природе: пусть на время и хмурого, но тоже необходимого для человека, чтобы он учился ценить солнце.

X X X

Попробуй-ка сдержать возглас восхищения, когда за рекой затрубили журавли, а по лесу разлились звонкой трелью песни дроздов, зябликов и овсянок!

X X X

Только упав навзничь в траву и раскинув руки, возносишься в бездонную июльскую синеву: ты стал величиной с небо, а небо – с тебя.

X X X

У распустившегося шиповника и запах пунцовый, а цвет – сахарный, даже приторно-сладкий.

X X X

С вечною оглядкой, как, впрочем, и везде в жизни, в лес лучше не входить: сыт в нём не будешь.

X X X

Всё я в жизни воспринимаю спокойно и с достоинством, так, как оно этого и заслуживает, особенно в лесу, но вот попадается под ногами птичье перо, самое обыкновенное – сороки, вороны или той же сойки, и вдруг весь встрепенёшься, подобно птице, но не взлетишь, а только отчего-то замкнёшься в себе и задумаешься…

X X X

Из-за пустой суеты и неразберихи, какую дрозды устраивают на полной ягод черёмухе или рябине, приходишь к твёрдому убеждению, что эти птицы ужасно глупы.

X X X

Невесомых комариков, с тонко звенящей музыкой вьющихся над землёй, следовало бы прозвать ещё изящнее – звонцами.

X X X

Желая проникнуть в суть вещей и явлений, в первую очередь, обратись к природе…

X X X

Уже в январе ворон начинает носить в клюве пёрышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле точно такую же работу по обустройству своих гнёзд завершают ласточка и коноплянка.

X X X

Всё занимательно в лесу, если душа открыта для восприятия самого простого.

X X X

С детства помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладошку, аромат опавших яблок в бабушкином саду, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда ни казались.

X X X

Величавому коршуну незачем махать крыльями во время длительных перелётов, поскольку воздушные вихри сами доносят его до нужного места.

X X X

В самый разгар лета иногда замечаешь, что лунный свет чуть подогревает воздух, но как только светлый диск заволакивают тучи, он в мгновение остывает.

X X X

Со вздохом облегчения съезжает с крыш лежалый снег, но происходит это неожиданно, отчего кажется, будто он всё ещё сердится и кому-то угрожает!

X X X

К осени, покидая родину, журавли с тоской возвещают о вынужденных дальних перелётах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль? Наверное, журавли горюют о времени, проведенном вдали от родины, но и то верно, что на родной земле Бог от всякой печали избавляет, хотя на ней и потужить не грех, ибо не бывает в жизни печали без радости, как не случается и радости без печали!

X X X

Бывало, в детстве спрячешься в кустах смородины, разросшейся у старого покосившегося забора, или в цветах под окнами дома, и чувствуешь себя счастливым.

X X X

Одинаковые с виду хохолки жаворонка, синицы, чибиса, рябчика и свиристеля очень точно выражают характер каждой птицы.

X X X

Каждый уголок в лесу – заветный, потому что полнится жизнью.

X X X

Волчьи законы – это не только строгая иерархия и жестокая дисциплина в стае, но и … нежность.

X X X

Многие недоумевают оттого, что кукушка очень похожа на ястреба-перепелятника, но, может быть, сам ястреб стремится быть менее заметным?! Впрочем, не случайно, наверное, кукушкин клёкот в момент перелёта напоминает ястребиный, и если природе зачем-то было так угодно, то всё у неё получилось очень убедительно.

X X X

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время, и уже зимой отправляешься в весенний путь: так он притягателен!

X X X

Плачущему крику совы или филина всегда придаёшь гораздо большее значение, нежели он того на самом деле стоит.

X X X

Звон апрельской капели ещё более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной размеренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвётся на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

X X X

Все хищные птицы очень не любят дроздов, которые дружно бросаются на защиту своих птенцов, и всегда получается так, что хищники отступают.

X X X

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времён года для того и существует, чтобы человек догадался о своём бессмертии и, не уставая, рос.

X X X

Глядя на то, как по фиолетовому сорочьему хвосту прокатывается дрожь нетерпения, поражаешься, сколько же и чего именно нужно успеть поведать этой сердобольной птице всему свету!

X X X

Я полюбил лето за его восхитительное раздолье и нескончаемость, которые с наслаждением переживаешь в его роскошных недрах, несмотря на сенокос, бесконечную прополку и полив.

X X X

Птицы – одно из самых необыкновенных достояний земли, однако они странным образом отсутствуют в жизни человека, как будто летая где-то на краю нашего неокрепшего, полудетского сознания.

X X X

Всё бесприютней становятся редкие просветы над лесом, всё ниже склоняются под осенними дождями метёлки бурьяна вдоль раскисших дорог, но всё так же, с неизменной жадностью, хочется жить, любить и работать.

X X X

Обычно в деревьях отмечают устремлённость к небу, удивительную красоту и мощь стволов, рождающихся из окружающего воздуха, даже невидимую работу благородных корней, но почему-то никто не замечает их главного достоинства – молчаливости, исключая безмолвный шум умиротворённых дубрав… Лес говорит своим тихим молчанием.

X X X

В самом своём начале зима бросается заметать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда всё уже давно предрешено, покойно, хотя и недосказано.

X X X

Вспугнутая на берлоге медведица спросонья может оставить медвежат, но через какое-то время нередко возвращается, и если медвежата погибли – хоронит их прямо в снегу, бывали такие случаи, а порой даже может усыновить чужих, оставшихся сиротами.

X X X

Невозможно представить, что ястреб или коршун, которые всегда держатся в одиночку и встречаются намного реже, чем другие птицы, к осеннему перелёту тоже сбиваются в стаи… Ястреб в ястреба не приходится, и даже среди родственных себе птиц держится один, потому, что сам себе господин.

X X X

Невозможно пропасть в дремучем лесу, если ты знаком с ним, хотя бы, по русским сказкам.

X X X

Только однажды в своей жизни обнаружил я орлиное гнездо, которое располагалось на высокой чёрной скале, у самого моря, среди старых лиственниц, а под ним, у самого уреза воды, лежал сорвавшийся с высоты медвежонок, что повадился в голодную сахалинскую весну за яйцами хищной птицы…

X X X

Часто, находясь в городе, я закрываю глаза и вижу перед собой какое-нибудь знакомое место в лесу, с которым было связано нечто незабываемое. То, что окружало меня тогда, в малейших деталях присутствует в душе и по сей день: такое привычное и уже не раз виденное, оно, между тем, удивительным образом помогает жить. А поскольку ты – одновременно всюду, ощущение это можно поддерживать в себе сколько угодно, и при этом совсем необязательно быть в лесу.

X X X

Бывает, и соловей, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и некому в эту восторженную пору его поправить.

X X X

Всегда чуть грустно в вечернем лесу, но даже если у тебя всё плохо, то в лесу грустно по-хорошему.

X X X

Весной белка так возбуждена и стремительна, что кажется двумя зверьками, что затеяли игру в переплетении еловых ветвей.

X X X

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошёл, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперёд, к нескончаемым открытиям.

X X X

Старые сосны не скрипят и не покряхтывают, а провозглашают увиденное, что за давностью лет стало для них величественным.

X X X

Даже после длительного, изнуряющего пути, прежде чем присесть, птицы подолгу кружат над долиной, то и дело переговариваясь, пристально осматривают её, и только потом осторожно опускаются на отдых.

X X X

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает даже последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяясь…

X X X

Можно так слиться в лесу с любой обстановкой, что зверь спокойно минует тебя в двух шагах и никак не отреагирует на твоё присутствие, если только ты стоял … не шелохнувшись.

X X X

Назвать лису «рыжей», значит, отнестись к ней неуважительно, потому как на самом деле зверь этот «огненный» или, на худой конец, «красный».

X X X

Ночное январское небо – словно добротная крыша, склёпанная морозом, а звёздочки в ней – яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные каким-то неведомым художником в недостижимой небесной мастерской.

X X X

Идите в начале лета на лесную полянку, садитесь и смотрите: в обрамлении золотистого солнечного света вы увидите волшебные травы и цветы, о существовании которых даже не подозревали, живя совсем рядом. Быть может, однажды вам посчастливится встретить свой цветок…

X X X

Самка ястреба-перепелятника сидит на гнезде, повернувшись к солнцу, и по мере того, как оно совершает свой путь по небу, изменяет своё положение, защищая птенцов от его палящих лучей.

X X X

С завершением осени воздух становится неприкаянным, серым, но это не вызывает неприятных ощущений, а наоборот, постепенно рассеивает их и незаметно умиротворяет.

X X X

Находясь в лесу, можно всю ночь вслушиваться в завывания ветра, но если под утро тебе нечего о нём рассказать, ветер тебе – не брат!

X X X

Очень нелегко весной целиком переселить её в своё сердце, взять себя в руки и спокойно написать о ней так, как она этого заслуживает.

X X X

Природа всегда права, потому,что знает всё, и надо верить ей больше, чем самому себе.

X X X

Нигде не чувствуешь себя так легко, уютно и покойно, неважно – днём или ночью, как в лесу… Иногда даже кажется, что ты здесь когда-то родился.

X X X

Там, где по весенней дороге прошествовал медведь, оставив отчётливые мякиши своих косолапых следов, в воздухе ещё долго держится его утробный запах, хотя зверь уже далеко.

X X X

В конце октября, перед первой порошей, земля, небо и воздух от перенасыщения влагой становятся чёрными, как уголь, но подступающая зима ненавязчиво штрихует их белыми косыми линиями, создавая свои первые неподражаемые гравюры.

X X X

Сентябрьскими сумерками, под вечер, сова нетерпеливо перелетает с дерева на дерево, что-то неразборчивое постанывает себе под нос, и почему-то нагоняет неизъяснимую осеннюю грусть, которая по-своему прелестна.

X X X

После того, как лето миновало свою макушку, дни зарождаются как-то безмолвно, вяло, и долгое время непонятно: каким оно ещё будет?

X X X

Мудрость человека заключается в том, чтобы не выделять в жизни самое красивое или любимое, а принять всё как есть, целиком, вплоть до самой невыразительной мелочи, и уже никогда не предпочитать ей нечто более достойное и живое.

X X X

Выпь зачем-то целыми часами неподвижно простаивает в камышах, отрешённо наблюдая за протекающей вокруг жизнью…

X X X

Все цветы, кажется, внушают нам одно и тоже состояние – наслаждение, но вот приглядишься и постепенно откроешь, что каждое растение сообщает какое-нибудь своё чувство: ромашка – надежду, василёк – непокорность, колокольчик – негу, а фиалка – тихое волшебство!

X X X

Белые поля в декабре лежат мёртво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним – никак не насмотришься!

X X X

В лесу желательно быть одному, чтобы переживать всё в полную силу.

X X X

Ловит луговая стрекоза своё отражение в водах реки, а в глазах её – всё июльское небо!

X X X

Глядя на нашего обыкновенного пёстрого дятла, вдруг с удовольствием отметишь, какая это необыкновенно здоровая и сильная птица.

X X X

Сумеречно, мокро, грязь, но как волнующе бередит душу тёплый апрельский дождь!

X X X

Вороны любят человеческое общество, их тянет к нам, но в тоже время они сторонятся людей… Так и живут на границе между дозволенным и недоступным. Может быть, именно в этом завидном балансировании и проявляется ум дотошливых птиц?!

X X X

Если посмотреть с высоты птичьего полёта на лес, то в какой-то момент можно, наверное, увидеть, как внизу идёт человек, а с другой стороны, в его направлении, движется лось… Оба, и зверь и человек, не подозревают о скором столкновении, но встреча по какой-то причине неизбежна, и никогда не бывает случайной.

X X X

О чём бы происходящем в лесу человек не писал, он всегда пишет о себе.

X X X

Свои белёсые космы зима отпускает в самый зверский мороз, когда даже не греют костры, а визг шагов разрывает всё слуховое пространство!

X X X

Оттого, что полынь торчит по пустынным полям, в ней видят только печаль и горечь, не замечая её жаркой воли, пахнущей терпким, безудержным ветром.

X X X

Услышишь, как кричат весной молодые птицы, и сразу что-то встрепенётся в душе, потом взовьётся, а ты и не заметишь, как вмиг стал чуточку мудрее …

X X X

По окончании глухариного тока, когда птицы покидают токовище, я ещё какое-то время остаюсь там, тихо созерцаю всё, что окружало меня до самого

утра, и, успокоившись, неторопливо отправляюсь привычной лесной дорогой домой, потому как после встречи с древностью ждать чего-либо лучшего нечего.

X X X

Даже когда отставшие от матери милые медвежата смешно заваливаются на кругленькие зады и трепетно нюхают воздух чёрными носами, лесной бог остаётся для них строг и неприступен.

X X X

Оживлённее всего мелкие певчие птицы подают свои голоса, как ни странно, на деревенских кладбищах.

X X X

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется невероятной силой… Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви – осенний гон.

X X X

Нет в природе ничего более трепетного и чистого, чем голоса птиц, что просыпаются первыми.

X X X

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тычется в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

X X X

И без того всегда заметная, бровь тетерева к весне наливается какой-то яростной краской!

X X X

Лиловые колокольчики задорно толпятся, еле сдерживая себя, перешёптываются меж собой, кажется, вот-вот зазвенят, глазастые же ромашки с нескрываемым любопытством привстают на цыпочки и изо всех сил тянутся

вверх, будто желая что-то там рассмотреть… Глядя на эти цветы, хочется выйти к ним на луг, засмеяться от переполняющей радости и запеть весёлую песню!

X X X

Засохшая смола, стекающая по шероховатому стволу необъятной ели, устремившейся в высь, в первое мгновение воспринимается как мёд…

X X X

Странно, что только созвучие имён соединяет двух родственных и, казалось бы, близких друг другу птиц – ворону и ворона, в остальном – взаимная неприязнь.

X X X

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступают первые пряди осени, и случается это всегда с липой.

X X X

В трудное для всех птиц зимнее время ворона тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка – обрывочек блестящей фольги.

X X X

Облака, как муравьи, спешат куда-то по небу, и несть им числа, а ты всё глядишь на них и не можешь наглядеться.

X X X

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли… Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

X X X

В природе значимы самые обыкновенные мелочи, которые составляют окружающую нас замечательную целостность, но от прикосновения внимательного человека они становятся сказочными.

X X X

Часто в лесу, особенно по опушкам, находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их былые гнёзда, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

X X X

Мыши, бывает, забираются в берлогу к спящему медведю, и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнёзд, а он ничего не чует.

X X X

В безоблачную, пронизанную звёздным светом ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся чудесных откровений.

X X X

Лесные первоцветы отцветают всегда нехотя, будто вымаливая у природы позволения задержаться ещё на денёк-другой…

X X X

Если на тетеревином току остаётся один самец и ему некого побеждать, он начинает без устали трепать приглянувшуюся ему маленькую кочку.

X X X

Никогда почему-то не приходит в лесу мысль накормить остатками своей пищи птиц или зверей, а оставляешь её какому-то неведомому лесному существу, которое невидимо, но ты его всегда ощущаешь.

X X X

Когда научишься всё в жизни принимать так, как оно приходит, тогда и в лесу сразу многое откроется.

X X X

За каждым грызуном –мышью, зайцем, барундуком или белкой неотступно следует рысь, лиса, куница или ласка.

X X X

Белоснежный… Молочно-кисейный… Жемчуговый… Сливочно-перламутровый… При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете

в природе, всегда представляется нечто чистое, тёплое и родное, как молоко матери, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

X X X

Осенью леса оголяются, и ты начинаешь, наконец, замечать лиственницы, берёзы и осины с липами, которые ещё до конца не облетели, но стали уже отличимы друг от друга: в каждом из деревьев обнаружилась тщательно скрываемая в течение всего лета таинственная душа.

X X X

Самка вальдшнепа ещё с раннего утра начинает готовить гнездо, устраивает его целый день очень тщательно, а под вечер, когда запоют дрозды и над лесом спустятся прохладные сумерки, она прикрывает его травой и спешит к самцам на тягу.

X X X

Именно осенью, когда по-особому обостряется щемящая сердце грусть, становятся более чуткими зрение и слух.

X X X

Недавно понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в этом своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступиться, даже угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса.

X X X

В конце лета, когда многие птицы готовятся к отлёту, а иные уже улетели, притихшие сады неожиданно оживляют дрозды: они шумят по-весеннему рассыпчато, весело и дружно.

X X X

Трубные журавлиные крики по весне удивительно прозрачны и, как ничто, утверждают ясность бытия.

X X X

В незнакомом лесу вслушиваешься и вглядываешься больше обычного, а потому и замечаешь то, чего никогда бы не подметил там, где, кажется, всё тебе известно.

X X X

Сладко пахнет весной в голодном апрельском лесу!

X X X

Лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него.

X X X

Прежде, чем завести у себя в доме какого-либо зверя, взятого из леса, человек должен принять во внимание искреннюю привязанность, которую зверь ему подарит.

X X X

Когда подбегаешь к глухарю под песню, тебя охватывает какое-то глухое ко всему безразличие, кроме самой птицы, которая, с таким же безразличием к происходящему вокруг, страстно вздрагивает раздувшейся шеей, самозабвенно скиркает, точит, и, наверное, тоже ничего не замечет…

А малиновый диск солнца взбирается всё выше и выше, равнодушно взирая на пробуждающийся лес, возбуждённую птицу и позабывшего себя человека.

X X X

Никогда не бывало, чтобы в лесу не пробудилось переживание свободы.

X X X

Кабан остерегает оглушительным визгом: «Отпр-р-рянь!». Волк, застыв, сдержанно и чуть слышно рокочет изнутри: «Раз-зор-р-ву-у!». Мишка-медведь, тяжело вздохнув, вдруг рассерженно хряпнет: «Ка-а-ю-юк!». Рысь лишь зевнёт утробно: «Ням-м-м!». Всяк по-своему, но как одинаково убедительно и до жути просто произносит каждый зверь самое сокровенное!

X X X

Первые цветы – вовсе не храбрые, а просто уверенные в себе, когда показывают свои нежные головки в ещё суровую пору.

X X X

Многие лесные птицы открыто выращивают своих птенцов по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника, который их не обижает, и они живут спокойно.

X X X

Бывает, в конце октября, вместо дождя, изредка начинают падать первые снежинки, которые моментально тают на мокрой земле, и от этого первого снежка дышится ещё более глубоко и пронзительно, а разгорячённое после ходьбы тело так приятно охватывает лёгким ознобом, что ты понимаешь: даже в глубокую осень ничего не умирает.

X X X

Прилипшее к тростинке крылышко стрекозы, кажется, неслышно допевает мелодию уходящей летней поры…

X X X

Только утреннее солнце высвечивает истинный уют жилья.

X X X

Март – это время ослепительно солнечных и ласковых холодов.

X X X

Возвращаясь розовеющим утром с глухариного тока и переживая происходящие вокруг лесные события, я вдруг с неизъяснимой горечью уясняю для себя, что огромный мир природы, особенно весной, протекает мимо внимания людей, и остаётся для них совершенно незамеченным.

X X X

Одинокий ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землёй и выцветшим небом.

X X X

Особое удовольствие в лесу доставляет реальность всего, что происходит совсем неподалёку от человеческого жилья.

X X X

Так часто, в мельчайших подробностях, рисовал я в воображении поездку на санях ночью, по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с ещё большим удовольствием.

X X X

Когда лес простится с пролетающими вальдшнепами, разноцветными листьями, последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, истекающий от тёмной воды, замершей в дорожных колеях.

X X X

Каким бы отрешённым от человека ни казался ветер, он никогда не бывает для него чужим.

X X X

Только весеннему солнышку под силу раскрыть обыкновенные сосновые шишки, которые не поддаются даже дятлу.

X X X

Конечно, не слышишь шелест распускающихся цветов, и даже не всегда чувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к природе и ещё более тонко её понимать!

X X X

Как корневища, протягивает лиственница свои ветви в разные стороны, впитывая в себя живительный лесной воздух, будто норовит выпить его весь, без остатка, и всё растёт и растёт.

X X X

Всё реже можно застать по весне гусиные караваны, и если уж застал, услышал в высоком поднебесье пролётную песню этих птиц, то знай, что не случайно.

X X X

Бери с собой в поход на глухариный ток как можно больше: ножовку, топор, запасные тёплые штаны и свитер, носки, рукавицы… Не забудь фонарь с биноклем, парафиновые свечи, аптечку и ещё поролоновый матрас, лыжи, валенки с галошами, хотя повсюду ручьи и сам в болотных сапогах, нож с бечевою. Задумаешь взять и не возьмёшь – такое в лесу оборачивается зачастую трагедией, в лучшем случае - испорченным настроением, но если взял, вытерпел, донёс, хоть оно и не пригодилось, всё у тебя будет хорошо и ничего худого не случится.

X X X

Идя по лесу, я всегда жалею время и никогда не присаживаюсь на отдых, ну, если только на минутку, и всё бегу, дышу, сливаюсь с чем-то, что само с радостью входит в меня, а я жадно впитываю его, недолго переживаю в себе и опять бегу.

X X X

Барсуки живут по краям глубоких логов и оврагов, в самых потаённых, скрытых от глаз человека местах, но совсем не сумрачны при этом, как принято о них думать.

X X X

В первое снежное утро хорошеют облетевшие кусты и деревья, крикливое вороньё и даже раздосадованный чем-либо человек.

X X X

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовёшь его молодцеватым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная: тихий, немножко печальный, да пригожий.

X X X

В иной год весна выдаётся такая весёлая, что уже с середины марта по дорогам ездят на колёсах, хотя на полях и в лесах ещё высятся сугробы.

X X X

Земля равномерно вращается вокруг Солнца, и оно так же неизменно, изо дня в день, то появляется, то исчезает, но рассветные лучи воспринимаются восторженно, живо, а закатные – безмолвно и спокойно.

X X X

Конец августа… Ещё перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки – очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лёта в лужи, то кажется, что лето ещё и не кончалось, а осень никогда не наступит.

X X X

Наиболее крепок и глух сон именно в осеннюю ночь, которая не напряжена таким мучительным ожиданием, как зимой, весной или летом, а преисполнена, наконец-то, достигнутой в природе отрешённостью, когда можно преспокойно забыться, уже не обдумывая никаких важных перемен.

X X X

Когда поющий жаворонок взмывает всё выше и выше, то бескрайняя синева молчаливого неба становится кричащей!

X X X

Меня нисколько не удивляет, что у грибов есть любимые места, на которых они родятся непременно каждый год, в большем или меньшем изобилии.

X X X

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцвечивают его зажигающимися звёздами, ослепительной луной и таинственными снегами.

X X X

Долгая декабрьская вьюга – это радость, счастье и светлая надежда на такую же затяжную и замечательную зиму, которую, наконец-то, можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы на будущую.

X X X

Бог сотворил весь мир, и всё в нём бесценно, но сложно не поклоняться огню, растениям и птицам.

X X X

Весенний ток у птиц обычно проявляется в неистовых криках, ритуальных танцах, особом полёте, чаще – пении, но иногда птицы неожиданно … пародируют друг друга, долгое время никак этого в своём поведении не проявляя.

X X X

Человек смотрит в глаза волка и читает по ним свою неприкаянную судьбу… В глазах же зверя – лишь холодное безразличие.

X X X

Глядя на звёздное небо в ночном лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более – быть застигнутым врасплох.

X X X

У неба не может быть ни низа, ни верха, и это прекрасно понимаешь и чувствуешь в апреле, когда не утопаешь и не возносишься, а летишь.

X X X

Сколь ни ходки волк и лиса, а ступают очень осторожно, то и дело озираясь, каждый шаг выгадывая, заяц же кладёт свой след напропалую, уверенно его печатая.

X X X

«Железные» желудки вороны и голубя перетрут все ягоды в порошок, зубы растительноядных зверей раздавят мякоть плода и раздробят семена, и только благодаря насекомоядным маленьким птичкам, чьи нежные желудочки пропускают ягоды с неповреждёнными косточками, и всходят молодые ростки черёмухи, рябины или вишни за километры от родительского дерева.

X X X

Весенний лес учит бороться и побеждать не только ударом лапы, клювом или когтями, но и песней.

X X X

И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном пересвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, берёзки натужно пощёлкивают, и солнце раздавленной клюквой

медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, ещё прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахнуло весной, а не первозимьем.

X X X

Приятно сидеть в майский солнечный день на краю какой-нибудь укромной полянки и наблюдать, как изредка подбегают друг к другу озабоченные зайцы, и о чём-то совещаются.

X X X

Трудно поверить, что голубое соцветие известного всем цикория, который знаменует своим цветением середину лета и цветёт потом до первых заморозков, живёт около четырёх часов, с раннего утра впитывая синеву неба и постепенно бледнея к пасмурному полудню. И так, незаметно для человеческих глаз, каждый день появляются всё новые цветы, сначала вбирая краски, а затем отдавая их, что создаёт ощущение бесконечного летнего праздника.

X X X

Осень, как никакое другое время года описывалась русскими писателями, которые глубоко и тонко чувствовали её, понимали и так проникновенно передали всю прелесть этой увядающей красоты, что лучше, кажется, уже не скажешь, а она всё равно остаётся неисчерпаемой.

X X X

Весной все птенцы представляются желтопузыми.

X X X

Чёрная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как мартовские сумерки переливаются в трогательную весеннюю темноту.

X X X

Моё счастье заключается в моём знании, в том, что я ценю своё время и всегда использую так, будто у меня его совсем не осталось. Этим я раздвигаю границы возможного, когда другой не в силах их преодолеть, и обретаю полную свободу в достижении более насыщенной жизни, не отделимой от природы.

X X X

Схожая в добывании корма и повадках с лисой, енотовидная собака, в тоже время, совершенно лишена какой-либо охотничьей сноровки, отыскивая добычу словно нехотя, как придётся, будто позабыла про себя что-то очень важное в лесу и не в силах вспомнить, отчего отрешённо рыскает, путается, и куда-то на время пропадает…

X X X

Обычно скрытный в лесу зелёный дятел, или, как его ещё называют, седой, бывает, к тому же, и очень редок. Но вот однажды, уезжая из деревни в город, я стоял в ожидании электрички на переполненном перроне и заворожено наблюдал вместе со всеми, как этот самый зелёный дятел, усевшись прямо на угол станционного здания, преспокойно настукивал его, ни на кого не обращая внимания.

X X X

Расплавленным золотом река начинает течь только под осень…

X X X

С необыкновенно радостным ощущением жду я всегда приближения ослепительного, волшебного марта, что, наконец-то, ко всеобщему удовлетворению приходит, но, как ни странно, мешает видеть, слышать и впитывать всю окружающую красоту… Так он хорош!

X X X

Приблизив лицо к одиноко висящей на ветке капле, вдруг увидишь в ней весь просыпающийся весенний мир…

X X X

Оттаявшие по весне пихты начинают источать голубое свечение и изумрудно-фиолетовый аромат.

X X X

Белый холст заснеженного поля, чёрные ивняки у занесённой реки, рыжеватые копны сена… Всё, вроде бы, пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

X X X

Тень от высоко плывущих облаков ползёт по лесу, медленно перемещается с поля на бугор, и в душе отчего-то пробуждается удивительная покорность.

X X X

Весной крапива спешит на выручку человеку.

X X X

Иной раз кто-то другой в тебе, не ты, вдруг ни с того ни с сего схватится в лесу за ружьё, да и подстрелит какого-нибудь вовсе ненужного зверька, и на душе станет невыносимо, что лишил его жизни.

X X X

Всю жизнь хожу по одному и тому же лесу, но каждый раз нахожу в нём что-то новое. И так, благодаря только одному лесу, постепенно умнею и становлюсь богаче.

X X X

От кончика хвоста и до носа лиса есть тончайшее воплощение непревзойдённой жизнестойкости.

X X X

То, что глухарь способен токовать каждый день, из года в год на одном и том же дереве, а порой даже на гарях, где до пожара располагался ток и после сплошного пала сохранились лишь обугленные пеньки, говорит о его седой древности, благодаря которой привычки глухаря остаются неизменными.

X X X

Из белых снежных вихрей возникает мрак зимы.

X X X

Малиновый жар лета слаще всего ударяет в голову в душных логах и заросших оврагах, куда нетерпеливо спускаешься за ягодой, жадно вдыхаешь её аромат, отправляя в рот целыми горстями, и подниматься уже не хочется.

X X X

В конце октября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышь, то сразу встряхнёт осеннюю тишину!

X X X

Чувствуя поздней осенью близкое угасание всего живого – ощущаешь её как завораживающую тишину, и в этом умиротворённом смирении природы открываешь для себя не замечаемую ранее удовлетворённость.

X X X

Человек, находящийся в тайге, не видит широкого простора, и всё время оказывается в особом лесном мирке, ограниченном деревьями. Вокруг себя он замечает только бесконечные стволы, переплетение ветвей и длинные узловатые корни у самой поверхности почвы. Эти корни, как жилы, повсюду выступают по выбоинам троп, человек то и дело спотыкается о них, нередко падает и, только очутившись на земле, обращает внимание на то, что было скрыто от него и никогда бы не заинтересовало, не оступись он о корневой выступ.

X X X

Холодное зимнее небо так отрешённо, что ворон, кажется, застывает на лету.

X X X

Осеннее «чек-чекевряк, трю-рю-рю-рю-рю» у рябчика – это знак довольства размеренной лесной жизнью, милая птичья доброжелательность и улыбка: так петушок, несмотря на «вечер» года, предлагает самочке свою любовь.

X X X

Только благодаря лесу, его насыщенной внутренней жизни, я научился постижению сути вещей, которое, как оказалось, вовсе не зависит от уровня образованности.

X X X

Многие месяцы отличает ясное голубое небо: и безбрежный июнь, и умиротворённый август, и молодой проникновенный апрель, но только в марте его голубизна распахнута настежь!

X X X

На огромной мохнатой спине убитого медведя ветерок треплет шерсть, на живом звере – лишь шевелит.

X X X

В яркие мартовские утренники ёлки уже не прячут глаза, как это у них по обыкновению заведено, а будто жмурятся от удовольствия.

X X X

Вступая ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нём безжизненно, но не пусто.

X X X

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний – льётся нескончаемым потоком…

X X X

В лесу я занят только лесом, а не собой, и хотя лес обостряет чувства, они впитывают лишь его звуки, запахи и мысли.

X X X

Любая задавленная тобою пичуга когда-нибудь с тебя взыщется, и никакими благими делами уже не смоешь с себя её кровь.

X X X

Завершаешь лесную книгу только тогда, когда в душе наступает полное успокоение, как если бы ты вышел из большого таинственного леса после нелёгкой дороги, и в неизъяснимом удовлетворении присел отдохнуть на пенёк.

X X X

Вешки покраям занесённой снегом дороги по реке, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают её, более заметны и почему-то успокаивают.

X X X

В лесу я нахожу самого себя, и даже тревога, изредка проистекающая из его самой дремучей глубины, воспринимается радостно.

X X X

Ёж ест всё и всех, с кем может совладать, и в поисках пищи часто натыкается на змею, которая хватает его за кончик носа, и тогда ёж орёт, но добычу не отпускает.

X X X

В масленичную разомлелую пору мысли почему-то не маслянисты, а необыкновенно ясны.

X X X

Деревья в ночном лесу еле слышно шумят, будто нашёптывая друг другу: «Нам ни чуть здесь не страшно», и от этого, на самом деле, всякая жуть пропадает, и становится так, будто бы век бродил по чернеющей чаще, и ничего в ней не боялся.

X X X

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, которые возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

X X X

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сеющийся снег, всё-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то обратно, в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеривается, как бы получше ему это сделать, наконец укладывается и безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

X X X

Кажется, никогда, как в тот год, не ждал я весны с таким нетерпением, и отправился в лес прямо в апрельскую оттепель… То и дело проваливаясь в сыром снегу, всё-таки добрался до дальнего тока, но, в конце концов, сломал лыжу в десяти километрах от деревни, возвращался домой до глубокой ночи, вконец

умаявшись, и всю обратную дорогу не покидало приподнятое настроение, а на душе было непередаваемо весело.

X X X

Идёшь за грибами и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неутомимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец, попадается такая старая красавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет…

«Вот те на!» - восклицаешь, в сердцах, после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб. А находишь его нежданно возле какой-нибудь неказистой высохшей ёлочки, что незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

X X X

Всё в ночном лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчёмным, будто оно однажды умерло, но вот вдруг воскресло и не в силах постичь: во имя чего?!

X X X

Первый ноябрьский снежок не смущает легкокрылых комариков, они преспокойно перелетают, толкутся в воздухе, будто совсем не замечая его, и даже временами касаются тоненькими ножками стылой снежной поверхности.

X X X

Когда долго идёшь по берёзовому или осиновому лесу, даже по сосновому, все деревья, в своём надоевшем однообразии, постепенно становятся не важными для тебя, они попросту сливаются в ничего не выражающую древесную массу, и это плохо. Нужно научиться воспринимать растение в лесу так, чтобы видеть и чувствовать его в отдельности, а вот это, оказывается, ничуть неутомительно и вполне достижимо, если распознал, как и дерево, своё место на земле, которое отстаиваешь, несмотря ни на что.

X X X

В лесу по-детски радуешься переживаемой в нём свободе.

X X X

И у зайца за мелкими зубчиками-резцами имеется свой клык.

X X X

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согревать руки дыханием, а засунешь их куда-нибудь за пазуху, под мышки, либо в глубокие карманы, весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но всё-таки не прячешь их.

X X X

Идёшь по лесу, где уже не однажды бывал, а в нём по-прежнему стоит особенная тишина, которая неизменно хранит дремучие тайны.

X X X

Первый снег, говорят, всегда на сонных нападает, потому, что залегает вокруг тысячами притаившихся зайцев, чья белизна так проникновенна, что совершенно обезоруживает и усыпляет.

X X X

Когда ты не живёшь в согласии с собой, а значит – и со Вселенной, тебе никогда не достичь понимания природы Бытия. И наоборот, пребывая в согласии с Существованием, и, соответственно, со своей внутренней природой, ты переживаешь гармонию, наполняясь цветением, желанием делиться собственной радостью, обретённой в постижении и себя, и окружающего мира.

Наполните своё внутреннее существо состоянием благости, не позволяйте себе оставаться пустым: ведь Вселенная полна чудес, почему бы и вам не заполнить свою жизнь ими?! По пустому месту хоть обухом бей!

X X X

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто замечательные мысли о нашей русской природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

В первобытной животной силе нашего леса, которая может быть страшна, есть своя красота.

X X X

Зацветают по лесам липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты этого даже не замечаешь.

X X X

Само стремление человека к природе – это, быть может, неосознанное желание опять иметь то хорошее, что он однажды утерял.

X X X

Красив и по-хорошему печален наш русский лес, как бы враждебно не относился к нему человек.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что в полной мере и, наверное, более заслуженно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все наши чудесные времена года.

X X X

Из всех деревьев нашего леса только сосны умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Любая лесная птица, если к ней приглядеться, сказочна, и так и просится на картинку.

X X X

Снег в морозные зимние ночи словно прислушивается к звёздам, и впитывает их свет.

X X X

Нашему лесу, если он не будет окончательно изничтожен, предопределено научить человека разумно пользоваться всем, что может воспитать в нём хозяина жизни.

X X X

Если радость переполняет тебя, её невозможно выразить словами, и оттого появилось искусство, когда в музыке, танце и красках можно попытаться это сделать. Проживая жизнь всеми возможными способами, ты впускаешь в себя весь природный мир, и, наслаждаясь им, созидаешь. Выпивай всё существование без остатка, до дна!

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в нашей русской природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной – голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: какими бы красками ещё разгореться напоследок, перед тем, как угаснуть, при этом, кажется, даже не замечая, что переполненны разноцветной жизнью.

X X X

Линии сугробов никогда не выглядят замершими, они всегда музыкальны: постепенно в них угадывается и рояль, и виолончель, и фагот со скрипкой, и, на худой конец, махонькая дудочка-жалейка.

X X X

В русском человеке собрана вся наша природа, и её невозможно просто так растерять.

X X X

Обычно безболезненно переживаешь пору сенокоса, когда в лесу, на покосах, полно людей, зверя и птицы не видно, да и грибы с ягодами ещё не поспели… Но так захочется иной раз открыть свою душу таинственной лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес, и, совершенно забывшись там, вдруг заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Преисполненный довольства августовский ветер, от избытка радостных ощущений, часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Человеку всегда следует помнить: наш лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели или жгучих сугробах, и только наслаждаешься раздольем этой жизни, что как будто остановилась в продвижении вперёд, и всю свою силу сосредоточила на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, в сто крат умножающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Даже в жестокую январскую заметь, снегири не перестают изливать свои нежные трели, отчего зима не в силах сдержать улыбку, которую непременно угадаешь и тоже про себя улыбнёшься.

X X X

Только по весне вдруг приметишь – каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Зимний рассвет льёт зеленовато-перламутровый отблеск на укатанную дорогу, под ноги, и начинает казаться, будто ты подымаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Жизнь человека, близкого к природе, есть всегда воспитание чувств.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что происходило с тобой за день… Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим лесным миром.

X X X

У птицы и зверя от вольной жизни вырабатывается свой особый ум, которого так не достаёт закрепощённому в своей неволе человеку.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся весной ёжик, может быть нежнее шелеста самого раннего ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их, и ничего никому не обещает. А когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает своим блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

При подлинном общении человека с лесом, когда он готов к восприятию всего, что с ним там происходит, и какие бы препятствия ему не довелось в нём претерпеть, потери его энергии не происходит. Этого просто не может быть, потому как находясь с лесом в согласии, человек, совместно с ним, образует круг полного удовлетворения внутри самого себя, и вместе они – едины.

X X X

Кажется, осенний лист падает с ветки уже безжизненным, не делая никаких усилий, но оторвавшись – он будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, и наслаждается этой единственной возможностью закружиться и полететь.

X X X

Белые грузди – это лебеди среди грибов, с присущим только им разлётом плавных линий шляпки.

X X X

Первые весенние цветы, самые ранние, ни горицвет, ни гусиный лук, ни подснежники, и не медуница, а … бабочки. Цветы, уже порхающие над землёй, пока она только собирается разродиться.

X X X

Укромно и незаметно живёт в себе земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт жарким ароматом всю округу.

X X X

Казалось бы, август с сентябрём – родные братья, что идут рука об руку, однако высокое сентябрьское небо, в отличие от низкого и чистого, с большими лебяжьими облаками в августе, становится строгим и недоступным.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Если в состоянии гипноза человеку внушить, что огонь не опалит его, то он, без вреда, пройдёт сквозь него. Важно самому достичь такого уровня энергии, когда внутренние сомнения отсутствуют, и в этом, несомненно, помогает человеку наш лес, когда ты воспринимаешь его как божественный сад.

X X X

Самое трогательное проявление весенней поры – это робкий подснежник, что пробивается в недрах сугроба сквозь ледяную крупу.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а сами тетерева ещё не проснулись.

X X X

Задорный мартовский ветерок и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь!

X X X

Лучезарный восход, завораживающий закат, а между ними – ослепительное золото роскошного июльского дня, что так и не успевает сгореть, а остаётся в душе до следующего, ещё более восхитительного восприятия разомлелой летней поры.

X X X

Апрельский дождь застаёт оголённую по весне душу так ненавязчиво и робко, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Природа может обойтись без человека, но человек без природы быстро истратится душой, и изживёт себя понапрасну.

X X X

Летняя прекрасная ночь – ложе разгулявшемуся за день вольному ветру, где он в полном довольстве забывается в обнимку с божественной зарёй.

X X X

Ни за что не заметишь, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Мы не меняемся оттого, что всё время оставляем в себе что-то про запас, надеясь, что оно обязательно будет востребовано в будущем, придерживаем его в надежде, что оно когда-нибудь будет проявлено. Но, не выложив всё без остатка, Бога в себе не обретёшь, а где ещё можно выразить себя в полной мере, как не в общении с природой? Дверь к истине отворяется, только когда отдаёшь себя полностью.

X X X

Осенняя трогательная пустота звенит на разные голоса, оттенки, звуки, и даже в угасающем сумраке ноября, когда, кажется, жизнь замерла, она до конца не истаивает.

X X X

Вечерние звёзды зазывают в гости, утренние – провожают в добрый путь.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, и не восклицают, а только прислушиваются друг к другу, думают и ждут всеобщего пробуждения.

Но иногда, где-нибудь в глубине января, на лес налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и долго ещё будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому на то, что потревожили их величественный покой. А потом опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание… Как хорошо!

X X X

В природе почему-то преобладает золотой цвет, составляющий суть солнца, луны и звёзд, волшебного грозового огня, низвергаемого с неба, и воды, отражающей весь этот золотой мир.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где, кажется, никого нет, но всё-таки кто-то присутствует.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Белое зимнее солнце то и дело ныряет в серых облаках, и кажется, совсем не светит, но если не упускать случая понаблюдать за ним – вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

От света зари шишки на ёлках приобретают малиновый сказочный вид и становятся похожими на обыкновенные новогодние игрушки.

X X X

Ночные снежинки падают на землю как будто из ниоткуда, радостно переливаются, играют, и, отражаясь от собственного волшебного света, кажется, так же по-волшебному просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто посмотришь какое-то время на бесконечное пространство русских лесов и полей, а вернёшься к себе уже с новым, углублённым на жизнь взглядом.

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться в её восприятии, суметь переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

Ночная пороша ложится легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – подымется вдруг целой тучей метущихся звёздочек, и ну всех жечь, да колоть без разбору!

X X X

От солнца, поблескивающего под ним наста и чуткого ветерка - молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-сиреневым, вздрагивающим облачком.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

В лесу ночью темь, хоть глаз выколи, а рысь да волк видят… Так и я, отправляясь на глухариный ток, никогда не забочусь о фонаре, и полагаюсь только на себя, на скрытую во мне внутреннюю природу всё видеть и понимать даже в ночном лесу, где зверь без всякой необходимости тоже никогда не будет испытывать судьбу, а просто тихонько пройдёт в обход лишнюю версту, и воспримет это как должное, будто человек.

X X X

Среди стрекоз встречается такой вид, как «красотка девушка», и это поистине сказочное создание с тёмно-синими хрупкими крылышками, чрезвычайно изящным тоненьким телом, отливающим чарующим блеском, длинными грациозными ножками и огромными глазами, ничего не стоит поймать.

X X X

Без зверей и птиц лес как будто сжимается… Но стоит в берёзовой чаще сорваться глухарю – и его пространство невероятно преображается, становясь бесконечным.

X X X

Горихвостки, как и все мелкие воробьиные птицы, отличаются изумительным постоянством в выборе какой-либо территории. Так, селясь каждую весну у меня в деревне, неизменно под карнизом дома, они, наверное, с неумолимой точностью возвращаются на зиму в один и тот же сад, где-нибудь в Экваториальной Африке… Часто я силюсь представить этот сад, но у меня ничего не получается, и я начинаю завидовать маленьким птичкам.

X X X

Утреннее морозное солнце в марте ласково розовеет на тёмных еловых ветвях, а они почему-то кажутся старыми и высохшими.

X X X

Упоительная мартовская свежесть огромна: как живой родник, журчит всё утро, день, вечер и ещё целую нескончаемую ночь!

X X X

В разгар лета огромный и сильный медведь, в каком-нибудь глухом таёжном уголке, невыразимо страдает от маленьких комаров: ревёт, катается по земле и лапами раздирает себе морду в кровь.

X X X

Зимней буре, кажется, не будет конца, до того она случается безудержной и жестокой, но и она неохотно утихает в нескончаемой таёжной чаще…

X X X

Есть птицы и звери вполне предсказуемые, и встречу с ними можно вычислить, но иногда попадаются животные, с которыми сталкиваешься благодаря простому везению. Впрочем, везение это могло явиться результатом кропотливой подготовительной работы, когда ты учился у леса, оставаясь к нему честным, и однажды он отблагодарил тебя за это.

X X X

Только весной можно отрешённо нежиться на солнце, прислонившись спиной к стене лесной избушки, и не жалеть убегающего времени.

X X X

Сердобольный характер ежа никак не отражается на его чистоплотности, когда он оказывается в неволе, в человеческом жилье. Всю ночь он путешествует из угла в угол, оставляя после себя множество кучек очень въедливого помёта, перероет все газеты, а напившись под утро молока из чашки, засыпает прямо в ней, смешно свесив свои когтистые уродливые лапки. Как говорится: такой невольки – ещё бы столько, она у ежа и скачет, и пляшет, и песенку поёт!

X X X

Намаявшись среди людей, в лесу человек, наконец-то, приходит в себя, потихоньку обретая собственную волю.

X X X

Ружьё в руках легко переводит твою жизнь в такую плоскость, куда тебе всеми силами не следует попадать.

X X X

Вольно раскинувшееся по весне поле - будто распахнутый на груди добрый зипунок, и оказавшись в нём - порой набредаешь на такие места, где чувствуешь, как земля дышит и обдаёт теплом, будто из печки!

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол дерева, и не можешь поверить, что это мощное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Неоднократно переживая в лесу бесконечные минуты и часы молчания, постоянно находясь в тишине и научившись слушать её, я однажды осознал, что становлюсь хозяином самому себе, а значит – способен выразить любое чувство по собственному желанию, в том числе – и расслабиться. Расслабиться в городской жизни крайне трудно, а вот в лесу, при полном понимании и принятии своей внутренней природы, это достижимо. Жизнь здесь не принадлежит кому-то другому, она только твоя, и ты просто наслаждаешься окутавшей тебя тишиной.

X X X

Кажется, велик ли ноябрьский день, а тянется порой так до нескончаемости монотонно и тихо, что начинаешь думать обо всей жизни, как о непостижимых сереньких сумерках, по всевышнему недосмотру оставленных на время над землёй, а вскоре и вовсе позабытых.

X X X

Запах прижжёного солнечными лучами снега в апреле источает суховатую горечь фиалки, которая зацвела, наверное, прошлой весной и вознеслась ароматным облачком на небо, откуда слетела ещё в начале зимы неприметной снежинкой.

X X X

Очевидно, что наше счастье зависит от наших мыслей, и оттого они должны быть созидательны, а если так, то каждый день может стать для человека началом доброго пути, это, несомненно, возможность изменить свою жизнь к лучшему, и нужно просто не бояться становиться счастливым, отправляясь в дальнюю дорогу, навстречу нескончаемым тайнам Вселенной.

X X X

Бывает, пройдётся зимой по уснувшему лесу крепкий ветер, разворошит его, и лес, на мгновение проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

X X X

Пугающе громко и в тоже время плачуще отмечает филин полночь, но одиночество человека, заслышавшего в ночном лесу его уханье, сразу растворяется.

X X X

Выпал снег – и будто побелели серые вороны, галки и сороки.

X X X

Лягушки по весне кричат: «Кум! Кума! Где он? Где она? Помер! Помер! Померла! Померла! Давай плакать! Давай плакать! По ком? По ком? По нём! По нём! По ней! По ней!». И уж только потом: «Ква-ква, ква-ква, ква-а-а…»

X X X

Осенние сыроежки – что девушки на выданье: безупречны своими нарядными платьями, ароматом и нежными формами.

X X X

Ворон обычно отличает громкий нескончаемый ор, доносящийся со всех сторон, тогда как самих птиц ни в небе, ни на деревьях не видно.

X X X

В последние годы меня не покидает ощущение, что все невидимые существа и духи давно покинули наши леса, и эту омертвелость не в силах оживить даже дикие звери и птицы.

X X X

Идёшь елово-пихтовым густым лесом и не чуешь его скрытого дыхания, но вот в каком-нибудь уголке вдруг пахнёт хвойным жаром и вмиг околдует. Остановившись, растерянно присядешь на пенёк и жадно вбираешь живительный аромат… Так, потаённо, бережёт чаща свой вековечный целительный дурман.

X X X

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться. Он сплетён из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, что проявляются в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, что и отражает их, и скрывает, но всегда чутко сопереживает всему, что происходит вокруг.

X X X

В отличие от загнутых когтей хищной птицы, сжатая лапа зверя не устрашает, а напоминает его младенческую игривость и мягкость.

X X X

С виду прохладный и бесчувственный, осиновый лес источает еле уловимое бледно-зелёное свечение, исходящее от коры, и благодаря ему, как ни странно, становится теплее.

X X X

Сколько лет хожу в лес, но всё не в силах привыкнуть, вернее даже – забыть, как стремительно и неудержимо взлетают в лесной крепи красавцы-глухари, которые завораживают своей силой, так что хочется идти за ними в самую дремучую и непроходимую чащу. И почти никогда не вспоминаются неугомонные чайки, что постоянно кружат над головой, жалобно стонут и зовут в дальнюю дорогу, а ты никак их не воспринимаешь.

X X X

Когда ты научишься быть равным со всем, что окружает тебя в природе, ты поймёшь, как абсурдно пытаться всё объяснить, вполне довольствуясь тем, что всегда находится рядом.

X X X

Неразрешимая с детства загадка: потаённая тень, что, в противоположность свету, прячется в самых дремучих ельниках, всегда притягивала больше солнца.

X X X

Осень подступила со своими промозглыми ночными холодами, и лавина тёплых красок затопила леса…

X X X

Весной мы совершенно забываем о времени, и эта пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности жизни.

X X X

Сине-зелёные, с прозрачными крылышками стрекозы доверчиво присаживаются на выгоревшие за лето головы и загорелые руки деревенских мальчишек.

X X X

Молчание леса обычно не наводит тоски, а вот ветер может вызвать чувство одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

X X X

Переживая приближение весны, не стоит даже упоминать самые восторженные сентябрьские и величественные январские дни.

X X X

Как просто и радостно сознавать, что можно держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь.

X X X

Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

X X X

Только бабьим летом, в отличие от июня, июля и августа, солнце становится по-особенному уверенным и добродушным.

X X X

Нужно научиться забываться в лесу, прежде чем сможешь почувствовать себя в нём чем-то.

X X X

Пара чирков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнёт крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето крякуш, и опять воцарится покой, чутко поджидающий подлёт следующих уток.

X X X

Когда цветёт земляника, в лесу ещё нет такого обильного и высокого разнотравья, что мешает различать отдельные цветы… Старые, протоптанные с осени тропинки не заросли, и ходить по ним очень приятно, с удовольствием разглядывая аккуратные беленькие цветочки с жёлтой сердцевинкой.

Всё в природе чисто, доступно, необременительно, и, любуясь на цветущую маленькую земляничку, за листьями которой и пришёл в июньский лес, чтобы

заваривать потом с ними чай, будто уже пьёшь этот живительный напиток природы, незаметно обретая жизненную стойкость и красоту.

X X X

Лес тем прекрасен, что дремуч.

X X X

Молодые берёзки, незаметно подтянувшиеся и возмужавшие прямо посередине старой вырубки, почему-то напоминают одиноких воинов на поле битвы, и даже светятся корой как-то по-особенному напористо и неустрашимо.

X X X

Зверь без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, а пройдёт в обход лишние десятки вёрст, и воспримет это как должное.

X X X

В зиму люди по деревням часто вынуждены скрывать друг от друга желание к общению, когда уже, кажется, больше некуда и не к кому пойти, и когда так остро одолевает душу одиночество… Но в этом хочется видеть не злую приговорённость затянувшегося сурового времени, а его доброе участие, располагающее к заботе о своих соседях.

X X X

Ночуя в лесной избушке, нет даже мысли взглядывать в тёмные окна, ничего в них не видя, но сладостно представлять, как всё там, в ночи, происходит.

X X X

В марте, особенно под вечер, отчётливо нарастает шорох обрывающегося с крыш снега, подтаявшего за день, воздух необыкновенно ширится и окрыляет, всё становится сиренево-таинственным, многоликим, хотя настоящая весна должна наступить ещё не скоро.

X X X

Хорошо возвращаться мягким сентябрьским вечером из лесу в деревню, когда свет в домах ещё не зажигали и окна чуть теплятся потухающей зарёй, а ты идёшь, убаюканный этой дремотной тишиной, и ничего больше не желаешь.

X X X

Бывает, что только когда серое облако заслонит солнце, и становятся видны силуэты многих птиц…

X X X

Зеленовато-серое брюшко овсяночки апрельским утром превращается в яично-жёлтое, солнечное.

X X X

Омытый дождём сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование неведомой природы.

X X X

Темна ледяная чистота осенних потаённых ручьёв, что, кажется, ничего уже не обещает, но вглядевшись в эту темноту, неожиданно обнаружишь в ней свой свет.

X X X

Обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе лёгкую и белую, похожую именно на снег прохладу, что стелется белоснежной скатертью, готовой всех обнять и принять за своим самобраным уютом и чистотой.

X X X

Удивительно крепко сидит самка рябчика на гнезде, иной раз подпуская человека на метр, чуть ли не вплотную! Сидит, смотрит, видит всё, что происходит вокруг, и даже бровью не поведёт, но если внимательно всмотреться в её немигающий блестящий глазок, в глубине его заметишь отчаянную тревогу.

X X X

Даже когда застывают в камень последние грибы и волглый лист смерзается в сплошной хрустящий покров, в редкие солнечные утра ещё угадывается застоявшееся дыхание лета, которое почему-то не уходит, замирает немым изваянием в самых неожиданных местах, и как будто напряжённо решает: что же ему делать дальше?!

X X X

Высшая заслуга – не только пройти лес, но и правдиво написать об этом.

X X X

После весны света и воды, с их проникновенной ясностью и ласковой теплотой, наступает, наконец-то, всеохватная и пышущая весна цветов, казалось бы, самая долгожданная, родная, но она уже, скорее, опьяняет и кружит, чем придаёт силы.

X X X

Когда лес обнажается, поля пустеют, а последние птицы улетают на юг, более естественно появление изумрудной озими, чем серовато-пегого снега.

X X X

Ранней весной зацветают душистые ландыши, изящный подснежник, трёхцветная красавица-медуница, завораживающие лиловые колокольчики сон-травы с загадочным горицветом, неудержимо тянет к солнцу ярко-жёлтые головки мать-и-мачеха, а пчёлы слетаются за первым мёдом на цветы ивы…

X X X

В ноябрьские оттепели и берёзы, и дома, и дымки над крышами словно нарисованы мягким рассыпающимся угольком… Даже носатое вороньё, неловко переворачиваясь в невидимых потоках влажного воздуха, кажется, само вычерчивает в небе своё изображение и тут же его стирает.

X X X

Издавна принято думать, будто именно сова сопровождает душу умершего человека в последний путь, но, как всякие мудрые существа, догадываясь о бесконечности жизни, она, наверное, ещё и приветствует его возбуждённым клокотанием.

X X X

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что часто на них никто не обращает внимания.

X X X

Постепенно приходишь к тому, что даже не любование, каким бы продолжительным оно ни было, а только кропотливое и вдумчивое всматривание в природу, не думая о времени, приносит истинное удовлетворение. Природа сама пригласит тебя в свои собеседники, когда почувствует, что ты преодолел поспешность и суету, и, наконец, готов к неторопливому разговору.

X X X

Дятла всегда отличишь от других птиц, когда он передвигается по стволу дерева, но вот если дятел присаживается на ветку – его не сразу угадаешь по нескладному силуэту, а какое-то время разглядываешь, недоумённо гадая: что это за птица?!

X X X

Ни утру, ни звёздам, ни копалухе посвящает глухарь свою восторженную песню, а самому себе.

X X X

Глядя на цветы подснежника, никогда не подумаешь о скрытой в них силе яда, что часто используют при лечении мышц и суставов, но именно благодаря этой потаённой силе недоумённо переживаешь тихое поклонение, даже – почтение, когда ласкаешь взглядом чистые и трепетные головки.

X X X

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нём изящные росписи-завитки, а малютка несёт свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, ещё не научилась писать.

X X X

Разве вздумаешь подбирать в лесу подходящее имя для Бога, но стоит ему обозначить себя папоротником, сосной, мхом или лишайником, и сразу приметишь это его простое лесное прозвище, и возрадуешься.

X X X

Медленно заползает в дом июльская ночная тьма, которую долго не замечаешь, потому что она … зелёная.

X X X

Осенняя красота не боится увядания, и даже напоследок дарит только счастье.

X X X

Простая таёжная правда, без прикрас, всегда невероятна.

X X X

Заяц на лёжке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

X X X

Странное забытье испытываешь ночью в лесу, когда вроде бы и проснулся, а прийти в себя до конца не можешь. Так, не очнувшись, и живёшь до утра, и даже с рассветом в тебе не рассеивается что-то тревожное и тёмное, как несмолкающее таёжное эхо.

X X X

Помнится, в детстве мне не составляло никакого труда выхватывать из травы за яркие головки вёртких ужей, безбоязненно помещать их за пазуху и чуть ли не весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся тела и пугая ими девчонок…

Углядев же однажды в зрелом возрасте безобидно свернувшуюся на пеньке змейку, мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, которое ещё долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

X X X

Чёрный дятел не стесняется нарушать таёжную тишь своим громким протяжным криком и безудержной гулкой стукотнёй.

X X X

Отцветает шиповник, сыплет на землю свои роскошные душистые лепестки, а его пунцовые плоды только наливаются летним жаром и зреют.

X X X

О еже принято думать, как о молчаливом зверьке, но он не безголос и, раздосадованный чем-нибудь, часто издаёт крик, который, как ни странно, напоминает резкий и громкий свист.

X X X

Человек может в любой момент жизни оказаться в гиблых снегах, в незнакомом дремучем лесу, на вершине неприступной горы, но самое главное, чтобы он очутился там заслуженно, в согласии с самим собой и окружающим миром.

X X X

Будто разбойник, неприметно и тихо, подобралась вдруг осень, и в одну ночь подожгла все леса.

X X X

Никогда, даже в самые пасмурные дни, небо не бывает серо равномерно.

X X X

В лесу всегда думаешь только о самом главном и близком, о том, что под рукой, и что кроме тебя никто не сделает, и это дело, которое для обыденной жизни в городе почему-то оказывается невероятно трудным, сейчас, в лесу, воспринимается необыкновенно легко и просто.

X X X

Вынужденный изо дня в день летать в поисках добычи, канюк, наверное, предаётся невесёлым размышлениям.

X X X

На дворе мечется лютая вьюга, горланит диким зверьём, но за окнами с синими узорами всё происходящее представляется таинственным и интересным.

X X X

Бывает, прогремит разудалая, дружная весна, а ты так и не наломаешь букет черёмухи или сирени.

X X X

Соседство растений никогда не бывает чисто случайным, хотя их расположение и создаёт ощущение живописной хаотичности.

X X X

Специально для игры лиса или волчица приносит детёнышам сухую лосиную ногу с копытом или большую медвежью кость, которую они пытаются друг у друга отвоевать, утащить и спрятать, но ничего у них не получается.

X X X

Потерянную или ещё не обретённую мысль человек способен отыскать именно в природе, в самом её обыденном проявлении. Это может быть капля росы, неприметное растение, либо солнечный блик, затерявшийся в его листве…

Но когда в лесу не находят объяснения тому, что не давало покоя, и не в силах увидеть чудо, обычно ссылаются на счастливый случай, который будто бы ещё не наступил. На самом же деле - он всего лишь редкое отражение его бесчисленных загадок, пока недоступных многим нелюбознательным людям.

X X X

Постоишь под ёлкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи ветра в её ветвях, и молчание это покажется полнее самого содержательного разговора.

X X X

Бесчисленные жаворонки стремглав бросаются сверху в цветы, и опять взмывают ввысь, настраивая между землёй и небом невидимые нежные струны.

X X X

До чего же хорошо слушать ночное пение сов и ветер, которые будто перекликаются между собой, вовлекая в свою игру и твоё смятённое весной сердце.

X X X

Есть в природе и отцовский грозовой гнев, и материнская благосклонность, и нежность ребячьей улыбки.

X X X

Не всегда возможно созерцать в природе избыток тишины и счастья, которые присутствуют в ней постоянно, а только в отдельные, наиболее удавшиеся тебе часы и минуты.

X X X

Сладко жужжат пчёлы в тяжёлой, как мёд, июльской тишине, и в какой-то миг подступает такое упоение от всего происходящего вокруг, что не нужно уже никакой воли, как весной, а только бы лилось и никуда не утекало это безбрежно дурманящее лето.

X X X

Во всём есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворённо замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А ещё – в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит у окна…

В избе мирно тикают настенные часы, кошка сонно поуркивает на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

X X X

У кого, как не у зверя, научишься соизмерять желания и реальность!

X X X

Полынь горька, обыкновенна и сиротлива, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как кипрей или лабазник, но попробуйте угадать её запах, приблизив растение к себе, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

X X X

Выпал первый снег, и деревья облегчённо поникли под его тяжестью.

X X X

Порой выдаётся такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них внимания, а усиленно обклёвывают засохшие семена сирени.

X X X

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки – в давно затянувшихся вырубах, и только зайцы – на открытых солнцу полянах!

X X X

В лесу, в первую очередь, поражает пространство, которого, вроде бы, нет, оно пронизано бесконечными стволами, венчающимися, к тому же, пушистыми кронами, но именно здесь, среди высоких деревьев, ты сам себе начинаешь казаться выше.

X X X

Те существа, которые толпятся ночью у входа в лесную избушку, нужно обязательно впустить… Но когда, собравшись с духом, отворишь дверь, они сразу исчезают.

X X X

Запах расцветающей черёмухи обычно заполоняет собой всё весеннее пространство – кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок.

Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черёмуховыми ягодками, начнёшь его обдирать – и в нос ударит аромат черёмуховых косточек, что ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уже очень резко, насыщенно и пряно.

X X X

Засмотревшись на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегирька, на его атласную чёрную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее горлышко, вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна быть тонкая и трепетная душа!

X X X

Радостно сознавать, что и темень еловой чащи, и нежная бабочка-голубянка произошли от одного и того же.

X X X

Бесконечные, смешавшиеся между собой дни швыряет золотыми пригоршнями сентябрь, и они, точно блестящие монетки, рассыпаются по всей земле, но никто их не собирает, будто не замечая.

X X X

Выйдешь апрельской ночью из лесной избушки и не можешь надышаться запахом оттаивающего мха, коры и прелых листьев, а сырой ветер мягко обвевает лицо, шелестит в хвое и, роняя с ветвей последние комья снега, разрывает сердце на части.

X X X

Природа предполагает у человека такое состояние духа, которое невозможно без переживания им совершенной свободы. Постоянно ощущая её в себе как частицу Бога, то есть душу, каждый имеет всё необходимое, чтобы когда-нибудь стать сильней. Однажды ощутив это состояние свободы, и избрав единственно верный путь к самому себе, человек уже ничем не сможет быть на нём остановлен, а природа будет ему только благодарна за его терпение, несгибаемость и волю.

X X X

В юности, когда я ещё не помышлял заниматься литературным творчеством, я часто бывал в лесу, и вот сейчас я думаю, что в этих лесных прогулках под воздействием сгущающихся сумерек, зарождающегося утра, росы на листьях, осенней тишины или благоухающего аромата ландыша во мне и зарождалось то обострённое восприятие природы, благодаря которому я однажды начал писать, пытаясь максимально проникнуть в суть вещей и явлений.

X X X

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

X X X

К возможной встрече с любым зверем надо готовить себя загодя, порой – очень долго, а происходит она всегда внезапно.

X X X

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как – чудо!

X X X

Человеческая душа бывает наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то только среди деревьев, и именно в лесу.

X X X

Есть в молчаливой горбоносости лося, в его застывшей, словно окаменевшей, фигуре нечто такое, что отождествляет зверя с каким-то древним лесным призраком, беззвучно проследывающим через самые дремучие и таинственные чащи, и остающимся недосягаемым.

X X X

Иногда мне начинает казаться, будто я вижу ветер, который неистовствует над низиной таёжной реки, взлетает над высокими старыми елями, и я, не двигаясь, провожаю его глазами, впитывая всем своим существом, пытаясь запомнить, но как только ветер исчезает, перестаю думать о том, как он выглядит.

X X X

В лесу бывает, что кто-то вроде позовёт тебя, а ты сразу встрепенёшься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдёшь от колдовского сна, который мешал тебе жить.

X X X

Весной, в половодье, лиса не трогает зайцев, оказавшись с ними на плавучем острове: в эту пору все звери спасаются от беды вместе.

X X X

Когда приходит лето, кажется, что оно невозмутимо воцаряется на целую вечность!

X X X

Умение довольствоваться малым, что чаще проявляется в лесу, есть истинное понимание жизни, то есть – возможность всегда чувствовать себя счастливым.

X X X

Любовь человека или сохатого по своей сокровенной сути ничем не отличается одна от другой: взгляд, прикосновение, соединение и полное слияние.

X X X

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства, например, синички, сильно разнятся между собой: московка и длиннохвостая, хохлатая и гаичка, ремез, большая, усатая и лазоревка… Но все они предназначены для одного – тихонько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег.

А ещё быть беззаботными в мороз, и одинаково в любое время года не унывать, в тоже время ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости с ним и в лесу, и в деревне. Не для того ли, чтобы смягчить зимой наше сердце и, не повторяясь, радовать неизбалованное восприятие, делая его богаче? Мала синичка, да ноготок остёр!

X X X

В первой ледяной лужице крестит весна апрель, и он на весь свой срок становится звонким и чистым!

X X X

Ни у одних птиц не встретишь такие великие побоища, как у крохотных воробьёв.

X X X

Пурга, застав в дороге, не голосит, как метель, надсадно в спину: «О-о-ой-й, возврати-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает.

X X X

Иногда такое простое и обаятельное русское бывает непонятно самому русскому человеку, так что он и ведать-не-ведает, как всё это объяснить…

Вот течёт тихая речушка, над ней, по склону невысокого холма, прилепилась махонькая деревенька, и тут же разлёгся важный лесок, а что там, в лесу, не ясно: то ли ягоды и грибы, то ли волки…

Но в душе всегда почему-то радуешься этому ничем не примечательному виду, как какой-нибудь неожиданной и очень желанной находке, и ничего иного не желаешь.

X X X

Увидел однажды, что медведь, то и дело приседая на задние лапы, очень смешно, по-бабьи, ходит вокруг дерева и примеривается, как бы половчее его задрать. Но я даже не помыслил при этом улыбаться, а только отупело наблюдал, не в силах оторвать глаз от зверя.

X X X

Всегда кажется, будто в ночном лесу живёт нечто, смотрит на тебя, знает всю твою подноготную, но никак себя не проявляет.

X X X

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна так же строптиво то опережает саму себя, то отстаёт, и только лето всё выровняет и успокоит.

X X X

По особому насторожены вершины сосен перед заходом солнца, когда ожидают прилёта мошников и копалух.

X X X

Осенью не выходишь на двор посмотреть – чисто ли небо, а принимаешь всё происходящее в природе как должное.

X X X

В июне дни ложатся, поудобнее укладываются,
в июле – растекаются,
в августе – приподнимаются к небесам,
в сентябре – готовы куда-то лететь,
в октябре – тихо растворяются повсюду, они везде и нигде,
в ноябре – чего-то ждут, затаившись,
в декабре – начинают робко показывать себя,
в январе – уже подбоченясь, чуть ли не пляшут,
в феврале – мятущиеся, не находят себе места,
в марте – пронизывают собой,
в апреле – обмякают, много и не по делу плачут,
в мае – вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой…

X X X

В детстве, на глухом лесном озере, чернеющем своей таинственной глубиной, мы с деревенскими мальчишками бесхитростно забрасывали лесу с крупным тройником на самую середину, где гуляли у поверхности толстогубые голавли, и, зацепив их за бок или красный плавник, запросто выводили рыбу на берег.

X X X

Весной всегда кажется, что самое настоящее в твоей жизни – впереди, а всё предыдущее было лишь необходимой подготовкой.

X X X

Мне нравится смотреть, как волк, рысь или лисица при встрече с опасностью прижимают уши к затылку, будто выказывая робость и послушание, но на самом деле – это только обаятельное ухищрение зверей, призванных лесным богом выжить и молниеносно напасть, чтобы спасти свою шкуру.

X X X

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март, то и вовсе воспримешь её за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но всё же несказанно веселит!

X X X

Притаившись в тени хвойных ветвей, ждёт кого-то крепкий боровик, но не торопится себя объявить.

X X X

Не каждому дереву осенью дано быть красивым… В отличие от берёзы с осиной, ольха свои листья держит крепко, до самой поздней осени, и что примечательно – опадают они почти зелёные, хоть и покоробленные. Ольха будто несёт в себе вечную молодость, не желая сгибаться перед непогодой.

X X X

Весеннее небо в апреле, как набрякшая почка: с каждым часом всё бухнет, наливается живительным соком, и вот-вот лопнет, а маленький куличок-бекас

будто сшивает его своим неудержимым полётом, когда, радостно взвизгивая, всё крутится, падает и вновь взмывает в необозримую вышину.

X X X

Никогда лесная красота не стесняла мне от счастья душу, а только радовала и окрыляла.

X X X

Весной, на току, крылья тетеревов кажутся сине-зелёными, а хвост у глухаря – золотым!

X X X

На макушке огромной розовотелой сосны настукивал дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости… Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий в глубь земли.

X X X

Неумолимый октябрь остужает запахи, звуки, желания, а жизнь становится ещё загадочней и краше, чем весной или летом.

X X X

В мартовские морозные утра синие тени так заманчиво и уютно выступают на снег из-за широких елей, что хочется потрогать их руками.

X X X

Трава – это непрерывно текущий поблизости природный источник.

X X X

Из всех птиц только жаворонок в воздухе купается…

X X X

Затаенность сосняков, когда там нет глухарей, настораживает неожиданной омертвелостью.

X X X

Осенью обычно бредёшь наугад, больше глядя под ноги, весной – устремлено летишь, не чувствуя под собой земли.

X X X

Только про зайцев почему-то можно сказать, что у них – народ, тогда как у лис – племя, у медведей – род, у волков – семейство, у оленей и кабанов – стадо, а барсуки и вовсе отшельники!

X X X

Звери и птицы живут настоящим днём, вкладывая в него всё своё жизнелюбие.

X X X

Бродя по лесу, животных обычно почти не слышишь и не видишь, но всё время сталкиваешься с немыми свидетелями богатой лесной жизни: то обнаружишь старый выцветший рог, когда-то сброшенный сохатым, то красивые перья птицы, разодранной хищником, то осиное гнездо или колоду, растормошённую медведем в поисках лакомых яичек, и эти немые свидетели порой рассказывают о лесе неизмеримо больше, чем непосредственно его обитатели.

X X X

Забавные повадки медведя вполне соответствуют его не простому характеру.

X X X

Когда шагаешь по весенней дороге, ветер всегда дует навстречу.

X X X

Отдалённое дыхание осени порой навевает печаль более неизъяснимую и тяжкую, чем её самая слякотная пора.

X X X

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

X X X

Я предполагаю, что волк и лисица способны улыбаться, но навряд ли над кем-либо потешаются.

X X X

Идя по сырой лесной дороге, усыпанной хвоей и сосновыми шишками, приятно ощущать, как они пружинят под сапогами, и земля совсем не ощущается.

X X X

Если привелось наломать елового лапника на постель у костра, или не удержался и порадовал себя по весне букетиком медуницы, то извинись перед растениями, поблагодари и пообещай, что сам когда-нибудь явишься для них источником жизненной силы.

X X X

Каждое осеннее утро является к человеку с обновами, но у осины – самое богатое воображение.

X X X

В начале апреля столько всего встретишь в лесу за целый день, что и рассказал бы об увиденном, да некому… Но никогда не сможешь объяснить кому-нибудь в городе, как упоительно пахнет там весной, талым снегом и хвоей.

X X X

Глухарь, в самый разгар тока, что было сил точит и щёлкает, порой даже хрюкает и щебечет, а чего-то главного у него так и не выходит. Это понимаешь, когда заканчивается очередное колено песни, и его хочется продолжить… Но глухарь всё равно пробует, не перестаёт надеяться и, надо думать, своего добьётся.

X X X

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

X X X

Когда увидишь, как рысь мягко спрыгивает с ветки, в первое мгновение с удовольствием представишь себя таким же красивым и ловким зверем.

X X X

Никто в лесу, наверное, и не замечает лаковые копытца лося, кабарги и уж тем более – крохотного оленёнка.

X X X

Любой цветок, если внимательно к нему приглядеться, так или иначе копирует солнце, и больше всего это удаётся одуванчику. Он дружит с солнцем, во всём ему подчиняется, и не может без него жить.

На ночь цветы сворачиваются в золотые корзиночки, словно стыдясь соперничать со звёздами, но поутру вновь открываются навстречу свету, и уже беззастенчиво слепят глаза тысячами маленьких солнц!

X X X

Не хочу уже просто выбегать на майский двор, подставлять лицо солнцу и слепнуть от его проникновенного света, а люблю замирать, сидя где-нибудь в тени ограды, и чутко вслушиваться во все доносящиеся с улицы звуки.

X X X

От осенней зари остаётся чуть заметный розовый след, а ты всё на что-то надеешься, смотришь на потухающее небо и не веришь, что незабываемый сентябрьский день вот так, просто, возьмёт и закончится, и его уже никогда не будет.

X X X

Никто, кроме обыкновенной крохотной синички, не в силах так тонко передать всю грусть онемевшего осеннего леса.

X X X

Любуясь по весне на умиротворённые, будто умытые ёлочки, вмиг заражающие своим мудрым спокойствием, сразу понимаешь, что голова всем деревьям в лесу – ель, а сосна, берёза или осина с ольхой лишь прекрасное ей дополнение.

X X X

Самое время искать волчье логово в самом конце весны, когда волк-отец или волчица таскают детёнышам зайчатину, и как только выпадет, на удачу, последний майский снежок, иди по его следу, и он непременно приведёт тебя к зверям.

X X X

Подлинная радость начинается тогда, когда я оставляю всякую внутреннюю борьбу с непроходимой лесной чащей, и предоставляю слово ей.

X X X

Печёт июльское солнце, земля пересохла, и цветы изнемогают от жары, но никогда они не пожалуются, не запросят воды, а терпеливо ждут дождика и улыбаются, чуть покачивая жёлтыми, белыми и золотисто-лиловыми головками.

X X X

Как на крыльях, качусь я по утвердившемуся к марту насту, лыжи еле слышно поскрипывают, солнце неуклонно зажигает снега, и мне видно всё, что происходит в лесу.

X X X

Черёмуха всегдакажется приподнятой над землёй, легковесной, даже с появлением глянцевых, аккуратно поблескивающих и исполненных тихого восторга ягодок, а вот калине надо широко рассесться и замереть так, обременённой алыми гроздьями и своими непонятными мыслями.

X X X

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нём звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только уютнее уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

X X X

В начале осени, рано поутру, выдаётся редкий денёк, будто вылитый из прозрачно-голубого стекла и разукрашенный позолотой, и хотя к полудню он незаметно истаивает, вся его красота не пропадает, а перетекает в пронзительно-синеющую сказочную даль.

X X X

Весной через растворённое окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскальзывают перезимовавшие в нём невидимые существа…

X X X

В лесу не хочется говорить даже шёпотом, что, кажется, раскалывает тишину.

X X X

Катится по коре еловая чистая смола, слеза слезой, но через какое-то время застревает в расщелинках, густеет и наливается мутновато-белёсой лечебной желчью.

X X X

Это только на первый взгляд представляется, что око у леса зелёное, потаённое, но на самом деле оно - царственное.

X X X

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но весь год мечтаем о своей весне.

X X X

Качаются на розовых шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнём.

X X X

Всегда кажется, будто ты первым услышал жужжание пчелы в апреле.

X X X

Если природа не дала зверю возможности быстро бегать или постоять за себя, она наделяет его способностью притворяться мёртвым. Например, барсук проявляет невероятную выдержку, когда его треплют собаки, и не подаёт никаких признаков жизни в рюкзаке охотника, пока не окажется на свободе.

X X X

Крайне редко показывается в ноябре солнце, но даже тогда почти уснувший лес становится цветным.

X X X

Странное это было для меня время, когда я ходил лесами, чего-то искал и, находя, вновь устремлялся в свой поиск. Так, постепенно и незаметно, открывался себе я сам.

X X X

Подумаешь про ёлку – и уж обязательно вспомнятся и грибы, и белки, и рябчики с глухарями, и моховой ковёр, усыпанный ягодками брусники, и розовые шишки, будто ёлочные игрушки, замершие в её верхушке, и верная надежда, что найдёшь свою келью и под елью… Толкуй про сосновое, а еловое крепче!

X X X

Чуткий зверь не обращает внимания на разнообразные лесные шорохи, но сторожко замирает на тропе, услышав неожиданный пробег ветра по кронам деревьев.

X X X

Даже по знакомому лесу не ходят напрямик.

X X X

И горькая полынь источает тонкий аромат.

X X X

На только что вытаявшей опушке стоит пряничный дух и леденцовая свежесть!

X X X

И в зимнем безмолвии угадаешь волнение трепетного лесного сердца.

X X X

До середины апреля порой спит медведь в берлоге, шуба его подмокает, но он всё равно не встаёт, и уж только когда совсем приспичит – с великой неохотой подымается.

X X X

Умершие от старости или поваленные бурей деревья в лесу ничуть не жалко, тогда как в городе они вызывают необъяснимые переживания, боль и тревогу.

X X X

У леса своя жизнь, у людей своя, но лес, в отличие от человека, всегда и для всех открыт.

X X X

Только на миг появилась у опушки огненная лисица, чуть повела носом – и сразу тебя охватила неописуемая радость!

X X X

Невозможно утолить потребность вдыхать хвойный аромат, и чтобы избавиться от этого чарующего колдовства, вынуждаешь себя отказаться от него.

X X X

Без страха взираешь на лениво шествующую по просеке рысь, и невольно переживаешь вместе с ней всю её величественную красу.

X X X

В лесу хорошо думать о чём-то одном, и всегда додумывать до самого конца.

X X X

В ольховнике или осиннике ольха всегда теснит ольшинку, а осина – осинку, но вот в березняке, как бы плотно ни росли между собой деревья, никогда не возникает ощущения, что берёзы толкутся и мешают друг другу.

X X X

Хорошо ходить по лесу, и где-то поблизости ощущать лося или медведя.

X X X

Как бы ты ни был бескорыстен в отношении к лесу, он всё равно отблагодарит за твои душевные и физические затраты.

X X X

В конце лета, под самую осень, рык из звериной утробы вырывается особенно протяжно и звонко.

X X X

Буйный шиповник цветёт у края дорог подобно розовому прибою, что подкатывает к морским берегам, но никогда не нарушает омываемой им границы.

X X X

В погожие апрельские сумерки, под вечер, молодой свет весны никак не хочет уходить, без устали роится снаружи домов и настойчиво пытается проникнуть внутрь… Так велика сила его нерастраченной жажды жизни!

X X X

Произносить слово «цветы» весело.

X X X

Часто бывает так: природа касается человека своим божественным крылом, но он не готов к её восприятию, потому что не потрудился душой, и поэтому суетится, бегает, восторгается увиденным, а обрести радость не может…

X X X

Представляя скитающегося в лесной чащобе медведя, я никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя.

X X X

Поздняя осень… На дворе холодный ветер и моросящий дождь, слизкая земля и жуткая темень, а на душе много тепла и света.

X X X

Даже забравшись в самую глубину дремучего леса, нелегко предаться переживанию полной тишины, непрерывно простирающейся вокруг и в нас самих. Восприятие уже сместилось, но мысли ещё присутствуют, и не так просто наслаждаться тем, что с тобой происходит, ощущая, как протекает рядом Мироздание. Полное слияние с ним происходит только с осознанием себя.

X X X

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо задувает навстречу, пронизывая насквозь, что можно наклониться на неё, почти лечь, и не упадёшь.

X X X

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него, наверное, бушевала не весна, а безудержная метель.

X X X

То, что самый ценный жир у медведя, по мнению знатоков, сосредоточен в подошвах, объясняется, наверное, его неприхотливым образом жизни, который предполагает неспешное бродяжничество по цветистым лугам, укромным болотам и чудодейственным лесам, где ещё сохранились дикие пчёлы, муравейники и необыкновенная лесная тьма.

X X X

Старый лес всегда величаво неподвижен: он всё видел и познал.

X X X

К весне всё в лесу ещё укрыто чистым снегом, но вкусный запах свежести появляется, только когда с ветвей сорвётся мокрая снежная глыба и, шлёпнувшись, разлетится прозрачными брызгами!

X X X

С детства помню, что натруженные ладони бабушки всегда пахли нагретой на солнце полынью.

X X X

Часто во сне мне видится почему-то ночной лес, залитый лунным светом, и будто я стою в этом лесу, свет пронизывает меня насквозь, и нет никакого страха перед обступающей темнотой.

Но как отправлюсь на самом деле по ночной дороге в нескончаемую лесную чащу, то тьма только сгущается, лунный свет отсутствует, и всё более растёт непонятная, стесняющая отчуждённость, что, впрочем, тоже постепенно становится приятной.

X X X

Грибы кажутся созревшими плодами огромного дерева, уходящего корнями в самую глубь земли.

X X X

Иной раз звери прямо выбегают на меня в лесу, по-видимому, чувствуя моё хорошее отношение к ним, а может – не замечая ничего плохого.

X X X

В лесу даже в минуты самого высокого физического напряжения не перестаёшь замечать все происходящие вокруг перемены.

X X X

С наступлением марта, особенно в оттепель, от леса исходит сырой аромат снега, талой коры и хвои, который поначалу крадётся к жилью человека мягко, по-кошачьи, но к концу апреля просто ошеломляет.

X X X

Незаметно пропадут яркие первоцветы, притихнут восторженные птицы, и лёгкую весеннюю радость вдруг сменит тяжёлая ответственность за весь предстоящий год.

X X X

Всякий зверь, в первую очередь, жаждет не расправы, а покоя.

X X X

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно определённые отношения ко многим зверям, птицам и растениям, которые я постоянно пытаюсь, как можно более точно, выразить, максимально приблизившись к пониманию их глубинной сути…

Но даже в своём утвердившемся знании, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь при довольно простой мысли: а почему любой цветок, в пору своего весеннего или летнего расцветания, возбуждается, и у него даже поднимается температура?!

X X X

Только человеку дано прославить голубые глаза марта, тогда как сам месяц просто смотрит и сияет.

X X X

Волчий вой и разбойничий свист бури родились в единой утробе.

X X X

Поздняя осень в лесу… Какая ещё пора может быть более грустной и, тем не менее, самой милой для человека, привыкшего бродить с ружьём по нехоженым тропам, никого не убивая?!

X X X

Ныряю в каждый летний день, как в июльский, разомлелый от жары деревенский пруд, и всё не могу в нём наплескаться, пропитавшись, наконец, его бесконечным довольством.

X X X

После первого весеннего грома дождь всегда радостный, напористый, но у него ещё нет желания ластиться к земле.

X X X

Утраченная человеком способность удивляться в лесу, рано или поздно, возрождается.

X X X

Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и сладко утекает куда-то жизнь, а ты будто ничего не теряешь.

X X X

Матёрый волк, который замыкает хвост стаи и внимательно стережёт её тылы, давно забыл, что называется жалостью к самому себе, и именно поэтому проявляет её и к прибылым, и к переяркам, и к самой волчице, идущей впереди.

X X X

Умереть – это значит, подобно дереву, принести вкусный и здоровый плод, которым, на своё счастье, смогли бы воспользоваться другие.

X X X

Любовь к природе рождается не в лесном краю, а в душе, если она привыкла трудиться.

X X X

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении – белом и чёрном, и этого достаточно, чтобы всё вокруг ожило…

X X X

Весенний простор земли так огромен, что боишься дышать и только вкрадчиво вслушиваешься в своё сердце: оно сейчас для тебя и небо, и воздух, и неудержимая вешняя вода.

X X X

Ничего не ответишь каркающей вороне, стрекочущей сороке, возвещающей о чём-то сойке, и только ухающей в сгущающихся сумерках сове тихо промолвишь: «Здравствуй, сестра!», а если неподалеку подаст голос волчок, тихо промолвишь: «Серый брат…»

X X X

То зажигаются, то угасают ночные светлячки в весеннем лесу, будто звёзды вспыхивают между деревьями… Вроде бы, ничего особенного не происходит, а печали – как не бывало.

X X X

Листья цветка трепещут при малейшем ветерке, но не дрожат.

X X X

В сентябре, у костра, и чай воспринимается пылающе-огненным и ароматным, как осень.

X X X

Есть ветер на земле, а есть – в небесах… Но как тот, так и другой рождены из стремления радоваться и созидать, проникая в человеческое сердце.

X X X

Какими бы заслугами или огрехами ни обладали всем нам известные звери, но у волка хвост в народе всегда назывался «поленом», а у зайца – «цветком».

X X X

Лягушки по весне орут свои дикие песни.

X X X

Оглушённый пережитым в лесу страхом, человек, сам того не подозревая, становится более глубоким.

X X X

Осенняя темень тяжела медвежьей поступью и смрадным дыханием зверя.

X X X

Служить богам рек, холмов, гор, лесов и родников – значит, служить самому себе.

X X X

Иной августовской ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют, а поют.

X X X

Бывает, талая апрельская вода проскальзывает в тебя мутновато-дурманящим холодным настоем, ничуть не веселя, но всегда невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей.

X X X

Лес хорош тем, что, идя по нему, не замечаешь, как втягиваешься в его жизнь, и она, так же незаметно, становится и твоей.

X X X

Посмотришь на осиновый мысок, мягко выплывающий в озимое поле, и так и пахнёт заячьим теплом.

X X X

Пребывание на глухарином току – это свидание со своим далёким детством, с какой-то твоей древней жизнью, что когда-то была, но почему-то совсем забылась.

X X X

Пока ещё не облетел с деревьев весь лист, но лес стоит уже задумчивый и печальный, только оранжевые осинки напоминают в нём весёлых и беззаботных детей, что то и дело куда-то перебегают, прячутся и чуть слышно смеются.

X X X

Вкус лесной ягоды или гриба естественнее самого откровенного желания человека.

X X X

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще… Так осень, нехотя, возвещает о своём уходе.

X X X

В весеннем круговороте может показаться, что капель торопится, бесперебойно отсчитывая время долгожданного пробуждения природы, на самом же деле она невероятно терпелива.

X X X

В глухомани звери ведут себя не так, как их сородичи, что держатся неподалёку от человеческого жилища.

X X X

Древние леса были девственны, полны зверя и птицы, но без человека выглядели, наверное, очень пустынно.

X X X

Растения с крупными цветами растут обособленно, свободно, даже чуточку заносчиво… Те же, кто незаметен и мал, стоят вплотную, лист к листу, и всё это лишь для того, чтобы радовать.

X X X

Разложишь обычную карту любого лесного района, и вскоре обо всём позабудешь, прочитывая таинственные названия здешних мест: Сергинцы, Воеводинка, Ветляны, Сова, Кутамыш, Кедровка, Таборы, Олени, Шадейка, Волокушино, Задорная, Кулига…

X X X

В осенних лесах очень далеко видно, облака же стоят над остывающей землёй совсем низко, но остаются незамеченными.

X X X

Жду весну терпеливо, с затаенной радостью, потому как знаю, что она обязательно проснётся, и на высокой чистой ноте зазвенит во всём, не минуя и мою, истосковавшуюся по ней душу.

X X X

Только у зайца в лесу не бывает постоянного жилья: сегодня он здесь, а завтра – где придётся. Живёт, говорят, заяц на слуху!

X X X

Редко переживаешь такие моменты, когда весь заполнен лесом, отчего кажется, будто Бог находится совсем рядом, чуть ли не в тебе, а он на самом деле – далеко-далеко…

X X X

Умереть по-таёжному – это значит в полном сознании, спокойно и вовремя уйти в неизвестную никому лесную даль, и не вернуться.

X X X

Гулкий звук удара лыжи о лыжу в ночном весеннем лесу отдаётся многократно и, наверное, перегоняет по дальности барабанную дробь дятла.

X X X

Поздней осенью лес нахмуривается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

X X X

Кто-то всё время как будто поправляет меня, ненавязчиво подсказывая: вот светит солнце – и надо бы, не щадя себя, устремиться к нему… Или: вот дует ветер – и необходимо полностью отдаться на его волю… Но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и незабываемо пронзительные вселенские бури.

X X X

Природа – это удивительная загадка, и человек ничуть не лучше всего, что его окружает. В течение всей своей жизни он должен накапливать те секреты и силу, которыми располагает обыкновенное растение, постепенно становясь с ним равным.

X X X

В лес ходи – волю свою блюди, ибо, поддавшись его силе, себя уже не сбережёшь.

X X X

Еле слышно шуршит от лёгкой позёмки полузаснеженная мёртвая трава, и становится так хорошо от ощущения безвременья, что она навевает… Так же неспешно идёшь по обочине подмёрзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу и ни о чём не сожалеешь.

X X X

Редкий молодой лес вовсю колышется от ветра, колеблется чуть ли не до самой земли, перехлёстываясь своими незрелыми верхушечками, будто норовя

продемонстрировать всем свой несгибаемый боевой характер, но разве сравнишь эти отчаянные потуги с лёгким шевелением величественных сосновых дубрав?!

X X X

Юркий воробей – это всегда воришка, плут, забияка и драчун, но никогда он не бывает нахалом.

X X X

Только оттаявшая и ещё нехоженая весенняя дорога напоминает молодую женщину, что терпеливо ожидает появления самого неравнодушного и любознательного мужчины, бесстрашно отправляющегося в дальний путь.

X X X

Если настоящая темнохвойная тайга, состоящая из ели и пихты, просто угрюма, то лиственничная – безысходно тосклива, особенно осенью, когда перезревшая хвоя желтеет и осыпается.

X X X

Глазурный ледок в апреле тает в мгновение, как сахар, но внезапное появление нежной голубизны в нахмурившемся небе охватывает предощущением нескончаемого полёта.

X X X

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

X X X

Часто в лесу я переживаю ощущение, что как будто меня нет, и происходит это, наверное, благодаря постоянному общению с природой, после которого никогда ничего не болит, мало того – силы твои прибавляются, и на душе всегда так легко и покойно, что ты сливаешься со всем окружающим, и растворяешься в нём.

X X X

До сих пор меня удивляет, что после суровой зимы приходит радостная весна, на деревьях распускаются листья, в глухом овраге весело бормочет талый ручей, в бездонном небе озабоченно постанывает бекас, повсюду расцветают

подснежники, в густых зарослях ивняка жарко заливается соловей, душной ночью квакают на болоте лягушки, а лес становится царственным.

X X X

Если ты встречаешь в лесу то, что останавливает тебя, и ты любуешься увиденным, позабыв обо всём, у тебя не возникает желания не только идти дальше, но и двинуться с места, и ты готов простоять так, кажется, всю жизнь, значит, всё это уже жило в твоём сердце. Оно отражает красоту того мира, в котором ты родился и рос, а мир – это всегда отражение нас самих, и потому встреченное в лесу – и твоя душа, в которой и звёзды, и деревья, и звери, быть может, также обнаруживают себя.

X X X

Не стоит обижаться на весну, когда она поманила и бросила, а надо терпеливо дожидаться её очередного приступа восторга, и радоваться хотя бы мимолётной милости, которой она всех одарила.

X X X

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в летнюю разомлелость, сердце моё на какое-то время совершенно успокаивается, и обо всём забывает.

X X X

Люди веками собирают в лесу бесчисленные корзины боровиков, рыжиков и маслят, охапки лечебных трав и цветов, туески черёмухи, земляники, морошки, увесистые кошели орехов и … уходят, так и не поблагодарив его.

Но лес, одаривая всех своим добром, не ищет благодарности, потому как верит в людей, терпеливо ждёт их и надеется, что они вернутся с открытой душой.

X X X

В своём искреннем устремлении проникнуться жизнью возрождающегося по весне леса, ты порой готов пожертвовать чем угодно на пути к нему, но вот осенью листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден, не смотря ни на что, жить полной жизнью.

X X X

Переливающиеся трели невидимого в весеннем небе бекаса бывают трепетней, чем бьющийся на ветру листочек или вырывающийся из-под снега ручеёк, но именно они есть пик восторженного восприятия пробуждающейся жизни.

X X X

Порой мне кажется, что иному дереву, роняющему свои плоды, бывает их жаль, в отличие от листьев, которые оно теряет безо всякой печали.

X X X

В зависимости от ветра, снега, дождя и солнечного тепла хвоя на деревьях благоухает по-разному.

X X X

Шелест травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

X X X

Весной всё время хочется куда-то бежать, боясь не успеть, и ты торопишься, бежишь, но никуда не успеваешь.

X X X

В жизни мы порой не сразу осознаём, что к нам приходит большая любовь… Так и я не распознал этого, когда впопыхах, ещё в детстве, подстрелил свою первую лесную птицу.

X X X

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

X X X

Только в первый зазимок так обворожительно, до головокружения, пахнет палым листом и отмирающими в земле кореньями… Эти запахи пронизывают всё насквозь, и кажется, что они жили в тебе всегда, но пробудила их осень.

X X X

Многие люди искренне недоумевают: зачем им нужен лес? Значит, для каждого сомневающегося человека ещё не наступил тот особенный весенний день, когда в душе начинает распускаться молодая листва.

X X X

Живя в клетке, птицы теряют яркую, красивую окраску, а вместе с нею и голос, в отличие от человека, которого неволя учит песням.

X X X

Где-нибудь за дальним перелеском застрекочут растревоженные кем-то сойки, и почудится, будто там собрались неведомые музыканты. Они настраивают на разные лады свои диковинные инструменты, и по лесу разносятся обрывки незнакомых и очень приятных мелодий.

X X X

Тихо, почти неслышно плывёшь на лодке вдоль берега глухой речушки, а навстречу высовывают из чащи головы лоси, пришедшие на водопой, и, кажется, дружески кивают, приветствуя тебя, и улыбаются.

X X X

Замечено, что хорошо поют именно малоприметные птицы: соловьи, славки, жаворонки… Природа, обделив их оперение яркими красками, наградила взамен звучной и звонкой песней. Но почему бы отменному певцу не быть ещё и красивым? Обрекая птиц на невзрачный вид, природа, наверное, таким образом позаботилась о их сохранении.

X X X

Иной раз ждёшь от весны или лета очень многого, чего-то невообразимо чудесного, и оттого теряешь самое удивительное время впустую, пропуская настоящие, порой совсем неяркие, но истинные возможности для раскрытия своей души перед пустым величием воображаемого.

X X X

Перенова – какое замечательное лесное слово! Оно означает только что выпавший снег, случающийся обычно под утро, весною, когда душа приноравливается уютнее обустроить свою судьбу, а свежий снег ей в этом незаметно и ладно помогает.

X X X

Из всех певчих птиц русского леса у клестов самка откладывает яйца и выводит птенцов зимою. Во время кладки яиц и высиживания птенцов она не слетает со своего глубокого гнезда, сидит терпеливо в январскую и февральскую стужу, стараясь сохранить тепло. А самец заботливо кормит её, сидящую в гнезде, и, чтобы как-то облегчить её самоотверженную материнскую заботу, усаживается на вершине дерева, на котором свито гнездо, и услаждает подругу бодрой красивой песенкой.

X X X

Ничто так не трогает, как первая нежная зелень, первое дуновение тёплого ветерка, первые птичьи трели… И хотя каждую весну, с одной и той же последовательностью, всё неизменно повторяется, оно, как ни странно, никогда не надоедает.

С годами ты ещё более проникаешься особой важностью поры, когда жизнь только пробуждается. Не богатую осень, не мудрую зиму, не радостное и полное тайн лето, прежде всего, принимает твоё сердце, а весну.

X X X

Выросшие за ночь на пнях бравые папахи придают им притягательную неукротимость минувшего снежного бурана и, обретя красоту и силу, пни стоят, лихо подбоченясь, пристально вслушиваясь в потаённые шорохи замершего леса.

X X X

Вдохи земли явственно ощущаются весной, когда она вбирает в себя весь дух зарождающейся жизни, и происходит это шумно, восторженно… Выдохи же вкрадчивы и случаются только осенью, отчего воздух полнится еле улавливаемым перешёптыванием, полунамёками и угасающей надеждой.

X X X

Таинственность в природе на деле до такой невероятности проста и реальна, что порой это обескураживает, и потому не всегда следует без устали добиваться раскрытия природных тайн.

X X X

Летом над тихой уютной заводью в воздухе держится нечто неуловимое, но такое чудесное, что хочется жить, пытаясь угадывать его, и ни о чём больше не думать!

X X X

Я бы женился на весне, навсегда влюбившись в запах её шелковисто-дымчатых волос, зелёные лучистые глаза и воздушную улыбку.

X X X

Всегда человека неудержимо тянуло к непознанному им миру животных, птиц и деревьев… Человек стремился узнать о их существовании как можно больше, стараясь заглянуть в неизведанное, и обязательно открыть при этом то, что помогло бы ему самому в жизни, подсказало долгожданный ответ и единственно верный путь.

Чисто инстинктивно, должно быть, ищет человек контакта с животными, а обретя вдруг понимание их природы, может быть, даже язык, сможет ли содержательно сформулировать лесу свои вопросы? Спросит ли о счастье, вечных законах бытия, и о том, как жить ему в мире, или же ограничится частными сторонами их замкнутого лесного существования? Да и станут ли звери допускать такие разговоры, если даже человек обратится к ним на их собственном языке?!

Скорее всего, так и оставят в неведении, удалившись по своим неотложным, таинственным делам. И нужно положить немало сил, мужества, неутомимости и добра, чтобы зверь не отринул от тебя, а хотя бы на мгновение заглянул в твои глаза.

X X X

В осеннем прозрачном воздухе будто живёт нечто, появившееся после пролёта стаи, медленно растворяющегося тумана или падения только что оборвавшегося листа…

Отзвучали голоса пролетающих птиц, а это что-то осталось в воздухе. Не эхо, а после эха, то, что уже не слышимо, а чувствуемо нами.

Это осень… Её недвижимые тени, запахи и ощущения. Осень полна следов недавно истаявших событий и звуков.

X X X

Часто поездка в лес оказывается утомительным душевным странствием в желании, во что бы то ни стало, возродить себя в его глазах. Наблюдая гармоничную во всех отношениях работу его обитателей, ты вдруг открываешь собственную неустроенность в этом удивительном мире.

Появляясь на свет, освоив в нём первые шаги, повзрослев и утвердившись в своём здоровом физическом существовании, человек в душевном смысле напоминает, скорее, его бледную тень, какое-то неясное отражение бесконечных поисков и мук. Мучительно не находя ответа о причинах и смысле своего

появления на свет, он безрезультатно тратит отпущенное ему природой драгоценное время, тогда как каждый зверёнок, цветок или птица, заведомо освящённые знанием предстоящей жизни, приходят в этот мир уже наделённые опытом, без тени сомнения убеждённые в своей пусть незаметной, на первый взгляд, но такой необходимой правоте и пользе.

За что же человек обречён на этот тягостный путь познания смысла собственного появления в мир, в котором он может чувствовать, осязать и обонять всё живое, в тоже время не находя в нём достойного для себя места? Что это за жизнь, и кто, кроме самого человека, на неё согласится, если, быть может, только ему одному, на деле, и суждено разобраться во всех тяготах его земной судьбы?

И человек страдает и радуется на пути к своему возрождению, и обращает пристальное внимание к лесу, насыщая сердце и память его скрытыми секретами в надежде на то, что когда-нибудь лес, всё же, сжалится и отвернёт от него холод, непрекращающиеся испытания и печаль, распахнув ему навстречу свои радушные объятия.

X X X

Человек не может быть подобен птицам, в том смысле, в котором для них целиком заключена жизнь. Полёт человека – это вполне реальное и необходимое воспарение над самим собой, вернее, достойное только его, человека, продвижение в познании своей природы. А поскольку последнее невозможно без совершенствования, то рано или поздно у него появляются внутренние крылья.

Единственное превосходство человека над животными – его разум, в действительности может и не быть лучшим качеством, но именно он в силах оставить перелётных птиц позади, как бы высоко и далеко они ни залетали.

X X X

Робкая берёза обычно первой распускает по весне свои нежные листочки… За ней – более уверенная и мягкая липа. Всё время забывающийся в себе тополь и непостижимая на сюрпризы осина заслоняют собой незаметно нарождающуюся зелень лиственницы и первых цветов.

Так и в женщине: видимая робость и чистота на деле оборачиваются скрытой мудростью, искренним сопереживанием и силой.

X X X

Звери неправдоподобны для людей именно своей реальностью.

X X X

За все твои слабости нередко достаются тебе в лесу только заячьи хвосты, но и их надо ещё заслужить. Лес наполняет твою душу тайнами только в том случае, когда шёл ты к нему навстречу достойным путём. Слившись же с лесом воедино и ощутив в душе, хотя бы на короткий миг, его покой и мудрость, можно быть уверенным, что жил ты на земле до сих пор верно. И тогда окончательно пропадут границы, разделяющие лес и тебя, и даже надолго оставив его, ты уже не рискуешь потерять связующую с ним живую нить.

X X X

В апреле солнце целует более нежно, чем в июле.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

X X X

Шум деревьев в лесу – это тоже его тишина…

X X X

Каждая поездка в лес начинается с транспорта… В городе к лесному человеку относятся с равнодушным непониманием, молчаливо и недоумённо созерцая его амуницию и обитые камусом лыжи. Эта отчуждённость городских жителей неминуемо делает их далёкими и в понимании природы, а значит – самой жизни.

В пригородном автобусе сельские жители воспринимают твоё устремление как дело, с хозяйской точки зрения, нужное и, в глубине души, не осуждают за якобы пустую трату времени. Они шутливо подтрунивают над тобой: «Что будет – заяц или лисица?», и улыбаются добродушно, без злобы. Именно в простом деревенском народе живёт истинное понимание, в отличие от тысяч изо дня в день встречающихся и безвозвратно теряющих друг друга горожан.

X X X

В состоянии ли человек долго наслаждаться красотой в природе? Сила гармонии так велика, что одного дня обычно хватает, чтобы утомлённая человеческая душа наполнилась ей до краёв. Большего он выдержать не может, ибо вольный лесной дух неумолимо опьяняет сознание, чрезмерно пресыщая всякое восприятие.

Человек берёт от природы ровно столько, сколько требуется ему для восполнения в нём недостающей жизни, и чем чаще происходят у него такие

сокровенные соприкосновения с миром леса, тем нерасторжимей его связи с самим собой. Редко повторяющиеся, пусть даже яркие и поразительные открытия постепенно стираются, не упражняя необходимое для жизни душевное здоровье.

Но выпить день до дна, не пролив ни капли, сумеет далеко не каждый: на это способен лишь тот, кто сам, подобно могущественной врачевательнице-природе, наполняет сердца людей неизбывной радостью и надеждой.

X X X

Весенней ночью почему-то всегда чудится, будто мутное пятно луны – это твоя не родившаяся любовь, что только ждёт своего пробуждения.

X X X

Музыка человеческих поступков идёт, несомненно, от души, не перестающей трудиться. Именно в поэзии её движений рождается то понимание, что изначальную мелодию следует услышать сначала в окружающей нас природе, а затем отыскать в себе.

X X X

Если человека, после посещения им леса, мучают сомнения, и он озадачивается вопросом: «Был ли я там принят?», значит, слияния с лесной чащей не произошло. Оно возможно лишь спонтанно, и вы, конечно, не озадачиваетесь по этому поводу. Понимание слияния приходит сразу и не требует какого-либо подтверждения: просто так повелел ОТЕЦ-ЛЕС, и он явился свидетелем твоего подлинного переживания. Мы способны принять знания, если только готовы к их приходу.

X X X

Если вы хотите, чтобы божественная энергия стала для вас благословением, вы должны совершать над собою душевные усилия, то есть – изменяться к лучшему.

X X X

Волчица, преисполненная заботою о сохранении своего потомства, чувствует присутствие человека, когда он только входит в лес.

X X X

Буровато-малиновые клесты усаживаются исключительно на верхушки елей и поют свои незамысловатые для зимы песни неожиданно нежно и переливчато:

«уить-трюиу-трюиу, уить-трюиу-трюиу, уиить…» Птицы преображают свои пронзительные голоса перехлёснутыми половинками клювов, так устроенными природой для более удобного шелушения крепких еловых шишек.

X X X

После многолетнего опыта посещениялеса к радости своей приходишь к пониманию, что вообразить возможно только пережитое, но нельзя представить то, чего никогда не испытал.

X X X

Иной раз начинает казаться, будто осенняя луна, забравшись высоко на небо, не случайно подсказывает человеку, как ему надлежит достойно следовать по завораживающей дороге ночной жизни.

X X X

Апрель смотрит на мир серо-зелёными глазами в предощущении любви, тогда как март уже отсмотрел её своей ослепительной синью. Май же глядит на свет с восторженностью непрекращающихся птичьих песнопений… А ещё он – взорвсепроникновенных и удивительно трогательных очей.

X X X

Июльский лес чуть ли не убивает многообразием запахов и наваждений, а разгорячённая на полуденном солнце хвоя жарко дышит ни с чем несравнимым ароматом…

Влажная душистость трав с рост человека, мягкая грибная прель, струящаяся от сыроватых выворотней под пологом старого леса, едко ударяющий в нос запах муравейников, коры и выцветших сосновых иголок - все эти божественные ощущения просто повергают человека. Они совершенно не передаваемы и не постижимы.

X X X

Удивительным покоем и равновесием в мире деревьев веет от освещённых солнцем стволов сосен, среди которых удаляется вглубь леса человек… Их неподвижные, словно светящиеся изнутри розовые стволы, кажется, останавливают время. Великое умиротворение снисходит тогда на землю.

X X X

Ночь была большая и грозная, как медведь, но с ней, почему-то, не хотелось расставаться…

X X X

Искусство, на деле, может оказаться лишь восхитительным обманом, но, в лучшем случае, корни его стоит искать в волшебных ритуалах птиц и животных.

X X X

Всеобъемлющая зимняя тишина в лесу – одно из его чудес. Её несказанно чарующий свет покоится в низких небесах, глубоких сугробах и уснувших деревьях. Свет этой волшебной тишины окрашивает их в белый цвет, подчиняя и растворяя в себе утомившуюся и пресыщенную жизнью зелень и желтизну.

X X X

Лес имеет самостоятельную, никому не известную душу. Человек всегда с затаенным удовлетворением это отмечал, и почему-то не шёл дальше своих ощущений. Как будто в полной мере обходился тем малым, чем уже обладал в общении с ним.

Но душа леса не переставала тревожить человека, и он, с замиранием сердца, наблюдал протекающую мимо лесную жизнь… Тогда лес чуть-чуть приоткрывал в себе то самое важное и необходимое, что определяло смысл его существования для не успокаивающегося и любознательного человека.

X X X

Глядишь в апрельский ветреный день на небо, выше жемчужно-серебристых, быстро сменяющих друг друга облаков, и представляешь себе огромные цветы недостижимой Вселенной.

X X X

После длительного общения с лесом всегда чувствуешь себя бессмертным и … одиноким.

X X X

Порой начинает казаться, будто чудесное равновесие природы сводится, в сущности, к тому, что всяк смотрит: как бы кого съесть. Но это только на первый взгляд. Главная же тонкость при этом определяется отпущенной каждому мерой, превышать которую недопустимо.

Таким «правом» наделяет себя только человек. В ущерб общей жизни, начинающей давать сбои в самых непредсказуемых местах. И в первую очередь, в самом себе.

X X X

Можно найти довольно убедительное предположение тому, что вечером вороны неизменно тянут в деревню, но вот почему сороки из неё в лес, остаётся загадкой.

X X X

Зимой всегда много восхода и заката… Бродишь по тихому зимнему лесу, смотришь, молчишь. Кругом царство бирюзы, порфира и нежного агата, а жемчужное небо можно вбирать в себя без конца и края.

X X X

Для каждого человека очень важно ощущение самого себя, а чтобы пробудить собственный ум и сердце, ему надлежит войти в лес. Жизненные примеры природы при этом могут легко завоевать его сердце, и он научится не бояться думать и чувствовать.

X X X

Настоящая святая вода – это чистые апрельские ручьи.

X X X

Бесполезно пытаться подчинить себе природу, потому как её величественная замкнутость никогда не позволит даже приблизить к себе уничтожающую силу, что, скорее, погубит самого человека.

X X X

Когда зажигается на небе первая звезда, люди и не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелёгкий ночной путь.

X X X

Если в апреле всё время смотреть вверх – будет казаться, что нет никаких времён года.

X X X

Зимой наиболее приятно вести записи… Успевая запечатлеть на бумаге как можно больше, с жадностью стараешься выговориться до наступления масляно-сонной весны.

X X X

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в котором его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность – наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей.

Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это – их замечательная тайна. Всё же тёмное порождено социальным устройством человека – ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует.

X X X

Сколько, интересно, нужно осуществить человеку полезного в жизни, чтобы полностью отработать своё пребывание на земле? Чем определяется этот долг? Какими делами и знанием? Что должна представлять из себя жизнь: с одной стороны – обыкновенная, а с другой – возвышенная?!

Наверное, на это уходит несколько его жизней, которые вмещаются во всеобщую, одну, и понимая это, всё предстоящее уже не видится человеку таким неосуществимым. Ему лишь следует правильно распорядиться своей единственной настоящей жизнью. Дорогой, неповторимой и обязательно счастливой.

Счастье, когда найдёшь в жизни для себя самое важное. Вот это важное и следует, несмотря ни на что, осуществить. Если ты не справишься с возложенным на себя жизненным обязательством, тебе придётся вновь насладиться восхитительной несправедливостью и красотой этой земной жизни в лице другого человека, собаки или глухаря, обретая недостающее знание.

X X X

Ни за что бы ни догадался, что обычный апрельский ледок имеет свойство увеличительного стекла: если его вовремя не разбить внизу ствола, он напрочь сжигает корневую шейку плодовых деревьев.

X X X

Сколько зимой не броди в округе, а не сыскать столько лисиных набродов, как вблизи деревни… Так привлекает рыжую кумушку дух куриного и гусиного жилья, что она пренебрегает главной опасностью – человеком!

X X X

До боли в сердце мрачнеют дали в октябре…

X X X

В природе, как и в человеческой жизни, всё происходит далеко не так гладко, как это, на первый взгляд, кажется. Чтобы создать спелый отборный лес, ей требуются десятки столетий, слагающихся из бесконечного множества сменяющих друг друга древесных стволов, из года в год неудержимо взметающихся к небу, перегнивших от них долговременных завалов, ветров, образующих переносом семян новые лесные массивы, или прорезающих собой в древних глушинах прогалинки, открытые свету…

Благодаря этой невидимой для глаз работе природных сил земля когда-нибудь родит необыкновенный сосновый бор под облака, вековечную раскидистую дубраву или несравненную по красоте рощу белоснежных берёзок, налитых её живительными соками.

X X X

Волчьим оком светит в сумерках, вдали, обездоленная луна, зыбко видится за полем присмиревший лес… Всё сильней заметают и кружат в нём злые метели, заносят неуверенные санные пути.

По деревням дрожат, словно оледенелые зрачки, окна изб. Идёт по земле зима, и покажется вдруг, что всякий в ней, как старый ворон, одинок…

X X X

Иной раз день, проведённый в лесу, бывает так хорош, что не знаешь – как его пережить?!

X X X

Нередко человек, подобно животным, умело подлаживается под обстоятельства, чтобы спасти свою жизнь или достичь необходимой цели. Но должно ли подобное свойство проявляться в такой мере в человеке, и не означает ли это то, что он в какой-то момент оказывается наравне с животными?!

Человек не в силах оторваться от природы, вернее, преодолеть её в известном смысле, ибо природа в нём ещё очень сильна, а особенному её усилению, как ни странно, способствует разум. Неугасающий животный инстинкт, подстёгнутый изощрённостью мысли, порождает удивительную неразрешимость, вынуждающую человека, спасаясь, уничтожать.

X X X

Проснутся зелёные лягушки, запоют озабоченные дрозды, потянет над берёзками лесной кулик-вальдшнеп, разломится на груди апреля весна, возвращая на землю долгожданную для всех радость… «Ква-ква», - скажет она, и во весь рот улыбнётся.

X X X

Что заставляет людей примеривать зверей на свой лад?

Кому-то нравится выдра, медведь или рысь, кому-то – глухарь. Каждый, почему-то, ищет и находит в животных своё…

Может быть, прошлое? Или то, чего человек не в силах разгадать в себе в настоящем?!

В любом случае, он не может обойтись без живых примеров в окружающей его природе, и звери с птицами олицетворяют для него возможность обрести собственную исконную суть.

X X X

Человеку должно вернуть зверей и птиц на расстояние глаз, и с этой точки начать своё открытие их до сих пор непознанной жизни.

X X X

Сыплет осиновый, липовый и рябиновый листопад, и в лесу становится мягко, неслышно… В этой завораживающей дух тишине нет ни звуков, ни мыслей, ни чьего-либо присутствия, но от этого не одолевает пустота, и безделие твоё незаметно полнится отрешённым созерцанием.

X X X

Первоначальная непорочность человечества унаследована им из неистощимого родника природы. Кладовая её так богата, что, умирая сердцем при жизни, каждый человек возрождается вновь в своём ребёнке.

X X X

От любых бед спасает удивительный мир природы, кроме предотвращения того дня, что уже никогда для тебя не наступит… Но даже в нём этот живительный мир останется и прольётся над тобой слепым дождём, заблестит солнечным лучом или прошумит вольным ветром в верхушках раскидистых сосен.

X X X

Чем чаще человеку удаётся найти в лесу такое, что смогло бы поразить и, быть может, даже повернуть жизнь иначе, тем больше он начинает опасаться этих открытий из-за их кажущейся конечности в приобретении неведомых дотоле знаний. Не подлежащая сомнениям убеждённость или опыт, когда он ограничен каким-либо не зависящим от воли человека обстоятельством, часто убивают энергию поиска, тогда как хочется всё же верить в беспредельную цельность природы, ибо в её неутомимом познании человек обретает для себя смысл существования. Каким будет его завтра, если человек доберётся до основных, не дающих ему покоя истин?

Хорошо, если эти знания позволят ему когда-нибудь заглянуть в новый, ещё неизведанный мир, который распахнёт перед ним неисчерпаемые возможности для радостного труда. Только бесконечность в открытии радостей бытия поможет лишить человека серости в его пребывании на земле.

X X X

Однажды, весной, я понял, что самое приятное для меня – возвращаться с глухариного тока в натопленный деревенский дом, который был подарен судьбой.

X X X

Ароматней земляники в июльском лесу могут быть только воздух, утро и жемчужная роса.

X X X

Важно ощутить гармонию взаимоотношений в природе, когда она быстро проникает в тебя и великодушно вводит в свой мудрый круговорот, что в полной мере недостижимо среди людей.

X X X

Человек, если захочет, всегда может услышать голос природы, потому что она говорит с ним на языке чувств.

X X X

Беззащитен заяц, чаще всего пуглив и осторожен, а всегда рад зимнему солнышку, сиянию голубых снегов и сладкой осиновой корке.

X X X

Попав в лес, человек почему-то не терпит в нём соседства другого человека, и всяким образом его избегает.

X X X

Человек безрассуден, если в расцвете сил не предполагает возможного наступления смерти. Он должен жить так, чтобы всегда быть готовым к ней. Способность оставаться спокойным и мудрым сближает его с достоинством существования зверя.

X X X

Однажды, к своему удивлению, я обнаружил, что осенними листьями может пахнуть и … чёрно.

X X X

В мире животных разумность гораздо более универсальна и отшлифована природой до недосягаемой человеком простоты. Щепетильность принимаемых человеком мер по усовершенствованию своего рода выглядит очень невыгодно и убого на фоне жизни животных.

Так, право называться птицей обретает только перелетевший океан и породивший затем здоровое потомство. Перелёт – экзамен для духа и плоти, и тот, кто не преодолеет это испытание, не оставляет слабых птенцов. Своей уязвимостью он уже не будет обременять сородичей.

Человек, обнаружив в себе порок, из общего движения не выпадает, а старается путём недобросовестности и злого умысла достигнуть желаемого сохранения, даже - превосходства. Изощрённость и ущербность его разума потенциально усиливаются при этом, а способность быть мудрым не развита в нём в той степени, чтобы предотвратить насилие, предполагающее вырождение.

В отличие от человека птицы поражают и восхищают своим совершенством, но даже эти неограниченные возможности они используют очень рационально. Часами парящий над лесом коршун обычно не машет крыльями, а использует силу и скорость ветра, умело лавируя в бесчисленных потоках воздуха.

X X X

Идёт весна… И всё вокруг – земля, птицы, деревья и небо в восторге от происходящего!

X X X

Тонет лиса по уши в рыхлом декабрьском сугробе, а никуда не деться – это её лесная обитель: холод, голод и курятная лавочка.

X X X

Вошёл в лес охотник – и всё в нём насторожилось.

X X X

Природа поступает очень мудро, компенсируя возможность беспрепятственной деятельности человека его неминуемой расплатой за поступки, осуществлённые им против неё, то есть – вопреки здравому смыслу.

Чем ниже находится живое существо на эволюционной лестнице, тем сильней должно быть воздействие, чтобы болевая реакция стала очевидной. Боль, которая ожидает человека, может оказаться для него невыносимой.

X X X

Да, я – апрель… Но почему я стремлюсь к тому ноябрьскому ветру, что однажды ночью унёс меня от земли?

X X X

Неизвестно, когда глухарю приятнее набивать зоб: осенью – осиновым листом и сосновой иглой, или весной – ольховой и берёзовой серёжкой, подснежником и молодым хвощом? Глухарь, должно быть, рад любому времени года, если оно не тяготит его своей несправедливостью, исходящей, на деле, только от человека.

X X X

В глазах животного над другими чувствами чаще всего преобладает дерзость, предполагающая отчаянное противление людскому варварству и нахальству. Не желая иметь с человеком ничего общего, звери только оставляют его в пугающей безвестности, словно пронзая своей неукоснительной лесной правдой. Дальше этой отторгнутости человеку никогда не продвинуться в узнавании животного мира, пока он сам не обратится в очаровательного, дикого, но мудрого зверя.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, что случается даже в самый разгар весны, и знать, что назавтра обязательно выглянет солнце!

X X X

Для любого человека лес хорош тем, что в нём можно свободно выбирать для себя самое нужное, без чего не обойтись в людской жизни, именно сейчас. Может быть, это будет сказочная жуть потаённой лесной тропы, светлая земляничная поляна или укромный перелесок с крепкими боровиками… А кого-то увлечёт нескончаемость первозданной тайги, скрывающей под своим таинственным пологом радости и печали дикого звериного мира.

X X X

В лесу иногда забываешься и идёшь туда, куда несут тебя ноги… А потом вдруг обнаруживается, что лес всё понимал про тебя и направлял в твоих неясных устремлениях, и ты подчинялся ему беспрекословно, потеряв счёт времени и ощущение пространства. Лес выводил тебя именно к тому, о чём ты больше всего мечтал, и чего даже не решался попросить у него.

X X X

Бывает так, что душа ожидает снегопадов, а как только они зачастили, она уже грустит о первых капелях, и это выказывает в человеке неудовлетворённость его собственной жизнью, непонимание того, что всему в жизни – своё время, и его необходимо принимать с радостью и достойно.

X X X

Люди и не подозревают, что Господь даровал им жизнь на равных правах с животными и птицами. Те немногие, кто догадываются об этом, минутами живут мудро, хотя и ходят подолгу разочарованными. Разочарование их допускает такое сознание, что минуты эти не способны изменить мир. Но имея всё необходимое для постижения таинств звериной жизни, человек всегда оставляет за собой возможность к духовному возрождению.

X X X

Ни в небесной лазури апреля, а в непроходимых сугробах января постигаешь потаённую суть лесной жизни.

X X X

Глаза весны в апреле полны ручьёв…

X X X

Устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Тысячи сладких поцелуев природы заключены в глотке берёзового сока, но она ещё никогда и никому не отдавала всё без остатка. Природа имеет свою тайну, чтобы не растратить накопленное в себе величие и богатство: иначе бы её давно и бессовестно опустошили.

X X X

Когда всё в жизни человека складывается удачно, судьба благоволит к нему, значит, он всё делает правильно, угадывая оставленные для него Существованием знаки. Одно из самых запоминающихся знамений – сокровенное слияние с лесной чащей, её полное принятие… Человеку на своём жизненном пути совершенно невозможно обойтись без неё, лучше кого-либо преподающей ему знание, развивающей душу и остающейся при этом вечнозелёной.

X X X

Животные обладают свободой, которой так не достаёт человеку.

X X X

В отличие от сытых лесных голубей вяхирей, что любят подремать и погреть свои грудки на ласковом солнцепёке, наливаясь его мягким пурпурным цветом, удобно расположившись на какой-нибудь одиноко стоящей сушине, глухарь набирает краски в сумраке потаённой лесной чащи.

X X X

Странно, но в апреле ты не ждёшь, когда распустятся нежные листья и первоцветы, хотя и любуешься ими, а всё больше проникаешься свободным дуновением вешнего ветерка, что и приносит в нашу жизнь восхитительные перемены.

X X X

Хорошо известно утверждение Солженицына о том, что в тюрьме интеллигент может выжить только достаточно отупев, огрубев в своих чувствах. Не схоже ли подобное состояние с положением животного, у которого простые и понятные инстинкты заменяют расхожие людские мысли, и не легче ли ему

поэтому переносить невзгоды лесной животной жизни? Так и бы человеку, ибо внутренние пустые метания, наверняка, когда-нибудь его погубят.

X X X

Природе свойственно удивительное внешнее обаяние, но только благодаря внутренне присущей ей твёрдости, она, отчасти, и воспитывает мир человека. Сознание же человека удивительно трагично, потому как человек не приучился к непрестанной внутренней работе, незаметно и ежечасно совершаемой в природе.

X X X

В лесу хорошо и чисто вокруг, но это лишь внешний мир, а внутренний неимоверно насыщен и сложен.

X X X

Всегда ли для собственного удовольствия поёт соловей?!

X X X

Почувствовав себя однажды апрелем, я понял, что в один миг могу рассмеяться или заплакать.

X X X

Человеку присуще обожествлять природу, придавая несвойственные ей черты, тогда как у неё имеются свои добрые стороны, очень приятные и обаятельные, через которые человеку и следует примериваться к собственной жизни.

Это – неназойливое и надёжное природное добро, воплощённое в тысячах маленьких жизней. Непременное ангельское терпение, претворяющееся в заботах родителей о будущем всех этих звериных существований, и, в связи с этим, врождённая и спокойная уверенность в предназначении собственных жизней.

А как не упомянуть верность обитателей леса по отношению к друг другу? Вдобавок - высокая организация природного бытия, хотя и повторяющаяся от поколения к поколению, но не дающая сбоев. Всё это, и ещё многое другое, что, как ни странно, призвано привести человека к духовному обновлению.

Животный мир природы ему в этом – необходимая опора, что постоянно присутствует рядом и ненавязчиво напоминает о себе. Непростительный грех – не замечать его. Ещё более опасный путь – сведение неподражаемой природы на нет.

X X X

Можно годами ходить в лес, довольно часто натыкаясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь в отличие от лисы, лося или медведя, что хоть изредка да посчастливится наблюдать.

Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность, и тотчас исчезая из поля зрения человека. В этой удивительной способности проявляется ум животного, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

X X X

В каждом из нас живёт природа. В одном – неудержимым волчьим воем, в другом – трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то – таинственной глухариной песней… Счастлив тот, кто отгадал её в себе и принял.

X X X

Лес по-своему разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым восприятием существующей вокруг жизни, чем не внушающая доверия убеждённость человека.

X X X

В неведомой глубине леса живёт неведомое чувство природы, лишь иногда улавливаемое человеком, но являющееся постоянным сюжетом его неясных домыслов. Человеку очень хочется верить, что когда-нибудь он преодолеет своё незнание, и всё это неведомое и такое притягательное рано или поздно откроется ему. Ведь лес неравнодушен к неутомимым людям, и дарит им за преданность к собственной жизни свои чудесные тайны.

X X X

Даже если ошибёшься в своей любви – апрель всё исправит.

X X X

Я рано понял то, что должно было понять в отношении моих частых поездок в лес: в таких случаях следует оставаться непременно одному. Только тогда наступает спасительное обретение.

X X X

Чутко прислушивается к неугомонной жизни весеннего леса таинственный глухарь и, наверное, совсем не мечтает о лете.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное тогда становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X X X

Злые метели звериному чуткому сну не помеха.

X X X

Больше всего на свете мне нравится собирать из общеизвестных слов музыку чудесных мыслей. Апрель, как никакой другой месяц, помогает в этом. Только в апреле постигаешь: в тебе есть всё для того, чтобы стать по-настоящему радостным и счастливым.

X X X

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь и не можешь найти, к тебе приходят звери и птицы… Это могут быть книги или фильмы о них, рассказы бывалых людей, надолго связавших свою жизнь с миром леса, твои собственные встречи с лесными обитателями: они – подарок судьбы. Их появление – это напоминание о том, что ты должен сделать как человек. Например, не уставать приобретать для себя достойное знание природы, и не быть к ней пренебрежительным.

X X X

Горечь хвойной иголки глухарю слаще любой ягоды.

X X X

Трагедия каждого человека заключается в невозможности или чрезвычайной сложности установления подлинных взаимоотношений с другими людьми. Она основана на серьёзной ограниченности веры в себя: человек в состоянии быть собой пока только в уединении.

Редко, кто способен преодолеть собственную отрешённость и выйти за её рамки, открыв свою душу. Но рано или поздно он должен их превозмочь, и в этом ему постоянно помогает природа.

X X X

Почти у самой деревни наблюдал любопытное зрелище: ворона, во много раз превосходящая по размерам дрозда, спасалась от него бегством. Что вынудило её к этому, а дрозда, наоборот, окрылило?! Должно быть, только наглое воровство, при том, что дрозд, наверное, бесстрашно защищал своё семейство.

X X X

Человек понимает, что испытывая заботу к себе подобным, он всё более возрождается для новой жизни. Но вместе с тем, в отличие от животных, что не перестают быть преданными к своим сородичам, со временем почему-то утрачивает постепенно эту замечательную способность. Любовь имеет значение, если ты готов изливать её из своего сердца бесконечно.

X X X

Не знаю, как объяснить, но я всегда чувствовал свою связь с лесом. Даже маленьким мальчиком, когда меня пугали дедушкиной охотничьей плетью, тяжело свисающей на ржавом гвозде в тёмном чулане…

X X X

Если человек лезет в мир природы, она давит его с неравнозначно большей силой. Природа очень серьёзна и не терпит безоглядного вмешательства. Следует понимать, что живя на её поверхности, человек может добывать себе всё необходимое, а если берётся вступать в таинства природы, то должен совершать это с уважительным благоговением.

X X X

Как бы ни было развито твоё воображение, по-настоящему его будят только беспрестанные и, кажется, совсем обыденные наблюдения леса.

X X X

Медведь не спеша переходил лесную просеку, старый заброшенный волок, а вокруг было так тихо, что казалось – это сон. Усталые листья неслышно осыпались на мокрую землю, бледно-голубое небо безмолвно перевернулось в зеркальных лужах, а ночная сырость стёрла даже запахи. Царственная осень ненавязчиво расположилась у самых твоих ног, и тоже как будто задремала.

Но вдруг луч солнца высветил лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу всё всколыхнулось, задвигалось и … проснулось.

X X X

Как бы человек ни стремился ублажать свою жизнь обворожительными тайнами леса, а не выходит у него с ним согласия: собственное неустройство не позволяет.

X X X

У Соколова-Микитова в одной из книг приводится любопытный факт каннибализма среди птиц. Речь шла, в частности, о голодных совах, оказавшихся в общем вольере. Известно, что, в отличие от дневных хищных птиц, совы съедают добычу вместе с перьями и мелкими костями, которые отрыгивают потом в виде круглых комочков – «погадок». Так вот, совы в ночной темноте убивали и съедали своих подружек, оставляя в память о них только маленькие иссохшие шарики.

Несомненно, что на свободе совы не вели бы охоту на своих собратьев, но критическая ситуация вынудила их к подобным действиям. Трудно представить и то, если бы совы, являющиеся к тому же и хищниками, умерли с голоду, так и не притронувшись друг к другу. Сочетание поразительного ума и изощрённости, порой непостижимых для человека, с одной стороны, и жестокости, на которую в полной мере способно лишь животное, с другой, всегда обескураживает.

Отмечая у некоторых зверей и птиц удивительную способность выходить из тупикового состояния, как вида в целом, преодолевая якобы установленный для них природой непреодолимый барьер, мы ещё более поражаемся, когда узнаём о каких-то, казалось бы, не заслуживающих внимания повадках животного. Наш ум и сердце не в силах принять эту удивительную звериную неразрешимость, от столкновения с которой всегда хочется более предполагать у лесных обитателей склонность к гармонии, нежели запрограммированность сурового жизненного поведения.

X X X

Дивному снегу все чудеса доступны.

X X X

Неисчислимыми поколениями зверей, птиц и цветов лес копит в себе воспоминания о лучших днях своей молодости и никогда не стареет.

X X X

Цветы – это незабываемые знаки памяти земли, хрупкие символы преданности самому лучшему, что она хранит в своих недрах.

X X X

Не надо забывать, что как бы тяжело природе не приходилось, она никогда не перестанет быть нашей защитницей.

X X X

Над самой головой вдруг качнулась еловая ветвь: это куница прыгнула на неё с другого дерева. Лапы зверька мгновенно напряглись, разъехались в стороны, но не удержались. Куница сорвалась, тукнулась о землю и, раскрыв пасть, дохнула своим утробным облачком пара, и в этом маленьком зверином оскале выразилось всё существо леса, призванного не нападать, а оберегать себя.

X X X

Неимоверной силой и гармонией наполняют меня мои сокровенные бдения в лесу. Но трудно бывает сохранить и употребить это недолгое волшебство могущественных лесных сил.

X X X

На ласковом мартовском солнышке коричневые серёжки доверчивой берёзы невидимо бархатятся, набухают докрасна и … не знают, как передать себя обманщику-апрелю.

X X X

Как сонно и сладко длится зимою жизнь, как до жути замечательно и просто берегут её покой волки.

X X X

Родившись мальчиком-октябрём, юношей я стал в июле, мужчиной же почувствовал себя в апреле… Старость, наверное, попытается занести меня февральскими метелями, но именно в апреле я окажусь опять на краю крыши своего дома.

X X X

Жить стоит хотя бы ради того, чтобы записывать мысли, любить женщин, вдыхать звуки и запахи леса.

X X X

Дикие животные прекрасно понимают голоса друг друга, чего не скажешь о людях.

X X X

Уже немало о жизни леса знает тот, кто его своим видом не озадачивает, усталости и чрезмерному веселью в нём не предаётся, а смотрит вокруг спокойно, в полной и незамутнённой ничем определённости своего присутствия среди лесной тишины.

Лес замирает при появлении такого человека и если принимает его, то сразу оживает, оглашая сонмом звуков и представляя частью себя. Когда же что-то в человеке становится лесу не по нраву, он, затаившись, ждёт долго, пока шаги человека не растворятся совсем.

X X X

Ворона всегда сидит головой к ветру, потому, что это для неё самое выгодное положение: ветер скользит у неё по перу и птица не зябнет так, как если бы повернулась к нему боком или задом.

X X X

В каком бы настроении не приходил в лес – всегда стережёт тебя в нём мгновение, когда дыхание непроизвольно учащается и ноги сами начинают нести навстречу неизведанному. На этом пути всё вокруг проникнуто тайной и красотой.

Но торопясь, ты рано или поздно понимаешь, что тем самым отдаляешь переживание подлинной остроты чувств и видение. Околдованный красотой, человек обычно безоглядно забывает, что ни одно откровение ОТЦА-ЛЕСА не касается его так ощутимо, как это происходит в момент неторопливого и вдумчивого созерцания.

X X X

Утренние и вечерние сумерки в природе абсолютно схожи… Но, однако, о первых говорят поэтически возвышенно и проникновенно – сиреневые, а о последних, с налётом необъяснимой грусти, – тёмно-синие.

Виной тому – разделяющий их день… Утром наше отдохнувшее восприятие переполнено радостью; к вечеру же, уставшие, мы не ждём ничего, кроме успокаивающей темноты.

X X X

Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

X X X

Человек, в отличие от животных, более разносторонен в своих возможностях, но тайна, которую он несёт в себе, объединяет тайну всех живых существ на земле.

X X X

Чтобы быть свободным, достаточно почувствовать себя им, и лучше всего для этого отправиться в лес.

X X X

Господь Бог вырастил леса на пользу человеку, и потому каждое дерево, зверь или птица в нём – Божьи, их надо оберегать. Зима помогает человеку в этом, заботливо укрывая лесных обитателей своим теплом от ненужных волнений и тревог.

X X X

Когда сталкиваешься в лесу с границами своего понимания, по-видимому так никогда и непреодолимыми, становится неописуемо грустно, и тебе хочется превратиться в глухаря, медведя или волка, чтобы их насыщенный внутренний мир стал и твоим.

X X X

Доблесть, красивые птицы и необъяснимая тоска – всё исчезнет, не исчезнет только величественный ветер.

X X X

Чем больше мы желаем увидеть какого-либо зверя или птицу с целью узнать о них нечто ещё неизвестное, тем реже нам это удаётся. Человеку надлежит вести себя в лесу естественнее, поскольку чувствительные животные на расстоянии улавливают исходящую от нас энергию мысли, и остерегаются. Как тут не вспомнишь случаи, когда, по разным причинам, мы забываемся, не концентрируя своё внимание на обитателях леса, и именно в такие моменты неожиданно совершаем для себя удивительные открытия!

X X X

Наивысшая сладость ягоды не в лукошке, когда усталый и довольный приносишь его домой, а в том, что ешь её в лесу, прямо с куста, может быть, под слепым дождём или в разомлелый августовский полдень… Всё своё волшебство любая ягода теряет в тот момент, когда её срывают и выносят из леса.

X X X

Ничто не приносит такого блаженного покоя, как летнее солнце!

X X X

Как замечательно, должно быть, хоть раз в жизни справиться с собственными недугами и ленью, что оставляют ни с чем, встретить в деревне дружную весну, и прошуметь вместе с ней от начала и до конца, пережив все её головокружительные всплески!

X X X

Любой животный или растительный организм, переживая какие-то необычные явления – смерть, болезнь, нежелательное воздействие посторонних, неминуемо создаёт вокруг себя чувствительное энергетическое поле, оказывающее влияние на находящиеся рядом организмы.

Если человек пилит живой кедр, то рядом стоящий гигант обязательно реагирует на это действие, неимоверно переживая и мучаясь. Человек же, как правило, ничего не чувствует, в лучшем случае изредка ощущая в душе необъяснимый дискомфорт, который, впрочем, скоро исчезает.

X X X

Густую еловую ветку в народе издавна называли «ведьмина метла», потому как никакое другое дерево не могло подарить настоящую сказку про загадочный лес.

X X X

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем подобное следствие принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну, а если зверь проявляет агрессию, что в его положении вполне естественно, то наше восприятие принимает её за основу его дикого нрава.

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы медведя, волка или рыси, тогда как должны были оставаться для себя и для них высшим мерилом блага, сохраняя за собой право проявлять в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

X X X

Человеку невозможно пропустить весну мимо себя, особенно – вне города, потому что именно в эту пору он становится необычайно восприимчив.

X X X

В лесу иногда встречаешь на деревьях узлы самой невообразимой формы… Эти наплывы – неясные для человека движения души деревьев, их горестная память и скрытые переживания, которые они почти всегда преодолевают и не перестают тянуться ввысь.

X X X

Так ли уж бесплодно бывает на деле восхищение каким-либо зверем или птицей?!

X X X

Бывает, и у зверей случается такая опасность, когда даже матёрый волк покидает стаю, но и это сигнал для других волков: каждый заботься о себе!

X X X

Когда ты ещё молод и не нашёл в своей жизни ни одного глухариного тока, душа твоя томится неизъяснимой тоской… Кругом журчат ручьи, зяблики оживлённо перебегают по первым проталинам у крыльца лесной избушки, солнце без устали жарит снежные бока оплывающим сугробам, а тебе не сидится на месте.

Всё не то и не так, чего-то главного не хватает в этом восторженном празднике света, где всюду тебе чудится подвох. Душа твоя тянется к самой важной тайне весны - к недостижимым глухарям, что таятся и величественно провозглашают в предрассветной темноте о нескончаемости земной любви.

Где и как отыскать её в многоголосом весеннем лесу?!

X X X

Со всей очевидностью иной раз представляется, что лес по-человечьи думает, дышит и так же, как и человек, отчего-то на время забывается.

X X X

Дымящиеся на крутогоре проталины – первая улыбка пробуждающейся ото сна земли, отчего и тебе хочется им улыбнуться.

X X X

По повадке глухарь осторожен, скрытен и могуч, но и у него есть нежные перья, что украшают налившуюся яркой зеленью грудь и распушившееся опаловое подхвостье во время страстного токового пения.

X X X

Может ли человек пройти иную жизнь, не связанную с жизнью природы? Нет, он стремится переосмыслить опыт природы из побуждения познания и себя, и окружающего мира. Стремление это его благородно и единственно верно, поскольку более человеку ничего не остаётся. Став на путь поиска, он обретает право быть действительно свободным, в чём, впрочем, отчасти напоминает обычного зверя.

X X X

Кругом ещё лежит снег, а на вытаявших пригорках загорелись жёлтыми головками первые цветы мать-и-мачехи… Всегда спешишь дотронуться до них, опустившись рядышком на колени, и даже не обращаешь внимания на то, что штаны намокают от липкой глины. Обо всём готов позабыть в охватившем тебя весеннем удивлении: как нежно пахнут скромные первоцветы мёдом!

X X X

Ночью, в хорошую погоду, река или ключ всегда шумят в низовьях, а если вверху – жди дождя или ненастья.

X X X

На первый взгляд кажется, будто сучок на дереве глядит в тебя равнодушно, не проявляя интереса, на самом деле - это мудрое око чащи, что по-медвежьи, исподтишка, внушает преклонение перед неизменной лесной древностью и тайной.

X X X

Во сне мне часто снятся одни и те же лесные места, в которых я, вроде бы, неоднократно бывал, но вот что странно: наяву ни одно из них мне не встречалось.

X X X

Ясный апрельский день может сравниться с чисто вымытым оконным стеклом, через которое пробивается в дом ласковое тепло.

X X X

Сон в лесу – наилучшее средство против телесной усталости и душевных огорчений.

X X X

Многим людям стоит поучиться предусмотрительности зверей… Так, волки, оставляя информацию о себе, стараются подвесить помёт на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

X X X

Лесная птица рано просыпается – к доброму дню.

X X X

Множество созвездий может ссыпаться в ладони страждущего человека драгоценным подарком, но осторожно, с трепетом снимаешь с неба лишь одну бриллиантовую подвесочку, а то и вовсе, не прикасаясь к этому небесному сокровищу, любуешься какой-нибудь еле приметной звёздочкой, и ощущаешь себя самым богатым.

X X X

Времена года проходят сквозь меня, и каждое оставляет в душе или искристый налёт инея, вязко похрустывающий от мороза, и поэтому приятно осеняющий её зимними ясными картинками, или вкрадчивый шорох опадающей листвы, навевающий тихую неизъяснимую грусть, либо роскошный жар середины лета с еле угадываемым в нём ароматом васильков и ромашек… Все времена года созданы для того, чтобы, научив человека хранить память о жизни, помочь ему ощутить на земле истинную свободу.

Люди не зря привыкли вкладывать в состояние природы собственные настроения и, сами того не замечая, наделяют неодушевлённые предметы и явления присущими себе свойствами. По нашему разумению, ветер должен быть щекаст, и он непременно дует, солнце не иначе как ласкает своими лучами, резвый ручеёк бежит меж камней, а дождь идёт. Человек, не утруждая себя необходимыми догадками, желает, чтобы всё было так, как он хочет! Разве это не пример, как природа помогает нам оставаться самими собой, как она дорога нам своим неповторимым обаянием и простотой!

X X X

В начале декабря трудно представить, что обычный белый снег может сверкать всеми цветами радуги, которые он незаметно копит в течение долгой зимы, и так же неприхотливо дарит нам к началу весны.

X X X

На местах лесных пожарищ в первую очередь появляется кипрей, или иван-чай, обладающий колоссальной энергией прорастания. Именно кипрей залечивает ожоги земли, укрепляя её поверхностный слой и вдыхая в него своим появлением жизнь.

X X X

Вскрикнет в свете потухающей зари ночная птица, землю обнимет тишина, а в лесу словно кто-то чуть слышно заплачет, и тогда вдруг дрогнет твоё сердце…

Долго потом не спишь и всё думаешь: что бы это могло быть, и отчего на душе становится так невыразимо тяжко?

X X X

Как старая медведица вытаскивает за собой из берлоги молодого лончака, так и Большая Медведица вытягивает за хвост Малую, указывая ей на небе её звёздное место.

X X X

Лесной человек всё видел и всё знает.

X X X

Лучезарный восход, роскошный закат, а между ними – ослепительное золото целого летнего дня, что так и не успевает до конца отгореть, и остаётся в душе до

следующего, ещё более ослепительного восхищения разомлелой роскошью летней жизни.

X X X

Светило яркое солнце… Вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют, и вот-вот прекратят свою жестокую забаву. Но всё же волки доканали косого, как это обычно происходит у зверей: просто, с хрустнувшими позвонками, брызнувшей на снег кровью…

И навалилась вдруг на сердце тягостная безысходность, спеленала его так, что трудно было жить весь тот день, и ещё всю ночь, и даже под утро забывался я в рваном полусне, не в силах преодолеть в не успокаивающемся сердце необъяснимую и дикую тоску.

X X X

Всякий человек невольно забывает себя в лесу, и мысленно превращается в кого ему захочется, но никогда не может объяснить, как и почему это происходит.

X X X

Весной, на глухарином току, мне всегда кажется, что давно утерянная радость от переживания жизни возвращается.

X X X

Если хочешь, чтобы природа открылась во всей своей силе, помыслы твои должны быть абсолютно чисты, ибо природа безошибочно угадывает, когда человек этого достигает.

X X X

В поисках понимания всего живого человеку может помочь только его доброе сердце.

X X X

Смотришь строгой январской ночью на небо и начинаешь воспринимать всё это бесконечное пространство как глубину души гигантского существа, как ни странно, похожего на человека.

X X X

Как красная тетеревиная бровь горит над лесом узкая декабрьская зорька, а самим тетеревам ещё спать да спать.

X X X

Сочинение лесных рассказов необыкновенно ещё тем, что, передумывая однажды приключившееся с тобою в лесу происшествие, повторно переживаешь своё удивительное путешествие, открывая в нём то, чего ранее и не заметил.

X X X

Полночной порой ловишь себя на мысли: такая странная проникновенная освещённость исходит от луны, что её околдовывающая гармония, перетекая в душу, незаметно усыпляет все чувства.

X X X

Так хочется понять язык горихвосток и пчёл, жаворонков и журавлей, трубный зов сохатых, восторженные трели синицы поутру и, наконец, секреты глухариной песни, звуки которой древняя птица величественно роняет весенней порой, но более всего почему-то завораживает холодящий душу вой волков, его неизбывная таинственная тоска.

X X X

Может быть, из-за привычки видеть каждое лето наши обыкновенные луговые и лесные цветы мы и не замечаем их истинной прелести, а всё больше восторгаемся надменными розами и дикими орхидеями?!

X X X

Страшно оставаться в ночном лесу одному, хочется с кем-нибудь разделить свои опасения, но только в одиночестве можно открыть и в нём, и в себе что-то важное.

X X X

Что грезится в стране деревьев тем, кто ещё достаточно не выросли по сравнению с великанами, упирающимися макушкой в небо? И замечают ли их эти великаны, достающие по ночам до звёзд?

Все деревья, независимо от возраста, сосредотачиваются, наверное, только на себе, и нет предела их устремлённому подвижническому терпению.

X X X

Любовь у зверей, прежде чем перейти в яростный гон, всегда начинается безобидною игрою.

X X X

Когда научишься принимать безудержную декабрьскую метель как устемление собственной души, все невзгоды незаметно отпадают, и остаётся твёрдое желание быть любимым и любить, и ты веришь, что желание твоё обязательно сбудется.

X X X

Осенняя роса неприметная, серовато-прозрачная, и, бывает, пройдёт целый день, а ты её так и не разглядишь в сердцевине лопуха… Только принимая всю природу близко к сердцу, мы не рискуем ничего пропустить.

X X X

Ничто так не возвышает по весне людскую душу, как зрелище птичьего перелёта.

X X X

Август с сентябрём – родные братья, они идут рука об руку, однако высокое и серое сентябрьское небо, в отличие от низкого и чистого, с большими лебяжьими облаками августовского, становится строгим и недоступным.

X X X

Укромно и незаметно живёт земляничная поляна, но только подует лёгкий ветерок – обдаёт ароматом всю округу.

X X X

Возможно, оттого, что я очень люблю глухарей и давно наблюдаю за ними, они в последние годы и стали жить в каких-нибудь полутора-двух километрах от нашей деревни.

X X X

По весне земля – будто желторотый птенец, переполненный жаждой жизни. К осени же она незаметно вырастает в огромную диковинную птицу, которая не ведает, куда и зачем ей лететь.

X X X

Снежные сугробы за зиму так уходят в себя, что их спокойствие не возмущают даже стремительные апрельские ручьи!

X X X

Бывало, забредёшь за чем-нибудь июльским утром в прелые заросли крапивы, что притаились в укромной тени за баней, и вдруг обнаружишь там совсем иную жизнь, которая никак себя не проявляет и, бывает, пройдёт всё лето, а ты о ней так и не узнаешь.

X X X

Природу отличает непрестанное очищение, ему подвержено существование всех птиц, зверей и растений. Итог же развития человека таков, что он не испытывает чувства преклонения перед лесом, даже не думая о нём.

X X X

Выдастся в конце февраля оттепельный день с размытой неопределённостью пахучего воздуха, с замирающей под самым сердцем тревогой, и ты не спеша отправишься в лес и, постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в самом себе.

X X X

Иной раз, по каким-то необъяснимым признакам, угадываешь, что вот именно в этом лесном месте должен выйти тебе навстречу какой-либо зверь, и он действительно появляется.

X X X

Белые грузди – словно лебеди среди грибов, с присущим только им разлётом плавных линий сияющей белизной шляпки.

X X X

Жалко до слёз поваленную под Новый год зелёную красивую ёлку…

X X X

Осенью, как и весной, чутко вбираешь в себя всё происходящее и слухом, и дыханием, и глазами, но тебе, всё-таки, не достаёт чего-то особенного, что так отчётливо проникает в душу в мае, а в сентябре утекает из неё.

X X X

Белый снег так одинок в своей всеохватности, что никто не в силах разделить её с ним, и он пускает холодные белые стрелы в воздух, будто силясь добиться чьего-либо расположения, но ничего у него не выходит. Обессиленный, отрешённо кружит он, не находя приюта, покорно ложится на землю и замирает, в мечтах, наверное, уносясь к равнодушному небу, что однажды обрекло его на неразделённость необъятной печали, и тотчас о нём позабыло.

X X X

Осенний лист падает с ветки безжизненным, но, оторвавшись, будто обретает недостающую ему после долгой неволи свободу, наслаждаясь возможностью закружиться и улететь.

X X X

Ни одна черта в образе оляпки не выдаёт её пристрастия к воде, однако как ловко бегает она по дну ручья, выбирая при этом стремнину!

X X X

У птиц и зверей от вольной жизни вырабатывается особый ум, которого недостаёт закрепощённому в собственном эго человеку.

X X X

Я всю жизнь шёл к солнцу, но, ощущая его живительное тепло, мне всегда было совестно оставлять без внимания холодную тьму.

X X X

Всё в лесу имеет свою душу, и если прислушаться как-нибудь к тому же ветру, то сразу отличишь: он сам заводит с тобой разговор о том, что и почему для тебя наиболее важно, но пока почему-то недостижимо.

X X X

Смотреть – значит, стараться понять, думать – значит, стремиться проникнуть в любое время и в любую точку Вселенной.

X X X

К лиловым крупным колокольчикам у меня почему-то всегда особое отношение, но спроси отчего – и не скажешь.

X X X

С первой порошей прибавляется белого чистого света, вроде бы, раньше зажигается робкое розоватое солнце, и ещё ярче искрится на лёгком морозце прозрачный воздух… Даже вездесущие чечётки, снегири и синицы, и без того, кажется, никогда не унывающие, приободряются и без устали перепархивают с дерева на дерево. Но более всего в эту пору, как ни странно, оживляет лес заливистый лай гончих собак, что целыми днями разносится по округе, наполняя лес необыкновенным весельем!

X X X

Только в апреле, в пору обильного снеготаяния, воздух в лесу так насыщен свежим смолистым духом, что невольно хмелеешь, голова идёт кругом, и, присев на пенёк или поваленное дерево, ещё долго не можешь придти в себя, ошарашено оглядываешься, но всё равно с жадностью впитываешь, вбираешь в себя весну.

X X X

Всегда меня настораживало строгое и какое-то неуютное название беличьего дома – гайно… Оно как будто не подходило всему, что было связано с обаятельным и милым зверьком. Но вот однажды услышал, что в народе его переиначили по-своему – «гаюшко», где белочке не дует, и где ей тепло и уютно пересиживать жестокие холода, и сразу всем сердцем принял.

X X X

В короткое бабье лето, благодаря щедрому солнцу, ещё не поникшие цветы, травы и не успевшие облететь деревья, кажется, как-то по-особенному славят землю, и от этого в природе всё становится ещё краше, чем в августе и июле.

X X X

Не зря шоколадного цвета бабочек с торжественно-жёлтой каймой по краям крылышек и строгими голубыми мазочками вдоль неё называют в народе не иначе как «траурницами», ибо именно они провожают красное лето.

X X X

Невзрачны галки, обычно, мало кто этих птиц замечает, но каждый звук их голоса всегда означает что-нибудь особенное, и человек, заслышав его, непроизвольно обращает к нему внимание, постепенно обнаруживая то, чего сам, наверное, никогда бы не приметил.

X X X

Как замечательно сидеть в лесу у костра и спокойно думать обо всём, что произошло с тобою за день… Но ещё лучше вообще ни о чём не думать, а отдаться приятному ощущению слитности с окружающим миром!

X X X

В народе издавна воспринимали берёзу как самую женственную и скромную красавицу леса, но вот осина, несмотря на её дурную славу, не менее обаятельна и лишена не нужного женщине жеманства. В отличие от целомудренности берёзы – качества, что в женщине нередко мужчинам претит, осина, дрожа листом и быстро обнажаясь, совсем не выглядит вызывающе, и не менее желанна.

Завидев же в конце осени ещё не облетевшую, золотисто-пурпурную осинку, вдруг обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё не было и нет.

X X X

Каждый зверь в лютую пору хоть как-то устроен, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от беды к беде.

X X X

До первой пороши стоят в своей неприкосновенной ядовитой красе красношапочные, с белыми пуговками, мухоморы…

X X X

Перед самым рассветом в лесу наступает такой час, когда становится особенно темно, и это надо знать, потому как если ты заплутал по жизни, но не отчаялся, будь уверен: за самой страшной тьмой, как бы долго она ни продолжалась, всегда ожидает тебя большой свет.

X X X

Долгую зиму копишь сокровенные желания и духовное здоровье, знания и усталость, а пришла весна – и забыл про всё!

X X X

Весенний рассвет льётся зеленовато-перламутровыми отблесками на укатанную дорогу, прямо под ноги, и начинает казаться, будто ты подымаешься по ней прямо к восходящему солнцу.

X X X

Всё в лесу кажется необыкновенным, даже самые обыденные вещи… Вот и грибы, хорошо известные каждому с детства, и чаще всего появляющиеся на одном и том же месте, на самом деле перемещаются в зависимости от погоды: в сухое лето гриб тянется к стволу – там побольше влаги, а в сырое – как будто отбегает погулять на полянку, где почва суше, так как прогревается сильнее, чем под деревом.

X X X

Шорох листвы, когда по ней пробирается проснувшийся вешней порой ёжик, может быть нежнее шелеста самого первого ветерка, что будоражит молодые ветви, ласкает их и ничего никому не обещает…

Но иногда зверёк, выбираясь из своего зимнего укрытия, производит в пустынном весеннем лесу очень отчётливый звук, так что он разносится достаточно далеко, а когда ёж ещё и засопит, мило зафыркает блестящим носиком, то невольно улыбнёшься и позабудешь, какой беспощадно затяжной выдалась надоевшая всем зима.

X X X

В канун весны, когда вся природа ещё молчит, моё нетерпеливое сердце уже трепещет маленькой птичкой, изредка замирает, словно пугаясь своей смелости, и в этой полной, на миг обретённой чуткой тишине устремляется к большой и ещё не сбывшейся любви.

X X X

Гаичка-пуховичок так легка и воздушна, что не перестаёт без устали работать, даже повиснув на веточке вниз головой!

X X X

Надо очень дорожить лесной жизнью, что приоткрывается порой лишь на мгновение, которое и побуждает к творчеству.

X X X

Кажется, нет ветра, а высокие ели вдруг закачаются, будто приветствуя кого-то невидимого, и ты не в силах понять, что и кому они пытаются рассказать. Или, может быть, о чём-либо предупреждают?!

X X X

По тенистым лесам, низменным лугам или в оврагах часто встречаются заросли пушистых цветов с белыми пахучими шапками: это – любимая лосями таволга, которая для них и самый желанный корм, и мягкая душистая постель.

X X X

Всю зиму скрипят над берлогой медведя высокие старые ели, а сон его от этого становится ещё крепче.

X X X

Всем хорошо известны белые кувшинки… Они целыми днями красуются на поверхности лесного озера, придавая ему особое обаяние и загадочность. Но лишь немногие знают, что с наступлением вечерних сумерек таинственные цветы сворачивают лепестки в тугой бутон и погружаются под воду, на всю ночь, оставляя после себя тонкий, еле уловимый аромат.

X X X

Только по весне вдруг замечаешь, каким смелым стал маленький лесок, всю зиму окружённый бескрайними заснеженными полями.

X X X

Кто не ходил морозной апрельской ночью на глухариный ток, тот никогда не узнает, как весело и жгуче прихватывает за щеки крепкий весенний утренник, как обрадовано, словно зазывая в гости, посверкивает в алмазах бархатное предутреннее небо, как таинственно крадётся рядом лунная апрельская ночь, как гулко ударяются в ней об наст лыжи, и снег, будто сыпучее серебро, стелется под ними увлекательной и всё время ускользающей куда-то дорожкой, которая здесь, в глухом, отдалённом от людского жилья лесу, становится самой дорогой и желанной.

X X X

Человек читает великую книгу природы, а видит в ней только своё, человеческое.

X X X

Зимой не хочется говорить много и громко возможно оттого, что она продолжительна: всё успеешь обсудить в ней, научишься быть внимательным и немногословным.

X X X

С улыбкой выглянув из-за туч, августовский месяц так же весело скатился с неба, искупался в деревенском озере, прислонился к раскидистой сосне, затем взобрался на бабушкину избу и, присев на коньке, свесил ножки… Был бы он человеком, то непременно бы ещё и прошептал всем перед сном: «Спите, крещёные, но не просыпайте… Скоро осень».

X X X

Яркая луна скучна в окне нелюбознательного человека.

X X X

Когда терпеливо, в течение долгих лет, выискиваешь, чем живёт лес, то сила его уже не подавляет, а спасает.

X X X

Как это ни странно, но, сколько ни бываю в лесу, чаще всего просто доверяюсь ему, а не пытаюсь его осмыслить и понять.

X X X

Невольно хочется думать, что любимая женщина непременно принесёт с собой аромат чистых апрельских дождей…

X X X

Берёза ободряюще шумит, осина неутомимо трепещет, а липа ненавязчиво нашёптывает и нежно овевает.

X X X

Мала синичка, а своим тоненьким голоском всех будит.

X X X

Раньше я думал, что мир природы в безлюдье становится только прекрасней, а теперь убеждён: без заботливого человека он, наверняка, недопустимо дичает.

X X X

В особо лютые зимы в гайно собираются по две-три белки.

X X X

Тихо слетают с неба снежинки, со всех сторон лишь они и душистый апрельский воздух… Но как надёжно, благодаря только им, утверждается в своих устремлениях к Богу твоя мятущаяся душа, спокойно возносясь в серовато-размытую пасмурную вышину.

X X X

В январские оттепели, первые предвестники весны, души людей так неожиданно обнажаются, что не ведают, куда себя деть.

X X X

Свист рябчика морозным утром – будто неожиданно пробившийся из-под гнёта зимы ласковый ручеёк.

X X X

Летним утром, на приятном солнцепёке, никогда не помыслишь о пронизывающей метели, и только наслаждаешься раздольем этой благостной жизни, что как будто остановилась в продвижении вперёд, всю свою силу сосредоточив на росте вверх, к солнцу. Всё радуется, тянется, становится стройным и красивым, подобно лиловым султанам кипрея, а ты и не подозреваешь, что и сам невероятно вырастаешь, обращаясь душой к солнечному свету, незаметно отражающему её тепло для всех живущих на земле.

X X X

Зима стояла бесснежная, морозная, и все так и думали, что земля в этот год обойдётся без привычной для неё талой влаги, но к началу апреля всё в развивающейся было весенней природе повернулось и обдало студёным метельным жаром: началась ослепительная весна … снега!

X X X

Всё время ждёшь весну, ещё с конца января отмечаешь её неприметные вехи, надеясь, что она ворвётся в тебя и захватит целиком, а весна прокрадывается в твоё сердце с последними, слетающими с небес, в начале мая, трогательными снежинками, которые незаметно распахивают свои голубые чарующие глазки и нежно ими околдовывают.

X X X

Временами, очень редко, я ощущаю, как лесной бог обращает на меня своё внимание, смотрит ясно, очищающее, но при этом полностью доверяет мне проявить себя самому, даже в мелочах, которые на деле оказываются самыми важными.

X X X

Человеку всегда следует помнить: лес – источник той огромной силы, которую ничем нельзя заменить.

X X X

В непроглядную студёную вьюгу, случающуюся нередко в конце марта, почему-то всегда знаешь, что под утро ветер успокоится, небо прояснит, и глухари неспешно выйдут на припорошенный снежком наст, чтобы подарить всем чудесную лесную сказку.

X X X

Любоваться и не принимать природу сердцем – невозможно, но только немногим, кто понимает её силу, удаётся почувствовать в ней свою собственную жизнь.

X X X

Природа никогда не отдаёт человеку душевный покой даром, а только так, чтобы он непрерывно работал над собой, расцветал изнутри и когда-нибудь узнал своё подлинное счастье.

X X X

Мартовский утренник как ничто крепит наш дух, возбуждая во всём теле недостающую для возрождающейся жизни бодрость.

X X X

Из всех времён года старинный геральдический герб применим, наверное, только к зиме, где может быть отображено благородство её здоровых помыслов, верность данному ей крепкому слову и необъятность волшебной силы, перед которой всякий неверующий перекрестится.

X X X

Ещё вчера, несмотря на позднюю осень, лес жил какими-то скрытыми к зиме приготовлениями, был широк и неустрашим, а сегодня уныло свернулся серым звериным клубком и затих. И ты понимаешь: это последние птицы покинули свою родину, что в одну ночь стала без них чужой и холодной.

X X X

Увидишь без удержу токующего в февральскую оттепель косача, но и не подумаешь усмехнуться, а заглядишься на него и тоже непроизвольно вовлечёшь себя в этот радостный и, может быть, немножко глупый предвесенний обман.

X X X

Как глубоко надо понимать и любить жизнь, чтобы она – и дневная и ночная, и несчастная и счастливая, и беспечно-сонная и яркая, и, конечно, необыкновенно живая – одинаково бы серьёзно просилась на бумагу.

X X X

Иногда мир лесных обитателей кажется скучной и давно исчерпанной истиной. Самое необычное в нём становится привычным, оно просто надоедает.

Но невозможно вытолкнуть из себя природу: рано или поздно в душе просыпается ощущение счастья, когда видишь, как она живёт.

X X X

Переживание весны во мне так глубоко, что я начинаю воспринимать её задолго до февральских оттепелей, в глухих отрогах января, когда даже не

отсияли рождественские звёзды, но к весне не исстрачиваю себя, а наоборот, становлюсь более определённым в своих душевных устремлениях.

X X X

Преисполненный довольства августовский вечер от избытка радостных ощущений часто заводит с человеком нехитрый, но добрый разговор, в котором человеку достаточно просто молчать, слушать и думать.

X X X

В иной год сосульки вырастают толщиной в хороший берёзовый ствол, но и ими не дорожит весна.

X X X

Мартовские утренники такие сияющие и жгучие, что готовы, кажется, превзойти всё торжество просыпающейся природы, но и они неудержимо поглощаются всё более нарастающими в апреле праздничными потоками воды и ароматом первых, только что пробудившихся цветов.

X X X

Промозглый октябрьский день подарил мне огромного глухаря, с пугающим хрустом сорвавшегося с высокой сосны, стремительного тетерева, пронёсшегося прямо над головой, пушистую белочку, легко перебежавшую дорогу, но только маленькая стайка вездесущих чечёток по-настоящему развеяла осеннюю скуку.

X X X

Апрельская дорога раскисшая, чёрная, и пока бредёшь по ней, след твой очень скоро расплывается, и мало-помалу вовсе исчезает, отчего на душе, несмотря на весну, становится муторно…

Но только войдёшь в лес – и угодишь в зернистый чистый снег, что сразу отрезвит резким запахом уже надломленной зимней свежести, вскружит голову и заставит оглядеться: ведь вот она, весна, пришла, а ты её всё не замечаешь!

X X X

Столько воли отмерено Вселенной человеку, и до чего же он беспомощен и несчастен!

X X X

Увидишь в траве крохотные незабудки – и сразу вспомнишь про высокое небо. Не выгорает их цвет на солнце, ничуть не тускнеет, и всегда они смотрят мягко и доверчиво, переполненные своей скромной любовью.

X X X

Ни с чем не сравнить силу весенних ночей, так что даже не хочется искать ей каких-либо объяснений.

X X X

Любая погибель жизни во Вселенной не есть что-либо страшное и беззаконное, совершенно не содержащее в себе какого-либо смысла и бесповоротно и навсегда скрывающее от тебя свет, если принимается эта погибель достойно, с пониманием, что смерти в божественной природе не существует, и любой уход – лишь вынужденная смена одежды, то есть – перерождение.

X X X

Только в сентябре, когда он уже ничего не обещает и, кажется, не даёт и тени надежды на какое-либо возрождение, так зелена бывает совсем не увядающая трава – отава, наросшая после последнего августовского сенокоса.

X X X

Красота – это не инстинктивно воспринимаемое нами ощущение целесообразности сущего, а как раз сама сущность – никем не объяснимая и ничем не прерываемая, простая по своей восхитительной сути, но и не роскошествующая излишними свидетельствами своего непревзойдённого обаяния. Красота - есть язык Господа, на котором Он с нами разговаривает, и которому мы должны неустанно учиться.

X X X

Как только на южном склоне лога, под старой елью, закипит муравейник – со дня на день поднимется из берлоги лесной воевода-медведь.

X X X

Если бы человек не только загадывал свои праведные желания, но и добивался их осуществления, что невозможно без тесного единения с природой, он был бы поражён тому, как можно измениться, становясь подобным Богу.

X X X

В мае всего много, и так неописуемо чудесно, но душа не чувствует себя пресыщенной, и жизнь, всё время переливающаяся через край, не утомляет.

X X X

Приняв тайну природы, даже отчасти раскрывшуюся тебе, очень важно какое-то время не рассказывать о ней никому, бережно нести в себе и благодаря ей черпать желание жить.

X X X

С вечными поисками смысла своего существования, человек есть явление не противоестественное, а наоборот – правое, причём, более, чем любое дерево или цветок, ибо он один в природе способен развивать себя бесконечно.

X X X

Чудные слова переполняют меня и осенью, и зимой, ещё более - раннею весной, отчего пишется легко, а на душе всё это время – покой и радость от осознания того, что она невозможна без нашей русской природы.

X X X

Обычная жизнь человека вполне достаточна для свершения всех мыслимых и даже самых немыслимых дел, чтобы успеть стать в ней по-настоящему неуязвимым, то есть – свободным, когда достигнутое тобой благо надёжно защищено, и ты сам ощущаешь в себе силу, которая бессмертна.

X X X

Гаркнет в морозный зимний день старый ворон, и лесная прозрачная тишина будто расколется на множество мелких хрусталиков.

X X X

Глаза весны в апреле, не в силах сдерживать нахлынувших чувств, полны безудержными ручьями любви…

X X X

Порой создаётся впечатление, что лесная тишина очень долго и вкрадчиво обдумывает любое, зарождающееся в ней движение, но так ни к чему, кажется, и не приходит.

X X X

Поздней осенью опустишь ладонь в лесную лужицу и, к своему немалому удивлению, не ощутишь холода: это давно опавшие чёрные листья, разлагаясь на дне, копят тепло, прогревая воду.

X X X

Если по весне не вспоминается твоя горячая молодость, значит, ты ещё не отгулял, а только ждёшь, как бы повернее, подобно одинокому селезню, броситься на крик любви и не промахнуться.

X X X

В старину «противный» ветер, дующий человеку в лицо, называли «встречей»… Как это хорошо и верно!

X X X

До чего осторожен, чуток животный и растительный мир: ласточка никогда не прилетит даже в июне, если опасается холода, деревья же так и простоят голые, с набухшими почками, чуть ли не весь май, не поверив раннему теплу.

И действительно, заморозки, бывает, ударяют аж в третьей декаде первого летнего месяца и длятся целую неделю, а в конце мая выпадает снег, так что утопаешь в нём по щиколотку, и не прекращается он три дня кряду. Растения же словно ждут своей очереди, терпеливо всматриваясь и слушиваясь в проистекающую жизнь: ждать не устать, было бы чего!

X X X

Далеко разносится в майском лесу завораживающий голос кукушки, но сколько не идёшь до неё – никогда, кажется, не достигнешь.

X X X

С конца апреля, и ещё почти весь май, стоит по лесу упрямый шорох обрывающейся капели, что роняют переломленные ветви берёзы, но шорох этот никогда не надоедает, а мокрые от сока стволы хочется нежно обнимать.

X X X

Весенняя молодая зелень постепенно скрывает старую прошлогоднюю траву, и всё плохое незаметно забывается, а новое, хорошее уверенно прокладывает себе манящую вдаль дорожку.

X X X

Для любого человека лес хорош ещё и тем, что в нём можно свободно выбирать для себя самое нужное, без чего не обойтись именно сейчас: или сказочную жуть потаённой чащи, или светлую земляничную поляну, а кого-то увлечёт нескончаемость тропы, хранящей в себе радости и печали дикого звериного мира.

X X X

Обычно безболезненно пережидаешь пору сенокоса, когда в лесу полно людей, не видно зверя и птицы, да и грибы с ягодами ещё не поспели, но так захочется иной раз открыть свою душу лесной чаще, побродить по тенистым тропинкам и помечтать о благодатном августе, что отправишься июньским полднем в лес и, забывшись там, вдруг прямо-таки заболеешь этим околдовывающим царством буйных трав, цветов и теней.

X X X

Устройство природы таково, что она обязывает человека, в первую очередь, к обыкновенному терпению.

X X X

Потаённую суть лесной жизни постигаешь и в непроходимых сугробах января, и в небесной лазури апреля.

X X X

Перед самым заходом солнца оранжевая заря на западе иной раз замыкается на короткий миг в себе, стекленеет, и весенние лужи на дорогах горят от неё, как окна в неизвестность: и умиротворённо, и до непостижимости безучастно.

X X X

В пору первой молодой зелени, когда природа ещё достаточно оголена, всё в ней находит своё место, каждый может смело заявить о себе, и даже какое-то время покрасоваться у всех на виду.

X X X

Когда в глухом лесу отсутствует солнце и ты немного заплутал, лес, кажется, замыкается в себе, охваченный глубоким равнодушным сном. Человек невольно поддаётся этому сумрачному настроению, не замечает времени, которое тянется удивительно медленно, и начинает спешить, а следовательно – путаться.

Лучше всего не поддаваться подобному состоянию и противопоставить ему спокойную волю, когда вся окружающая обстановка должна восприниматься как неотъемлемая часть твоей жизни. Нужно помнить, что у тебя всегда имеется неистощимый запас энергии и знаний, позволяющий жить в мудром согласии с лесом, каким бы отчуждённым он ни представлялся. Меньше паники, больше доверия и любви к лесу – и ты непременно достигнешь с ним гармонии, и выйдешь к людям.

X X X

Как мне нравится идти навстречу жестокой апрельской вьюге, и знать, что назавтра снова выглянет солнце!

X X X

Всё, что я узнаю в природе, было в ней всегда, нужно только это знание время от времени открывать и обязательно передавать другим.

X X X

В апреле бывают такие сильные утренники, что и на быстрине схватывает ручей.

X X X

В доме тепло, уютно, а берёзовые дрова так весело потрескивают в печи, что морозная зимняя ночь за окном кажется маленькой мышкой, которая острым коготком осторожно царапает застывшее стекло, и время от времени в растерянности затихает.

X X X

В человеке собрана вся природа, но её не так просто различить, так же как и растерять.

X X X

Весной у человека всегда пробуждается надежда, но она может пропасть в течение следующих времён года, если не относиться ко всему серьёзно. Серьёзной должна стать твоя собственная жизнь, в которой ты не будешь позволять себе обманывать людей, в первую очередь, обманывая при этом себя, когда пренебрегаешь постоянно возникающими перед тобой возможностями.

И ещё не нужно забывать, что радостную весну в твоей душе и природе предопределяют строгая зима, её холод и сумерки, морозы и снежные бури, пронизывающие ветра и кажущаяся нескончаемость всего происходящего. Но на самом деле зима любит весну, потому как они сёстры, и зима уступает своему родному существу то, что не уступила бы никому другому: возможность просто появиться, чтобы каждый мог воспользоваться её преимуществами.

Весна улыбается вашей жизни!

X X X

Дружно снимаются с заснеженных верхушек сосен большие чёрные птицы – глухари, но идут над лесом не одна к одной, а каждая в свою сторону.

X X X

Из всех хвойных деревьев почему-то только пихта отдаётся огню с большой неохотой, долго бережёт плотную гладкую кору, подгорая исподволь, и всё, кажется, надеется сохранить себя для какой-то неведомой ей самой жизни.

X X X

Зимой леса стоят совсем чёрные, весной нежно голубеют, летом изнывают от изумрудного жара, к осени же в восторженной растерянности замирают, будто раздумывая: каким бы цветом ещё разгореться напоследок, при этом даже не замечая, что, переполненные жизнью, незаметно гаснут.

X X X

Если человеку постоянно везёт, значит, он не отпугивает от себя счастье, верно выстраивая свои отношения с миром, общение с которым невозможно без природы.

X X X

Глядя, как быстро проносятся над головой вольные птицы, никогда не завидовал их независимому счастью, а только любовался ими.

X X X

В городе борьба весны с морозом уже давно закончилась, но в деревне солнечные лучи не в силах одолеть крепкие утренники, что по-прежнему красочно разрисовывают оконные стёкла, а лес за околицей никак не приходит в гости.

X X X

Даже в самых справедливых словах человека может быть всё так и не так, и только в природе живёт одной ей ведомая ясность, воспринимаемая людьми как нечто неоспоримое.

X X X

В зимней чаще с восходом загораются бесчисленные алмазы, яхонты и рубины – вся тайга вспыхивает яркими драгоценными блёстками, восторженно сверкает, переливается… А это - всего лишь с вечера замёрзшие на веточках капельки влаги, их на короткое время оживили первые лучи солнца.

X X X

Время твоей жизни не пропадает бесцельно, если весной с запахом проснувшейся земли, ты ощущаешь не растерянность, а причастие ко всему происходящему в природе.

X X X

Наши лебеди – это пример того, как заслуженно приходят в жизни мудрость и красота… Молодые птицы – серые, неказистые, а взрослые – царственно-белоснежные красавцы, что вызывают только ощущение законченного совершенства.

X X X

Основу творчества составляет притяжение энергии из Вселенной… Именно творческий человек становится источником знаний, и самым мощным претворителем космических сил.

X X X

Весной в окружающей природе всегда ощущается именно весеннее, а осенью – осеннее, отчего и переживаешь непередаваемое счастье.

X X X

Ловкий шмель, с возбуждённым жужжанием залетевший в распустившийся цветок, сразу замолкает и, опьяневший от нектара и удовольствия, уже с трудом выбирается, долго приходит в себя, и еле-еле поднимается в насыщенный ароматами июльских воздух, что вскоре опять наполняет озабоченного шмеля неописуемой лёгкостью.

X X X

В морозный солнечный день снежинка иной раз так брызнет в глаза золотистым светом, будто долгие хмурые дни копила его в себе, а потом в один миг отдала.

X X X

В солнечные июльские дни, заполненные золотом колосящейся ржи, не помышляешь о чудесной жар-птице, что тайком прилетает сюда покормиться, и только к началу осени, под прохладной золотой луной, вдруг вообразишь весь жар её перьев, царственное достоинство и ту единственную ночь, когда птица его теряет, отчего-то доверяясь человеку.

X X X

Шелест трепещущих нежных листиков сердце по-настоящему переживает только весной, летом успокоено затаивается, почти не обращая на него внимания, а осенью будто бесшумно обрывается и куда-то улетает.

X X X

Зимой всё время кажется, будто она тихонько стоит за твоей спиной и не дышит… Не то, что весной, когда во весь дух бежишь за ней, хочешь коснуться, а догнать не можешь.

X X X

В лесу всегда хочется одним долгим, всё запоминающим взглядом охватить его глубинную красоту, и ты охватываешь её, постепенно постигаешь, и в какое-то мгновение она становится понятной и родной.

X X X

В томной испарине весеннего дня незаметно отходит от зимы безмолвный лес, будто переводит дыхание, и ты вдруг чувствуешь, как он благодарен пришедшей поре. О своём настроении лес сообщает пока лишь запахом набухших

почек, подтаивающего ноздреватого снега и упрямого ветерка, приятно дурманящего голову.

X X X

В старину пользовались шкуркой ежа, чтобы отучить телят от материнского вымени: с убитого зверька сдирали шкурку и привязывали её подросшему телёнку на лоб. Когда телёнок хотел пососать корову, он утыкался ей в вымя. Иглы кололи её, она отпихивала телёнка от себя и больше не подпускала.

X X X

Никогда не увидишь, а только почувствуешь, как сладостно настаивается терпкий запах весны, её зеленовато-прозрачный, пьянящий, но не видимый аромат.

X X X

Любая птица, если к ней приглядеться, сказочна, и так и просится на картинку.

X X X

Случится, набредёшь в лесу на замшелый медвежий череп, уложенный кем-то на полусгнивший старый пень, и будто соприкоснёшься с неведомым лесным духом… Череп чуть ли не врос, осев, в древесину, и ты пытаешься разгадать его историю, олицетворяющего тайну большого зверя, и по каким-то еле заметным знакам угадываешь её: какой был этот медведь, отчего череп его оказался именно здесь, на твоём пути, и куда улетела его дремучая душа.

X X X

Очень важно жить по велению сердца, ибо жизнь необыкновенно хороша, если ничего не бояться и принимать всё с открытой душой.

X X X

Легко шагается на лыжах по застывшему насту мартовским утром, и на душе бодро и радостно от морозного утренника, неторопливо пробуждающейся весны и ожидания новых впечатлений от встреч с родными сердцу глухарями.

X X X

В морозные зимние ночи снег словно прислушивается к шороху, который издают на небе звёзды, и чутко впитывает их свет.

X X X

Казалось бы, как легко ни во что в лесу не вмешиваться, но попробуй прожить так хотя бы один день, и ты поймёшь: быть учеником неизмеримо тяжелей, чем признавать себя всезнающим хозяином.

X X X

Природа красоты всегда желает своего проявления.

X X X

По осеннему хмурому небу величественно проплыла клином стая журавлей, и за ними вдруг открылась потрясающая синь.

X X X

Что меня поражает во всех временах года, так это то, что каждое начинается будто впервые, и воспринимаешь его всегда по-новому.

X X X

Тонко чуют приближение весны спрятавшиеся под глубоким снегом букашки, многие из них, когда солнце особо пригревает, уже выбираются наружу, и часто, ещё в марте, можно увидеть, как они ползут куда-то по мартовскому снегу, и вроде бы ничего уже не боятся.

X X X

Из всех деревьев только сосны умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают это всегда так трогательно, будто не виделись целую вечность.

X X X

Как было бы хорошо для человека не вмешиваться в дела природы, а только наблюдать и учиться!

X X X

В апреле непрерывно спорят солнце, снег, ручьи и вьюга, но выходит это у них без всякой злобы, задорно!

X X X

В течение лета и всей осенней поры медведь старательно нагуливает запасы жира, но не для зимы, как это принято считать, сало его за долгие зимние месяцы остаётся почти не израсхдованным, а на период весеннего бескормья, когда зверь поднимается из берлоги голодный и может отыскать в пустом лесу только самую малость личинок, муравьёв или кореньев, в лучшем случае – горсть кедровых орешков в разорённой норке бурундука.

X X X

Волк ничему и никому не доверяет: ни тишине, ни ночи, ни кустам, ни подвернувшейся было добыче, ни самому себе.

X X X

Лес к весне оживает только после того, как солнышко заглянет в самую глухую ложбинку, где не бывало едва ли ни с осеннего равноденствия… Вот когда в природе наступает настоящая радость!

X X X

Бесшумен снегопад, и с ним всё в мире становится ещё тише…

X X X

Наблюдая как-то за сорокой, я вдруг подумал: птица эта всегда доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

X X X

В отличие от обыденной жизни, лес быстро и просто воспитывает привычку: чего не понимаешь – сразу, не тушуясь, спрашивай.

X X X

Когда случается злое ненастье – круто гнутся ели и надрывно завывает ветер, приятно думать, что можно всё это увидеть и, несмотря ни на что, отправиться в лес, не дожидаясь хорошей погоды.

X X X

Как хорошо, что человек не в силах одомашнить диких животных… Благодаря этому возможна жизнь суровой и таинственной природы.

X X X

После долгого, надоевшего всем ноябрьского непогодья особенно радостно бывает увидеть на небе свежие декабрьские звёзды, по-хозяйски раскинувшуюся бархатную ночь и, наконец, ошеломляющее движение молодого месяца, что взбегает наверх с такой удалью, будто готов светить, не уставая, всю зиму, весну и лето, пока опять не подступит самое беспросветное время, когда никто почему-то не будет противиться однообразию промозглых дней и безысходной скуке.

X X X

В начале июня в воздухе держится нечто до боли знакомое и родное, кажется, ещё с самого детства, чего уже, как ни старайся, ни за что, наверное, не вспомнишь.

X X X

В волчьем вое, доносящемся из лесной тьмы, слышится и бессильное отчаяние, и жалоба, и необыкновенная сила.

X X X

Сила в мужчине должна непременно сочетаться с нежностью… Именно из такого сплава отливались мечи самураев, на которых были выгравированы хризантемы.

X X X

В удивительной стройности и чистоте березняка почти никогда не отмечаются тёмные полоски, как-то неприметно разбросанные по белоснежно-матовой коре, но и они необыкновенно хороши в своей чёткости на светлых стволах. В них постепенно проглядывает особая берёзовая красота, что не сразу бросается в глаза…

X X X

Когда с берёз и осин начинает быстро утекать лист, хвойные деревья стоят молчаливо насупленные, словно разделяя грусть лиственных деревьев и прощаясь с ними до весны.

X X X

В лесах бушует ветер, от натуги горбятся спины старых сосен, скрипят стволы берёз и елей, а на душе у тебя всё равно хорошо и покойно.

X X X

Трудно представить себе море без бури, а лес – без шума ветра и звериного гонного рёва… Именно эти грозные звуки подчёркивают красоту и мощь природы.

X X X

Русские люди, может быть, тем и сильны, что более внимательно, чем какой-либо другой народ, встречают, переживают и провожают все времена года.

X X X

Вроде бы, жарко горит снег в мартовский полдень, но его ещё так много, чтоприглядевшись – утвердишься: он пока лишь сладко подрёмывает.

X X X

Проснулся однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания - и сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями! Стрекочет и стрекочет без малейшего перерыва битый час… Слушаешь и удивляешься: сколько же их у неё?

X X X

По-особому уютно бывает в лесу, когда от непогоды стонут деревья, и ветер завывает в старых дуплах.

X X X

В гнетущее предзимнее время солнце оборачивается полумёртвым совиным глазом, подёрнутым плёнкой, что изредка вспыхивает над безликим горизонтом и быстро потухает, но, между тем, зорко следит, как бы кто-нибудь раньше времени не восстал против суровой грядущей поры, а в почтении поклонился.

X X X

В конце октября устанавливается великая пустота леса, с будто выкованными морозом тропинками, пронизанная звонкой тишью и подёрнутая непрозрачным тёмным ледком… А надо всем этим – холодное безжизненное небо.

Лес – весь в себе, но почему-то хочется закричать от появившегося в нём именно сейчас, переполняющего всего тебя ощущения свободы: «Ого-го-го… Эге-гей!». И лес сразу будто оживёт и отзовётся каким-то необыкновенно раскатистым долгим эхом, с удовольствием подтверждая это неожиданно открывшееся в себе, совершенно обнажённое осеннее пространство…

X X X

Запах у распускающейся яблони не пронзительный, как у черёмухи, и не сильный, как у сирени, он – очень скромный, едва ощущается, но, мягко смешиваясь с воздухом, незаметно проникает в душу и неотступно куда-то манит.

X X X

Тревожный зов осени никогда не удовлетворяет, хотя и зачаровывает своей печалью.

X X X

В жизни более всего раздражает отсутствие веры у многих людей в собственные безграничные возможности, безразличие к своим судьбам, которые можно было бы такое же бесконечное количество раз устроить по-другому, несравненно лучше. Вот что по-настоящему разочаровывает: равнодушные люди, не желающие роста, а ведь и у них в детстве горели глаза, когда они с изумлением обнаруживали в чашечке цветка мохнатого шмеля!

X X X

Никогда не упустишь возможности купить маленький букетик незабудок у какой-нибудь старушки, стремясь, наверное, возвратить какие-то очень приятные, но давно утраченные воспоминания… Однажды, тёплым майским днём, тебе вдруг неудержимо захочется такой неожиданной встречи с безвозвратно растаявшим прошлым, и именно небесно-голубые цветы успокоят твоё сердце.

X X X

Уже к концу января солнце пробует светить по-весеннему, но получается это у него ещё не в полную силу, а с лёгкой задумкою на яркое будущее.

X X X

Как вкусно грызть в лесу ржаной сухарь, когда другого ничего не находится, причём, усевшись на пенёк у какого-нибудь говорливого ручейка… В душе сразу вспыхивает огонёк любви ко всему, что живёт безрадостно.

X X X

В ласковое весеннее утро и дикие звери целуются.

X X X

Цветут липы, пахнет липовым мёдом, и на душе так хорошо и празднично, что ты даже не в силах дать происходящему отчёта, и больше ничего не желаешь.

X X X

Крепко спят старые ели, а только прошумит лёгкий ветерок, они тотчас просыпаются и тихонько шушукаются.

X X X

В жизни случается такое, что всё, кажется, умерло для тебя. В памяти не осталось ни добрых воспоминаний, ни мест, где ты был счастлив, и весь твой путь представляется мучительным, никчёмным: какая ещё беда стрясётся с твоей израненной душой? Но стоит только заслышать шум леса, просто увидеть его издали, пусть даже мысленно – и всё сразу изменится в лучшую сторону.

X X X

Голодная весна страстно, во всеуслышание провозглашает себя в лесу, сытое же лето лениво молчит и в благодушном довольстве своего огромного разнеженного тела сладко дремлет.

X X X

Иногда в душе возникает нечто лучшее, чем просто добрые мысли о природе, и хочется, чтобы это лучшее потихонечку росло, зрело и никогда не прекращалось.

X X X

Прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

X X X

Только ночью слышно, как тяжело опускаются на землю опадающие листья…

X X X

Ждёшь весну, стремишься к ней всей душой, и когда она подступает, понимаешь: весна – больше, чем жизнь, она – любовь.

X X X

Густым праздничным тестом ползёт над долиной таёжной реки душистое облако тумана, и вода в ней постепенно становится тягучей и по-домашнему ёплой и уютной.

X X X

В первобытной животной силе, которая может быть страшна, есть нечто удивительно притягательное и красивое.

X X X

Красногрудые снегири на фоне придорожных снегов – это румяные яблоки, кем-то шедро высыпанные на белую скатерть зимы.

X X X

Весенний сумрак быстро окутывает лес, в темноте стирается разница между берёзами, соснами и елями, но ты чувствуешь каждое дерево, цепляясь взглядом за их еле уловимые очертания, и путь твой, несмотря на рспутицу, совсем не тяжёл, а только становится невероятно чутким и радостным: ты идёшь по земле вместе с весной!

X X X

Обследуя глухариные тока, бывало, бредёшь целый день на давно отсыревших лыжах… К ним постоянно липнут комья подтаявшего снега, пальцы на ногах сбиты, спину ломит, шапка намозолила вспотевший лоб, но, завидев на краю лога чёрный лоскут старого сосняка, всё равно повернёшь к нему, и любой

ценой тщательно обследуешь. Там, в глубине вековой чащи, из каких-то её неведомых источников, почти незаметно, вливается в твоё уставшее тело невероятная сила…

Только в лесу узнаёшь цену времени, что течёт бесконечно в сменяющих друг друга непреклонных деревьях, и тогда уже пренебрегаешь любой усталостью.

X X X

Идёшь, бывало, по лесу и день, и другой, а вокруг одна и та же картина: за сосняком – ельник, а за ельником – сосняк, под ногами – еле уловимая тропка, после очередного поворота – следующий. Нужно бы остановиться, передохнуть, да место неудобное, хочется выбрать получше.

И только с возрастом, начиная по-настоящему чувствовать преданность лесу и его чуткое отношение к тебе, заставляешь себя сделать привал где угодно, чтобы ещё более проникнуться своеобразием самого обыкновенного места, а потом отправиться дальше, и так – до бесконечности.

X X X

Лес для людей, что книга: для кого-то нет её ничего дороже, а кому-то – лучше бы и не читать! Но, между тем, всякому несёт она на своих страницах знание и покой, умиротворение и усладу.

X X X

Липа – красивое и, может быть, самое нежное лесное слово.

X X X

Мирно перекликаются в ночной весенней тиши маленькие сычи, не давая впасть в полное забытье огромному старому лесу, и лес только дремлет, от удовольствия невидимо улыбаясь в косматую хвойную бороду.

X X X

Жизнь в лесу приучает ничему не удивляться, но всегда наблюдать, радоваться и самому жить всем, что происходит и вокруг, и в собственных мыслях.

X X X

В ожидании глухариного тока, скорчившись возле огня на еловом подстиле, никогда не удаётся уснуть. Зато видишь, как радостно вздрагивают в небе

разноцветные огоньки апрельских звёзд, словно торопятся воспользоваться недолгой весенней темнотой.

Из темноты наплывают чёрные силуэты елей и сосен, похожие на древних старцев, склоняются над тобой, а лицо овевает тёплым дыханием душистый ветер… Тихо в лесу, но сон не идёт, и то и дело кажется, что кто-то бесшумно бродит возле костровища, но не хочет тебя беспокоить.

X X X

С марта, особенно в дни оттепели, лицо обдувает не сильный, но приятный сыроватый ветер, в сером небе изредка появляются голубоватые пятна, напоминающие чьи-то нежные задумчивые глаза, и сердце мягко вспыхивает радостью: пришло тепло, а вместе с ним – глубокое чувство удовлетворения от полноты жизни.

X X X

Увидишь, бывало, как на фоне пылающего зарева заката неистово мечутся вороньё и галки, будто намётывая своими чёрными стремительными телами затейливо-зловещий узор, и поверишь, что вездесущие птицы пророчат нелёгкий день…

Но утро выдастся удивительно покойным и ясным, без какой-либо птичьей суеты, и ты с радостью ещё раз убедишься, как чудесна природа, мудро предоставляющая человеку возможность бесконечного выбора своего отношения к жизни.

X X X

Пришла весна, и мысли мои, как ласточки в небе, неуловимо и радостно замелькали, и вырвались на волю.

X X X

Глядя на цветы, мне иной раз кажется, что они желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия… В них живёт какая-то иная нежность, может быть, более трогательная, чем у женщин. А женщин, наоборот, прельщают восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если бы распространяли над землёй такой же непревзойдённый аромат.

X X X

Как сладко иногда почувствовать свою беспомощность в объяснении природы, и готовность удовлетвориться лишь сказкой…

X X X

Весной в лесу начинается такая большая мудрая жизнь, что никак не хочется верить, что она когда-нибудь окончится.

X X X

И воздух, и вода, и деревья в лесу словно состоят из мыслей, которые они, время от времени перебирая, меняют.

X X X

Когда застигает тебя в лесу ночь, нужно улечься спать, где бы ни пришлось: в еловом шалаше, в стогу, у горячей нодьи или под снеговым надувом.

X X X

Первые ноты скворца – будто зажжённые спички, что он поспешно швыряет в зернистый снег, и они с шипением гаснут.

X X X

Пока осень не доскажет всё человеку – ни за что его не оставит.

X X X

Зимнее солнце, кажется, не приносит в природу ничего живого: лишь изредка холодно посверкивает из-за туч и тотчас исчезает, но его острые искорки всё же вонзаются в сердце, и оно, перевернувшись, как зверь в берлоге, вдруг по-солнечному вспыхивает и уже до самой весны не угасает.

X X X

Шум весенней воды наполняет сильнее, чем любовь.

X X X

Когда в лесу со всех сторон тебе откликается звонкое эхо – погода будет хорошей. В предпасмурном воздухе звук вязнет.

X X X

Работал в море – и мечты носились в воздухе серебряными чайками, крачками и поморниками, теперь живу лесом – и все мои мечтания превратились в мысли. Какие-то из них незаметно потянулись, как и стволы деревьев, к солнцу, другие обратились вместе с корнями вглубь, в землю, а особо любознательные побежали, как за волшебным колобком, по тропинке, но ни одна не взлетела.

X X X

Некоторые звери, например, зайцы или рысь, любят использовать нахоженный человеком лыжник, но вот лисица, только перейдя такой след, редко когда по нему пойдёт, даже если рядом снег будет пушной, убродный.

X X X

Многие думают, что берёза плачет, сгибаясь под тяжестью снега, а она просто безропотно принимает на свои плечи лесную ношу.

X X X

Можно годами быть связанным с лесом, постоянно натыкаться в нём на волчьи следы, но ни разу не встретить их – одних из самых осторожных и таинственных зверей.

X X X

Голос неугомонной кукушки в звонком весеннем лесу завораживает своей исступлённостью, но ничего не разрешает.

X X X

Неся в миру своё одиночество, которое на деле оказывается вполне естественным и даже очень благотворным для человека состоянием, человек не всегда способен преодолеть его в себе, верно распорядившись им в течение всей жизни. Из года в год убеждаясь в этой необъяснимой природной обречённости, кажущейся временами нелепой, человек, может быть, именно поэтому часто стремится к лесному уединению, что оказывается для него поистине одухотворяющим.

К счастью, человек ещё остаётся достаточно близок к природе, откуда черпает знания о мире, и ему сподручнее оставаться наедине с собой в окружении нерушимой лесной тишины. Она, пожалуй, наилучшее и наиболее мудрое состояние, в котором человеку чаще всего надлежит находиться, чтобы в полной мере постинуть простую истину: одиночеством мир силён!

X X X

Издали лес представляется сплошь чёрным, немного приблизишься – он голубовато-синий, ещё ближе – почему-то становится серым, с бура, вот уж рукой подать – густая тёмная зелень, а прикоснёшься рукой к хвойной ветке – чистый изумруд!

Чтобы познать истинную суть леса, нужно сначала заприметить его на горизонте, затем превозмочь на пути к нему необъятные заснеженные поля и не отчаяться. Мало того, важно не растеряться при прямом столкновении с вековой чащей, не потеряв чуткости видения и интереса – возгореться ещё большим желанием овладения её тайной, и уж потом осторожно подойти к ней вплотную.

X X X

Ночуя в лесной избушке или у костра, я замечал, что всегда происходит так: разумная часть твоего существа сразу засыпает, но другая, неведомая, свободно уносится в окружающее пространство, летает там и только под утро возвращается.

X X X

Метель может быть жестокой, всегда испытывающей тебя на крепость и даже неодолимой, но никогда – страшной.

X X X

С нетерпением ожидаемое цветение садовых кустов и пение соловья – есть, на деле, самое тяжёлое дыхание весны, когда она просто душит ароматом жасмина, черёмухи и сирени, что перешёптываются в ночи, как заговорщики, и незаметно всех одурманивают.

X X X

Когда бредёшь на глухариный ток весенней ночью, её темнота ослепляет.

X X X

Из последних сил светит ущербный месяц, подобно боевому быку загибает кверху источенные рога, но получается это у него не угрожающе, а изящно, будто он только играет: вот-вот смирённо опустит голову и, ударив о небесную твердь копытом, выбьет мириады ослепительных созвездий.

X X X

На окраине маленькой лесной деревушки, у давно заброшенной дороги, неожиданно наткнулся я поздней осенью на старого глухаря… Глухарь, видимо, был болен и, потеряв всякую способность ориентироваться, выбрался прямиком к людям. А может быть этого он и хотел?

X X X

Апрельская ночь не может быть глуха…

X X X

Окружающее людей богатство красок животного и растительного мира, а также многообразие его положительных примеров создают для человека исключительную возможность в достижении более достойного существования.

Так, не склонного к самопожертвованию в любви природа отсылает к стремительным и бесподобным в эротической страсти лососям, изо всех сил рвущимся каждую весну к местам былого рождения, чтобы, несмотря ни на какие преграды, продлить древний род. Верность в человеке воспитывают белоснежные лебеди, которые объединяются не на один сезон, а на всю жизнь, и если один из пары погибает, другой остаётся одиноким навсегда, и не делает никаких попыток вступить в новый союз. Взаимное проявление нежности между супругами представляет собой трогательный пример для многих людей. А разве не могут не вызывать уважения упорство и основательность барсука при рытье новых нор после того, как прежние, в который раз, заняла хитрая лисица или енотовидная собака?

Природа как будто подсказывает человеку не отрываться от неё. Оставаясь верной своим законам, она безмолвно оделяет уже тем, что просто существует поблизости. Всегда можно собраться и отправиться в путешествие к её тайнам, тем более, что тайны эти являются достоянием каждого человека в отдельности. Всякий поэтому должен когда-нибудь задуматься над происходящим вокруг, в конечном итоге – над тем, что мешает ему стать сильным и счастливым.

X X X

Звук глухариной песни настолько не похож на всё когда-либо слышанное, что ухо не всегда его улавливает, даже если находишься недалеко от птицы.

X X X

Увидишь в мглистом ноябрьском лесу запорошенную снегом красную рябину – и вдруг поймёшь, что не сломлена твоя любовь, а только на время склонилась и терпеливо замерла.

X X X

Сумерки – время более волнительное и тревожное, нежели сама ночь.

X X X

При всей видимой простоте и очевидной устремлённости дерева к росту, человек почему-то не чувствует его жизни так, как он догадывается о секретах существования неуловимых и скрытных животных.

X X X

Не раз примечал, что сосна, на которую глухарь чаще всего присаживается и у которой обрывает верхушки веточек, среди лесовиков она ещё называется «присадочной», почему-то не чувствует себя так привольно, как другие деревья, а будто замыкается, и живёт уже более настороженно, как-то обособленно…

X X X

Много чудес встречает тебя в лесу, и самое запоминающееся – когда, обнаружив его, ты обо всём забываешь.

X X X

Бывает, солнце перед закатом всегда как будто … взбунтуется. На миг шевельнётся в нём последний живой луч, взметнётся ввысь и тотчас потухнет, но ещё долго потом рдеет успокаивающаяся заря, а душа почему-то не перестаёт тянуться к этому солнечному всплеску.

X X X

От солнца кора деревьев светлеет, а от тени – темнеет, и потому светлая сторона, если дерево растёт в редколесье, всегда смотрит на полдень.

X X X

Вымокшие после сильного ливня молодые глухари, тетерева и рябчики становятся лёгкой добычей медведей, которые ловко стряхивают их с деревьев.

X X X

Из всех умирающих времён года жалеешь почему-то только золотую осень…

X X X

Можно иметь от рождения какую-то младенческую слитность с лесом, чувствовать его нутром, не испытывая к нему недоверия и страха, но он всё равно будет проверять тебя своей пугающей дремучей глубиной, в которую не всякий зверь сунется, а заглянув – отпрянет.

X X X

Только весной можно одержать победу над временем, позабыв обо всём.

X X X

Апрельский дождь мочит распахнутую по весне душу так незаметно и чисто, что она и не думает запахиваться, а только ещё более открывается и расцветает.

X X X

Природа может обойтись без человека, но вот человек без природы быстро истратится и изживёт себя.

X X X

Когда тебе хочется поймать птицу, чтобы ощутить её трепетное тепло, ты забываешь, что и сам являешься ею… Всем, чем природа наделила жаворонка или соловья, она в полной мере наделила и человека.

X X X

От холодных ветров северные ели опускают нижние лапы к самой земле, и образуется еловый шатёр – уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека.

X X X

Если не сумел с детства войти внутрь природы, то куда потом ни пойдёшь в лесу – всё везде будет не так и не твоё… Чтобы действительно научиться замечать лесные звуки и запахи, принимая их как свои, нужно жить ими с самого рождения.

X X X

Поведение многих животных и птиц люди воспринимают почему-то только как карикатуру на самих себя, и так же охотно подмечают в человеке животные черты.

X X X

Природа и жизнь всегда обещают, что горсть заботливо посеянных семян даст мешок, так же, как не раз атакованная, но всё выдержавшая правда привлечёт к себе несгибаемую духовную мощь… То, что мы получим больше, чем сажаем, вселенский закон, и необыкновенно радостно сознавать, что он безошибочно работает.

X X X

Каким же чистым надо быть, чтобы, встретившись в лесу лицом к лицу со зверем, не покуситься на его жизнь и не испугаться, а заговорить с ним ласково и просто, как со старым, давно не виденным другом!

X X X

Прекрасная летняя ночь – благодатное время для вольного ветра, что всегда забывается в эту пору на божественном небесном ложе со своей возлюбленной зарёй.

X X X

Развеяв зимние сновидения, ветер к весне становится густым, отягощённым длительными холодами, отчего сердце тревожно, словно вслепую, начинает тукаться в груди и, не давая одуматься, заставляет куда-то спешить. Душе тоже нелегко чувствовать себя стеснённой, она не находит себе места и рвётся наружу…

Успокоиться ей суждено только под осень, когда от неё потребуется вдумчивая проницательность. Весной же все помыслы души оказываются чуть ли не распяты, когда она возносится к ослепительно синим волнующим небесам.

X X X

Как хорошо, когда в ночном лесу гукает большая и невидимая птица филин… То налетит, то надолго пропадёт, а потом опять неожиданно появится, и всё гукает, гукает, гукает, как будто чего-то ищет и не может найти.

Сам ты тогда тоже невольно начинаешь отыскивать в себе утерянное, и не замечаешь, что ночь, как мать, потерявшая ребёнка, уже нашла тебя и великодушно приняла в свои объятия.

X X X

Надёжно скрытый в глухой чаще глухариный ток – забота природы о сохранении древних таинственных птиц.

X X X

Ни за что не заметишь, как загорается первая звезда, если не будешь пристально смотреть на небо, а когда приглядишься, то различишь и вторую, и третью, и десятую.

X X X

Говорят, ворон кричит – горе вещует, но значит ли это, что он – худая птица?!

X X X

Только в августе неожиданно замечаешь, как утомлён пронизанный светом лист… Так, незаметно и во всём, растворяется когда-то многообещающее буйное лето, а ты и не знаешь – как и зачем тебе жить дальше.

X X X

Пойдёшь, бывало, в лес, задумаешься о чём-либо хорошем, и, не уставая, незаметно забредёшь далеко-далеко, а когда спохватишься – идёшь обратно уже тяжело, и кажется, что не будет конца этой изматывающей дороге.

X X X

Веками находясь на полном лесном пансионе, человек способен возместить понесённую природой утрату только вновь посаженным им лесом.

X X X

Ещё совсем недавно мне так хотелось подстрелить глухаря, подержать его в руках, принести домой и похвастаться перед ближними редкой добычей…

А теперь я и в мыслях не допускаю убийства, и только расплачиваюсь за былое невежество, моля лесного бога о великодушном снисхождении.

X X X

Сорвавшийся в тиши сентября лист не спешит ложиться на землю и долго кружит в воздухе, будто выбирая место, куда лучше упасть. Октябрьский

листопад в этом смысле уже не имеет никаких желаний: берёзовый и осиновый дождь сыплет без удержу, потому как ветки спешат избавиться к зиме от лишнего веса, а ветер разносит безжизненные листья куда придётся.

Хорошо в такую пору ощутить и себя одиноким порыжевшим листом, уносимым непогодой в необозримые осенние дали…

X X X

Если на току стоишь прямо под поющим на самой верхушке дерева глухарём, то кажется, что песня его исходит неведомо откуда.

X X X

Зимой оттого такая тишина в лесу, что деревья не переговариваются между собой, как осенью или летом, а только прислушиваются друг к другу, и ждут всеобщего пробуждения. Но иногда, где-нибудь в глубине января, налетит сильный северный ветер, раскачает заснеженные верхушки, и деревья очнутся, недовольно застонут, и ещё долго будут вздыхать, охать и жаловаться неизвестно кому, что потревожили их величественный покой. А потом – опять тишина, неспешные мысли и полусонное ожидание.

X X X

Урчит котелок на костре – и это уютное клокотание напоминает какую-то диковинную лесную песню, что смешивается со звёздами и дымом и, убаюкивая, безвозвратно утекает.

X X X

Что лучше: звёздная летняя ночь или ясный мартовский полдень, величественный небесный свод сентября или бесконечно прекрасная сказка зимы? Несомненное счастье для человека – быть частицей этого многоликого мира.

X X X

Природа только тогда наделит нас всей своей силой, когда наша душа придёт в полное соответствие с ней.

X X X

Когда в ясную апрельскую пору встречаешь в лесу весну, всегда думаешь: с кем бы поделиться этим счастьем?

X X X

Как замолкнет кукушка – из тенистой лесной чащи начинают осторожно выступать на солнечную опушку озорные бесенята, а их батька – старый лешак, так и сидит в потаённой глущи, но не пропускает мимо своего внимания ни одного человека.

X X X

Когда цветы отцветают, они уже пахнут не собой, а тем, ради чего жили.

X X X

Сколько бы ни ожидал, ни лелеял в душе весну, а она всё равно обрушивается на всех как неминуемое тепло и благо.

X X X

Старое, давным-давно поломанное грозой дерево в своей борьбе проживает порой более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

В лесу постепенно обнаруживаешь в себе какую-то не знакомую раньше звериную повадку, и совершенно забываешься как человек.

X X X

Иногда можно опьянеть от апрельской лесной дороги и задремать прямо у обочины, на снегу, под открытым синим небом и ярким солнцем!

X X X

Так ярко, зазывисто играют звёзды всю зиму, что к концу весны постепенно старятся, бледнеют и вскоре становятся совсем немощными.

X X X

Чудесен старинный сосновый бор, в который вступаешь, непременно перекрестившись.

X X X

Жизнь состоит из тёмного и светлого, но никогда это сочетание в ней до конца не смешивается. Рано или поздно светлое тянется к солнышку, а тёмное убирается в тень.

X X X

Случается, буря повалит ель прямо поперёк тропы, и вывернутые вместе с дёрном корни угрожающе вздымаются над ней, как разъярённый медведь… С опаской обходишь такой выворотень и долго не можешь избавиться от ощущения, будто кто-то неведомый заглянул тебе в душу, предрёк нечто ужасное, но ты всё-равно продолжаешь свой путь, зная, что и старое, поломанное грозой дерево в своей борьбе зажизнь нередко проживает более насыщенно, чем молодое и здоровое.

X X X

Мой самый дорогой апрельский день смотрит на меня, как преданная собака: глаза расширены от переполняющих чувств, они несут в себе всё то замечательное, что между нами было, и никогда этого не забудут, оставаясь со мной навсегда.

X X X

Копалуха на току может неожиданно, со всего лёта, удариться человеку прямо в ноги или в грудь, отчего сразу опешишь: что вдруг почудилось в тебе возбуждённой весенней страстью птице? Может быть, сам царь лесов – глухарь?!

X X X

Иногда, в январе, над лесом повисает такая беспросветная холодная ночь, что глядеть в неё, даже из деревни, жутко. И всё же душа твоя, не задумываясь, отправляется туда, и всемогущий лесной бог незамедлительно выходит к ней на встречу.

X X X

В запахе цветущей сирени соединяешься с чем-то бесконечно далёким, полузабытым в душе, но не исчезнувшим до конца.

X X X

Учёные обнаружили у животных целую гамму чувств с очень большой общественной значимостью: потребность в общении, самоутверждение, лидерство, подчинение авторитету сильного и более опытного. Есть ещё и сопереживание с подражанием, и любознательность. Допустимы, вероятно, и биологические корни справедливости, даже - определённая склонность к искусству. А у детёнышей, например, наблюдается потребность в игре, и она, разумеется, включает в себя зачатки воспитания будущих чувств и поступков…

Не переставая трудиться, природа, на примере животных, словно готовит существование нового человека, способного более достойно оценить прошедшие до него судьбы, и не пропустить настоящей.

X X X

Токующий глухарь обычно сидит вполдерева, ближе к стволу, будто боясь, что ветка его не выдержит в момент наивысшего любовного возбуждения.

X X X

Люблю лето за потаённость тенистых аллей и опушек, где никого нет, но всё-таки кто-то присутствует…

X X X

Белое зимнее солнце то и дело ныряет в серых облаках и, кажется, совсем не светит, но если не упускать случая понаблюдать за ним, вдруг обнаружишь, что оно не прячется, а играет.

X X X

Сойка, как и сорока, очень беспокойна и криклива, что само по себе порой неприятно, но всё же песня её отличается от сорочьего стрекотания неожиданной мелодичностью.

X X X

Ночные снежинки падают на землю словно бы из ничего, радостно переливаются, играют и, отражаясь от собственного волшебного света, устилающего землю, так же по-волшебному просто зажигают в невидимой вышине живые звёзды.

X X X

Просто смотришь на бесконечное пространство русских лесов и полей, а к себе возвращаешься уже с новым, углублённым взглядом.

X X X

Отсутствие необходимых знаний о природе порой создаёт у человека не совсем верное отношение к жизни животных.

Характеризуя, например, взгляд сов как пристальный, не многие догадываются, что оно основано на их способности видеть предмет одновременно обоими глазами.

Кровожадную устремлённость волка принято путать с постоянно присущей ему потребностью неутомимо покрывать большие расстояния в отыскании добычи, которую он находит далеко не везде и не сразу.

Чиж, по неизвестной причине, наиболее дружелюбен в отношении к человеку, нежели другие птицы. Даже пойманный во взрослом возрасте, он способен быстро установить с ним контакт. Но что побуждает его к этому и так ли он на самом деле оказывается к нему привязан?

Когда наблюдаешь высоко кружащего в небе ворона, складывается впечатление, что он, в основном, летает, чтобы доставить себе удовольствие, с радостью используя всю полноту предоставленной природой свободы. Да только ведомо ли человеку, что в действительности занимает таинственную птицу?

У всех зверей и птиц способность чувствовать находится в прямой зависимости от уровня развития потребностей, и потому самые высокоразвитые живые существа напоминают в этом смысле человека. У многих из них глубина переживаний, вероятно, неизмеримо выше, и пока, по большей мере, недоступна для нас.

X X X

Лист срывает с дерева ветер и мороз, его может стронуть рогами великан лось или присевшая на ветвь птица. Ослабевший листок может отделить от ветки зацепившийся за него паучок, что благополучно приземлится с ним на другие опавшие листья…

Но иногда у листа хватает сил оставить дерево самому. Без чьей-либо помощи он вдруг отчего-то шевельнётся, оборвётся и полетит, принадлежа теперь только себе.

X X X

В лесу, особенно после достаточно длительного общения с ним, иной раз приходит такая ясная мысль, что от неё начинается новый, более интересный жизненный путь.

X X X

Смотришь на огромный, в два обхвата, ствол лиственницы, и не можешь поверить, что это мощное древесное тело созидалось невидимым воздушным пространством!

X X X

Красотой и мудростью природы можно насыщаться бесконечно, только нужно на время остановиться, попытаться переварить вмещённое и обязательно от него избавиться, в чём-либо выразив.

X X X

Под тёмным еловым пологом леса идёт своя замкнутая, неторопливая и мудрая жизнь, и утомлённая от постоянного отчаяния душа человека здесь, со временем, отмякает, делая его лицо кротким, а поступки – небоязливыми.

X X X

Огонь и ветер не любят напора, хотя это и составляет их суть. Вот и от человека они, порой, ждут благонравия в поступках, и время от времени даже подсказывают, как ему надлежит поступить.

X X X

Весенняя луна восходит, обычно, крадучись, осенняя, кажется, взгромождается над твоей судьбой.

X X X

Когда подступает тепло, лес темнеет и затаивается, так что не знаешь, чего от него ждать.

X X X

Звёзды на небе сверкают как будто из одной плоскости, но на самом деле – из разных точек бесконечности. Ночная земля – самое удобное место для созерцания их зримой недосягаемости и беспредельности.

X X X

Если лес с рождения живёт в тебе, то, попав туда, достаточно раз всё увидеть, чтобы полностью принять и впитать его.

X X X

Стремление бабочки на свет – это соблазн неосознанного постижения ею своей природы.

X X X

Сырой апрельский туман не рассеивается обычно до тех пор, пока не напитает живой влагой деревья, кусты, землю и воздух, и только когда этим ароматом проникнется и человеческая душа, из-за тяжёлых туч покажется, наконец-то, радостное солнце.

X X X

Добродушным кажется лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Соляными горами высятся над ней крупчатые снежные сугробы. Не будит медведя даже мартовская капель.

И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потёмках апрельской тишины скрипнул под кем-то крепкий наст, поднимается из-под снега седой и рассерженный на весь свет ворчун…

X X X

Не красота поражает во встреченном в лесу зверьке, а какая-нибудь удивительная особенность жизни, отличающая его от других животных.

X X X

Только весной понимаешь, что сильнее всего на свете ни солнце, ни вода и ни ветер, а человек.

X X X

Когда все деревья в лесу сбросят свой наряд, рябина алеет яркими круглыми бусами.

X X X

В жизни, как и в лесу, человеку хорошо бы, как можно раньше, отложить всякие надежды на чью-либо помощь, и надеяться только на самого себя.

X X X

Осенью почему-то всегда думаешь, как бы побыстрее пережить зиму и обрадоваться весне, но приходит зима, и ты вдруг проникаешься её вдумчивой неторопливостью, и уже не мечтаешь о её скором конце, надеясь, что она постепенно излечит твою душу от жажды незаслуженных приобретений.

X X X

Ночная пороша лежит легко, воздушно, весело переливаясь в лучах восходящего солнца, а как задует после полудня недобрая позёмка – подымается вдруг целой тучей мятущихся звёздочек, и ну всех жечь да колоть без разбору!

X X X

К человеку приходят именно те звери и птицы, которые ему нравятся, а привлекает он их своим теплом, вернее – духовной энергией.

X X X

Чуждо и омертвело разносится по лесу охотничий выстрел, так что всё сразу в нём притихает и, насторожившись, тревожно вглядывается своими зелёными глазами в то, как бьётся во мху, теряя выдранное дробью перо, раненая птица…

X X X

Посреди холодного апрельского дня поверхность всех больших луж вдруг заволновалась от множества лягушек, воздух наполнился самыми разнообразными звуками, и вскоре стало совсем тепло.

X X X

От солнца, ветра и поблескивающего наста молодой березняк, вроде бы, отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розовым вздрагивающим облачком.

X X X

Коротка медвежья любовь, длится от силы неделю-другую, и оттого медведица, по народному убеждению, пролежав в берлоге чуть ли не полгода и поднявшись из неё с прибылыми медвежатами, которые не отстают от матери всё лето, якобы, оставляет при себе летошника-пестуна в качестве няньки. И ещё на тот случай, чтобы не оказаться по осени холостою, если ей не повезёт встретить взрослого самца…

На самом деле всё это, конечно, далеко от истины, и больше похоже на добрые сказки, да только нет суда на заботливую народную молву!

X X X

Каждая птица, дерево или лист тянутся ко мне в лесу рассказом, ищут меня и будто подсказывают, что всё замечательное в них уже давно есть, и ничего не надо выдумывать.

X X X

Случайные впечатления в лесу бывают более весомы, нежели длительное и кропотливое изучение природы.

X X X

Ночью берёзы излучают какой-то странный свет, сокрытый в дневную пору.

X X X

Для каждого человека жизнь устроена так, чтобы нельзя было насладиться ею до конца, и именно поэтому мир природы, даже в своей повторяемости, одаривает нас удивительным разнообразием и увлекает в недосягаемую бесконечность, призывая не успокаиваться, останавливаясь на достигнутом.

X X X

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, но ни один из них ни разу не повёл себя агрессивно, а стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе память лишь мелькающим маленьким хвостиком.

X X X

Нет ничего милее ночёвки у костра в весеннюю тихую ночь, перед выходом на глухариный ток… В такую ночь любишь всех людей, весь лесной мир, глухо окруживший тебя, и всегда почему-то чувствуешь, что ты не одинок.

X X X

Меня всегда необыкновенно занимали повадки дикого лесного зверя, но ещё более усиливали чувство жизни бесшумная грациозность полёта птицы и её безграничная воля.

X X X

Каждую весну приходит такой день, когда всё в природе стряхивает сон, радостно перешёптывается, вскрикивает и ухает на разные голоса, играет, а человек этого не замечает.

X X X

Как звери живут, так и мы, но только мы не перемогаем себя, как они, и убегаем от своих человеческих обязанностей.

X X X

Всю зиму держишь в голове мысли и про зайцев, и про волков, и про куниц с лисицами, и про медведей, а придёт весна – и занимает только своя собственная душа, которая полнится светом, водой и цветами.

X X X

Стылый апрельский дождь заметно съедает последние следы зимы, но пока он не сменится на тёплый, движение сока в берёзах не начнётся.

X X X

Порой почему-то кажется, что среди всех лесных деревьев одна ель постоянно спит, ничего не видит и всё пропускает мимо своего внимания, но именно она у людей пользуется особенной любовью.

X X X

Страшен разъярённый лесной исполин – медведь, но если, по утверждению бывалых полесовиков, удастся однажды неожиданно для зверя хлопнуть в ладоши в непосредственной близости от него, да ещё при этом пронзительно крикнуть или свистнуть, с медведем может приключиться известная болезнь, а при сильном испуге – даже смерть.

X X X

Натолкнувшись на потаённую тропу в каком-нибудь глухом ложке, с укромным ручейком, первым делом почему-то подивишься: что тут делали люди? И уж потом только сообразишь: ведь это набили себе путь к воде великаны лоси, и здесь же водил на водопой свой выводок старый барсук!

X X X

Множество икринок в рыбе или семян в отдельной шишке не есть свидетельство того, что в будущем каждая из них станет особью, а есть только стремление к объединению и умножению, подтверждающее невероятную мощь природы.

X X X

Свобода выбора, присущая только разумному существу, подразумевает под собой, в лучшем случае, движение вперёд, к росту… Ей, этой свободой выбора, как ни странно, не обладает природа. Природа уже создана на такой гармоничной ноте, которую человек должен почувствовать и продлить в своей душе. Если он нарушает эту окружающую его гармоничную тональность, то обрекает себя на бесследное исчезновение, тогда как мир природы будет существовать вечно.

X X X

Одиночество дерева и одиночество человека…

Дерево в одиночестве гонит сок, тянет ветви к небу, радует птиц, зверей и человека, совместно с другими деревьями созидая богатый лес.

Человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной судьбы.

X X X

Как легко, должно быть, жить, не ставя себе никаких целей! Но сможет ли жить подобным образом человек без ущерба для своего душевного здоровья? Наверное, душа - есть осознанная потребность трудиться в отыскании верного пути, а в лесу она не может себя не обнаружить, и как будто впервые появляется на свет, испытывая ко всему окружающему неподдельный интерес.

X X X

Раньше, покупая лошадь, люди обычно смотрели, какие она оставляет следы… Если на следах недоступ – лошадь плохая, ленивая или больная, а коли переступ – хорошая.

Только лесные звери ставят задние ноги на след передних. Никогда не сбиваются они с тропы, не теряют ритма бега. Лёгкие их дышат свободно, сердца не думают уставать, и не удостоенные искреннего внимания человека, звери не позволяют себе быть хорошими или плохими.

X X X

Нет в лесу ничего страшнее, чем качающиеся в бурю деревья.

X X X

Наступает весна, и птицы, набирая силу, готовятся к перелёту. Скоро они уже будут дома: впереди – самые сильные и выносливые, принимая на себя основную тяжесть нелёгкого пути, молодые – несколько отставая и теснясь боязливо к середине, где воздух более разряжен от махания сотен крыльев их старших товарищей.

Полёт птичьей стаи – это не хаотическое взмахивание крыльев, а строгая внутренняя организация, не в пример человеку справедливая и жизнеутверждающая.

X X X

Выдастся осенью такой день, когда оранжевые сыроежки попадаются под ногами, как бесчисленные осиновые листочки – яркие, притягивающие, живые, и ты бредёшь среди них, и выбираешь самые привлекательные, спешно избавляясь от тех, на которые позарился поначалу, а грибов с каждым шагом становится ещё больше, и все они кажутся радостнее и краше…

X X X

Давно сошёл в полях снег, но навоз, в обилии оставшийся на дорогах после зимы, до сих пор предохраняет от таяния лёд, по которому можно ездить на санях.

X X X

Когда листья на деревьях закрыли собой оголённое весеннее пространство, на душе становится покойно, и ты уже, кажется, не способен на какое-либо безумие, как это было совсем недавно.

X X X

Осенние прохладные цветы за окном, как бы робко они ни смотрели, чаще всего вызывают в душе надежду, что любовь обязательно придёт к тебе, если даже упустил её буйным летом.

X X X

Листья падают, шепчутся, а заяц, слушая, замирает и дрожит.

X X X

Подчас защитные уловки некоторых насекомых, птиц и зверей бывают доведены до такой художественной изощрённости, которая находится далеко за

пределами того, что способен оценить мозг угрожающего ему вида. Так, у некоторых бабочек сложенные крылышки создают не только удивительное подобие сорвавшегося с ветки осеннего листа, его сухих прожилок и окраски, но даже дырочек, в точности воспроизводящих прокусы личинок жуков.

Зачем природе понадобился столь утончённый обман, если в нём нет острой необходимости? Может быть, она заранее предчувствуя катастрофические для себя изменения в будущем, готовится к ним, стремясь во что бы то ни стало сохранить жизнь? Любопытно, что в этом созидательном стремлении природа до совершенства оттачивает свою красоту.

Несомненно, что красота должна нести в себе определённые функции. Так же, как белый снег убаюкивает сознание, давая ему возможность передышки, красота наполняет сердце радостью жизни. Но может ли красота, развившаяся как результат воссоздания защитной реакции, вдохнуть в душу весну?

Наверное, красота рождается для того, чтобы в окончательном варианте на земле восторжествовал мир, и никогда не исчезало удивление от его неповторимости.

X X X

Расцвет зари продолжается каких-нибудь четверть часа, но как нескончаемо радостно горит рождённый ею мимолётный свет!

X X X

Снег падает бесшумно, но когда поднимается ветер – слышится шёпот снежинок, как неясный разговор, доносящийся откуда-то сверху, с небес…

X X X

Весной налетают совершенно голые, не прикрытые ничем запахи, лыжи гулко колотятся о застывшие края лесной колеи, и голова идёт кругом. Утренней весенней порой представление о мире выходит из берегов и расширяющимися беспокойными кругами уводит воображение в далёкие, неведомые уголки сознания. Возрождающаяся в тебе жизнь как будто устремляется к кому-то с восхищённой благодарностью за переживаемую радость, но благодарить некого.

X X X

В осеннем воздухе иной раз мелькнёт нечто, что копилось в нём с самой весны, но не договорив и не додумав, вдруг угаснет… Посмотришь туда и подумаешь: это лето, наверное, на мгновение воспротивилось осени и, не в силах противостоять, без особого сожаления уступило.

X X X

В последний миг рассудительной и серьёзной зимы ожидание весны становится особенно непереносимым, и ты мечтаешь только об одном: как бы поскорее освободиться от её дремотных пут, полететь куда угодно и ни о чём больше не думать.

X X X

Человеку бы догадаться и подстеречь, как с восходом солнца распускаются белые лилии, осторожно показываясь из-под воды, но он пропускает это важное для себя движение Вселенной, без которого ему ни за что не подступить к осознанию своего счастья.

X X X

При видимом однообразии зимней повести – никогда не устаёшь листать её заснеженные страницы.

X X X

Ива, выворачивая листья под ветром, неожиданно становится … серебряной. Эта сторона жизни дерева, что часто остаётся незамеченной, удивляет и несколько озадачивает. От неё веет приятной и обаятельной тайной.

X X X

Без удержу играет глухарь в ночи, всё уверенней раздаётся его восторженная песня и неожиданно затихает. Вытянув шею, птица долго прислушивается к чему-то, переминается на суку и изредка зобает горлом, а потом опять принимается возвещать пробуждающейся земле о своей сокровенной судьбе. И ты, не в силах постичь мотивов её поведения, но всё же наслаждаясь присутствием этого древнего гостя, вдруг с какой-то неизбывной горечью осознаёшь свою полную ненужность в этом удивительном лесном мире.

X X X

Ворона всегда сидит на гнезде так, что с одной стороны, если хорошенько приглядеться, у неё виднеется нос, а с другой – хвост, и всё вместе представляется удивительно смешной толстой птицей, вот-вот готовой разродиться какими-то невиданными птенцами, которые с неслыханным доселе криком скоро разлетятся по лесу и разбудят его.

X X X

Скрытые весенним туманом, громко перепархивают в ельнике рябчики, от звука их крыльев, будто разрывающих шёлк, тревожно вздрагивает в груди сердце. Чистый призывный свист пронизывает лес неожиданно и ошеломляюще откровенно. Доступность безбоязненно привлекающих к себе внимание птиц – есть признак совершенства лесной жизни, и рябчики – её восторженные и тонкие провозвестники.

X X X

Осенью всегда заглядываешься на отражение деревьев и неба в какой-либо лесной колее, заполненной водой, но никогда не додумаешься вглядеться в весеннюю лужицу.

X X X

Из всех певчих птиц, пожалуй, самая близкая человеку – скворец. Скворцы прилетают ранней весной, когда ещё лежит на полях снег. Прилёт скворцов – верный признак близкой надёжной весны. После прилёта птицы тотчас начинают устраивать гнёзда, выводят птенцов. В это время скворцы поют звонкую и радостную песню.

Чем больше подрастают птенцы, тем короче становится песня скворца. Когда молодые скворчата начинают летать, вся семья покидает домик, заблаговременно приготовленный человеком, и песни скворцов прекращаются. Летом скворцов очень трудно увидеть: они стаями кочуют в густом лесу и на отдалённых полях.

Что вынуждает птиц разрывать соседство с человеком, в непосредственной близости с которым они выводили совсем недавно своих птенцов, и вроде бы должны быть благодарны ему за это? Наверное, неизбывная воля, что в природе и две возьмёт!

X X X

Мороз сердито куёт, а тоненький месяц радостно светит ему, и чему-то улыбается.

X X X

Весенняя ночь светла долгожданной надеждой!

X X X

Сорока обклёвывает спелые вишни и клубнику, выбирает самые сладкие яблоки, но получается это у неё так весело, что почти не сердишься на шкодливую птицу.

X X X

Вода в ладошках человека – это не только чистый глоток, но и отражение колыбели всей его жизни.

X X X

Понимая, что люди из-за собственного несовершенства всегда обоготворяли слабых зверей, наделяя их только добрыми свойствами, а сильных и приносящих, по их мнению, беды – глупыми, хочется не обращать лесную жизнь в красивую сказку, а честно показать её удивительную быль.

X X X

Зима ещё тужилась январскими морозами, а душа уже желала ослепительного марта, когда же в лесу потеплело и во всём почувствовалась весна, в ней незаметно совершился счастливый поворот на лето… Теперь на дворе стоит батюшка июль, и я не знаю – наступит ли в моей душе когда-нибудь дождливый сентябрь?

X X X

Весной особенно досадно становится оттого, что мало знаешь о жизни леса, и начинаешь с большим пристрастием вглядываться в него, постепенно постигая: чувство жизни и память у человека несоизмеримо меньше, чем у многовековой лесной чащи.

X X X

В апреле случаются такие живые ночи, в которые ничто не знает сна, двигается, кричит, и наоборот, в мае, когда всё расцвело и жизни только прибавилось, на лес вдруг наваливается мертвецкая тишь, и кажется – уже не бывать рассвету.

X X X

Когда перестаёшь охотиться на зверей и птиц, природа постепенно приближается к тебе и трогательно открывает самые заповедные секреты.

X X X

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно различаются… Без назойливости настойчиво кычет в ночной чаще сова.

Отрешённо, будто задумавшись о чём-то, бродит по закраинам затягивающихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся в высоких ветвях белка. Тронет лёгким галопцем по полю весь подобравшийся изнутри косой. Кажущийся понурым, бредёт пробитой в глубоком снегу тропой несгибаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задам след рыскающей лисицы…

Всем им суждено в близком соседстве просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в тоже время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну, от познания которой его безнадёжно отдаляет собственное невежество и отсутствие терпения.

X X X

Мартовской морозной ночью стоит такой хруст, что кажется, будто это звёздам на небе тесно, они сцепляются своими острыми краями, и никак не могут расцепиться.

X X X

Как важно увидеть природу правильно в первый раз, суметь не привыкнуть к её красоте и не переставать всему в ней удивляться!

X X X

Словно забавляясь, беззлобно тешат весной людские души бесплотные, но сильно ощущаемые лесные существа, аж дух захватывает. С укоренением лета в лесах начинает дурить леший, обходя незадачливого путника или грибника. «Чёрт ногу сломит», - можно сказать про осень. Но ни в какую другую пору, кроме как зимой, нечистая сила не действует на человека с такой одурманивающей тайной и мраком, отчего становится ещё слаще жить, втайне загадывая у жизни о самом сокровенном.

X X X

Никогда не различишь в густоте еловых веток беличье гайно, сколько его не высматривай, а белка появится всегда неожиданно, и своей доступностью развеет желание во что бы то ни стало отыскать её скрытое жилище.

X X X

Хотя берёзы и осинки с началом зимы одеваются в воздушные пелерины и балетные пачки, а ёлочки торжественно расправляют на себе накрахмаленные

кружева и воротнички, они не спорят и не хвастаются друг перед другом нарядною белизной.

X X X

Будет лучше, если оказавшись в лесу, ты сразу преодолеешь неудержимое желание завладеть зверем, сделав его только своим.

X X X

Бывает, в одну ночь всё вокруг застилает белое остолбенение пришедшей зимы, и именно тогда возвращается всем известная, но забытая новизна радостного отношения к жизни.

X X X

Только весной, когда всё распускается и набирает аромат, можно сидеть рядом с женщиной до самого утра, смотреть на неё и молчать.

X X X

Рад старый мошник лесной тишине, когда его никто не беспокоит… Бродит между заснеженных деревьев в ожидании скорого тока, неспешно щиплет опавшую сосновую иглу, и не ведает, как он таинственно красив.

X X X

В предрассветном зимнем сумраке волки после ночной охоты спешат на лёжку в мрачные крепи. Человеку трудно вообразить, что звери с удовольствием укладываются там прямо на мёрзлый снег, и сладко дремлют в лучах еле пробивающегося сквозь частые ветви скупого морозного солнца.

X X X

Всю зиму, в нескончаемые метели и стужи, ждал я того, как положу на ладошку не проснувшуюся до конца бабочку, дохну на неё, а она встрепенётся, качнёт крылышками и вмиг улетит.

X X X

Полная луна легко скользит в чуть замутнённом морозном небе. Всё в природе околдовано её пустынным светом, а вокруг совершенно безлюдно. Сверкающие сугробы подчёркивают залёгшие между ними таинственные тени. Ни единого звука не доносится с укромно замерших поблизости деревень…

Стоит чудесная зимняя тишина, и синие, рассыпающиеся морозной пылью колеи дорог убегают в неведомую глубь заснеженной России.

X X X

Очень важно не расплескать себя за весну и, когда всё в ней приходит в движение, подняться и вместе со всеми лететь, переживая необычайную радость.

X X X

Все заботы весеннего леса умещаются и в твоём сердце, потому что главная из них – любить.

X X X

На белой чаше кувшинки замерла голубая стрекоза, покойно отливает затаившейся глубинной чернотой лакированная поверхность воды, и воздух дышит разомлелым жаром, но перед глазами почему-то встают промёрзшее до дна болото, застывшие пузырьки во льду и неприкаянно шелестящие порыжевшие стрелки иссохшей осоки. Одна душа, а вмещает в себя весь мир!

X X X

Как завораживающе потягивает весной острой сыростью из тёмных оврагов, представляющихся бездонными! Их ледяная прохлада и сковывает, и манит, и не позволяет чего-то до конца постигнуть. Она насквозь пронизывает ускользающим дыханием зимы, что ещё многое хочет сказать, но уже не может.

X X X

Когда пыльца цветущих растений засыпает поверхность лесного озера и оно уже не отражает зажигающихся над ним звёзд, распустившихся веточек деревьев и весёлых солнечных бликов, душа тоже как будто укрывается невидимой ароматной плёнкой и, уютно завернувшись в неё, с благоговением замирает.

X X X

Зимой самая обыкновенная деревенская жизнь становится волшебной.

X X X

Многие названия птиц, зверей и растений произошли, вероятно, от подражания человеком их голосам и шорохам. Названия эти, конечно, не точны, поскольку изобразить звуками человеческой речи голоса и песни природы просто

немыслимо. Звери, например, издают не совсем ясные музыкальные тона, и каждый человек передаёт их на свой собственный лад.

Но, тем не менее, птицы и звери, как и многие явления природы, научили человека говорить. Благодаря им он обрёл удобство в возможности различать и выражать многообразие жизни.

Ещё названия зверей и птиц несут на себе отпечаток их собственного характера и повадок. В силу многих обстоятельств, они отражают, более или менее удачно, суть зверя. Зачастую своё наименование зверь получал лишь за какую-нибудь одну, даже не выражающую полностью его характер или привычку черту, как, скажем, медведь за любовь к мёду… Все же остальные его склонности оставались в тени.

Если название зверя при этом было достаточно поэтично, то оставленным без внимания достоинствам приходилось потесниться. Ведь тот же медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», мог с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным», но в народе остановились именно на «медведе» - звере, поедающем мёд, то есть – «медоуед». А уже затем это слово постепенно преобразовалось в «медведь», потому как люди видели в этом ещё и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

X X X

В апреле за километры слышно, как чёрный дятел-желна выбивает крепким клювом дробную трель на сушине… Где-то далеко, на разливах реки, трубят по зорям журавли, и их голоса напоминают звук охотничьего рога. На высоких деревьях, прямо за деревней, старательно хлопочут у гнёзд грачи, заражая своей озабоченностью всю округу. С заходом солнца над сиреневато-коричневыми верхушками ольхи и берёзы слышится мерное поцвикивание вальдшнепа.

Вроде бы, пришёл конец лесной тишине, в воздухе дохнуло вешним теплом и пробуждающейся жизнью, но на ночь умолкает даже говор ручьёв, и они покрываются тонкой плёночкой льда…

X X X

Самыми обычными цветами – подснежниками, горицветом и медуницей, весна лечит наши израненные души.

X X X

Если снега к весне навалило много и он достаточно уплотнился, но крепкого наста ночной морз всё же не замостил, то, забравшись днём глубоко в лес, можно не бояться утонуть во влажных сугробах: лыжи даже среди деревьев не проваливаются и, сильно намокнув, как ни странно, не собирают на себя липкий снег.

X X X

Когда берёзки и осинки начинают сыпать золотые «монетки», ярко-оранжевая большая сыроежка становится ещё красивее, и ты даже без особой нужды поклонишься ей и срежешь.

X X X

Из надломленной ветки берёзы в ручей капает мутновато-белый сок, но раствориться не торопится, а лишь вытягивается по течению в такие же мутновато-белые струйки, напоминая сказочную молочную реку с кисельными берегами.

X X X

Почему-то именно у куниц, норок и соболей, обладающих драгоценной шкуркой, часто случается так, что самка после родов тотчас погибает, истратив все силы.

X X X

Только поэзия природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, а без него не было бы никакого творчества.

X X X

Почему-то всегда вызывают недоверие люди, которые слишком любят животных или не любят их совсем.

X X X

Ветер – это, кажется, неизыбвная и не высказанная грусть всей Земли, что не в силах принять его целиком: так он далёк от неё в своём гордом одиночестве, лишь на время прилетая из дальних миров… И хоть ветру, говорят, пути не заказаны, но как это верно, когда именно от человека пахнет дальней дорогою и ветром!

X X X

Из всех лиственных деревьев берёза с липой по осени - ближе всего человеку, потому как отдают всё до последнего, оставаясь наедине с непогодой.

X X X

Совсем недавно замкнутый, глухой и тяжёлый, белый простор полей в марте становится неожиданно выпуклым, ясно очерченным, и кажется, будто снега поют!

X X X

Майские холода – совсем иная весна, далеко отличная от той, что только намечала рождение жизни, затаиваясь в глубине розовеющего мартовского утренника.

X X X

Выпадет такое время в жизни, когда ты не в силах объяснить свои поступки: сильно заколебалось твоё сердце, и душа, кажется, оборвалась… Но, пробудившись однажды поутру, в деревне, выйдешь на двор, и через всё чистое в природе вдруг неожиданно откроешь себя самого – нового, другого.

X X X

Весной зайцы, бывает, подолгу замирают на утренних опушках столбиками, так что скоро наскучивает наблюдать за ними. Они почему-то сразу представляются неинтересными и почти не волнуют.

Идёшь не спеша дальше, а зайцы всё так же стоят, словно позабыли что-то и никак не могут вспомнить. А может быть, они просто наслаждаются ласковым солнечным теплом, и так им от этого хорошо, что они никого не замечают.

X X X

Будучи здоровым и счастливым, никогда не придашь в лесу значения тому, что составляет суть его жизни, и по-настоящему оцениваешь её лишь после глубоко пережитой сердечной боли.

X X X

В морозное апрельское утро сердце так радостно прыгает в груди, что восторг его ничуть не смущает и вынуждает забыть о какой-либо печали, пусть она даже связана с близкими тебе людьми.

X X X

Тысячи лет назад людей переполняла боязнь диких зверей, которых они поэтому и одухотворяли. Боязнь, что звери могут принести человеку зло, породила в людях чувство бессилия…

Чтобы перебороть страх, человек избрал путь уничтожения животных, отчего в нём постепенно развилось обманчивое ощущение власти над природой. Власть эта стала его неистребимой и унижающей страстью.

X X X

Перед самой зарёй каждое дерево, травинка и птица всегда хранят тишину, будто ожидая: что она принесёт им сегодня?! И мир на какое-то мгновение становится совершенной тайной.

X X X

Если находиться в лесу какое-то время неподвижно, то вскоре звери и птицы перестанут тебя замечать.

X X X

Тихо падает снег, укрывая землю благодатным теплом, а в человеке так же незаметно растёт понимание жизни и её красота.

X X X

От золотого солнышка и утро золотое, и день, и вечер, и голоса птиц, и твоё настроение.

X X X

Пахучие апрельские туманы не задерживаются на открытых местах и быстро растворяются, в густых же ельниках застревают надолго и будто ждут там чего-то глубоко желаемого, но несбыточного.

X X X

Сорочье царство всегда чёрно-белое, вроде бы, давно наскучившее, но не каждый догадывается о скрытой в нём перламутровой зелени… Ведь именно по ней в народе судят о необыкновенной сказочности этой птицы!

X X X

Встречаются люди, от природы имеющие пристрастие, даже – любовь к определённым животным, так что между ними тотчас возникает какая-то инстинктивная внутренняя связь, миновать которую они не в силах. Животные

словно околдованы вниманием, что проявляет к ним человек, его внутренней тайной, которую он сам для себя пока объяснить не может. Чутко угадывая, что мучает человека и лишает его покоя, звери, быть может, узнают в нём нечто родное, и именно поэтому, наверное, пытаются ему помочь, изредка попадаясь на глаза.

X X X

Наблюдая весной за птицами, порой теряешься: чего же больше в их пении – труда или праздной радости?

X X X

В лесу я больше предпочитаю чувствовать, догадываться, и не стремлюсь сразу всё увидеть и понять.

X X X

Весенний ветер несёт по небу лёгкие облака – и такими же вольными рождаются во мне мысли… Жажда невидимых устремлений гонит по стволам деревьев сок – и тело моё заполняют уверенность и сила.

X X X

Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые, забавно колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и поразительную игривость, с какой они способны передвигаться в эту пору, а вспомнив однажды всё это, улыбнётся и поблагодарит лес за его откровение и силу.

X X X

Человек и животные очень похожи, и им нечего делить.

X X X

Ясным апрельским днём, при добром морозце и ветре, солнце так остренько покалывает кожу, что по всему телу разливается весёлый жар… Кровь ударяет в щёки, лоб и уши, они горят вместе с искрящимися снегами, всё вокруг играет. Вот когда напрочь забываешь об усталости и хочется, чтобы день этот никогда не кончался, и солнце светило всегда по-весеннему, без удержу, и ветер бы не позволял облакам скрыть напружиненную от восторга небесную синеву.

А как приятно чувствовать на этом ветреном и ярком солнце разухабистую весеннюю жару!

X X X

В народе бытует твёрдое убеждение, будто бы юркие ласки, часто проникая в деревенскую конюшню, вылизывают с крупов, хвостов и грив лошадей недостающую соль. Вёрткие и стремительные, они быстро запутывают жёсткий конский волос, постепенно заплетая его в своеобразные косички. Нетрудно вообразить себе беспокойство лошадей, но всё-таки хочется думать, что это доставляет им удовольствие.

X X X

Всё в природе растёт, цветёт и рано или поздно умирает, но ничего этого, умершего, почему-то не жаль.

X X X

Весною зверя в лесу становится вдруг много, он уже не может не бродить даже открытыми местами, безвольный во власти надвигающейся страстной поры…

X X X

Только с последней каплей берёзового сока молодые деревья одеваются в лёгкий зелёный дымок, робко преображая лесное пространство. Старая же берёза, давно распустившись, не перестаёт обильно осыпать землю ароматным дождём.

X X X

В мартовские утренние морозцы, в отличие от глухой зимы, деревья поскрипывают не жалобно, а со звонкой удалью!

X X X

Предчувствие скорого восхода солнца, когда оно вдруг задерживается в набежавших тучках, обычно завершается лёгким разочарованием, и происходит оно, по-видимому, от внутренней расслабленности перед кажущейся неминуемостью его появления.

Когда же всё обещает непогоду, и благодаря этому ты собран, неожиданно выходит тихая и надёжная радость: робкое солнышко нежно озаряет кусочек неба.

X X X

Деревья и звери – уши и глаза природы, птицы – её чувства.

X X X

Бывают полянки с весёлой травой, а иногда попадаются с хмурой.

X X X

Только поэзия природы сохраняет в нас то и дело угасающий вкус к жизни, и без неё не было бы никакого творчества.

X X X

Обращаясь всё чаще к природе, ты рано или поздно понимаешь, что лесная душа – это и твоя собственная душа, которую ты почувствовал только в лесу.

X X X

Всегда ищешь в лесу такое место, где бы душа твоя обрела покой. Обретя же его, не перестаёшь мечтать о чём-то новом.

X X X

Убить – значит, помешать божественному замыслу в отношении отдельного животного. Лишать жизни, пусть это будет хоть невзрачная птаха, прерогатива Бога, а не человека.

Только задумайтесь: человек убивает животное или птицу, и их уже больше никто никогда не увидит… Этот человек почему-то взял на себя право обрезать чьё-то существование, и не избежать за это наказания не может. Он должен быть тоже кем-то или чем-то убит.

X X X

С годами радость от общения с лесом получаешь даже от того, что не видишь этого леса, не ощущаешь силу ноябрьского ветра, не встречаешь на ночной тропе медведя и не слышишь грохота удаляющихся глухариных крыльев, но всё это, уже когда-то виденное, встреченное и услышанное, ты переживаешь заново благодаря своему воображению.

X X X

Обыденная жизнь с годами наводит на мысль, что на большее ты уже не способен, всё лучшее тобой давно исполнено, а мир окружающей природы всё-таки незаметно избавляет тебя от этого губительного настроения.

X X X

Ни с чем несравнимо переживание в весеннем лесу того, что происходит во время вальдшнепиной тяги… Полёт вальдшнепа завораживает отрешённой устремлённостью, с которой возбуждённая птица несёт впереди себя длинный клюв: «хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг, хорр-хорр, цвиг-цвиг-г…» Обо всём забываешь, любуясь в мглистых сумерках на летящего за самкой вальдшнепа. Порой так засмотришься, что не вспомнишь про ружьё в руках, да и пропадает охота стрелять по уязвимой и близкой цели.

Даже когда вальдшнеп скрывается из виду, в ушах ещё долго стоят звуки его затяжного полёта, не похожего на полёт любой другой птицы. Вальдшнепиная тяга – подлинная поэзия весеннего леса, и она трогает сердце скоротечной любовью маленьких куличков больше, чем нескончаемое токование громоздкого красавца глухаря или увесистых ярких тетеревов.

X X X

Никакие деревья, кроме берёзы, не создают весной такую воздушную иллюзию текучести: кажется, дунь ветер посильней – и белые стволы поплывут над бескрайней землёй.

X X X

Я всегда гляжу в лес, как в себя, и там, как в зеркале, постепенно различаю Бога,терпеливо преодолевающего моё незнание и боль. Но иногда Бог как будто не чувствует моих переживаний, предоставляя мне самому найти свой собственный путь, и в борьбе с собой из слабого стать сильным.

X X X

Барсучьи норы, всегда расположенные в лесных гривах и склонах логов, чаще глядят входом на запад, реже – на юг, и никогда – на восток или, тем более, на север. Предусмотрительный и очень чуткий зверь, ведущий, к тому же, ночной образ жизни, по-видимому, тянется к теплу, да и солнечные лучи предпочитает более жаркие, и ещё – заходящие, случающиеся на рубеже вспыхивающего напоследок света и наступающей, дорогой для него, темноты.

X X X

Кто живёт ощущением полноты природы, тот не нуждается ни в чём.

X X X

Иногда начинает казаться, что очень сильное желание любви и чистоты может разбудить предвесеннюю природу.

X X X

Звериная тропа всегда какая-то грязная, изредка прерывающаяся, даже – замысловатая, но тем не менее - верная.

X X X

Ещё в детстве я почувствовал, что в лесу живёт только радость и счастье, а всё тёмное в него приносит человек.

X X X

Ни в марте, ни в мае не ощущаешь того полёта, что охватывает тебя только в апреле, с внезапным появлением в небе трогательной голубизны, до которой всё время хочется дотянуться.

X X X

Стоит отправиться на глухариный ток в апрельскую непогоду, по глинисто-снеговой каше, и впустую простоять там всю ночь, в густом промозглом тумане, когда под ногами у тебя перебегают вездесущие мыши или испуганные барундуки, мимо вдруг проковыляет загулявший косой, и может быть озабоченно проследует после ночной охоты барсук, уже запели взбудораженные рассветом дрозды и протянул первый вальдшнеп, а глухари так и не прилетели…

X X X

Лес – это то, что дано человеку в первую очередь. Здесь он долджен разобраться в себе и окружающем мире. Затем – воздух: бесконечно возвышенное, насыщенное энергией пространство. Всё оно пронизано чьим-то пристальным и ненавязчивым вниманием к тому, что происходит на земле.

И лес, и воздух, безмолвно обращаясь к человеку, ровно ждут: что-то будет?!

X X X

Только осенью зажигается божественный костёр леса, и бесконечные дожди, кажется, не в силах затушить его нескончаемо восторженный пожар.

X X X

Пунцовое перо снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё нежна до наступления суровых январских холодов.

X X X

Словно весенний ветер, внезапно налетит на душу глухариная песня, и ровно коснётся её неизведанное счастье: взбудоражит нетерпеливым пробуждением, околдует роящейся тайнами темнотой и спутанными звуками, и ни с чем оставит.

X X X

Счастье жизни – в правде, которую чаще всего находишь для себя и людей в природе.

X X X

Для каждого поколения отыскание истины идёт своим путём, каждому поколению суждено преодолеть только ему посильные задачи, и каждое поколение видит мир животных своими глазами, добиваясь, в конечном итоге, одного: объяснения мира. Так, в 19 веке животные и птицы во многих книгах изображались какими-то неестественными, фантастичными и даже уродливыми, тогда как в наше время обитатели леса преподносятся художниками легче, изящнее, с более глубоким и тонким содержанием. Изображаемые в прошлом звери странны и непонятны для нас, а между тем в природе они остаются неизменными.

X X X

Только раз, быть может, взволнует тебя оборвавшийся жёлтый лист, что безжизненно укладывается на сырую осеннюю землю, но на его судьбу и этого счастья в достатке.

X X X

Сколько замечательного в природе минует человека, пока он не обретёт способность понимать и впитывать силу скалы, мощь моря, мудрость вековой чащи… Созерцая природу, человек только тогда берёт из неё лучшее, когда готов к этому.

X X X

Человек ничего не добьётся, если будет ценить животных только за пользу, которую можно получить от них.

X X X

Зимней ночью свет луны отражается от сугробов, и густой мрачный лес становится от этого просторным и уютным.

X X X

Бывает, что последний жухлый лист срывает с дерева лишь запоздалая апрельская метель.

X X X

Люблю, когда после первой грозы в майский тёплый день просыплется на землю первый солнечный дождь, и такие же солнечные и тёплые капли весело стекают по оконным стёклам и всем ласково улыбаются.

X X X

Ранней зимой, когда снежный покров ещё не установился, оголившиеся деревья в отдохновенной отрешённости застывают от чёрствого морозца, который въедлив и сноровист. Всюду проникает он своими невидимыми прикосновениями, так что и у человека с затаенным удовольствием замирает сердце. Благодаря ему тебе удаётся почувствовать неслышно ускользающее время, означающее приход зимнего всепоглощающего сна.

X X X

Радость восприятия лесной потаённой жизни – есть истинная мудрость.

X X X

Удивительно вольготна мягкая безморозная тишь солнечного октябрьского денька!

X X X

Когда только-только зацветает черёмуха – утро выдаётся живительно красивым и крепким, всегда предвещая такой же радостный, уверенный в себе день.

X X X

Красавица-сосна или липа растут сотни лет, а человек хочет приспособить к их вдумчивой, размеренной жизни свой короткий и торопливый век.

X X X

Щедрое летнее солнце, доступное, кажется, сразу для всех, в действительности не способно до конца затронуть каждого своим теплом, а вот лунная ночь, незаметно всматриваясь полным глазом в уснувшую землю, внимательна к любому отдельному человеку.

X X X

Зимой деревья выглядят так, будто это и не они вовсе, а лишь их робкое подобие, в образе деревьев затаившееся в лесу. Но у каждого дерева и зимой есть своя жизнь, душа и сновидения, которые они тщательно скрывают.

Именно в зимнюю пору вдруг открываешь, что деревья в лесу всё видят, понимают и ненавязчиво, но пристально наблюдают за каждым твоим шагом и даже … мыслями.

X X X

Всё время кажется, будто крупные зимние звёзды непременно чего-то обещают, так они призывно переливаются в морозном небе, играют, но на деле, обычно, влекут за собой долгий мучительный рассвет…

X X X

Зимней ночью мысли не спутываются от воя метели, а тихонько выстраиваются в нужном порядке, после чего незаметно подкрадывается самый здоровый и сладкий сон.

X X X

Редко, когда обнаружишь в лесу яблоню или, скажем, иргу: больше там приживаются рябина с черёмухой. А ведь дрозды, снегири и свиристели в обилии поедают ягоды с деревенских деревьев и кустарников, перелетают в лес и, казалось бы, должны оставлять за собой их семена.

Лес как будто не принимает под свой кров эти деревья, ничем не отличающиеся от своих более «удачливых» собратьев. И загадка эта остаётся нераскрытой. Видно, у каждого дерева в природе есть своё место, и даже

вездесущие птицы, разносящие семена по всему лесу, ничего тут поделать не могут.

X X X

В апреле даже дремучий, до конца не проснувшийся лес не в силах заслонить ни первых цветов, ни лучистого света солнца, ни яркого неба.

X X X

Если первый снег налетает неудержимо, с метелью, то и зима вступает в свои права сразу, по-настоящему.

X X X

Лес удивительно разумен, и разум этот, на деле, оказывается более здоровым в восприятии существующей вокруг жизни, чем убеждённость человека. Но иногда ловишь себя на мысли, что звери нисколько не лучше людей, и достойны только их беспристрастного внимания.

X X X

Звери всегда держатся тропы, проложенной человеком: для них это – новости, события последних дней, способные порой повлиять и на их жизнь. А вот явное направление многих следов какого-либо зверя в одну сторону говорит о том, что в этом лесу стало плохо жить и животные уходят в другие места.

X X X

В начале зимы на деревне обычно слышится звонкий лай собак, пока они ободрены недавней сменой времени года – приходом новой, более весёлой поры, и первые морозы ещё не вызывают в них озабоченность будущей суровой жизнью. Пришла зима, и принесла пока только пляшущие морозцы, что одним своим появлением бодрят, отчего всем живым существам становится радостно!

X X X

Рано или поздно приходит в жизнь человека такое особенное место в лесу, где всё, что он с огромным трудом в себе нажил, в одно мгновение может померкнуть, а сам он отвергается, если просто не пришёлся по душе дремучей чаще… По святому месту, говорят, и честь, что ещё заслужить надобно.

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розоватый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

В постоянной неприкаянности ветра живёт и неизбывная грусть земли, которая и хотела бы принять ветер навсегда, в свои потаённые утробы, но не в силах его возле себя удержать: так он бывает далёк от неё в своём увлечении дальними мирами…

X X X

Только прожив полностью всё лето у себя в деревне, окончательно принял я его зелёные одежды, которые оно таинственно и просто распахивает для всех: всё, что сокрыто под зелёным летним покровом, помогает сберечь в душе каждого человека завораживающую тягу к жизни.

X X X

Свет в конце зимы становится наиболее насыщенным в зависимости от яркости солнца, снега, всего состояния природы в этот самый миг, и ещё каких-то важных перемен в твоей душе…

X X X

Кажется, никогда не уловить момент, когда начинается весна… Но я каждый год каким-то образом угадываю, потому что невозможно не почувствовать, как весна приходит тебе на помощь.

X X X

Первый заморозок прихватывает так крепко, что шибче солнца пронизывает воздух, и лист с треском начинает валиться с деревьев, в последний раз оживляя замкнувшийся в себе лес.

X X X

Особое чутьё в лесу – это, может быть, первичное состояние души, которая когда-то была к нему по-настоящему близка.

X X X

Сказать невозможно: какой именно запах у весны, и с чем его можно сравнить? Запах связанных с ней чувств и переживаний, птичьих песен, расцветающих трав и дуновений – всего, что она несёт в себе и открывает… Может быть, это - предощущение любви, призванной всегда хранить чистоту и надежду?!

X X X

Среди белого дня вспугнёшь сову, и она, не видящая ничего, полетит куда-то, неуклюже взмахивая крыльями, безуспешно тычась то вверх по отвесной линии, то по сторонам, и тебе вдруг станет жаль, что такая сильная птица никак не может найти нужного для себя пути.

X X X

Законы звериной жизни всегда тянут зверя ходить по кругу, чтобы вернуться на старое место, откуда его согнали, но никогда – вперёд, как это присуще человеку.

X X X

На дворе слякоть, апрельское бездорожье, мутные струи холодного дождя льнут к оконным стёклам… Но попробуй преодолеть в себе вынужденное ненастье, войди в просыпающуюся от зимы чащу, и душа вдруг станет огромной, как лес!

X X X

В феврале рождается младенческий свет грядущей весны, такой робкий, незаметный, что почти всякий остаётся к нему равнодушен… Но он, задавленный этим невниманием, всё же пытается всех радовать.

X X X

Нужно сначала научиться вбирать силу природы, не причиняя ей при этом ущерба, не растерять себя в её необъятности, а затем быть готовымверно распорядиться приобретённым, великодушно отдавая его другим.

X X X

Бывает, станет так хорошо в лесной тишине, что остановишься, долго стоишь, чуть дыша, и зачарованно, как в детстве, ожидаешь светлой и чистой сказки.

X X X

Чёрные галки с белыми глазами и в серых платочках напоминают худых старушек-странниц, что без цели скитаются по деревням, нигде не находя приюта.

X X X

Весна долго примеривалась, как ей лучше застелить потускневшую с прошлого года землю зелёными коврами, а когда пригляделась да раскинула – всё вокруг в один день стало уютно, чисто, и даже кукушка закуковала по-особенному – уверенно и звонко!

X X X

Распространено мнение, будто птицы и животные принимают незнакомого человека за другое существо, от которого лучше держаться подальше. Человека же, вошедшего в их жизнь, ухаживающего, кормящего, воспитывающего, они могут воспринимать как члена своего вида, или даже вожаком. При этом, наверное, не важно, что ты выглядишь непохоже на них: ведь если ворона и допускает к себе человека, то не потому, что видит его непременно вороной, только больших размеров… Срабатывает, по-видимому, животный инстинкт подчинения более сильному, не приносящему, в свою очередь, никакого вреда – только пользу.

X X X

Бывает, лунной глухариной ночью вдруг выпрыгнет под самые ноги неприкаянный заяц-беляк и … отрешённо затихнет. С трудом сдерживая удивление, гадаешь: куда и зачем он направлялся, отчего притулился прямо рядом с тобой?!

X X X

В отличие от обыкновенной серой вороны, угольно-чёрного ворона редко когда увидишь парящим над деревней… Он всё больше тянется к границе леса и жилья человека, упорно соблюдая тем своё вековое предназначение и тайну.

X X X

Раньше я думал: прежде, чем постигнуть суть леса, надо непременно сначала обрести себя… Но не проникнуть человеку в свои природные глубины без примеров потаённой лесной жизни.

X X X

Скребётся в углу маленькой лесной избушки мышь, на столе вздрагивает неровным пламенем старенький огарочек свечи, а вверху надтреснутого окошка посверкивает недостижимая зелёная звезда… Кажется, ничего особого не происходит, но от всего этого ты переживаешь в себе неимоверную приподнятость и силу.

X X X

Мир леса – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная череда заведённых им событий, а непрекращающийся пример жизни наравне с людьми и для них.

X X X

Как хрупкий рисунок нежнейших снежинок, в конце концов, образует тяжёлый несокрушимый лёд, так, незаметно сменяя друг друга, короткие дни слагают собой необозримо величественную зиму. Происходит что-то равносильно тому, когда снег, способный околдовать своим ледяным дыханием, в тоже время, укрывает людей, птиц и зверей от крайнего холода… Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Вспугнутые с берёзы тетерева, пролетая над другими птицами, мирно кормящимися в значительном отдалении, увлекают за собой и их тоже, пусть даже тетеревов разделяла не одна сотня метров. По-видимому, устремлённость птиц, призванных природой, скорее, к состоянию постоянного благостного покоя, когда они неспешно кормятся тихим морозным днём берёзовыми почками, выражает в подобном случае тревогу, и её не могут не почувствовать их собратья, даже если они и не находились в зоне опасности.

X X X

Изо дня в день неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга – созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В труднейшей борьбе за дело своей жизни как-то перестаёшь замечать бегущие облака, ветер и дождь, но вся сила природы возвращается к тебе с обретением опыта этой борьбы.

X X X

Октябрьский день выдался пегим, невзрачным, а неожиданно вырвавшийся из-под ног вальдшнеп по-королевски расцветил его.

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета…

X X X

Жизнь всякого зверя или птицы чего-нибудь да значит, особенно – во взаимодействии друг с другом. И как от звезды к звезде, неведомо для человека, зачем-то передаётся их первозданный древний свет, так и между животными, наверняка, возникает какая-то своя первородная тайна и светлая радость, имеющие скрытый от человека смысл.

X X X

Радостны зимой деревенские дворы, где дорожки расчищены и оттаявшие окна улыбаются теплом и светом. В них, несмотря на суровую пору, угадывается здоровая народная сила, которую веками сосредотачивала в себе Россия! Но как тяжёл для сердца вид занесённых снегом ворот, у которых теряется даже собачий след…

X X X

Так просто и ясно воспринимается порой, что тучи могут греметь!

X X X

Птицы, деревья и звери в выражении своих весенних чувств неустанны, но человек, несмотря на зарождающуюся повсюду жизнь, всё же не в состоянии быть до конца свободным, и черпает силы из природы.

X X X

Очень мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов: они воздушны, легки, и дышат таким желанным покоем, что хочется улечься на них, переживая сладкое забытье.

X X X

Только облетело по осени дерево, а в его беспомощной обнажённости уже угадывается трепетное ожидание ещё невидимой жизни.

X X X

Никакая любознательность в лесу никогда не принесёт тебе того, что может открыть искреннее преклонение перед ним.

X X X

Придя в лес, сядь где-нибудь на пенёк, соберись в себе, и тогда, может быть, угадаешь адресованный только тебе тоненький голосок невидимой птахи.

X X X

Чего можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле или дремучем лесу, когда звери голодны и терять им нечего? Загнать зайца, даже – росомаху, в особо гиблые зимы – поднять с берлоги медведя и загрызть его, серым рахбойникам ничего не стоит. Звери могут расправиться со свадебным поездом, следующим с бракосочетающимися из церкви в деревню, не оставив ни единого человека в живых… Случалось и такое.

Но не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни. Многого звери не возьмут, если на то нет серьёзных причин, и истребляя кажущееся зло, так называемое добро погибает вместе с ним.

X X X

Всё в природе награждает человека своими непревзойдёнными качествами. Он становится лёгок и бодр при виде умытого утренним дождём облака, весело бегущего по небу, могуч и глубок душой от столкновения с лесным воеводой-медведем, не желающим уступать дорогу, а то бывает и так – пуглив и осторожен до беспамятства, подобно бедолаге зайчишке, что ещё до снега сменил летнюю шкурку на зимнюю, и вздрагивает от каждого шороха…

Сила природы так велика, что человек не может противостоять ей, невольно подчиняется и, преображаясь, порой не узнаёт себя.

X X X

С годами незаметно отходят самые невероятные желания, куда-то уносятся неосуществлённые мечты, но зато, благодаря постоянному общению с лесной чащей, обнаруживаешь лёгкость проникновения в окружающий тебя мир природы.

X X X

Разве можно себе представить весеннюю любовь без вездесущих воробьёв, вызывающих только улыбку!

И с какой грустью вспоминаются так и не разделённые чувства по осени, с печальными вскрикиваниями покидающих родину журавлей…

X X X

В лесу мои мысли обращаются и в птиц, и в зверей, и, конечно, в деревья, но свободнее всего они чувствуют себя, когда бегут быстрее облаков, впереди неудержимого ветра.

X X X

Только весной, на глухарином току, накапливаешь в себе всё изначально русское, дремучее, лесное.

X X X

Солнечным утром на душе никогда не бывает такой тишины, что рождается солнечным вечером.

X X X

На первый взгляд кажется, что все звери для человека на один лад: среди медведей навряд ли отличишь одного от другого, волки – одинаково серые, неутомимые и кровожадные, а лисицы – огненно-рыжие пройдохи, охваченные единственным желанием без устали рыскать в поисках мышей. Но на самом деле животные разные.

Вот, к примеру, белки… Есть среди них очень хитрые: они ходят по кругу, и по их следам охотнику гайно никак не найти. Другие зверьки предусмотрительно прыгают по деревьям далеко от гайно, а потом на снег спускаются, путик протаптывают. Третьи – следы оставляют прямо от дерева, незамысловато прокладывая одну длинную тропу. У четвёртых же тропы от гнезда во все стороны идут – по какой ни пойдёшь, обязательно к гайно придёшь.

X X X

В глухую осеннюю ночь, без месяца и звёзд, в лесу можно ориентироваться по небу, которое всегда светлее окружающей темноты. Спасительный небесный путь вычерчивают верхушки деревьев, окаймляющие просеку или дорогу.

X X X

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость,тем более, что лес при этом ещё и предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Иногда ночь бывает такой светлой, что пугает зверей больше тёмного дня.

X X X

Когда осенний ветер, кажется, забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Однажды вдруг поймал себя на мысли, что за все ночёвки в избушках и у костров не помню ни одного лесного сна: только переполненные впечатлениями бессонницы!

X X X

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый мне человек,тогда как сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Осень можно ощущать в себе летом, зиму – осенью, а лето – зимой… И только весной твоя душа переживает весну!

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Бывает, ветер намеренно накатывает на лес волнами, игриво цепляясь за верхушки самых высоких деревьев, а ты понимаешь, что он – твой брат, и каждый его вздох отдаётся в душе самыми невероятными открытиями.

X X X

Русский лес предоставляет русскому человеку прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Пока в тебе жива любовь к лесу – года твои проносятся вольной птицей, прокрадываются изощрённым красавцем-зверем или устремляются в поднебесье макушками величественных сосен.

X X X

В отличие от человека, звери и деревья принимают жизнь такой, какой она им досталась. Птицы же, кажется, вообще не соизмеряют свой полёт ни с чем, что бы могло их ограничить.

X X X

Вкус к жизни копится долго, зарождаясь ещё с редких январских оттепелей, а завершается в один майский день, расходясь повсюду и тотчас улетучиваясь в нежно-салатном благоухании молодой листвы.

X X X

Установился декабрь и, вроде бы, всех лесных птиц уравнял и объединил в зимних неприхотливых правах… Но тетерева облюбовали белоснежные берёзы, глухари прячутся в густых кронах сосен, на ёлках красуются краснопёрые клесты, шелуша шишки, а рябчики днюют на кормёжках в ольховниках по берегам овражных ручьёв.

X X X

В лесу становится особенно ясно: стоит сосредоточить внимание на какой-либо достойной цели, как сейчас же у тебя появляются невидимые помощники.

X X X

Тот, кто родился рядом с лесом, не сходит с ума от дурманящих голову весенних туманов, белоснежных кувшинок на покойной глади озера и розовых

восходов… Только гость переживает в нём свою отторгнутость, страх и восхищение.

X X X

Единственное, чего никак нельзя лишиться, это – внимательного отношения к жизни, к тому, что нас постоянно окружает.

X X X

Последние клочки снега в поле – будто зайцы, залёгшие в меже… Долго смотришь издали и никак не можешь понять: отчего они выбрали такое не выгодное для себя место и не убегают?

X X X

Во всю бескрайную весну только один раз приходит та желанная минута, когда по-настоящему вступаешь в цветущий мир, и ты должен обязательно дождаться её и не пропустить.

X X X

К зиме белка делает припасов в несколько раз больше, чем могла бы съесть сама, и это при отменной памяти, когда обнаруживает их под снегом с поразительной точностью.

Но даже если белка зароет поздней осенью горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвётся её жизнь в зубах ненасытной куницы, о на том месте вырастет потом пышный куст лещины.

X X X

Открытие человеком сокровенных сторон собственной жизни невозможно без постижения им хотя бы поверхностного знания природы.

X X X

Мужественно перезимовавший на ветке листочек весной всё равно обрывается и, порхая между стволами, вдруг представляется маленьким букварико м, всматриваясь в который все деревья будто заново постигают азбуку жизненных красок.

X X X

Когда пишу лесные заметки, я как будто выхожу за рамки известного, познаю нечто необычное, и с помощью родных для себя слов рождаюсь заново.

X X X

Совершающийся в природе праздник весны – есть не пример отдыха, а напряжённой работы, желание которой следует неустанно в себе воспитывать.

X X X

Хороши в ясное тихое утро припорошенные снегом берёзы… Редко увидишь на них кормящихся краснобровых тетеревов. Птицы сидят настороженно, наклоняя шеи то вниз, то в бок, тянутся к любимым берёзовым серёжкам и, чуть перемещаясь, пружинисто покачиваются на гибких ветвях. Пороша тотчас срывается вниз, и весело искрится на фоне нежно-голубого неба.

Желанна для тетеревов такая тихая морозная погода, когда можно спокойно теребить берёзовую почку. Позы тетеревов причудливы и округлы. Ни с чем не спутаешь тетеревиную стаю: будто тяжёлые чёрные груши повисли надеревьях.

Изредка тетерева бросят клевать, вытянут шеи и настороженно вглядываются в морозную даль… Вот-вот, кажется, сорвутся, зашумят в воздухе сильными крыльями и разбудят на короткое время погрузившийся в сон лес. Но нет, всё тихо, и птицы вновь принимаются за излюбленное лакомство: тщательно набивают зоб, чтобы ничто не мешало их сладкой дрёме под снегом, куда они скоро всем скопом дружно попадают.

Иссиня-чёрные косачи с красными бровями и красивыми лирообразными хвостами выгодно дополняют унылый предзимний пейзаж, и природа ненадолго оживает, невольно залюбовавшись ими.

X X X

Если страх и уродлив, то только не в ночном лесу, где он восхитителен своим околдовывающим волшебством, в котором постепенно растворяется и исчезает.

X X X

В несгибаемости сосны, её непоколебимой твёрдости, я убедился однажды, в весеннюю пору, когда натолкнулся в апрельском лесу на след медведя, который протянулся вдоль старого лога… Вскоре след вывел меня к огромной одинокой сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения, и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь незначительно вспороли докрасна крепкую старую кору, но не поколебали гордости сосны.

Пихта же проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость и оголила на стволе, под медвежьей лапой, целый бок, так

что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Пихта, в отличие от сосны, выглядела потерянной, даже – обездоленной, в своей беспомощности перед грубым звериным натиском.

X X X

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, и так легко поверить в нём в собственную, ничем не прикрытую удручённость.

X X X

Прожив в лесу хотя бы несколько дней, человек берёт от него нечто, что делает его сердце храбрым, походку твёрдой, а мысли светлыми.

X X X

Пунцовое перо снегиря, прилетевшего к нам в начале зимы, как раз подходит под цвет декабрьской зари, что ещё нежна до наступления суровых январских морозов.

X X X

С высоты самого родного для тебя весеннего дня не забудь оглянуться и поблагодарить предшествующее ему глухозимье.

X X X

Обычно для лесных записей я беру на заметку, казалось бы, совсем незначительные мелочи, во множестве попадающиеся на глаза, но при соприкосновении с другими мелочами, взятыми ранее, может быть, очень давно, рождаются любопытные в своей правдивости картинки, которые сразу и не разглядишь.

X X X

Когда всю жизнь искал себя, пытаясь разобраться – кто ты есть на самом деле, однажды вдруг постигаешь, что достаточно быть просто человеком, осознавшим свою божественную сущность, не отделимую от окружающей тебя божественной природы.

X X X

Когда замечаешь, как одно дерево озорно выглядывает из-за плеча другого – замираешь от счастья: ведь оно угадывает твоё приподнятое настроение!

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что оказавшись в нём – достаточно просто услышать шум глухариных крыльев, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Золотое воспоминание из раннего детства – это огромное солнце над лесом, которое ненавязчиво и ласково заглядывает в распахнутое окошко бабушкиного дома, неслышно разговаривает с тобой, а ты уверен, что когда-то уже видел его, слышал и чувствовал, как оно заботится о тебе.

X X X

Сладко дурманит голову источаемый цветами невидимый сок, мягко кружит воображение и уносит куда-то за синие леса нежный запах распускающейся в июле липы, а как необыкновенно трогательно заслышать поутру первую капель, даже через окно почувствовав её пьянящий аромат… Наши весна и лето просыпаются только для того, чтобы, не переводя дух, радостно жить и благоухать. Жива божественная природа – жива и душа человека.

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься, страдаешь и никак не можешь понять – чего тебе не достаёт? Только к весне постигаешь, как не хватало тебе возможности взлететь вместе с птицами над собственным незнанием и усталостью, переживая в сердце то ощущение щедрости, с которым ты позволил им забрать осенью часть своей души.

X X X

Если весна поманила и бросила – значит, ты в неё не поверил.

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Уныла ворона, серовата, а почему-то всегда хочется её видеть.

X X X

Переход от осени к зиме бывает порой так мучителен, что даже радость в нём печальна.

X X X

Когда начинаешь в лесу торопиться, спешить, не проявляя к нему должного внимания и уважения, он не отпускает от себя, то и дело издевается, пугает, а может даже отомстить.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Зверь, умирая, почему-то всегда ложится головой на восток… Может быть даже перед смертью на него воздействует магнетизм возрождающейся жизни?

X X X

В лесу не надо искать красоту, она – всюду: и в воздухе,и в небе, и в задумчивой земле.

X X X

Снегириный свист зимой – её тонкая снежная печаль.

X X X

Ещё в своей душе, до того, как найти ток, ты чувствуешь, что она растворяется среди этого векового соснового леса и обретает … глухариные крылья.

X X X

Как замечательно идти в лес, не думая об охоте!

X X X

Многие птицы проводят большую часть времени в воздухе: полёт – их стихия. Но есть и такие, что живут в лесу скрытой красивой жизнью, стараясь не попадаться никому на глаза. В вековых борах, перемежающихся старыми заросшими вырубками, впрочем, не изменившими их образа жизни, эти птицы копят в себе свои чудесные и таинственные имена: глухарь, тетерев, вяхирь, неясыть…

X X X

Дождь в июле только брызнет, прибьёт пыль, слегка смочит кусты и … опять жара. Так природа учит человека терпению, постепенно воспитывая в нём мудрость.

X X X

Поздней весной над оставшимися снегами всегда стоит густой туман, но он уже не может быть промозглым, а наоборот – очень тёплый и проникновенный.

X X X

Пришла зима и убелила снегом леса и землю… Невозможно подобрать цвет, кроме белого, который бы так успокаивал, умиротворял и усыплял всё живое. Чистый, обещающий превратиться в любую мечту, хотя бы только в сладком зимнем сновидении, снег принёс долгожданный покой, необходимый всякому лесному обитателю. За три предшествующих времени года звери и птицы порядком потрудились, и теперь, наконец, для них наступило время отдыха до чудесной весенней поры, а зима помогла им в этом.

X X X

Люблю следы зверей в природе, что стелются по снегу или траве, и в устремлении раскрытия их тайны, уводят тебя от непутёвого в себе к чему-то поистине главному и дорогому.

X X X

Давно замечено, что после обнаружения человеком гнёзд глухарки, тетёрки или вальдшнепа яйца на следующий же день исчезают. Самки, видимо, переносят их в безопасное место. Этого не скажешь о диких утках, которые часто бросают замеченное человеком гнездовье вместе с яйцами, и кладки погибают.

При всём том утка очень тщательно прячет своё гнездо от сладострастного грубого селезня и, отлучаясь, чтобы положить яйцо, старается обмануть мужа. Если найдёт селезень гнездо – перебьёт яйца, добиваясь самки. Ему от утки требуется только удовлетворение своих природных потребностей.

X X X

Волнующим дуновением ложится на душу таинственная глухариная песня… В роящейся предутренней темноте она околдовывает чарующими, куда-то спешащими звуками, мягко пронизывая ими и без того возвышенное весеннее пространство.

X X X

По-настоящему глубоко память может затянуть тебя в свои сердечные размышления только зимою, неотвратимо увлекая сначала в осень – неминуемый и с удовольствием переживаемый на этом пути рубеж, затем – в лето, когда через зелень самой роскошной поры постигаешь радость жизни и нескончаемость бытия, и, наконец, в весну, которая неотступно пронизывает своей всепоглащающей мечтой все времена года, снова незаметно приближая тебя к сладостным зимним воспоминаниям…

X X X

Все звери и птицы в совершенстве усвоили язык сорок, возвещающих о том, что скоро произойдёт в лесу или уже совершилось.

X X X

Приятнее всего открывать движение нашей планеты по яркому зёрнышку Венеры, которая перемещается всю ночную пору со стороны востока так стремительно, что пока мысленно расставляешь для неё небесные вехи, она к предрассветному часу оказывается уже на западе.

X X X

Отсутствие тяги к тайнам Вселенной – есть наихудшее из бед, на которые обрекает себя человек.

X X X

В зимнюю оттепель, при сильном порыве ветра, деревья неистово и страшно стучат друг одруга оледенелыми сучьями, а ты вдруг с удовольствием начинаешь думать о весне…

X X X

Весной легко расставаться с городом: переполняющий душу восторг безотчётно влечёт в лесную даль… Очень важно при этом, чтобы человек нашёл там соответствие своему душевному настроению.

X X X

Всегда почему-то кажется, будто лесной паук в чём-то имеет преимущество над простым, домашним, и оттого к последнему относишься с некоторым пренебрежением, даже – с брезгливостью, когда заприметишь его, скажем, в бане, а повстречав в лесу умело растянутую, в капельках росы, паутину, обходишь её с уважением, стараясь не зацепить.

X X X

В лесу встречаешь интересное только в том случае, если обрёл в душе равновесие.

X X X

Звери и птицы не способны длительное время поэтически воспринимать природу, потому как с первыми проблесками тепла в них сразу возобладают заботы о выведении и поддержании потомства. И только глухарь, может быть, самый восторженный и выносливый в природе певец, уже с наступлением солнечных мартовских дней и до появления майской листвы не устаёт прославлять весну света, воды и цветов.

X X X

Природа может беспрепятственно одаривать всякого, даже если он не затратил по отношению к ней никаких добрых усилий, но по-настоящему она щедра только к тому, кто добивается права обладания её нескончаемыми богатствами.

X X X

Как дойдёт зима до той поры, что вызывает у человека самые глубинные залежалые мысли, так и ломается окончательно её рог!

X X X

Тихо падает снег, и с неба снисходит благодать…

X X X

Весной бывают дни, когда я усиленно работаю и не успеваю замечать происходящих вокруг изменений, но весна всё равно незаметно подкарауливает меня повсюду, невидимым потоком вливается в душу, и оттого становится однажды так хорошо, что оставишь на время всякое занятие, и только наслаждаешься этим насыщенным радостью покоем.

X X X

Именно в лесу, где всегда окружает только неподдельная чистота, я прихожу к выводу, что чем мы искреннее в своих действиях и словах, тем быстрее нас кто-то приближает к возможности жить более достойно и радостно.

X X X

Замечено, что деревья и кустарники лучше принимаются из семян, склёванных и разнесёнными по лесу птицами.

X X X

Запрокинув голову, с трепетом вглядываешься в великое звёздное царство, распростёршееся над лесом, забывая при этом, что не менее значимый мир лежит прямо у твоих ног, в чёрной сырой тени, среди стволов деревьев, пней и корений…

X X X

Редко, когда деревья простоят в богатом убранстве инеем весь день… Рано или поздно они его сбрасывают, после чего становятся какими-то оголёнными и задумчивыми, будто сожалеют об утраченной красе.

X X X

Всегда думал, что не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но весной в этом приходится сомневаться, когда видишь, как празднуют не только солнце и земля, но и дрова под навесом, наличники на окнах, развешанное в ограде бельё, и даже пооблупившиеся оградки с кривыми крестами на могилках… Природа, конечно, всё ломит, но всего в жизни можно добиться, если сам взял себе силу!

X X X

В ноябре, как ранней весной, ходить по дорогам становится колко и хрустко, но и не подумаешь про март или апрель, а весь подбираешься изнутри, серьёзно настраиваясь на суровую долгую пору.

X X X

Ни разу не удалось мне застать лес с открытыми глазами, потому что смотрится он в себя и вокруг ночью, только тогда и можно почувствовать его живое присутствие. Днём же лес чутко дремлет, и лик его выражает лишь таинственную неразгаданность и неразрешимость, даже – некоторую удручённость.

X X X

Нет в природе ничего чище, когда сквозь берёзки просматривается голубое мартовское небо, по которому плывут белые прозрачные облака…

X X X

Ранним весенним утром маленькие берёзки будто произрастают из небесного малинового света, уцепившись хрупкими веточками, как корнями, за его живительную сочную мякоть.

X X X

В конце золотого летнего дня воцаряется умудрённая радость, с утра – восхитительная тишь, а после полудня в нём торжествует светоносность неиссякаемой улыбки!

X X X

Странно, что чувство беспричинного страха в ночном лесу вызывают не дикие звери, а знакомые с детства деревья…

X X X

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Неисповедимый на сюрпризы осенний ветер устремляется к людскому жилью не только переживая незнание человека, но и мечтая о его величии.

X X X

Всем хорошо известны вороватые наклонности сороки: не зря она и летит-то, как будто что-то несёт…

X X X

Волка, конечно, не сравнить с медведем или лосем, но вот отпечаток волчьей лапы в снегу порой поражает воображение своей загадочной величиной.

X X X

Вроде бы, и пустяк, но как радует неожиданно встреченная в лесу живая звериная тропа, глубоко пробитая во мху!

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким изумлением и восторгом.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку… Именно с ним он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

Когда осинки роняют тебе за шиворот свои прохладные пунцовые листочки, знай: деревья почувствовали твоё беспокойное сердце, не равнодушное к жизни леса.

X X X

Чем глуше осень, тем глубже в ней ощущается простор и звонкая даль.

X X X

Нежная белизна и свежесть мая так прекрасны, что даже не чувствуешь в себе недостатка собственной чистоты.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и неизведанная любовь.

X X X

В отрешённые осенние дни, когда кажется, что жизнь умерла, особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который, наверное, неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но совсем её не бередит.

X X X

Ни один хищник никогда не нападёт, не предупредив своего противника угрожающим шипением, рыком или взглядом, попытавшись тем самым сначала избежать схватки.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает все пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище твою душу согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

Если после долгого отсутствия в лесу начнёшь вдруг забываться в жизни, то со временем постепенно приходит понимание, что к самому себе может привести теперь только сокровенная лесная тропа.

X X X

В отличие от цивилизованного человечьего мира, закон дикого леса запрещает сытому нападать на голодного.

X X X

По рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем – в тайгу!

X X X

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своём появлении.

X X X

В весеннем лесу, наполненном смыслом и ежечасной работой, кажется только ручей представляется беспечным: течёт, ни о чём не задумываясь, куда придётся! Но и его дорожка – не час пустого пути в природе, а поиск до самой поздней осени счастья для всех лесных обитателей.

X X X

Теперь уже, наверное, трудно представить, что лес по-прежнему с нетерпением ждёт человека, но он, всё-таки, никогда не обманывает его ожиданий.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

X X X

Представляя, как по-обыденному сказочно и уютно укладывается на зиму в своём гайно наша чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением холодов в уютный комок и … застываешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым.

X X X

Всю жизнь мечтая о лесе, понимая его и лелея в душе это постоянное присутствие чего-то до конца необъяснимого, но необыкновенно живого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться там от переполняющего тебя ощущения счастья.

X X X

Поздней осенью некоторые водоплавающие птицы почему-то подолгу не отлетают на юг, а бьют крыльями наступающий на них лёд и держат воду, будто собираясь остаться на зимовку.

X X X

Никому невозможно объяснить, за что ты любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

Иногда вдруг начинает казаться, что горе зверя или птицы вряд ли уместится в человеческом сердце…

X X X

Обаяние леса так велико, что никогда не придёт на ум: раздавленная брусника алеет кровью, а роса стекленеет стекающей слезой… Скорее лесная ягода напоминает налившуюся бровь токующего глухаря, а роса играет на свету живой жемчужиной!

X X X

Бывает, лес подкрадывается к человеческому жилью отдельно стоящими кустами или деревьями, задумчиво вглядывается во всё происходящее и, не в силах скрыть своего разочарования, омертвело в них замирает.

X X X

Несведущему человеку трудно вообразить, что даже аромат хвои, источаемый лесом для всеобщей услады, способен раздирать грудь неизъяснимыми желаниями.

X X X

Иногда вдруг недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность невысказанной тайны, а виновато опущенные зеленоватые глаза…

X X X

Из всех деревьев с женским именем только берёза, наверное, не устаёт воображать себя невестой.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Один из основных законов лесной академии – пристальное внимание ко всему, что тебя окружает. Это только на первый взгляд кажется простым и обычным делом, но попробуй-ка в непрекращающемся напряжении прожить в лесу утро, день, а то и неделю! Ни зверь, ни дерево не любят по отношению к себе поверхностного интереса: они уважают в человеке его глубину, которая подразумевает вдумчивость, неутомимость и отвагу. Столкнувшись с этой глубиной, звери обычно спокойно отступают, а деревья покачивают ветвями…

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью, и зимой, и даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости… Словно начищенная снегом, она льёт между деревьями свой безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно поэтому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попадёшь в настоящий дремучий лес с его таинственной тишиной, зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Сколько бы ты ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь: по-настоящему ли ты искренен в отношении всего живого в природе, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Хорошо любоваться в зимний день на солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе торжественные и восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что начинаешь верить: смерти никогда не будет.

X X X

Если дым от костра или с печной трубы лесной избушки прижимается вниз, к воде, жди скорого ненастья…

X X X

Случается, что сидящие на дереве молодые глухарята не улетают при появлении вблизи человека, а, подобно белкам, перебегают с веткина ветку, прячутся в их переплетении, да ещё время от времени выглядывают из своего укрытия, как будто оценивая ситуацию.

X X X

Весна может замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же … счастливым.

X X X

Ночью влесу ты ничего не видишь, но всё остальное, притаившись, молча разглядывает тебя, отчего на душе становится до жути прекрасно.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солнце, и ты сам!

X X X

Тонкие, разреженные облачка, что появляются на небе в вёдренную погоду, есть верный признак близкой грозы.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, в логу, переговаривается или беспрестанно набирает и сливает воду.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, попадётся тебе в лесу какая-нибудь неизведанная странная птица, напугает не слышанными ранее вскликиваниями и видом, и ты на мгновение сделаешься отчего-то диким зверем, будто отбившимся от родной стаи и позабывшим её…

X X X

Галка летит – как будто о чём-то постоянно переживает, сорока в полёте преисполнена не скрываемым любопытством, а вот ворона – до сумасбродности целеустремленна и деловита.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные, радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, научишься по-настоящему понимать и слушать людей.

X X X

Весной часто ощущаешь в душе неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, иногда вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Вмятинки-следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

Озорство и незаурядность осины проявляется даже под осень, когда её листочки тихо опускаются на воду, неожиданно поднимают черенки-ножки и весело бродят по глади лесной речушки расписными игрушечными корабликами.

X X X

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Иной раз пишешь, думаешь про жизнь в лесу или в море, просто отдыхаешь, и вдруг какая-то тревога охватывает тебя: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, не в силах никогда обозреть и постичь, но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и тебе ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и открывать!

X X X

Если не мыслишь жизни без леса, то, услыхав слова «красный», «жёлтый» и «синий», сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительно голубое зеркальце на крылышке вездесущей сойки…

X X X

Тушка убитого зайца холодна и тверда, как камень, чёрный глаз же смотрит всегда вопросительно.

X X X

Порой натыкаешься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом валёжинами и потаённым болотцем, а хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь – оно гиблое!

X X X

Всякого человека, хотя бы раз в жизни, судьба подводит к открытию им природы, но не всегда и не каждый замечает это важное для себя событие.

X X X

Вид леса меня несколько смущает, порой, быть может, даже принижает, моря же – очаровывает и возносит.

X X X

Как бы охотник ни хорохорился, ни гнал от себя ощущение совершаемой вины, находя множество оправданий, когда он стреляет в зверя, любой выпущенный заряд всегда стегает и по его душе!

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

Однажды сырым осенним вечером я вдруг постиг, что как бы человек ни стремился к чему-либо и ни желал, река жизни вынесет его своим руслом, уготованным кем-то свыше, а лес – лишь крохотный островок на её пути, где человеку уготовано набираться сил для дальнейшей дороги.

X X X

Почему-то испытываешь лёгкое разочарование, когда узнаёшь: глаза у рыси ни зеленоватые, как бы хотелось думать, а золотисто-коричневые, даже, в крапинку, рыжие…

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Стоит однажды остановить время своей жизни, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

От соприкосновения с морем в душе – гул, от слияния с лесом – тишина.

X X X

Возвращаешься из трёхдневного лесного похода, а будто много лет отсутствовал дома: так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно.

X X X

Когда солнце освещает летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц суть.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой своих верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

В последнее время всё чаще примечаю, что лес – будто сам не свой, словно нашло на него затмение: могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надёжно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно копошатся промеж себя, а душа уж неведомо как далеко!

X X X

Горько сознавать, что жизнь многих красавиц мира, небрежно набрасывающих на свои холодные плечи роскошные меха, не стоит жизни всех этих куниц, лисиц, песцов и белок.

X X X

В ноябре пегая жижа прыснет из-под сапога на первый хрупкий ледок, и на душе сразу станет как-то неловко, даже совестно, так что уж стараешься больше не оставлять за собой грязных следов, ступая только по твёрдой, покрытой инеем дороге.

X X X

Почему-то ощущение доисторичности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты.

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости студёной зимней ночи, когда он коротает их сам с собой в глухой таёжной

сторожке, а наоборот – переживать от всего происходящего вокруг только мудрую удовлетворённость и покой!

X X X

Если лес когда-либо и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе ещё не родилась бездумная радость от светлого дня, и он по-детски чист в своих пробуждающихся помыслах.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

X X X

Спешишь, бывало, по выступающим изподо мха еловым кореньям, оскальзываешься сапогами, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с лесом куда-то безвозвратно истаивается.

X X X

Когда поднимешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и тебе откроется огромное пространство леса, его нескончаемые синие дали, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Какая-то страшная, необъяснимая сила охватывает нас в северном лесу… Наверное, её слагают прожитые им века, что до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в его душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

Весной, у костра, вдруг подлетают к самому пламени огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись?! А потом, придя в себя, угадываешь в них … обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования не испытываешь.

X X X

Я люблю присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение отойти от переполняющих меня впечатлений, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, уже зародившемуся в её недрах неугомонному ветру и бесшумному стылому дождю за окном. Она имеет цвет затухающего пожара жизни, который, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего хвойного леса почему-то всегда вызывают особенно затаенную грусть, и не дают спокойно жить.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь себя рождённым заново.

X X X

В глуби зимы, ещё задолго до наступления весенних радостных сумерек, вдруг внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой своей открывшейся силе станет необыкновенно ясна вся последующая жизнь.

X X X

Часто нежелание жить приводит человека именно в лес, как в последний приют его исстрадавшейся в миру души.

X X X

Весенние вспышки зарниц, в полнеба, и завораживают, и пугают своей немотой.

X X X

Приведётся тебе однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и ты словно причастишься к чему-то таинственному, к тому, что неосознанно

переживаешь, силишься постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого прошлого.

X X X

При всей своей глуши, лесная чаща беззащитно обнажена сонмом самых сокровенных чувств, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Солнечная разнеженность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

Становится не по себе от повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу же они совершенно оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь окружающий мир.

X X X

Неподвижность лесного существования для деревьев – это, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Именно в порхании малоразличимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, кажущимся для кого-то по лёгкости своей почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Возродившись в душе долгожданной и бурной весной, пропев полную восхитительных желаний жизнь летом, совсем не хочется угасать душой в благодатную осень, с благоговением замерев в преддверии самой величественной и важной поры.

X X X

Звери могли бы поделиться с людьми умением слышать, чувствовать и видеть, проявлять взаимовыручку и любовь, но что, кроме своей гордыни, незнания себя и великого одиночества, которым он даже не в силах верно распорядиться, способен предложить им человек?!

X X X

Одного прикосновения к себе руки человека достаточно взрослому дереву, чтобы почувствовать и вобрать в себя всю его духовную энергию и настроение…

Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить свои неясные ощущения о жизни дерева.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Как бы серьёзно не относился к лесу, всегда с затаенным восхищением надеешься, что когда-нибудь всё же постигнешь суть древней лесной тишины, вырвешься за пределы своей ограниченной человеческой судьбы и, оторвавшись от земли, взовьёшься над полями и холмами, просёлочными дорогами и лесом, чья тайна всегда была твоей сокровенной мечтой, и ты её осуществляешь!

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно иногда угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Замечено: интересные встречи в лесу случаются тогда, когда на душе радостно!

X X X

Человек страдает за любовь и верность, доброту и открытость, и только за свою необъяснимую преданность лесу он остаётся никем не тронутым.

X X X

В природе всё рассчитано и основано на единении разного мелкого в большое целое, и потому, когда попадаешь в лес, неминуемо вливаешься в великий и неразрывный организм.

X X X

Даже в своей любовной привязанности к лесному миру не стоит делить его на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадается на глаза.

X X X

Однажды обнаружив себя в нашем лесу зверем, а именно – барсуком, то же самое попытался я увидеть и в птице, которая бы стала моей… Чтобы птица воспитывала во мне неиссякаемое чувство радости, веру в бессмертие и постоянно стремилась к тайне. А ещё не покидала никогда мою душу, сроднилась с ней так, чтобы уже невозможно было различить – где я и где она. Птицей этой постепенно определил я для себя загадочного глухаря, чья жизнь, как и моя, навсегда соединилась с вековой неисхоженной чащей.

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе – до такой степени она насыщена теплом и благостным светом!

X X X

В любом человеке угадывается тайная борьба, как за самого лучшего среди других людей… Звери же, за исключением редких случаев, лишены желания во что бы то ни стало первенствовать, и им достаточно просто дышать, вслушиваться и вглядываться в жизнь, рыская в поисках добычи во имя продолжения рода. Но эта обыденность звериного существования, на деле, оказывается несоизмеримой ни с чем, что могло бы ограничить животных в их свободе стать неуязвимыми.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли ты оторваться от привычного, что уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя осободившись от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в своих новых книгах.

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

Мартовское небо незаметно выклюнется из фиолетово-радужного февраля, ударит по глазам своей синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, отчего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном довольстве от достигнутого благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красою.

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо, тогда как с уходом лета тебе кажется, что жизнь утекла безвозвратно, и ничего необыкновенного с тобой уже никогда не случится.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже неверится: как может оно ещё более обновиться в марте?!

X X X

Ни у одного дерева ничто не может так зацепиться в ветвях, как у ёлки… Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

Как бы круто не забирал мороз в мартовский утренник – он кажется лёгким и беззлобным, что только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

С приходом дивных майских дней куда-то исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же восприятия подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Только народившийся ломтик месяца – тоненький, изящный, а, между тем, царит на небе!

X X X

Одно дело – просто ждать весну, а другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей, единственной, что должна принести нечто недостающее и очень важное, что может открыть только она, весна… Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё снег… Февраль не сломил до конца рога зиме, и могут взяться крепкие утренники, такие крепкие, что если бы ни март, то ты даже бы засомневался в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветровеи, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же ты знаешь, весна уже где-то здесь, с тобой: если её ещё не видно и не слышно, то чувствуешь её несомненно! Она вливается в тебя пока не широким

руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы, не даёт спать.

Каждый февраль, загодя до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься ты к своим родимым лесным местам, которые тревожат всякий раз по-иному, навевают сладкие думы и воспоминания. Никогда вёсны, какие только были у тебя, не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить её в сердце за долгий год, соскучиться и возжелать радостного полёта, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть её вместе с родными птицами, и возвернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все свои мучительные достижения на пути к нему, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны!

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распустившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать ещё до конца не одевшихся в свои весенние наряды черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень.

X X X

Весеннее утро приходит как счастье, день – как радость, вечер весною приносит покой и умиротворение, а ночь – знай, накручивает котам хвосты!

X X X

Хоть и ломают по весне, кроме черёмухи, и яблоню, и иргу, и сирень с рябиной, а всё равно у неё самое доверчивое и мягкое сердце.

X X X

Весенние дни не потухают, как осенние и зимние, не обрываются, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

До сорока четырёх лет я не задумывался о возрасте своей жизни и не считал лесных вёсен, и только когда мне пошёл сорок пятый год, я вдруг сказал себе: а ведь это моя сорок пятая весна!

X X X

Как в первый раз увидишь самые ранние цветы, так и проживёшь свою весну!

X X X

Мартовскими вечерами мороз всё ещё схватывает зазевавшееся чудо весны, пытаясь возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, как это происходило зимой, а надуманно, без присущего ему сказочного волшебства.

X X X

Весенняя перелётная душа у птиц – трепетна, осенняя же – неукоснительна.

X X X

Первые весенние перемены замечаются, как ни странно, ни в проникнутом их ожиданием лесу, а скорее – в порядком растерявшем себя городе или так и не опомнившейся от всего происходящего в природе деревне.

X X X

Всегда почувствуешь в себе мгновение, когда душа вдруг взвивается над травами и цветами, легко проникаясь всякой природной мелочью, отрешённо забываясь в ней и так же свободно оставляя её, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X X X

В конце марта, когда солнце начнёт припекать всё сильней и сильней, молодой глухарь слетит на наст, неторопливо, как взрослый мошник, пройдётся меж сосен и, вообразив перед собой изнемогающую от страсти копалуху, вдруг

развернётся в неожиданном реверансе, изящно черканув кончиком опущенного крыла искрящийся снег…

X X X

В жизни природы есть такая таинственная и глубокая тишина, где, кажется, живут сказочно древние мудрецы, которые всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться невидимыми.

X X X

Весенняя рыхлая земля, вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набрякшим, как большая почка, и однажды лопается, а душа со звоном улетает куда-то, возвращаясь только под осень.

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Один из корешков у тысячелистника всегда розовый, сильно вяжет во рту и унимает зубную боль.

X X X

Густой весенний туман задумчиво стелется среди стволов, клубится, и ты вдруг начинаешь воспринимать его как накопившиеся за долгое зимнее время мысли леса, которые он незаметно для всех преживает и не ведает, на что с ними решиться.

X X X

Почему непременно так устроено: если что-то достойное, хорошее, то для его получения следует много испытать и пережить, а если наоборот – то и жить не стоит? Как это уродливо в понимании природы, которая вовсе не предполагает существование красоты без грубого к ней отношения! Именно природа ненавязчиво подсказывает нам, что всё хорошее рано или поздно будет атаковано плохим, и мы должны быть готовы к этому.

X X X

Всю зиму изумрудными хоромами высятся сосновые боры, не дают угаснуть потаённому лесному духу. Вторят им пушистые ели с пихтами, и тоже созидают лесную сказку. Все остальные деревья стоят голые, и, кажется, не содержат в себе никакой тайны, да только и в них живёт еле угадываемое, хоть ещё и не высказанное обаяние вековой чащи.

Вот прилетел на старую осину большой пёстрый дятел, поудобнее упёрся о ствол хвостом, и затеял монотонную стукотню. И дерево ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным лесом голосом, и сразу стало загадочным и красивым.

X X X

В живой природе, казалось бы, вдоль и поперёк изученной, люди порой не понимают самого простого.

X X X

Весной зайцы совершенно открыто гоняются друг за другом, перебегая прямо под ногами и не обращая на тебя ни малейшего внимания. И это нисколько не удивляет, а только веселит!

X X X

Понять разговор деревьев легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу.

X X X

Всё, кажется, распознал и усвоил ты в жизни, и уже не сомневаешься, что луна бывает только жёлтой, белой и изредка – красноватой… Но вот случится вдруг увидеть её зелёной, свет от неё проникнет в душу, и нащупает там неведомые ранее чувства и мысли.

X X X

Когда сильный ветер гнёт деревья, чувствуется, что они объединяются в споре с ним, даже самые разобщённые… Не сдаваясь его силе, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди.

X X X

Всю осень принимает в себя земля слякотную влагу, и никак не может напиться, чтобы весной отдать всё без остатка нескончаемыми слезами любви и восторга.

X X X

Любой зверь или птица, почувствовав тепло закатного весеннего солнца, хоть на короткий миг, а позабудет себя и сделается совершенно беззащитным.

X X X

Из-под молодых берёзок с пугающим хрустом вырвалась тетёрка, а там, где сидела птица, осталась примятая лунка. Бледно-жёлтая сухая трава была плотно прижата к земле и не распрямлялась. Среди оттопырившихся в одном месте изломанных травинок застряло тёмно-бурое, с белыми полосками перо.

Прикоснувшись рукой к траве, я взял перо, положил его на ладошку, и тотчас ощутил диковатое птичье тепло, от которого вдруг пахнуло безвозвратно ускользающим жарким летом…

X X X

Сладкое слово «земляника», если вдуматься, происходит от довольно обыденного и невкусного «земля»… Но с каким удовольствием мы его произносим!

X X X

Особым чутьём угадываешь, как птицы советуются между собой перед перелётом, спокойно уговаривают в чём-то друг друга, поучают, соглашаются и даже спорят, но с виду остаются почти невозмутимыми.

X X X

Зимняя поляна иной раз так ослепляет, что останавливаешься перед ней как вкопанный, стоишь долгое время, не в силах вместить всю её светоносность, и дальше идёшь совершенно распахнутый от того, что вобрала в себя душа.

X X X

Осень полнее и глубже других времён года потому, что последние сроки всегда до предела насыщены энергией мысли. В ней сплетаются и горечь отрыва, и радость полёта.

X X X

Отчего-то никакая другая птица, кроме утки, не держится так за жизнь, когда настигает её погибель… Подраненная, почти без сил, она всё же успевает нырнуть под воду и, ухватившись клювом за какую-нибудь травинку, терпит до последнего, но ни за что не дастся охотнику в руки.

X X X

По строгой заре и день выдаётся изморённый, с холодком, так что в народе скажут: худой зять к властной тёще на блины заглянул, да несолоно хлебавши откланялся!

X X X

Что, кажется, толку следить за тяжёлыми мокрыми листьями, со всех сторон отрешённо опускающимися на холодную землю, однако вдумчиво всматриваешься, вслушиваешься, и отчего-то не в силах оторваться от этого молчаливого наблюдения.

X X X

Если рядом с большим старым дубом начинает подыматься маленький – это не случайность, а мудрая мысль взрослого дерева, с ещё большей верой устремлённая к грядущему свету.

X X X

Когда человек на склоне лет начинает вспоминать былое, лесные струнки отзываются в его душе по-особенному тонко, и как ничто другое оживляют угасающую жизнь.

X X X

Люблю примечать прилёт зябликов в пору, когда снег в лесу ещё не тронулся водой, следить, как птицы перепархивают, насвистывают в еловых ветвях, и чувствовать, что во всём происходящем не хватает ещё какого-то очень важного тёплого творчества, без которого и солнце ни солнце, и весна ни весна!

X X X

Отправляясь ранним утром в лес, радостней всего сознавать, что он не скоро кончится и, кажется, будет длиться целый бескрайний день.

X X X

Принято думать, что заяц труслив и его пугает даже шорох падающих листьев, от того он осенью предпочитает открытое пространство лесу. На самом деле осторожный косой с началом листопада перебирается из чащи на вырубки только для того, чтобы вовремя услышать, как к нему крадётся волк, рысь или лисица, ибо в густом лесу ветви задерживают опадающий сухой лист и он почти не укрывает землю.

X X X

Оказавшись на долгое время в море, всегда предаёшься мечтам, а вот в лесу никогда ничего для себя не желаешь и думаешь только о том, что тебя окружает.

X X X

Огромный глухарь, с треском сорвавшийся с сосновой ветви, может напугать; неудержимый косач, тугим мячом выбросившийся из светлого березняка, ошарашить своей стремительностью; цокающая белочка, настороженно вцепившаяся в еловую шишку, позабавить… И только от писка какой-нибудь болотной камышовки неожиданно захочется остановиться, замерев, и задуматься.

X X X

Увидишь в лесу змею, и она тотчас поселится в твоей душе: ползёт, замирает, шипит, но … не находит себе места.

X X X

Будешь изо дня в день жадно вбирать в себя всё, что окружает тебя в лесу, обязательно где-нибудь перехватишь лиха и захлебнёшься. После даже можешь захворать, долго приходя в себя. Но когда уже совсем потеряешь к лесу интерес, он же тебя ненароком и поправит.

X X X

В ноябре, по первоснежью, в лесу не видно никаких следов зверей, кроме редких беличьих переходов. Неугомонным зверькам никак не сидится в

обустроенном гайно, и всё не терпится проверить, целы ли заготовленные на зиму запасы?!

X X X

Из всех деревьев более проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, может быть, только сосны, которые, в отличие от мудрых елей, святы…

X X X

Ни с чем не сравнимо ощущение необыкновенной внутренней радости, что рождается только весной!

X X X

Принимая ветер, как брата, и понимая работу мысли, как самую свободную энергию, я вдруг почувствовал однажды, что ветер и есть та природная преобразующая сила, которую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

X X X

Способность писать добрые заметки делает самую тёмную жизнь светлой. Но стремясь к свету, никогда не следует забывать про тьму, которая так же достойна серьёзного внимания. Особенно – в природе. По себе точно знаю: чтобы насладиться светоносным дождём радости, нужно к ней долго и упорно идти, может быть, всю жизнь.

Бывает, даже преодолев немало препятствий, тьма вдруг закроет для тебя свет. Нужно выстраивать жизнь так, чтобы познать её и светлые, и тёмные стороны, научившись распоряжаться в полной мере их силой, и только потом, выбирая ту самую золотую середину, неспешно, без взлётов и падений, двигаться по ней к познанию в себе Бога.

X X X

Случается такая весна, когда март едва миновал, не прилетели даже зяблики и зеленушки, а на льду лесного болотца, поджав ногу, уже стоит одинокий селезень…

X X X

С неохотой опадает оторвавшийся лист, долго кружит, планирует в остановившемся воздухе и, будто случайно, примощается на шляпку гриба… Даже напоследок ему хочется хотя бы ненадолго задержать своё угасание.

X X X

Осенью птицы летят молча, быстро и деловито, весной – в нетерпеливом напряжении, возбуждающем своей энергией открывающееся для жизни родное пространство.

X X X

Незаметно сменяют друг друга короткие дни, слагая необозримую зиму… Это незримое истечение умиротворённой жизни равносильно тому, когда снег, способный околдовать ледяным дыханием, в то же время укрывает и спасает всех своим теплом. Сочетание трогательного дыхания зимы с её крепостью неповторимо!

X X X

Времена года – это не бессмысленно повторяющаяся, пусть и прекрасная, череда природных событий, а непрекращающийся пример жизни для всех живых существ.

X X X

В одном из драгоценных парных изречений тангутов сосна олицетворяла собой процветание, туя – молодость, камыш – обман, а тростник – пустоту. Уподобившись мудрости древнего народа, я попытался в одном слове выразить сокровенную суть всех наших самых любимых и известных деревьев. И вот что у меня получилось:

Лиственица - возрождение.
Ель – неистребимость.
Берёза – благо.
Липа – великоречие.
Рябина – тишина.
Черёмуха – ненавязчивость.
Пихта – память.
Ирга – тепло.
Осина – устремление.
Ива – задумчивость.
Клён – надежда.
Калина – беспристрастность.
Тополь – терпение.
Ольха – свобода.
Вишня – добро.
Яблоня – ожидание.
Сирень – душа.

И ещё:
Берёзовая роща – улыбка.
Сосновый бор – щедрость.

X X X

Весна, как великий праздник, затем и дана, чтобы люди позабыли обиды, и стали все друг для друга хороши!

X X X

Пегим ноябрьским днём заприметил в открытом поле лису и сначала подумал: собачонка… До того она была мала, худа и облезла. А разобрав, сразу прицелился и … спохватился: как глубоко поразила человека ржа бездушия, если он, не задумываясь, готов отнять жизнь у несчастного лисёнка!

X X X

Ночной лес не может быть страшен, если ухает над головой загадочным филином или завывает одиноким волком… По-настоящему жуткие ощущения рождает в нём мёртвая тишина.

X X X

Будешь добр к лесу – лесные духи непременно сделают счастливыми все твои осени и зимы, вёсны и долгие лета.

X X X

Слепой дождик бывает и золотым,и серебряным, и самым простым, но никогда незаметным.

X X X

Только весной постигаешь, что истинное царство света должно быть устроено не на небесах, а на земле.

X X X

Глухарь представляется мне той огромной загадочной птицей, которую я уже видел когда-то, давно-давно, и земля тогда не была ещё грешной…

X X X

За всю зиму хоть раз, да захочется протаять пальцем дырочку в замёрзшем стекле окна и увидеть там удивительный весенний мир.

X X X

В отличие от человека, звери и птицы живут так, будто не боятся ничего, что должно случиться с ними в будущем, в полном удовлетворении пребывая только в настоящем.

X X X

Высоко-высоко поднимается птица канюк, величаво наворачивает круги, будто пытаясь отыскать место, где бы ей можно было присесть, чтобы уже никогда не взлетать и не обременять себя полётом, но не находит его…

А кто-то восхищённо вглядывается в недостижимые круги птицы, которые она совершает, завидует ей и надеется когда-нибудь, хотя бы в мечтах, подняться в бездонное небо, связав с ним свою жизнь.

X X X

На закате с весеннего неба обращаются ко всему живому чьи-то всё понимающие прекрасные глаза…

X X X

Из всего живого только дерево, умирая, благоухает…

X X X

Без ребёнка в душе не узнаешь самый чудесный весенний день своей жизни.

X X X

Рано или поздно для каждого человека приходит в жизни время, когда ему надлежит разбудить в себе мир зверей, птиц и растений, и внимательно в него вникнуть.

X X X

Мысль человека, вероятно, свободнее и сильнее самого неукротимого ветра.

X X X

Если проходить мимо медвежьей берлоги не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не встанет.

X X X

Все звери и птицы несут какую-либо задачу по поддержанию жизнедеятельности в природе… Ворон, к примеру, питается исключительно падалью – это его законная добыча. Прозорливая птица загодя начинает кружить над местом будущей трапезы, а затем, в считанные часы, очищает его, предотвращая распространение заразы. Волк – неутомимый санитар леса, призван убирать больных зверей, потому как избавление от слабого потомства поддерживает хорошее биологическое состояние популяции. Бесчисленные ястребы, совы, канюки и луни успешно истребляют грызунов, что уничтожают корм других животных. Каждый зверь или птица, таким образом, отрабатывает во имя природы свою собственную лесную жизнь.

А нужен ли природе каждый человек? Или он, как отдельный вид, сочетая в себе, вместе с никчёмностью существования, ярко выраженные положительные примеры, способные на неудержимый творческий порыв, обречён, наряду с ними, тащить за собой огромный воз неразрешимых, за весь свой нелёгкий путь так ни к чему и не пригодившихся жизней?

X X X

Только прилетевшая с юга трясогузка такая оживлённая и весёлая, что само собой, без лишних слов, выходит: на свете нет ничего прекрасней русской весны!

X X X

Зимой, как никогда, хочется смотреть на звёзды, невольно спрашивая у них совета.

X X X

Почему-то всякий, не равнодушный к природе человек старается судить о лесной жизни по своей, человеческой, и ни сколько не гнушается сравнить свою душу со звериной.

X X X

Сколько помню свои походы в разном возрасте в зоопарк – никогда не получал от созерцания зверей в клетках хоть какого-нибудь удовольствия, которое всегда переживаешь в лесу. К тому же, наблюдая зверя в неволе, ни за

что не скажешь о нём того, чего он на самом деле заслуживает и стоит, тогда как хоть раз увидев зверя в его родной среде – в мгновение открываешь огромный таинственный мир.

X X X

Без пения птиц удивительно медленно, словно нехотя, а порой даже по-таинственному зловеще и сумрачно занимается утренняя заря в октябре.

X X X

Женщина, как и весна, должна быть совершенно чистой и бескорыстной. И это больше всего покоряет в ней мужчин, которые от природы несут в себе дух творца, а женщина своей чистотой поддерживает его в них.

X X X

Под серым и низким осенним небом, в густой и таинственной чаще, весь день, не унимаясь, радостно пищат крохотные синички…

X X X

Весной, под ослепительной мартовской крышей, хочется остановиться и без цели, с улыбкой, смотреть на улицу, открывая всё новые и новые светлые лица.

X X X

Как же мягка линия наметённых за ночь пуховых сугробов! Они воздушны, легки, и в то же время уверенно дышат желанным и умиротворённым покоем.

X X X

Придёт к тебе однажды в лесу такое небывалое, что, кажется, не снилось никому на свете, но и его ты постепенно сможешь принять, по-своему объяснить и даже подружиться. А если не сможешь – будешь спокойно и молчаливо нести в себе, и оно станет твоей тайной, которая когда-нибудь превратится в недостающую правду.

X X X

Никогда и не задумывался, что посреди морозного января, где-то в таёжном северном лесу, медведицы рожают своих ещё непутёвых последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне, и совсем не помышляют о навалившейся на них зимущке-зиме.

X X X

Надо хорошо знать пойменное весеннее море, чтобы представить себе в эту пору наполненную до краёв радостью душу!

X X X

Чем мельче увиденное тобою в лесу, тем сильнее его воздействие. Большое, что удивительно, проходит, чаще всего, мимо, и, так и не замеченное, бесследно утопает в глубине необъятного лесного пространства.

X X X

Даже в самом захудалом, измученном людьми лесу всё же бьётся радостное зелёное сердце.

X X X

Лишь однажды в жизни замечаешь в небе ту единственную звезду, что любит только тебя…

X X X

Бывает, подолгу не идёшь в лес, как будто нарочно отдаляя с ним встречу. Как говорится: поехал бы в лес, да попался навстречу бес. Думаешь: пусть лес ещё поживёт без тебя, накопит побольше интересного и необычного, так, чтобы и ты, соскучившись по нему окончательно, уже не чувствовал для себя никаких преград.

Но, оказывается, полный тайн лес всегда был готов к твоему восприятию, ждал с тобой встречи, а тебя удерживало от неё собственное несовершенство, неверие в свои силы. Ведь при взаимном сближении всякая встреча, тем более – в лесу, в радость, и никакая добрая молва её не заменит!

X X X

Лес и море подарили мне удивительный мир звуков, благодаря которому я постепенно выработал в литературе свой стиль.

X X X

Лес представляет человеку собственную жизнь давно обдуманной, где всё мудро взаимосвязано, и человек, незаметно для себя, пользуется ею и воспринимает все открытия души в нём на свой счёт.

X X X

Весной трудно написать о зиме, как это можно сделать осенью. Должно родиться нетерпеливое и твёрдое намерение ощутить зиму вновь. Только тогда она раскроет всю потаённость немеркнущих сумерек, бодрящую лёгкость морозца или пронзительную белизну плотно укутанных полей.

X X X

Устав от людей, затаиваешься в себе с мыслью о красавице-луне или прекрасных звёздах, желая оказаться вместе с ними там, в вышине, а они глядятся в тебя из неведомого далека, и становятся всё краше и краше.

X X X

Очень нелегко, кажется, почти невыносимо, не судить о жизни леса по своему маленькому опыту. Но ещё сложнее, не находя в окружающем лесном мире никаких гарантий тому, что ты всё делаешь правильно, верить, что это именно так, и ты обязательно добьёшься раскрытия всех тайн, если сохранишь и разовьёшь в себе самое лучшее.

X X X

Пронизанные солнцем капельки хвойной смолы напоминают не слёзы раненого дерева, как это часто принято думать, а скорее вызывают ощущение крепости лесного духа.

X X X

Только однажды, весной, кто-то будто возьмёт тебя за руку и подведёт к самым звёздам, и ты на всю жизнь запомнишь и благословишь чьё-то незримое присутствие, которое ненавязчиво указало в тебе чистого человека.

X X X

Отшумев лето и осень неугомонным осиновым листом, наверное, ужасно не хочется опускаться на сырую стылую землю…

X X X

Когда зверь, смутно почуявший опасность, насторожился, нервно поднял взгляд и ещё не исчез в глубине леса, хочется, чтобы он поверил тебе и задержался.

X X X

Сколько видели глаза таёжного странника – не видел никто.

X X X

Замечательно, когда добрые дела и мысли с головой захватывают тебя, порой просто окрыляют, не отпуская, а приходишь в себя всегда в лесу, на берегу реки или моря.

X X X

Чем чаще и проще выдаёт за окном монотонные коленца синица-московка, тем сложнее и богаче представляется её песня.

X X X

Глухари, тетерева, рябчики… Имена этих птиц звучат какой-то волшебной сказкой про неведомый дремучий лес.

X X X

Скромно улыбаются синие и алые сыроежки, в строгом оцепенении застыли удалые красноголовики, совсем притихшими и незаметными выглядят изжёлта-матовые моховички, и только яркий мухомор без всякого стеснения настырно напрашивается в корзину.

X X X

Так яро, с самозабвением играют на току краснобровые петухи-тетерева, что маленькие берёзки по краям поляны, в нетерпении от происходящего, кажется, приподнимаются на цыпочках, и готовы вот-вот полететь над взбудораженными птицами, купаясь в ласковых лучах весеннего солнца.

X X X

Некоторые животные и птицы, находясь всю жизнь друг подле друга, вроде бы, и не сосуществуют между собой… Заботы по воспитанию детей, постройке жилища или добыче пропитания выполняют в одиночку, и лишь в каких-то экстренных случаях прибегают к взаимной поддержке.

Так ведут себя вороны. Вряд ли кто-то видел, чтобы эти птицы совместно доставляли на постройку гнезда необходимые хворостинки. Подобные усилия они осуществляют, как правило, обособленно, на худой конец – парами. Но стоит поблизости появиться канюку, как вороны тут же преображаются в дружных единомышленников, оказывая хищнику самый жёсткий отпор.

Точно так же поступают и озёрные чайки. Отдельно друг от друга добывают они пищу, порой даже выхватывая добычу из-под носа своих сородичей, а когда среди них объявляется, скажем, та же ворона, чайки всем своим оглушительным сообществом обрушиваются на нарушителя их спокойствия.

Однажды мне довелось быть свидетелем, как непутёвая ворона в борьбе за свою добычу безуспешно оборонялась от целой стаи не на шутку растревоженных поведением нахалки озёрных чаек. Они были очень агрессивно настроены против настырной вороны и, в конце концов, доканали её прямо на берегу, так что вороне даже не удалось доползти до камышовых зарослей…

Но к немалому сожалению, такие случаи могут подтверждать у вышеуказанных птиц и противоположные мотивы поведения. Не исключено, что совместные действия, воспринимаемые многими как способность к взаимовыручке, на самом деле есть всего лишь подтверждение жадности, ярко выраженного индивидуализма, многократно помноженного на всех птиц в стае. Вороны или чайки громогласно демонстрируют вздорное негодование или чувство страха, а со стороны это выглядит как выражение их неподражаемой сплочённости. Немудрено браниться, ежели твоё негодование за мир принимают, тем более, когда на нём и смерть красна!

X X X

Есть в лесу невидимая граница, достичь которую по силам большинству людей, но вот перейти её удаётся немногим.

X X X

Сколько незабываемого несёт в себе молодая весна! Но порой в ней завораживает лишь то, как из сырых и тёмных оврагов потягивает ледяной прохладой притаившаяся там старуха-зима…

X X X

Парение орла величаво, падение – стремительно, овладение добычей – хладнокровно… И разве поверишь, что эта гордая птица может стать послушна человеку?

Для этого он просто надевает ей на глаза клобук, делая слепой, садит, привязанную за ногу, на бечеву, и изредка, в течение нескольких дней, покручивает, шевелит её, долго не давая орлу пищи, чтобы он уже больше

никогда не смог успокоиться и прийти в себя, восстановив утерянную свободу, и тем самым навсегда подчиняет царя птиц своей воле!

X X X

Солнечным мартовским днём почудится, будто тебя окликнули… Обернёшься, а это – шелест падающих капель, еле слышно произносящих ласковые звуки весны.

X X X

Тихо живут в лесу камни, незаметно. И вспоминаешь о них, только когда подойдёшь напиться к ручью или вдруг покажется в обвалившемся склоне холма скалистая жила… И сразу какая-то скрытая уверенность утвердится в душе, а лес обретёт ещё большую ценность.

X X X

Даже нагону, уморённая, лиса всё-таки оставляет свою заметку там, где ненадолго пробует передохнуть, как если бы она бежала по лесу, никем не преследуемая, и просто метила свою территорию.

X X X

От последней утренней звезды до первой вечерней терпеливо ждёт весенняя душа всех влюблённых, что обращают свой взор к небу и забывают про себя, когда непонятная сила влечёт их лететь в прекрасную неизвестность…

X X X

Встречи с дикими животными всегда волнуют человека… Не потому ли, что его завораживает мудрость их самостоятельной, простой жизни, естественность существования, при котором нет необходимости завидовать, лгать или скрывать свои чувства? Звери и птицы свободны. Они могут быть самими собой, а значит – красивы.

Человека же всегда пугает, что его чувства, которыми он живёт, станут кому-то понятны, и потому он тщательно прячет свою личину, возводя вокруг себя клетку. Не свободный, человек не в силах кого-либо по-настоящему заинтересовать, и от того исчезает бесследно…

X X X

Зимой лес молчит величественно, осенью – проникновенно, весной он преисполнен надежд, летом же, как ни странно, просто немеет от нахлынувших на него чувств.

X X X

Идёшь, бывало, по лесу, и не видишь его глаз… Будто лес не понимает тебя, как понимаешь его ты, а переводит твои слова и мысли на свой, не понятный тебе язык, не наставляет и не запугивает, и даже в тех местах, где невозможно от радости не улыбнуться – он не улыбается. За весь день слова не вымолвит, лица своего не покажет. Но только ты вознамеришься его покинуть, как он неожиданно преобразится, подставит тебе подножку и расхохочется!

X X X

В лесу следует и слышать, и видеть, но больше – чувствовать, понимать и догадываться.

X X X

Вкусен и ароматен апрельский воздух, замешанный на пробуждающемся ощущении любви, которая не врывается в сердце вихрем, а прокрадывается на цыпочках.

X X X

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё не может нарадоваться своей способности – безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться.

X X X

Человек всё думает, да говорит, а лес – знает.

X X X

Грустно становится отчего-то, когда врасплох застигнутый тобой в лесу зверь, не шелохнувшись, какое-то время смотрит в твою сторону, затем неожиданно обмякает, как будто придя в себя, и, кинув на тебя последний раз свой необъяснимый взгляд, не торопясь удаляется в чащу…

X X X

Нечаянная радость – выпавший в начале мая последний нежный снег.

X X X

На весеннем перелёте утка валит, гусь – идёт, а вот журавль с лебедем именно летят.

X X X

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу.

X X X

Глядя весной на распевающую птицу, что успевает, к тому же, выполнять огромную работу по выведению и выкармливанию птенцов, понимаешь необходимость самоограничения и умения правильно рассчитывать время, чтобы быть по-настоящему свободным.

X X X

Случается осенью день, который не отличишь от весеннего. В нём так же пахнет землёй, снегом и листьями, и только по отсутствию в себе приподнятой радости, когда внутри бродят нерастраченные силы, определишь: жизнь на время успокоилась, а душа, затаившись, замерла. Значит, в тебе отболела твоя золотая осень…

X X X

От свежего запаха коры, чистой капели с розовых веточек, копошащегося под еловыми лапами душистого тумана - и облако апрельское становится прозрачно-жемчужным, душистым.

X X X

Тем, кто ещё не вошёл в лес, хочется поскорей туда войти. Тот же, кто уже побывал там, желает побыстрее выйти. Что за сила влечёт нас туда и оттуда? И отчего, когда мы находимся в лесу, время, вроде бы, приостанавливается, и начинается какая-то новая, особенная жизнь, к которой мы так стремились, но от которой всё же бежим?

А кто-то и не думает ничего об этом, и равнодушие его, подобно девственной тайге, безгранично…

X X X

Несравненен зимний уют внутри жилья! Комната будто оживает, открывая неведомую ранее жизнь людей и предметов. Солнце заглядывает сквозь оголённые окна, каждому напоминая или подсказывая что-то сокровенное, своё. И каждый про себя, непроизвольно и с удовольствием, пересматривает собственную жизнь, и борется с воображаемыми слезами умиления.

X X X

Если прислушаешься, о чём рассказывает каждая травинка, цветок или деревце, то вдруг обнаружишь тайны, сообразные своей душе.

X X X

Первый снег, будто странствующий глухонемой: никогда не почувствуешь, как он приходит, ложится на остывшую землю и замирает в ожидании внимания.

X X X

Чуть пробивающийся сквозь снега звук мартовского ручья сначала не слышим никому, живёт как будто украдкой, но именно он робко начинает первую песню воды, которая вскоре обнимет всё пойменное пространство!

X X X

Когда после долгой осенней неустроенности приходит чистый и успокоенный декабрь, появляется до жути непреодолимое желание заглянуть в будущее – в предстоящую зиму, чтобы поскорее увидеть волшебные узоры на окнах, ощутить божественную темноту звёздной рождественской ночи и перехватывающий дух крещенский мороз. Кажется, что декабрь думает только о хорошем.

X X X

Люблю, когда вечерние тени зимой ещё не сливаются одна с другой, а подступают крадучись, неспешно. Точно так же и ты: с удовольствием догадываешься о своих самых сокровенных желаниях, незаметно перенося их в таинственный зимний сон.

X X X

Прозрачные ручьи, росистые луга и бесконечные снежные поляны не сравнятся в своей чистоте с устремлениями свободной человеческой души, и только ждут, когда человек обратит к ним своё внимание.

X X X

После дождя в весеннем лесу так приятно проясняет, что вспоминаешь только хорошее, а всё худое бесследно исчезает.

X X X

Поздняя осень… Кажется, всё умерло, но так хочется жить!

X X X

Проснувшись посреди ночи, всегда почему-то почувствуешь: пасмурно на небе или звёздно. И если звёздно – тотчас неизвестно чему обрадуешься и опять окунёшься в сладкие сновидения, а если пасмурно – долго ворочаешься, о чём-то думаешь, но в мыслях ни к чему не можешь прийти, тяжело забываясь только под утро.

X X X

Пир мартовского восторга в природе только начался, а солнце явилось на него, уже упоённое счастьем, румяное и хмельное.

X X X

Когда я нахожусь на глухарином току, мне хочется пригласить туда всех музыкантов, потому что в их сочинениях всегда присутствует поиск смысла всего сущего, то есть – гармонии, а песня глухаря, пусть и не совсем складная, в полной мере сострадотачивает её в себе. Музыкантам не помешало бы послушать весеннюю песню замечательной древней птицы, чтобы не предавать в своём творчестве возможности быть по-настоящему свободными, убегая в музыке от жизненных печалей и бед, а приходить во всемогущий лес за недостающим для себя соразмерным благозвучием, проистекающим из самого Мироздания.

X X X

Оказавшись на краю заснеженого поля, среди притаившейся тишины и длинных синих теней от уснувших берёз всегда мечтается о том, чтобы появилась огненная лисица, быть может, пего-коричневый смирный лось, или, на худой конец, белоштанный зайчишка. Тишина бы вздрогнула в этот миг, закачалась на

плечах леса, и всё вокруг ожило, заиграло радостным предвесенним светом. А ты бы стоял, не шелохнувшись, бесконечно долгое время, и любовался зверями, запоминая каждое их движение, взгляд и чуткое изменение настроения.

Налюбовавшись, тебе всегда почему-то захочется как-то проявить себя, чтобы зверь обязательно отреагировал на твоё присутствие, и ты слегка присвистнешь, после чего зверь насторожится, длинными неторопливыми прыжками пересечёт поляну прямо перед тобой, и исчезнет. Лес будет стоять тихо, и если бы ни следы, подумается, что всё чудесным образом тебе привиделось.

Наверное, можно многое узнать о звере вот так, один на один с ним, и почувствовать себя счастливым человеком. Ради этой возможности тебе не в тягость пройти десяток километров, и сколько угодно времени простоять, не двигаясь, на морозе.

Ожидание подобной встречи всегда томительно. Гадаешь, кто попадётся навстречу, и как это произойдёт? Но лес откроет новое, совсем неожиданное, потому как никогда не повторяется в своём откровении.

X X X

Стараясь изучить лес досконально, добившись в этом деле немалых успехов, однажды забьёшься в его тончайших подробностях, подобно птице в силках, и каким-то природным чутьём отдашься на волю провидения, ничуть не сопротивляясь, и оно, поначалу околдовав и запутав, неожиданно выведет тебя к нужному ответу.

X X X

Под осыпавшейся кручей, над самой дорогой, оголились и повисли длинные корни деревьев… Несмотря на свою беспомощность, они вызывали неприятное волнение: кажется, кончики этих корявых щупалец вот-вот достигнут твоей одежды, и больше не отпустят. Долго потом не можешь оправиться от этого неприятного ощущения, не в силах понять, что тебя вынуждает, не оглядываясь, ускорить шаг.

X X X

Многим хороша зима, но главное её достоинство – глубокие снежные покровы, которыми она устилает землю. Благодаря им можно без труда прочесть все подробности в книге жизни лесных обитателей. Ни в какое другое время года это невозможно, а зимой все тонкости поведения животных, как на ладони! Некуда им скрыться от снежной напасти, и звери с нетерпением ждут весну, когда зазвенят ручьи, ярко засветит солнце и растопит глубокие сугробы. Тогда смело можно будет бегать по лесу, щипать траву и ягоды, выискивать мышей и червячков.

Но не для всех лесных обитателей снежный покров в тягость. Для некоторых он служит домом – надёжным и тёплым укрытием. Мыши-полёвки лишь изредка чертят по снегу еле приметную вязь следков, большее время проводя в надёжно замаскированных норках. Ласки и горностаи – белые, как сахар, отличимые от снежной белизны лишь бусинками глаз и чёрным кончиком хвоста, так же проводят всю зиму под снегом. Не тронутая сверху белизна скрывает их многочисленные переходы.

На свет зверьки выбираются только за тем, чтобы оправиться, понаблюдать за всем происходящим наверху, да подышать свежим воздухом. Их неожиданно возникшие посередине поляны ямки, как правило, с испражнениями, свидетельствуют о проявляемом интересе к окружающей жизни, потребности время от времени следить за собственной безопасностью. Неровен час, налетит откуда ни возьмись ушастый филин или подберётся неслышной поступью кумушка-лиса!

Выбравшись на поверхность, горностаи замирают белыми столбиками, с любопытством осматриваясь вокруг. Мало горностаю иметь защитную шкурку, как зайцу: он норовит поглубже под снег забраться, где ему и укрытие, и пропитание. Только непонятно, как такому вёрткому и пронырливому зверьку не надоедает всю зиму под снегом сидеть: ни порезвиться тебе вовсю, ни побегать привольно. Видно, хорошо горностаю под снегом живётся, и нет у него никакого желания что-либо в своей жизни менять.

X X X

Даже самый маленький ветерок не бывает случайным.

X X X

Чем человек глупее, тем меньше его понимает зверь.

X X X

Аккуратные головки копалух, грациозно вытянутые над травой и настороженные, легко принять за придорожные цветы, то появляющиеся под напором ветерка вдоль колеи, то исчезающие…

X X X

В мрачное ноябрьское время не сразу доберёшься в лесу до той жизни, что всё-таки не угасает, и уж если она откроется, то переживаешь неописуемую отраду.

X X X

Многие люди испытывают перед ночным лесом неподдельный страх. Человека, по-видимому, страшит в нём неизвестность. Когда же он столкнётся с тем, что вызывает боязнь, то тотчас забывает о ней, понимая: неожиданно обретённая тайна покрывает собой ранее безотчётно преследующее его неприятие неизведанной жизни.

Чтобы не пугаться ночного леса, человеку надлежит чаще бывать в нём, и он постепенно постигнет его законы. В силу привычки - боязнь уйдёт, а на смену ей явятся любознательность и уверенность в собственных силах.

X X X

Иной раз захочется обойти всю зиму по глубокому снегу, но постепенно выдыхаешься, волей-неволей умеряешь шаг и пыл, и лишь жадным взглядом не перестаёшь утопать в её великих сугробах…

X X X

У большинства животных – долгая память и твёрдые привычки, которые они без особой надобности ни за что менять не будут. Почему, скажем, лоси или кабаны часто посещают городские улицы, когда их можно легко обойти? Возможный ответ видится в том, что все города, в которые заходят звери, лежат на путях их вековых кочевий. Силу привязанности зверей легко представить, вспомнив возраст городов. А ведь миграции начались задолго до их возникновения!

X X X

В последнюю, порой очень отчаянную апрельскую вьюгу у снежинок уже не хватает сил быть озлобленными, и они бросаются друг с другом играть.

X X X

Изголодавшаяся хитрая лиса способна устроить ежу баню, обливая его собственной мочой, и ёж разворачивается себе на погибель, оказываясь в зубах хищника.

X X X

Как хорошо не чувствовать себя в лесу лишним, вернее – быть самим собой, принимая, в общем-то, непривычную лесную обстановку за свой дом!

X X X

Даже для изощрённого опытом восприятия в лесу не существует ничего обыкновенного: всякая мелочь в нём бывает неподражаемо привлекательна и значима. Как награда за сотни пройденных по лесу километров однажды выскользнет на лесную дорожку яркий колонок, усядется прямо перед тобой, и начнёт что-то вынюхивать под снегом, изредка взрывая его то одной, то другой лапкой, а ты заглядишься на зверька и позабудешь об усталости и всех своих бедах.

X X X

С восходом апрельское солнце мягко выпускает на землю лучезарные стрелы… Они стремительно летят в разные стороны и постепенно превращаются в разноцветных живых птиц.

X X X

В лесу столько всего накоплено за века, что при столкновении с ним даже самому равнодушному человеку придёт в голову что-либо необыкновенное, он ощутит непередаваемую радость, и в следующий раз уже не усидит дома, бездумно взирая в окно.

X X X

Неожиданно застигнутый человеком в лесу лось редко когда ринется в чащу, а уйдёт всегда достойно, прежде выдержав некоторую паузу и напоследок величественно бросив на тебя неуловимый тёмный взгляд.

X X X

Летний дождь – это восхитительная паутинка звуков, красок и запахов, которая нежно и радостно обволакивает человека, когда тот меньше всего этого ждёт.

X X X

Воошёл я как-то в февральский лес и, кажется, не заметил в нём никаких изменений в сравнении с январём. Всё так же вокруг тихо, сонно, бездыханно. Только восход солнца чуть розовее и дольше разгорается за лесом: чем-то он безотчётно привлекает, неотступно манит, так что сразу хочется его перенести на холст.

Горит за чёрным еловым лесом розовая утренняя заря, и отблески её мягко падают на заснеженные поляны, высвечивая на них чуть приметные впадинки, в которых притаились голубые и синие тени. И вдруг, неожиданно для этой неживой и еле приметной новизны, заслышится голос рябчика, затем ещё и ещё…

Целый табунок, рассевшись на деревьях по обе стороны дороги, перекликается как ни в чём не бывало. Весь снег здесь испещрён аккуратными набродами, что тянутся вдоль друг друга: рябчики начинают разбиваться на пары… Скоро им тоже предстоит начать в себе новую жизнь, и рябчики ожили, огласив ещё не проснувшийся февральский лес призывным свистом: «тюк-тюк, терерюк-к!»

X X X

Только весной, на глухарином току, начинаешь ощущать в себе всё первозданно дремучее, глухое, что когда-то породило и глухарей, и лес, наполняясь при этом невероятной силой.

X X X

Старые пни не удручают высохшим видом, а наоборот, вызывают уважение.

X X X

Чувство природы рождается в нас в тот момент, когда, созерцая её многообразную красоту, мы добавляем к ней всё лучшее из себя.

X X X

Не может смириться душа с утратой интереса к жизни, тем более – к природе, ибо она незаменима ничем в своей божественной красоте.

X X X

Многие птицы прилетают к нам с юга в неодетую весну, когда на дворе ещё зябко, но только желанные зяблики получили благодаря этому своё имя.

X X X

Жестокость мороза и нескончаемо свирепые метели - есть та неотъемлемая от жизни сила, что заслуженно приближает нас к весне.

X X X

Веками передающаяся из рода в род природа инстинктов у животных необыкновенно гибка. Отделив от родителей детёнышей – волчат, медвежат, лисят и енотов, объединив их в одном вольере и взяв под наблюдение с момента рождения, человек пытается изменить взаимоотношения зверей на

противоположные тем, что существуют в природе, то есть – непримиримые. Но мудрость природы не позволяет животным «ломать» друг друга в неожиданной для них ситуации. Они, как ни странно, мирно сосуществуют, каждый находя для себя приемлемую нишу. Даже совместные трапезы обходятся для зверят благополучно. Они мирно подрастают, а «звериная» природа никак себя не проявляет: редкие драки обычно заканчиваются примирением, но никто из зверей при этом не теряет самостоятельности.

Без воздействия старшего, более опытного поколения, изолированные от сородичей и собранные вместе, маленькие звери способны сами выработать ряд условных рефлексов, не допускающих перехода определённых границ в отношениях между собой, за которыми, в свою очередь, могут последовать серьёзные осложнения. Инстинкт у детёнышей животных, где бы они ни находились – в зоологическом вольере или на воле, просыпается в определённое время только с помощью взрослых. До этого звери ещё могут играть между собой, ничего о себе не подозревая: рысёнок с медвежонком, а волчонок с лисёнком. Но как только родители начнут уделять своим щенкам внимание, связанное с обучением малышей охоте и сложностям лесной хищной жизни, так эта дружба прекращается.

Каждый волчонок тогда незаметно вырастает во взрослого независимого волка, и плохо придётся тому зазевавшемуся вчерашнему лисёнку, если он, в свою очередь, не поостережётся. По мере их взросления всякие контакты между зверьми в лесу пропадают, уступая место враждебному инстинкту самосохранения. Так бывает всегда, когда хищный род неизменно будит в своих потомках природные инстинкты, не заботясь о сохранении дружеских уз, связывающих когда-то малышей. В дикой природе, чаще всего, подобные отношения оказываются не только не нужными, но и невозможными.

Не человек влияет на взаимоотношения животных, изменяя якобы их поведение, а всесильная и мудрая природа заботится об этом. Человек в состоянии пока лишь разнообразить жизненные ситуации для зверей, не прекращая в тоже время пристального и вдумчивого наблюдения за ними. Всё остальное осуществляет колоссальная энергия самосохранения, которой в полной мере наделены животные.

Души зверей, конечно, не похожи на человеческие… Они менее сложны и принимают окружающую среду такой, какой она является, очень упрощённо. Но, тем не менее, звери тоже, как и человек, должно быть, испытывают потребность в свободе выражения своих чувств, и хочется верить, что иногда, даже будучи взрослыми, всё же склонны отказаться от ожесточённости дикой свободы, чтобы обменяться с другим живым существом проявлением своей заинтересованности и, может быть, любви.

Если заложенные в себе возможности освоит когда-нибудь человек, он окажется всесилен.

X X X

Вряд ли кого-либо взволнуют обычные жёлтые листья, безжизненно устилающие землю всю осень… Но каждый, хотя бы на миг, способен коснуться их внимательным взглядом, внутренне поблагодарив самую вдумчивую пору за предоставленную возможность спокойно думать и созерцать.

X X X

Радостно воспринимая лесную жизнь, человек обретает истинную мудрость,тем более, что лес при этом предоставляет ему прекрасную возможность вглядеться в себя.

X X X

Как неясные думы дрожит над землёй апрельское трепетное марево, а вместе с ним – сама земля, лес, деревня, пашня, река за околицей, и всё это вместе, если взглянуть пристальнее, открывает нам разомлелое тело потянувшейся ото сна весны.

X X X

С каждым годом лес уводит меня всё дальше и дальше, а сам я становлюсь к себе ближе.

X X X

Когда осенний ветер забирает твою душевную хворь, до тебя не сразу доходит, что это ты сам, благодаря его неудержимому порыву, почувствовал в себе неизведанные силы.

X X X

Весной как никогда удаётся обрести гармонию с собой и окружающим миром.

X X X

Когда-то, давно, лес, наверное, был похож на доброго хозяина, знающего себе цену и гордого за это своё доброе знание, а вот теперь, изрядно повыщербленный и какой-то задавленный, он напоминает старого немощного колдуна, чьи угрозы никто всерьёз уже не воспринимает, но в сказку его жизни пока ещё верит.

X X X

Появление первой вечерней звезды, которую замечаешь только за городом, может быть, самое лучшее, что дарят тебе лес и небо.

X X X

В лесу во мне просыпается какой-то другой, незнакомый человек, и кажется тогда, что сам я превращаюсь в восторженную птицу, дерево или ручей.

X X X

Трудно представить, что ночью в лесу кому-то из его обитателей может быть плохо, но так легко поверить в нём в собственную удручённость.

X X X

Прожив в лесу хотя бы несколько дней, человек берёт от него нечто, что делает его сердце храбрым, походку твёрдой, а мысли светлыми.

X X X

Птицы, улетая на юг, уносят с собой что-то твоё, глубоко родное, а ты всё мучаешься и никак не можешь понять – чего тебе не достаёт? Только к весне постигаешь, как не хватало возможности взлететь над собственным незнанием и усталостью, а помогало тебе всю зиму, оказывается, ощущение щедрости, с которым ты позволил птицам забрать осенью часть своей души.

X X X

Иной раз так соскучишься по лесу, что, оказавшись в нём, достаточно услышать шум птичьего взлёта, чтобы почувствовать себя счастливым.

X X X

Хуже всего в лесу приходится дуплистому дереву, с пустотой, которое живёт, наверное, без чувств и мыслей.

X X X

Клесты любят целыми стайками присаживаться на самый высокий палец ели, слегка раскачиваются на нём и еле слышно перебирают замысловатыми, перекрещивающимися клювиками свои переливчатые колена… Так они, наверное, отдыхают, когда им наскучивает бесконечное шелушение шишек, и

птички дружно забываются, вспоминая в этом коротеньком забытьи своё природное предназначение – радоваться и петь.

X X X

Когда снег почти стаивает, сугробы окончательно раскисают и превращаются в непролазное пегое месиво, а все ложки заполняются талой водой, кругом становится удивительно голо, но в этой оголённости – вся прелесть русской весны!

X X X

И осень, и зима достаточно величественны, но кто из них более царственен – ни за что не разобрать!

X X X

Не скоро дошло до меня: в лесу много такого, чего не видишь, но оно есть.

X X X

Всем хищникам, какими бы страшными они ни казались, в детстве присуща младенческая невинность.

X X X

Всегда только ранним утром, а не вечером или не ночью начинаю я по весне своё звёздное путешествие!

X X X

Как только заговорили по весне между собою деревья, землю окутал аромат цветения…

X X X

Осенняя ночь сладко пахнет невидимой раскисшей дорогой, вольным ветром, доносящим с деревни крепкий избяной дух, и горькими пожухлыми листьями.

X X X

Запах вечернего мороза в марте возвращает в зиму, аромат утреннего – множит весеннюю радость!

X X X

Переход от осени к зиме так мучителен, что даже радость в это время печальна.

X X X

У многих зверей в глазах стоит укор человеку за то, что он человек.

X X X

Встречаются такие места в лесу, которые будто созданы хранить его вековечную тайну, и люди почему-то не трогают их, словно не замечают, и обходят стороной.

X X X

Несмотря на свою неприступность, зимняя мгла, снег и чёрный лес порой оказываются ближе, чем самые родные люди.

X X X

Когда из коричневой почки проклёвывается зелёный клювик, на клювике этом повисает большая прозрачная капля, и всё вокруг будто приподнимается на цыпочках, чтобы её выпить, в природе наступает самая трогательная и преисполненная жизненных сил пора.

X X X

Ещё до того, как найти ток, ты чувствуешь в своей душе, что она растворяется среди векового соснового леса, и … обретает глухариные крылья.

X X X

Перед наступлением сумерек белый снег окрашивается в розовый цвет, с заходом солнца – в голубой, в надвигающейся темноте – в сиреневый, а с установлением глубокой ночи превращается в лунно-золотистый. Под утро он опять перевоплощается в синевато-лиловый, с таинственной бирюзой, и только к полудню оборачивается, наконец-то, самим собой: восхитительно белым, восторженным и от того немножко глупым.

X X X

Иногда бывает, что самые важные слова в жизни доносит до тебя ветер, и ты внимательно вслушиваешься и потихоньку складываешь из них недостающие мысли.

X X X

Сколько вокруг цветов, и разве можно окинуть взглядом все сразу?! А достаточно, оказывается, одного, твоего, чтобы согреть им душу.

Но вдруг подумаешь, что бесчисленные луга цветов так и остаются для людей безвестны, и опустишься перед лесом на колени…

X X X

Оцепенение от усталости в лесу делает человека почти безразличным, и вот именно тогда таинственная чаща открывает ему свою душу.

X X X

Голос воркующего в лесу дикого голубя только поначалу кажется однообразным и робким, но прислушавшись повнимательнее, обязательно различишь в нём страсть, силу и гордость.

X X X

Зимняя тишина, обволакивая, глушит и холодит, а шелест снежинок успокаивает.

X X X

Каждую весну собираюсь я в одну тугую почку и жду: что-то будет теперь? Но распустившись маленьким листком и радостно прошелестев всё лето на тёплом ветерке, всё же отрываюсь в сентябре и опять уношусь в безвестность, которой нет конца.

X X X

Неисповедимые устремления ветра – это не только переживание им незнания и нелюбознательности человека, но и мечта о его величии.

X X X

При мысли о голубом васильке – слегка улыбнёшься, а вспомнишь полевую ромашку – и весь изнутри засветишься.

X X X

Огромные глаза стрекозы всегда глядят на мир как будто с диким восторгом и изумлением.

X X X

Однажды поздним ноябрьским вечером, ночуя в лесной избушке, мне показалось, что витающий над глухим лесным распадком ветер льнёт ни к земле, и ни к лесу, а к человеку… Именно со мной он ищет желанной и дорогой встречи.

X X X

Ни у кого из зверей не таится в глазах такой сдерживаемой дикой воли, как у волка.

X X X

Весенняя предутренняя тишина всегда напряжена ожиданием чего-то прекрасного и несбыточного.

X X X

Ещё не одетая веточка, с только что проклюнувшимися листочками, стыдлива, как юная девушка, но почему-то кажется, будто она не хочет взрослеть и менять грациозную невинность на обременительную зрелость.

X X X

Иной раз так плохо становится на душе, что, отправляясь в лес, представляешь себя в нём озябшим одиноким паучком, у которого постепенно всё-таки обнаруживаются своя радость, солнечное тепло и любовь.

X X X

В отрешённые осенние дникажется порой, что жизнь умерла, и тогда особенно чутко ощущаешь на себе умные глаза леса, который неспроста так пристально вглядывается в твою душу, но не бередит её.

X X X

После бурной весны света, которой предшествовала нескончаемая зима, я превращаюсь в неудержимый ручей, что уже лишён каких-либо чувств, но твёрдо знает: рано или поздно он должен достичь большой воды.

X X X

Если долгое время посещать лес, то однажды обязательно затеряешься в его вневременном пространстве, и в каком-нибудь глухом осеннем распадке вдруг услышишь жаркое потрескивание костра, конский топот, возбуждённый говор людей и бряцание старинного оружия.

X X X

Что-то бесконечно дикое и непостижимое, даже страшное, но в тоже время вполне осознающее себя стекленеет в глазах добродушного на вид зайца, повергая своей нелепостью.

X X X

В глухие зимние ночи, когда снег начисто заметает пути-дороги, а луна тревожным бельмом вздрагивает на неясном небосводе, в удалённом от людей лесном зимовище сердце твоё согревает только робкий фитилёк поржавевшей от времени керосиновой лампы.

X X X

В первые дни после прилёта кукушка почему-то не осмеливается куковать во всю силу, и голос её в лесу звучит робко и задумчиво.

X X X

Весенние ручьи, на первый взгляд, кажутся совершенно безропотными, даже - невинными, а приглядишься - они с великим трудолюбием раскрывают ещё не проснувшуюся до конца землю, которая дарит всему живому простор!

X X X

Однажды я заметил, что вроде бы не заполненное ничем лесное пространство не пустеет, а имеет скрытые ритмы и совершенную упорядоченность.

X X X

Иногда, натолкнувшись в лесу на белочку или бурундучка, ловишь себя на ощущении, будто зверьки смотрят на тебя так внимательно, что по-своему всё в тебе понимают.

X X X

Когда восход солнца не видим из-за тяжёлых туч или облаков, всегда чудится, будто кто-то пристально подглядывает за тобой, но ничего не предпринимает.

X X X

Прежде, чем запеть призывным брачным голосом, синица большую часть весны радостно её превозносит!

X X X

Первыми весной зеленеют берега лесных ручьёв, и лишь затем – склоны логов и лужайки.

X X X

Лучшие сказки родились в нашем русском лесу.

X X X

Обнаружив сухостойное дерево, расщеплённое молнией или сломленное ураганом, медведь непременно начинает ударять по отщепу лапой, с удоволствием слушает звонкое дребезжание, и эта добродушная черта совершенно подчиняет в нём дикого зверя, незаметно выводя общую для всего живого радость.

X X X

Майский снег нежен и колюч, и в этом сочетании уходящего морозца и надвигающейся живой поры он всегда нереален, как красивая, но пустая мечта.

X X X

Знаю точно: судьба определяется поступками, которые мы совершали в предыдущих жизнях, и ещё совершим в этой – непременно удивительной и неповторимой, что не представляется без нашего таинственного русского леса!

X X X

Серёжки в ушах весны, конечно, не золотые, как у осени, а совсем простенькие, недорогие, но зато сколько в них желания очаровывать!

X X X

Лесному миру более всего нужна от человека потребность преодоления им своего незнания, накопление энергии и открытие себя для всех живых существ.

X X X

Религия – это не есть приверженность какому-либо из учений, а существующая ещё задолго до их появления убеждённость, даже – знание, что Творец – совершенная реальность, и она имеет единственную и неповторимую божественную суть.

X X X

Всё в природе происходит вследствие действия исконных законов Вселенной, и чудеса – это её не всегда объяснимые, но вечные неизменности, что даже после их понимания не перестают оставаться чудесными.

X X X

Отвага птицы, пересекающей огромные морские и лесные пространства, подаёт пример великой жизнестойкости, но никто не воспринимает её жизнь как подвиг.

X X X

Реальность жизни заключена в том, что ощущение холода, голода и беды никогда не исчезнет, но состояние духа должно быть таковым, что ничего его не поколеблет.

X X X

В весеннее время многим птицам присуще страстное постанывание, и потому, заслышав его в лесу, не сразу догадаешься: воркует ли это вяхирь, надувшийся от напряжения самец сороки, или, может быть, нежная горлинка не в силах сдерживать нахлынувшего любовного томления?

X X X

По рыжики и землянику человек отправляется в лес, а вот за зверем – в тайгу!

X X X

Одна из самых притягательных тайн леса в том, что в нём возникает совершенно особое чувство времени: там слышно, как длится мгновение, пробуждающее в нас память неведомых предков.

X X X

Мне нравится, что ветер никогда не предупреждает о своём появлении.

X X X

Венок радости плетётся из самых красивых соцветий окружающего мира, и это всегда созидательная работа для собственной души.

X X X

Иная птаха будто привязывает человека своей незатейливой весенней песенкой, так что он боится сдвинуться с места.

X X X

Теперь уже нелегко себе представить, что лес ждёт человека с нетерпением, как верного друга, и тем не менее никогда не обманывает его ожидания.

X X X

Бывает, когда осень, будто задумавшись, приостанавливается, провожая на юг многочисленных пернатых, вздорные галки и вороны, захваченные мгновенным порывом, бросаются всей оравой вслед за ними, так что их какое-то время не слышно и не видно, но вовремя спохватываются и возвращаются восвояси, предпочитая родной север неизведанному югу.

X X X

Апрельские дожди так неподражаемо шелковисты и чисты в недвижимом, насыщенном влагой воздухе, что хочется так же по-воздушному, неподражаемо тихо и задумчиво, замереть и не дышать.

X X X

Только раз в году, и лишь про первый осенний месяц в народе могут с лёгкой грустью, но в удовлетворении заметить: «Засентябрило…»

X X X

Пока стоят ясные мартовские дни с золотистой весёлой капелью, ждать прилёта долгожданных гостей с юга не приходится, и только когда наступит серый туманный апрель с холодными дождями, птицы появляются.

X X X

Вся Вселенная без устали работает над тем, чтобы прилетевший на землю космический ветер не обуял, а возвысил и укрепил чувства человека, который, сидя у тёплой печки, с раздражением думает: когда, наконец, прекратится эта надоедливая непогода?!

X X X

Не раз обращал внимание, что теплолюбивые ласточки-касатки, которые раньше других птиц отправляются на юг, перед отлётом всегда ночуют на тростинках у воды и никогда почему-то не встречаются в лесу. А потом догадался: вода в эту пору ещё теплее земли, и ласточки здесь пристраиваются на ночлег не случайно.

X X X

Лес так величествен, что никогда не почувствуешь его заботу и любовь.

X X X

Глухариная песня, как только ты её расслышишь в предрассветных сумерках, неясна, почти неосязаема, и поначалу даже не верится, что она способна постепенно пробиться к твоему сердцу. Когда же сердце для неё всё-таки радостно откроется, ему захочется подарить кому-нибудь и свою любовь.

X X X

Если глядеть бездумно в море – оно никак не отреагирует на твоё невнимание. Быть равнодушным к лесу, оказавшись в его объятиях, чревато самыми неожиданными последствиями.

X X X

В весенних сумерках берёзки белеют девичьими платьицами по-особенному светло и радостно.

X X X

Представляя, как по-обыденному сказочно и уютно укладывается на всю зиму в гайно чудесница-белка, тоже подбираешься в себе с наступлением морозов в уютный комок и … застываешь от мысли, что никогда не сможешь, хотя бы на самое короткое время, остановить, как и она, своё разгорячённое сердце, оставаясь при этом живым.

X X X

Всю жизнь мечтая о встречах с лесом, понимая его и лелея в душе это постоянное живое присутствие чего-то до конца необъяснимого и глубокого, хочется иной раз забраться в самую глушь, пасть лицом в пахучий густой мох и забыться от переполняющего ощущения счастья!

X X X

Невозможно придумать поход в лес: его нужно пережить!

X X X

Ни одна лесная птица не тянет человека за собой, из чащи – вдаль, к горизонту, потому как нет среди них райской, а только родимые, земные…

X X X

Никому невозможно объяснить, за что любишь лес даже тогда, когда он отворачивается от тебя и становится мрачным и неприступным.

X X X

С окончательным сходом снега и появлением парного тепла от земли пропадает, как ни странно, особый весенний уют, вернее, его ожидание, которое для русского человека, наверное, ещё более трогательно и самозабвенно, чем само наступление тёплой поры.

X X X

Лес стар, мудр, и никогда, даже в минуты наивысшего откровения, не допустит в себе улыбки ребёнка. Но иногда, чаще это бывает весной, что-то детское всё же оживит в нём замершее сердце древнего старца, и лес обрадованно рассмеётся.

X X X

Если весна выдалась дружная, то зайцы не успевают сбросить зимнюю шерсть, и на днёвку ложатся отдыхать в оставшихся сувоях снега.

X X X

Иногда приятно недоумеваешь: в молчании леса угадывается не дремучая затаенность, а виновато опущенные зеленоватые глаза.

X X X

Ружьё, патроны, котелок, нож, спички – это не просто средства для лесного существования, а символы мужской отваги, терпения и силы.

X X X

Может быть, только в самом начале весна предстаёт умудрённой, добропорядочной хозяюшкой, в остальное же время она – веснушчатая босоногая девчонка, за которой хочется бежать, не чувствуя ног!

X X X

Люди, попавшие в лес случайно, торопятся сразу многое узнать, не подозревая, что лес становится откровенен лишь с теми, к кому проникается доверием.

X X X

Когда в весеннем лесу, у костра, слушаешь перекличку журавлей, они представляются разумными существами, способными рассказать о чём-то очень важном.

X X X

Трудно не заметить, как с началом зимы меж людей завершается тяжёлая пора непонимания, и зарождается нечто доверительное и надёжное.

X X X

Только когда подтает на апрельских опушках последний ледяной черепок, и земля засверкает на солнце перламутровыми каплями, она становится по-настоящему умытой, а весна окончательно победившей!

X X X

Живёшь в миру людей, и тут тебе гордыня и благоговение, рабская покорность и воля, жадность, любовь и сквернословие, а войдёшь в лес – лишь одно чувство: смиренная радость!

X X X

Пока никто из людей не встал и ничего не видел, а земля, лес и небеса до конца не проснулись, всё в мире представляется неизведанным.

X X X

Весь свет, бывает, обойдёшь, а учёным не станешь. Ты должен быть готов к восприятию знаний, и только тогда пробьёт твой час, который внесёт в жизнь недостающую весеннюю ясность!

X X X

Мир природы – это чудесные образы и слова, музыка и мысли, которые, попадая в душу растерявшего или не нашедшего себя человека, помогают ему обрести себя.

X X X

В весеннем ночном лесу так же холодно, тихо и пустынно, как и осенью. И даже луна не в силах растопить этой замершей отрешённости… Словно начищенная снегом, она льёт меж деревьями безразличный свет, и только воздух по-особенному трепетно ластится, льнёт к лицу, и именно по этому можно отличить зарождение жизни.

X X X

Когда-то, в детстве, я неожиданно открыл необычайное свойство хвойной смолы. Если намазать ею кончик сухой еловой палочки и спустить на воду, то благодаря отталкивающему действию смолы палочка превратится в быстрый кораблик, вольно бегущий по волнам. Соревнуясь между собой, мы, мальчишки, таким образом запускали в жизнь свою первую пробную мечту, втайне надеясь на её осуществление.

X X X

Невыносимо даже помыслить, что никогда уже не попасть тебе в по-настоящему девственный лес с его таинственной тишиной, диким зверьём и завораживающим мраком.

X X X

Днём ли идти в лес или ночью – не имеет ровно никакого значения, если на дворе весна…

X X X

Сколько бы ни старался постичь ветер, он всегда будет оставлять тебя в неведении, как будто допытываясь и проверяя: по-настоящему ли ты искренен, чтобы уже только тогда доверить тебе свою таинственную судьбу.

X X X

Мудрое восприятие леса – это когда точно знаешь, что сейчас впереди попадётся навстречу зверь, птица или ягодное раздолье, а вот тот укромный лесок на пригорке полон желанных боровиков.

X X X

В зимний день хорошо любоваться на торжественно сияющие, солнечные снега за окном, со сладким содроганием представляя, какие они обжигающе восторженные!

X X X

Порой в лесу переживаешь такие удивительные мгновения, что поверишь: смерти никогда не будет.

X X X

Особая тишина воцаряется в природе, когда сова, волк или лягушка смотрят на тебя, не мигая, и молчат.

X X X

Любовь животных бывает так неожиданно безумна и велика, что даже совсем, казалось бы, безобидный зверёк – заяц, в порыве страсти вырывает со спины зайчихи целые клочья шерсти, чем причиняет ей немало страданий.

X X X

Звериные следы в заснеженном пустынном лесу неожиданно остро волнуют сердце… Хочется тотчас идти по ним, воображая за каждым кустом пушистого

толстоусого зайца или ослепительно огненную кумушку-лису, и ни о чём другом не думать.

X X X

Мартовская звёздная ночь словно мирится с людьми после безудержно хлопотливого дня… Своим равномерным морозным дыханием она успокаивает всех и, загадочно таясь, усыпляет.

X X X

Первый весенний вестник в мире птиц, как ни странно, ни зяблик, ни овсянка, и даже ни грач, о котором в народе принято говорить, что именно он расклёвывает весну, а наш чёрный ворон… Птица эта на зиму никуда не улетает, и уже с января затевает брачную игру, отрешённо кувыркаясь в высоком холодном небе и издавая своё призывно-восторженное: «крун-н-дон-н, крек-к, крун-н-дон-н, крек-к, дон-дон-н, дон-дон-н, дон-н-н!» До чего проникновенно слышать эту необычную для зимы лесную музыку, с удовольствием угадывая в ней уверенные нотки ещё далёкой радостной поры!

X X X

Случается, что сидящие на дереве молодые глухарята и тетеревята не улетают при появлении человека, а начинают перебегать с ветки на ветку, прячутся в наиболее переплетённых из них, и время от времени выглядывают из укрытия, как будто оценивая ситуацию.

X X X

Иной раз уходишься по лесу до того, что совершенно лишаешься способности думать, но чуткости при этом никогда не теряешь, вслушиваясь, всматриваясь и даже дыша ещё более проникновенно.

X X X

Несведущему человеку трудно вообразить, что даже хорошо всем известный аромат хвои, всегда источаемый лесом открыто, словно для всеобщей услады, способен вызывать в душе самые неизъяснимые образы и желания.

X X X

Нередко весна может просто замучить человека, сделав его расслабленным, сонным, и всё же … счастливым.

X X X

Выпадет тебе однажды случай столкнуться нос к носу с медведем, и так в тебе эта встреча всё всколыхнёт, взбудоражит, что на мгновение ты тоже почувствуешь себя диким зверем, будто давно отбившимся от своей родной стаи и позабывшим её.

X X X

Чтобы познать прекрасное в природе, им нужно обладать внутри себя.

X X X

Ночью, в лесу, ты ничего не видишь, но всё вокруг, затаившись, молча разглядывает тебя, и ты, чувствуя это, невольно страшишься неизведанного, и всё же оказываешься им очарован.

X X X

Поздней промозглой осенью, когда в жизни у тебя что-то не ладится, ты почему-то по-особенному остро начинаешь воспринимать хмурые лесистые холмы и молчаливые речные долины, замечаешь, как день ото дня чернеет и осыпается лист, и как растерянно сквозит лес неприкаянной наготой в туманных разреженных далях… Настроение твоё невольно следует за невидимой таинственной тенью, что оставляет после себя уходящая осень, и постепенно обнаруживаешь, что причина твоего невезения вдруг улетучивается, былые неудачи уже не донимают душу, и ты только радуешься возможности переживать запахи и звуки этой уходящей поры, в которой лес вспыхивает напоследок яркими шапками ещё не опавших деревьев, а воздух становится ароматен и свеж.

X X X

Внимательно наблюдая из укрытия за каким-либо зверем, начинаешь чувствовать его душу, как душу себя самого – затаившегося, чужого, готового к чему угодно.

X X X

Быстро уходит свет из опавшего листа, до которого уже никому нет дела, кроме любознательного человека.

X X X

Выйдешь в апрельскую ночь под звёзды – и сразу очутишься в совершенно живой тишине, какой не услышишь ни летом, ни зимой, ни осенью.

X X X

В зимнем лесу всё необыкновенно: и мороз, и солннце, и ты сам!

X X X

Весна, как самая пленительная женщина, в одно мгновение оглядывает всех, околдовывает и, никого не любя, увлекает за собой в манящую неизвестность…

Лес же в эту пору, подобно мудрому мужчине, оборачивается печальными глазами в себя, а добрым весельем – к людям.

X X X

Едва ли различишь, как сквозь еловую разлапистую ветку всматриваются в тебя чьи-то неведомые глаза, но обязательно почувствуешь их, постараешься преодолеть в себе страх и поблагодаришь лес за то, что он поделился с тобой ещё одной нераскрытой тайной.

X X X

Ни луна, ни звёзды не способны преобразить жизнь так чутко, как первый небесный свет.

X X X

Ручей весной бормочет так озабоченно, что кажется, будто кто-то внизу, на дне лога, тихо переговаривается.

X X X

В отличие от моря, лес почему-то не пробуждает тоски по странствиям, но вынуждает более пристально вглядываться в себя и окружающий мир.

X X X

Переживания души по весне никогда не бывают тяжки, и всегда сравнимы со свежестью молодой травы, обласканной самым чистым апрельским дождём и ветром.

X X X

Галка летит – будто о чём-то всё время переживает, сорока в полёте преисполнена нескрываемого любопытства, а вот ворона – всегда, до сумасбродности, целеустремлённа и деловита.

X X X

Лес сразу понимает, когда человек хочет его обмануть, как ребёнок огорчается и убегает в самый дальний тёмный угол.

X X X

В морозные январские дни между деревьями на снег ложатся такие голубовато-прозрачные радостные тени, что в лесу начинает пахнуть весной.

X X X

Только проведя достаточно времени в лесном затворничестве, начинаешь по-настоящему слышать и понимать людей.

X X X

Как много светлых, возвышенных слов посвятил я промозглым дождям и ураганам, колючему мокрому снегу, въедливым туманам и разудалым вьюгам… Но почему-то рождается в сердце печаль при виде одинокого цветка, и хочется опуститься перед ним на колени, дотронуться рукой и молча улыбнуться.

X X X

Зарождению во мне любви к природе я обязан своей прабабушке – Ольге Филипповне: с маленьким женским ружьецом она пыталась охотиться на зайцев, но ничего у неё не получалось…

X X X

Когда я гляжу в застывшие волчьи глаза, они открывают мне тысячелетия бесконечных попыток зверя преодолеть потолок безукоризненно отточенных природных инстинктов.

X X X

Весной часто ощущаешь неясное смущение от того, что так бессовестно счастлив.

X X X

Клочки сена по краям заснеженной дороги, обронённые с саней, вызывают в памяти далёкое лето, что, кажется, затерялось в каких-то неведомых далях, и его уже ни за что не вернуть.

X X X

Вмятинки-следы у куницы такие лёгкие, мягкие и округлые, что кажется, будто она ступает по снегу в пуховых башмачках.

X X X

У каждого из нас удивительный мир весны складывается из обыкновенных и всем известных вещей.

X X X

Апрельский день пасмурный, тяжёлый, а узкая полоска зари всё равно отливает нежно-розовым пером лесного голубя, который пока не прилетел, но вот-вот появится.

X X X

В лесу, как во сне, вдруг смешается и словно бы остановится время, и ты за один обыкновенный день насмотришься столько, что уложилось бы в целый сезон. Потом долго думаешь: как такое могло случиться? Видно, привёл тебя зачем-то лесовик в один час в одно место, и оставил там на целый день, а ты не растерялся в этом остановившемся времени, и совсем позабыл про то, что ты здесь – гость…

X X X

Солнце в марте добавляет голубой краски небесам, а мороз закаляет её густоту.

X X X

Обычная песенка лесного ручья по весне переполнена радостью, летом – милой озабоченностью, осенью же – умиротворённостью, но никогда она не бывает равнодушной.

X X X

Декабрь, пожалуй, самый обаятельный зимний месяц, и хорош он ожиданием новогоднего праздника, после которого начинается иная, кажется, менее интересная жизнь. Ещё у декабря есть молодой снег, не обременённый собственной, надоевшей ему самому тяжестью, и его радостный блеск, и удивительный перламутровый цвет, и сказочный покой.

X X X

Тушка только что подстреленного зайца холодна и тверда, как камень, а остановившийся чёрный глаз смотрит ещё живо и вопросительно.

X X X

Иной раз задумаешься про жизнь в лесу или в море, и вдруг какая-то тревога, вернее даже – неудовлетворённость охватит тебя: в окружающем мире всегда происходит ещё нечто такое, чего ты, кажется, не в силах обозреть и постичь никогда, но это ощущение непостижимости всего почему-то не приносит разочарования, и лишь ещё сильнее хочется жить, думать, радоваться и совершать открытия!

X X X

Если, действительно, не мыслишь жизни без леса, то услыхав слова «красный», «жёлтый» и «синий» - сразу воображаешь брызнувший на руки ягодный сок, хоть и опавший, но не смирившийся осенний лист, и ослепительное зеркальце на крылышке вездесущей сойки.

X X X

Даже весной в серых глазах стоит одна туманная дымка, в карих – открывающаяся от снега земля, в зелёных – ещё не проснувшаяся лесная чаща, и только в голубых глазах отражаются голубые отсветы преобразившегося поднебесья!

X X X

Порой наткнёшься в лесу на самое обыденное место с запахом вереска, лысыми пнями, покрытыми мхом валёжинами, и хочется поскорее миновать его: неизвестно как, но безошибочно угадываешь – оно гиблое!

X X X

Всякого человека хотя бы раз в жизни судьба подводит к открытию смысла какого-нибудь природного явления, но не всегда и не всякий замечает это важное для себя событие.

X X X

Обыкновенная жизнь в лесу несоизмеримо выше и интереснее самых невероятных рассказов о нём.

X X X

Всего-то и увидишь за день, проведённый в лесу, маленькую стайку тетеревов, с пугающим шумом вырвавшуюся из-под самого снега прямо у твоих ног, а радуешься так, будто овладел какой-то несоизмеримой ни с чем, замечательной тайной.

X X X

Не могу успокоиться, пока в весенней природе не произойдёт какого-то главного сотворения: мучаюсь, с нетерпением жду и только когда почувствую, осознаю его, то воспаряю и лечу.

X X X

У осени запах горьковато-пряный, зима же благоухает свеженадкушенным яблоком, весна до боли в скулах набивает оскомину вкусом обламывающихся сосулек и лопающихся почек, лето же кружит голову неисчислимыми ароматами, смешивая их в единый опьяняющий поток, в котором ничего в отдельности различить невозможно.

X X X

Странно, что заяц –очень сторожкий зверёк, безбоязненно ведёт ночной образ жизни, когда лес полон нежданных подвохов, и по-настоящему страшится светлой, тихой поры, хоронясь весь день в непроходимом чапыжнике.

X X X

После длительного посещения леса хочется писать обо всём, о чём написать даже никогда не отваживался, и всё задуманное обязательно воплощается в удивительные и простые образы, которые остаются незабываемыми.

X X X

Когда ветви деревьев ещё не одеты, а зелёные почки только напряжены, человеку остаётся короткий миг, чтобы успеть сбросить с себя последние тревоги, и проснуться поутру свежим и чистым, в благоухании первой весенней листвы.

X X X

В лесу у тебя нет ни друзей, ни врагов, лесные обитатели проживают там свою, неведомую людям судьбу, и ты лишь подбодряешь себя очень нужными тебе с ними встречами, томишься в ожидании их и стараешься заранее угадать: как лучше подобраться и подглядеть сторожкого зверя, которому нет до тебя никакого дела?

X X X

Не связанному с миром природы человеку невероятно даже предположить, что зимний мрак и ледяная стужа таят в себе больше жизненной энергии, чем румяные августовские закаты.

X X X

Когда задувает северо-западный пронизывающий ветер, он не просто рвётся или свирепеет, а хочет добраться до самого главного в тебе, навевает незабываемые думы и чувства, убаюкивает твою мятущуюся душу, и с каждым мгновением от этого теплеет, постепенно становясь совсем нежным.

X X X

В лесу я собираю мысли в виде обыкновенной хвойной веточки, облака, птицы, до которой дотянуться можно только взглядом, старого рассохшегося пня, земляники под ним, солнечного луча, затерявшегося среди тенистых папоротников, взлетающей к самым вершинам деревьев бабочки, а дома вспоминаю, стараясь осмыслить все эти встречи опытом прожитой жизни, и так, постепенно, рождаются в моём воображении незабываемые образы, что, оказывается, уже давно существовали в природе, но тебе их нужно было извлечь трудом своей души.

X X X

Даже в самом благородном стремлении к ласковому свету нельзя отказываться от холодящей тьмы, которая порой открывает пытливой душе недостающую для жизни мудрость.

X X X

К весне потеряешься душой, отупело бродишь в лесу, вдыхая его елово-берёзовый дым, и даже боишься поверить, что скоро спадёт с тебя бремя нескончаемой зимы, а в сердце проснётся, наконец, что-то самое долгожданное, курлыкающее, бесконечно близкое и родное.

X X X

Как бы хотелось однажды остановить время, войти в лес и прожить в нём целую вечность.

X X X

Самый сильный холод в весеннем лесу случается в конце утренника, когда заря только занимается и всё тепло сосредотачивается в верхушках елей…

Именно туда, к пригревающему розовому свету, подымаются с наста тяжёлые мошники и, усевшись поудобнее, величественно замирают, чтобы переждать прокрадывающийся понизу мороз.

X X X

Бывает, находясь в лесу, неожиданно откроешь в себе мечту, от радости всплеснёшь мысленно ладошками, и сердцу станет так тесно, что оглянешься: нет ли поблизости кого, с кем бы можно всем этим поделиться? А вокруг тихо, безлюдно, но не одиноко.

X X X

Возвращаешься из трёхдневного лесного похода, а чувство такое, будто много лет отсутствовал дома… Отчего так неожиданно чуждо и отстранённо воспринимается родное, оставленное совсем недавно?!

X X X

Часто птицу убивают только за то, что у неё по-ястребиному загнут клюв, а пальцы ног вооружены острыми когтями.

X X X

Когда лучи заходящего солнца освещают летящих птиц снизу, ты вдруг обнаруживаешь в них невероятно нежную, может быть, даже неведомую для самих птиц, суть.

X X X

В конце октября берёзы стоят уже голые, но всё равно оживляют сизое осеннее небо паутинкой верхних, красновато-фиолетовых ветвей.

X X X

Приходит весна … И в сердце твоём будто распахнули окно!

X X X

Свист и шум крыльев множества прилетающих с юга птиц, присоединяясь к журчанию лесных ручьёв и порывам молодого весеннего ветра, незаметно рождают новые устремления уставшей за зиму души, и постепенно в ней сосредотачивается сила всей природы.

X X X

В последнее время всё чаще примечаешь, что лес, после долгого общения с человеком, будто сам не свой, словно нашло на него затмение. Могучее тело осталось, мохнатые ветви-лапы так же надёжно охраняют хвойную тишину, спутанные корни-мысли еле слышно в земле промеж себя копошатся, о чём-то недоумевают, а душа уж неведомо как далеко!

X X X

В лесу никто никого не притесняет, а лишь пользуется отведённым ему пространством.

X X X

Бывало, что часто в лесу надо мной кружился чёрный ворон, но никогда не произносил своего зловещего «гра-а-а…»

X X X

Иной раз обрадовано уверуешь: нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру… Но вдруг выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастраченного чувства признательности к тому, что его порождает.

X X X

Скромная, почти неприметная пером подруга снегиря, наверное, никогда не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё.

X X X

Почему-то ощущение доисторичности мира вызывают не восходы солнца, а его закаты…

X X X

Когда страстно защёлкает в кустах черёмухи долгожданный соловей, весна, как ни странно, уже не приносит того ощущения беспокойного ожидания, которое овладевало душой мартовским морозным утром, во время однообразного пиньканья синицы.

X X X

Жизненные границы леса никогда не кончаются, бесконечно продляясь в человеческой душе…

X X X

Пряный аромат опавших листьев сладок их горечью.

X X X

Какие сердце и душу нужно иметь лесному человеку, чтобы не впасть в отчаяние от беспросветности долгого осеннего вечера или нескончаемости зимней ночи, когда он коротает их сам с собой в глухой таёжной сторожке, а наоборот, переживать от всего окружающего мудрую удовлетворённость и покой!

X X X

Месяц наклонился, словно из сказочного ушата высыпал на небо синие, зелёные и голубые каменья, и душа переполнилась счастьем, и тоже весело заиграла!

X X X

Трудно поверить, что беспрерывный весенний свет может стать когда-нибудь в тягость, и душе страшно захочется непроглядной осенней ночи, но так оно и происходит.

X X X

Если лес когда и склоняется внимательно к человеку, то только в рассветные сумерки, пока в его душе не родилась бездумная радость от вновь нарождающегося неповторимого дня, и он ещё по-детски чист в своих пробуждающихся помыслах.

X X X

Берёзы в апреле плачут от радости, не в силах сдержать нахлынувших чувств!

X X X

Завидев к концу осени не облетевшую золотисто-пурпурную осинку, обрадуешься ей так, словно встретил человека, которого ждал всю жизнь, а его всё не было и нет.

X X X

Звериные нотки начинают звучать в голосе человека, когда он отрывается от леса или вообще не приходит к нему.

X X X

Перед самым рассветом над макушками деревьев пробегает лёгкий предутренний ветерок, и одну за другой задувает на небе последние звёзды.

X X X

Спешишь, бывало, по выступающим изо мха еловым корням, оскальзываешься, запинаешься, и вдруг почувствуешь, как напрягаются души деревьев от твоего неловкого соприкосновения с ними, воздух вокруг немеет, а недавнее ощущение слитности с лесом безвозвратно истаивает.

X X X

Когда поднимешься к обрыву над потаённой лесной рекой, и откроется огромное пространство первозданного дремучего леса, никуда уже больше не хочется идти.

X X X

Даже самый глухой, отдалённый от человека лес никогда не может быть для него чужим и диким.

X X X

Какая-то необъяснимая сила охватывает нас в глухом северном лесу… Наверное, её слагают прожитые им века, которые до сих пор властвуют над человеком, отдаваясь в душе полузабытым дремучим эхом.

X X X

Переживаемый в ночном лесу страх велик, но он так целительно очищает душу, что под утро ощущаешь себя рождённым заново.

X X X

Весной, у ночного костра, к самому пламени подлетают огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают и вновь появляются, и ты не сразу опомнишься от охватившего восхищения: откуда они в эту пору взялись? А потом, придя в себя, угадываешь в них … обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования при этом всё равно не испытываешь.

X X X

Удивительное ощущение взаимосвязи дарят весеннее солнце с землёй, когда солнце освобождает землю от снега и наполняет её теплом, а земля, отряхнувшись от зимней спячки, трогательно тянется к солнцу, и ты вдруг понимаешь, что в основе отношений между мужчиной и женщиной должно лежать такое же неоскорбляемое ощущение уверенности друг в друге, от которой рождается состояние бесстрашия перед самой жестокой жизнью.

X X X

Люблю присесть в лесу на пенёк, как птица, чтобы на мгновение стряхнуть переполняющие впечатления, оглядеться и вновь упорхнуть за своей неизведанной легкокрылой судьбой.

X X X

В лесу на всё надо смотреть глубоким, проникновенным взглядом, благодаря чему распахивается такое ясное пространство, которое свободно открывает ясность собственной души.

X X X

Так радостно, побывав в лесу, оставаться с чистой совестью…

X X X

Осень сначала смешивает яркие краски, а потом размывает их, оставляя лишь те, что близки нежаркому солнцу, неустанному ветру и бесшумному стылому дождю. Поздняя осень имеет цвет затухающего пожара жизни, что, тем не менее, поддерживает в нас неугасимую потребность видеть, думать и сопереживать.

X X X

Бывает, душной весенней ночью жалобно заголосит в отдалении сова, и душа тотчас откликнется ей какой-то глубоко скрытой сладкой тоскою, от переживания которой всё в тебе неожиданно встрепенётся и просветлеет.

X X X

Пространство и свет заснеженного поля перед стеной чернеющего леса всегда вызывают по-особенному затаенное неизбывное чувство, что почему-то не даёт спокойно жить.

X X X

В глубине зимы, задолго до наступления весенних радостных сумерек, бывает, внезапно накроет необъяснимое душевное смятение небывалой силы, и в этой произошедшей с тобой перемене станет необыкновенно ясна и понятна вся последующая жизнь.

X X X

В отличие от неугомонных воробьёв, никогда не увидишь драки между такими же маленькими снегирями, что всегда обаятельны, скромны и обладают проникновенной и нежной песенкой.

X X X

Часто нежелание жить приводит человека именно в лес, как в последний приют для исстрадавшейся в миру души.

X X X

После дождя, в разомлелый июльский полдень, на какой-нибудь старой валёжине нередко можно обнаружить крохотные беловатые яички… Это - неутомимые мураши раскладывают их для просушки.

Продолговатые и аппетитные, яички оказываются желанной приманкой для многих птиц, но, тем не менее, муравьи не боятся вытаскивать их на ласковое тепло, обеспокоенно снуют вокруг и при малейшей опасности быстро прячут.

Только что вся колодина была усеяна нежно-молочными лакомыми зёрнышками, а через какие-то мгновения уже ничего нет: и без того многочисленное семейство, в первую очередь, хлопотливо заботится о своём потомстве.

X X X

К концу апреля почти не тронутые метровые сугробы быстро оседают и растворяются, насыщая талой водой и без того влажную почву, а нахоженные за зиму уплотнённые тропинки белеют чуть ли не до мая, медленно истончаясь и превращаясь крепкими утренниками в хрустящий «черепок».

X X X

Весенние вспышки зарниц в полнеба и завораживают, и пугают своей немотой, когда сидишь в ночном лесу один, ожидая пробуждения глухаря – таинственного гостя из далёкого прошлого.

X X X

Когда над вершинами тёмных елей мерцает таинственный звёздный свет, всегда переживаешь ощущение чего-то радостного, ещё не сбывшегося, но ты веришь – рано или поздно оно обязательно придёт и наполнит душу настоящей сказкой.

X X X

Осенний королевский вальдшнеп взмывает среди стволов волшебной бабочкой и в мгновение исчезает, а весной, в сумерках, опускается за самкой выцветшим листом, и долго припархивает у земли, словно не находя себе места.

X X X

Приведётся однажды столкнуться в лесу с ранним малиновым восходом – и всякий раз словно тайно причащаешься к чему-то, что уже давно и глубоко поселилось в твоей душе, и ты переживаешь, силишься его постигнуть, но никак не можешь вспомнить из своего далёкого и неведомого прошлого.

X X X

Весна, как ни странно, постоянна в изъявлении своих чувств, а по-настоящему восторженной и радостной бывает только в самом своём начале, пока к ней не привыкаешь, всё же остальное время она одаривает лишь счастливыми мгновениями.

X X X

Осенняя ночь – как огромный фиолетовый плод, ещё с лета оставленный кем-то дозревать, да так и позабытый.

X X X

Бывает, бредёшь во тьме на глухариный ток, отчего-то остановишься и вслушиваешься в тишину, а там – будто разговаривают люди, перебегают с хохотом дети, кто-то весело вскрикивает, перекликаясь, и ненадолго замирает. Это значит, что весенняя ночь выдалась размашистая, открытая и бояться в ней нечего.

X X X

При всей своей глуши лесная чаща беззащитно обнажена самыми сокровенными чувствами, с которыми никогда не соприкоснёшься в открытом поле или на опушке.

X X X

Хоть и говорят часто – «ветер непостоянен», но вряд ли сыщешь что-либо более постоянное в своей свободе… Просто временами ветер улетает туда, где в нём наиболее испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к собственной мощи, тотчас возвращается. Ничто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте!

X X X

Утренняя бирюза в апреле так трогательна, что даже нежно-кремовое солнце, опасаясь её нарушить, взбирается на небо как бы невзначай, осторожно.

X X X

Содержательность каждого похода в лес определяется поведением в нём самого человека.

X X X

Солнечная разнеженность весны более благостна, нежели цветочное раздолье лета.

X X X

За рекой, на болоте, затрубили журавли, и сразу представилось, как им там хорошо и уютно…

X X X

Порой становится не по себе от однообразной повторяемости человеческих судеб, которые ничего для себя и других не разрешают, тогда как жизнь зверей и птиц, в этом смысле ничем, вроде бы, не отличающуюся от жизни людей, готов слепо боготворить.

X X X

Чем больше развита душа человека, тем больше он находит для себя в лесу знакомого.

X X X

Случается в жизни, что даже весну пропустишь мимо, но бредёшь дальше по жизненной дороге, и по крупицам находишь радость в лете, осени и, конечно, зиме.

X X X

Силы весенних ночей неисповедимы только в городе, в лесу они оголены для всякого, кто хотя бы попытался постичь себя и окружающий мир.

X X X

Бывает, в апреле, когда ещё не сошёл снег, засеет под вечер мелкий занудливый дождик, из-под разлапистых еловых ветвей выползает промозглый сырой туман, а на душе от всего происходящего становится хорошо и покойно.

X X X

Именно в лесном отшельничестве, при сознательном переживании собственного самоограничения, в сердце зарождается страстная любовь к людям и жизни.

X X X

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество.

X X X

Медленный полёт цапли – не следствие её значительных размеров или раздумчивости странной птицы, а скорее – результат осёдлости и неторопливого образа жизни в царстве необозримых мелких речек и болот.

X X X

Мартовским вечером, когда неугомонное солнце всё же потухает, радость от весны света ещё более усиливается с зажигающимися в небе голубыми, зелёными и оранжевыми звёздами.

X X X

Менее всего меня занимает в лесу цветущий луг с бабочками, а больше – сырая овражья темнота и не тронутая хвойная глушь!

X X X

Сколько бы я не писал о природе, моей героиней чаще всего оказывается весна!

X X X

Замечено: интересные встречи случаются в лесу тогда, когда на душе радостно!

X X X

Дремучий лес говорит даже своим безмолвием.

X X X

Именно в порхании мало различимых птичек, в их зыбком и трепетном полёте, кажущимся для кого-то почти никчёмным, кроется неуловимое величие природы.

X X X

Всё в природе давно взыграло, она дружно справила весну, и только заснеженное поле затаилось, лежит недвижимо, и лишь по еле различимой светящейся дымке над ним догадываешься, что и оно вскоре сбросит сонную одурь и превратится в бескрайнее озеро весны.

X X X

За какой-нибудь год хождения по лесу можно пережить не одну сотню его дремучих таинственных лет.

X X X

Оживлённое бормотание тетерева по весне похоже на журчание скрытого под снегом ручья, который пробивается как бы ниоткуда, а слышится везде.

X X X

Есть нечто жуткое и необъяснимое в маленьком неприметном сорокопуте, который уничтожает за день множество птиц и мышей, съесть всё это не может, и насаживает оставшиеся излишки на острые ветви деревьев, отрывая, к тому же, у своих жертв головы…

X X X

Когда насытишься в лесу разудалой апрельской порой, и она перельётся в тебе через край, хорошо предаться мыслям о жизни больших древних городов, о их солнечных набережных, площадях и людях, что и не помышляют о великом празднике русской весны.

X X X

Глаза леса во тьме видят даже лучше, чем днём, и особенно радуются, когда встречаются в ней с доброжелательным взглядом любознательного человека.

X X X

Заглянув однажды в гнездо вороны, я был поражён увиденным: у примелькавшейся и невзрачной, даже порядком надоевшей всем птицы яички имели цвет голубовато-нежного весеннего неба.

X X X

Мудрость и очарование жизни в том, что вечерний розовый отсвет на сугробах бывает нежнее любого, самого трепетного цветка.

X X X

Крупные хищные птицы в полёте неподражаемо легки, свободны, они царят в вышине – это их стихия, но вот у самой земли становятся вялыми, неуклюжими и на деревья присаживаются, неумело скособочившись.

X X X

Приятно представлять себе весеннюю раздольную картину, где можно свернуть на любую неприметную тропинку и … раствориться.

X X X

Что может быть лучше чувствительного сердца, которое способно угадывать язык зверей, птиц и растений!

X X X

Ранняя весна хороша тем, что начинает долгую пору радости, которая завершается лишь с началом пышного осеннего увядания…

X X X

Столько за жизнь набрано в себя от леса, что можно, оказывается, обойтись уже и без необходимости бывать в нём!

X X X

И заря, случается, иногда показывается неприступной царицей – холодной, гордой, чужой, а на следующее утро – опять добрая княжна, что, только народившись, принимается всем служить.

X X X

Даже в своей любовной привязанности к лесу не стоит делить его на птиц и зверей, чья жизнь тебя привлекает, и тех, кто почему-либо оказывается неинтересен и почти никогда не попадается на глаза.

X X X

Если весна опять зовёт в дорогу, лучше всего подчиниться её зову и, отправляясь в путь, с удовольствием представить, что не идёшь, а взлетаешь к убегающему вдаль горизонту.

X X X

В августовском солнце нет былых пыла и жара, что оно излучало в июле, а только видимость силы, которую незаметно перетянул на себя зарождающийся в просторах выцветшего за лето неба бродяга ветер…

X X X

Бывают дни весной, когда ничего уже не замечаешь в природе, до такой степени она насыщена теплом и светом!

X X X

Приходит весна – и небеса голубеют, леса становятся нежно-зелёными, а сердца людей ещё более наполняются тем радостным светом, который они когда-то в себе понесли, но по природе своей этого не заметили.

X X X

Когда в осеннем воздухе устанавливается такая тишина, что ни один листик не трогается с ветки, хорошо тоже замереть и подумать: готов ли ты оторваться от привычного, что уже не приносит радости, и полететь?!

X X X

Отправляясь в ночной лес, я и в мыслях не держу поигрывать с опасностью, а хочу только чувствовать его глубинную жизнь, и быть слитным с ней.

X X X

Иногда мне кажется, что мысли в лесу рождаются не в голове человека, а в окружающем его пространстве, какое-то время живут там, восхищают своей простотой, и потом потихонечку растворяются в душе.

X X X

Не со всякой сосны склёвывает глухарь хвою, а только с отдельного, понравившегося ему дерева, которое почему-то с виду всегда неприглядно.

X X X

Раньше думалось: вот придёт весна, и опять затрубят по болотам журавли, загарцуют на укромных полянках в брачном танце, изящно задирая головы и звонко пощёлкивая клювами… Сейчас же: дай, бог, их хотя бы услышать!

X X X

Как дерево осенью, избавившись от перезрелых листьев, даёт ветвям до самой весны отдых, так и писатель, вовремя освободившись от переполняющих его мыслей, вскоре возрождается в новых книгах.

X X X

В иной год весна так обуяет душу, что ничего уже не разумеешь от охватившего приволья, а только, знай, бормочешь, как тетерев: «Бу-бу-бу, люблю-люблю, бу-бу-бу, люблю…»

X X X

В лесу хорошо постигается: не вся сила жизни сосредоточена в твоих руках, но обязательно нужно постараться осуществить то, что зависит лишь от тебя.

X X X

Если журавли плывут в весеннем небе высоко и обязательно курлычут, погода всегда стоит ясная. В пасмурные, сырые дни птицы в молчаливом напряжении жмутся к земле, голос подают изредка, тревожно вскрикивая и тотчас умолкая, словно не возвращаются на родину, а покидают её.

X X X

Может быть, нет в лесу ничего более увлекательного, чем стараться рассмотреть у каждого зверя или птицы их истинную суть.

X X X

Мартовское небо незаметно выклюнется из фиолетово-радужного февраля, ударит в глаза безжалостно яркой синевой, и всё в тебе сразу преобразится, заиграет, и сам ты на время станешь восторженно-неудержимым, ослепительно синим мартом!

X X X

Если хоть однажды увидел в ночном небе апрельские звёзды и остался с ними до утра, то рано или поздно они укажут тебе верный путь.

X X X

В бабьем лете, несмотря на его видимое и радостное для всех раздолье, кроется нечто для него самого непостижимое, отчего оно, вроде бы, никуда и не торопится, в полном удовлетворении от достигнутого довольства благоденствует, но никак не успевает до конца насытиться своей царственной красой.

X X X

Весна неподражаема тем, что, разбив сердце, может в мгновение одарить великим наследством.

X X X

Нежно, но настойчиво блеет барашком с вечера до утра невидимый в вышине маленький бекас, и кажется странным, что из всех прилетевших птиц он один отвоевал для своей любви такое необъятное небесное пространство!

X X X

Всматриваясь в человека всем своим существом, лес ещё вглядывается в него каждым отдельным деревом, цветком, зверем и птицей.

X X X

В морозные январские дни небо бывает такое ясное и голубое, что даже не верится: как может оно ещё больше обновиться в марте!

X X X

Только один маленький ручеёк проснётся под снегом – и всё вокруг оживает.

X X X

Из-за обилия впечатлений в лесу часто случается такое, что мыслей в голове рождается сразу много, и они, перебивая друг друга, проносятся, путаются и исчезают, так до конца ни к чему и не придя, а надо бы выбрать только одну, заняться ею, и все остальные тогда остановятся, успокоятся и каждая объявит себя с самой выгодной стороны.

X X X

Дятел-желна, всегда неожиданно и как-то по-сказочному выпархивающий на тебя из чащи, напоминает неловко выброшенную кем-то из костра головёшку, которую и не подумаешь тушить, а только залюбуешься огнём алой шапки, не опасаясь её жара.

X X X

Продолжительно-мелодичный свист рябчика схож с неведомой лесной дудочкой, что даже в самую непогоду настроена на трогательную радость.

X X X

В мае звёзды теряют яркость и загадочную глубину, но зато становятся ласковее и теплее.

X X X

Всегда красив и по-хорошему печален русский лес, как бы безжалостно ни относился к нему человек.

X X X

Под вечер неожиданно вскрапнул тёплый дождик, и откуда ни возьмись выполз густой туман, который стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз.

Птицы в полёте прижимались к земле, самки вскрикивали, увлекая за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, вырвавшись навстречу друг другу из молочной туманной пелены, быстро спаривались и тотчас разлетались. Вместо них тут же появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов непривычную для них нервозность: птицы будто боялись упустить этот вечер, а с ним – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности оголено и просто, но в то же время как-то притягательно.

Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розовый, а воздух прозрачный, тёплый и спокойный. Но, бывает, следующий вечер выдаётся чудесным и тихим, а вальдшнепы почему-то не устремляются к своей любви…

X X X

Не сразу сообразишь: исчезновение какой сказки более ощутимо – весенней или летней? С завершением весны жизнь только ищет, где бы ей свить гнездо,

тогда как с уходом лета начинает казаться, что жизнь утекла безвозвратно и ничего необыкновенного в ней у тебя уже не случится.

X X X

Весенний солнечный луч, особенно вечернею порой, - словно произнесённое кем-то доброе слово.

X X X

Только по-настоящему мудрый человек чувствует заключённую в лесу мысль, к тому же, не стремящуюся из него вырваться, а почувствовав, вдумчиво следует её движению, не желая полновластно ей обладать.

X X X

В марте от полурастаявших к полудню луж словно разносится детский восторженный крик, наполняя радостью весь воздух!

X X X

Редко, когда обратишь внимание на то, как неустанно кукует в бору кукушка, но обязательно насторожишься, если после долгого молчания скрытная птица вдруг подаст голос.

X X X

Люди никогда не ждут весеннего прилёта птиц, заглядываясь вверх и то и дело выискивая в небе журавлиные или гусиные косяки, а поднимают головы, лишь заслышав в вышине их торжествующе-волнительный, призывный крик.

X X X

Ни у одного дерева ничто не может так таинственно зацепиться в ветвях, как у ёлки… Только в её дремучей кроне застревают душистая туманная тишина, сказочные думы леса и мягкий сиреневый вечер.

X X X

С особым уважением смотрю я на тех людей, которым по душе сначала весна, и уж потом – лето и осень.

X X X

Мартовским ослепительным утром меня охватывает неописуемый восторг от всего происходящего в природе, а к вечеру я уже страдаю от невозможности удержать этот неповторимый и навсегда ускользающий день.

X X X

Выгоревший лес похож на холодную чужую планету… Кажется, он не хранит уже ничего, что бы помогло ему возродиться, но присмотревшись пристальнее, постепенно, всё же, угадываешь в нём ещё не высказанную мысль о жизни, которая ждёт его впереди.

X X X

Если бы ещё хоть раз раскрылся для меня прекрасный цветок с голубыми лепестками и маленьким золотым солнышком посерёдке, если бы я вновь смог удивиться ему и поверить в свою любовь, и если бы оно, это солнышко, оставалось для меня живым до самого конца, как бы это растрогало меня и обогрело, может ыть, даже спасло и, конечно, раскрыло в душе всю забытую красоту и упущенное счастье! Я бы встал перед ним на колени и назвал его «любимым», понимая, что его больше нельзя потерять, и сердце моё превратилось бы в такое же золотое солнышко с голубыми лепестками, и слилось бы с моим «любимым», и настала бы та самая светлая ночь длиною в нескончаемую жизнь, что уже никогда не обманет.

Сейчас вокруг весна, и мне кажется, что повсюду рождаются маленькие голубые цветы с солнышком внутри, а мой никак не может появиться, где-то прячется, затаившись, и, может быть, ждёт, что когда-нибудь в нём тоже раскроется прекрасная золотая душа, зацветут небесные глаза и он меня увидит.

X X X

Когда токует глухарь, его налившиеся брусничным соком брови почему-то не выделяешь с таким восхищением, как огромный пятнистый хвост, переливающуюся перламутровой зеленью грудь или вздрагивающую в такт песне мохнатую бороду. Пышные же брови чудесных красавцев-тетеревов сразу бросаются в глаза, оживляя блёклые апрельские проталины неожиданно яркими, будто только распустившимися цветками…

X X X

Вместе с вскликиваниями прилетевших с юга журавлей к людям будто опускаются с неба звуки родной земли, вызывая в них желание устремить взор к небу.

X X X

Только весной, в апреле, рождается во мне волшебный мальчик, который готов всю оставшуюся весну и лето с восхищением встречать каждый день. К осени он незаметно подрастает, успокаивается, а перед зимой и вовсе исчезает.

Каждый год стараешься не пропустить, куда же он подевался, но неизменно отвлекаешься и упускаешь до будущей весны уже никем не замечаемую пропажу.

X X X

Цапля так устроена, что вспугнутая – не вылетает, а вымахивает на огромных крыльях из прибрежных зарослей камыша и рогоза.

X X X

Редко удаётся близко увидеть лесного голубя-витютня. Он нелюдим, и постоянно скрывается по весне в разлапистых ветвях ёлки. Бывало, неожиданно послышится из глубины леса чьё-то постанывающее, печальное воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица подаёт голос? Так проникновенно разносится это грудное воркование, чем-то непонятным очаровывая и завлекая.

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то слышится совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розовое оперение голубя, его раздувшуюся от напряжения гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, что большую часть времени держится над раздольными полями, а силу черпает в густом лесу.

X X X

Весенний радостный свет действует на человека как свобода, которую никто и никогда не сможет у него отнять.

X X X

Порой, забравшись в какой-нибудь потаённый лесной уголок, ничем особенным не отличающийся от множества подобных ему, поначалу несказанно обрадуешься, а потом долгое время дивишься, не в силах разобрать: отчего нет для тебя на свете прекраснее этого обычного лесного места?!

X X X

Как грациозны головы журавлей, когда они насторожены, и как страшны при этом в своей безжизненности их глаза!

X X X

В конце января в жизни природы всегда случается миг, когда безошибочно угадываешь: вот-вот наступит весна! Но что же послужило основанием для такой убеждённости?

Может быть, синица раньше времени восторженно запинькала под окном, по-особому радостно осветились в высоком небе облака или что-то ещё, совсем не зимнее, появилось в утреннем воздухе, угадать ты не в силах. Прямо посреди зимы застала тебя весна без имени, запаха и света, а всё же … весна!

X X X

Редко увидишь, когда кукушка прилетает на голый лес, но если это происходит, то год, как и жизнь у самой птицы, складывается неустроенно и осиротело.

X X X

Хилое солнце изредка пробивается из-под нависших сереньких туч, над бескрайними полями вьётся колючая позёмка, а лес стоит седой, нахмуренный, всё вокруг голо. И только у самой обочины лесной дороги, на тоненьких тростиночках пустырника, оживлённо раскачиваются цветастые щеглы, о чём-то неугомонно переговариваются, и совершенно изменяют своим присутствием унылый зимний вид.

X X X

Часто люди, достаточно не зная и не понимая родной земли, обращаются в своих устремлениях к заоблачным далям, тогда как, для начала, им следовало бы разобраться в повседневной жизни. Например, научиться тому, как сажать и выращивать здоровую картошку или искать грибы, понимать голоса птиц и зверей, как жить с людьми, чтобы не злословить, не завидовать, а стараться видеть в них больше хорошего, и это хорошее поддерживать. Как найти себя в жизни, отыскав своё дело, и, развив его, оставить плоды потомству.

Множество работы ждёт человека на земле, и летать в заоблачном мире ему не пристало. Другое дело, если мечты не мешают земным заботам, и только помогают их осуществлению. Так бывает, когда человек устал, и он запевает песню, что уносит его на время от земли, а обратно человек возвращается отдохнувшим и сильным.

X X X

Трудно представить, что птица весной может устать в поисках корма для своих птенцов, и просто присядет вдали от них передохнуть.

X X X

Одно робкое весеннее утро способно подарить целый мир, бескрайнее же летнее царство не в силах превозмочь своё ослепительное довольство, с каждым часом всё более замыкается в себе и незаметно перегорает.

X X X

Только народившийся ломтик месяца тоненький, изящный, а между тем – царит на небе!

X X X

Всю майскую ночь напролёт слышится страстное посвистывание соловья в черёмухе под окном, и становится вдруг так явственно ощутимо, что повсюду в эти прекрасные мгновения рождается любовь.

X X X

Снегири – трепетные птичьи сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своей вечной молодости.

X X X

Весной самое лучшее время – утро, когда день, со всеми его замечательными подробностями, ещё не расплёскан по пустякам и встаёт перед человеком полным надежд, нетронутым и прекрасным.

X X X

Только весенним утром, перед рассветом, вдруг ощутишь, как в тебе незаметно копятся огромные силы, и именно эта весенняя безмятежность происходящего вокруг зарождает уверенность в правильности твоих душевных устремлений.

X X X

Трудно представить у вечно зелёной лесной чащи перезревшую душу, которая всё время растёт, копит силу, но однажды ей приходится от неё избавляться…

Скорее, лесная душа никогда не старится, постоянно обновляясь в своих нескончаемых жизненных примерах, и даже когда деревья умирают, старые пни в лесу окружены его мудрым вниманием и покоем.

X X X

Кончается лето, ночь уже холодна, в небе – полная луна и яркие звёзды, а вокруг – высокие осины, в верхушках которых чутко спят глухари, и … я, маленький, прикорнул неподалёку, у затухающего костерка, потому что мне обо всём этом надо знать…

X X X

Когда самец-вальдшнеп преследует на тяге самку, он издаёт двойной звук «хор-хор, цвиг-цвиг…» Первая часть производится им как бы в себя, утробно, в предвкушении скорой встречи с желанной возлюбленной, а вторая – с неожиданным и лёгким выдохом, утончённо моля дождаться его и больше не покидать.

X X X

Маленький, затерявшийся в густолесье куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными в коре и корнях, радость от притягательности красивых ягод, которые так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какую-то необыкновенную, переживаемую с детства уверенность, что волки плетут из лыка, содранного с кустарника, сказочные корзинки, и ходят с ними по грибы и ягоды.

X X X

Пока по весне от земли не пахнёт парным теплом, она всё как не родная.

X X X

Слова, как цветы на лугу: чтобы составить чудесный букет, нужно с чувством собрать их… Причём, отбирать следует самые разнообразные, обращая внимание не на их поэтичность названия и аромат, а на энергию внутреннего содержания, которая сама по себе всегда прекрасна.

X X X

Египетские мистерии указывали на особую силу мысли, посланную через пламя… Оттого и все мои ночные бдения возле костра, под утро, завершались радостными откровениями.

X X X

Давно держу и сад, и огород, но только недавно задумался о том, что собирание плодов ещё утомительнее, чем посев и посадка.

X X X

Именно неутомимость, терпение и наблюдательность дают твёрдое основание к творчеству, энергия которого накапливается постепенно, но принадлежит к неистребимым завоеваниям развивающейся души.

X X X

Для того, чтобы находить правильные слова о мире, нужно постоянно отдавать ему энергию своего сердца.

X X X

Глаз должен быть незрячим на отвратительное, устремляя своё зрение в прекрасную природную беспредельность, ибо она божественна.

X X X

Посеявший – пожнёт… Ничто не изменит этот неукоснительный закон Вселенной, независимо от того, посеяны ли семена добра или зла. Жатва в любом случае будет произведена, и окажется справедливой.

X X X

Лесу нелегко скрывать от любознательного человека каждую минуту своей жизни, вырастающую незаметно в мудрые века, но лес ещё тяжелее переносит человеческое невнимание, мгновенно становясь неприступным.

X X X

Больше юга люблю север: взбунтовавшиеся дикие силы природы и стонущую тайгу, неистовые порывы студёного штормового ветра и долгий изматывающий путь, потому как только в них и растёт душа.

X X X

Ранний крик журавлей на болоте вызывается первым робким проблеском света, когда узкая полоска зари только-только проглядывает из-под небесного одеяла, и человеку её ещё не видно.

X X X

Бывает, подолгу вынашиваешь какие-либо сведения о птице или звере, но чего-то всё-таки не хватает, чтобы начать рассказ. Чего-то связующего, что могло бы озарить повествование обаятельной чёрточкой, мыслью, может быть, даже неожиданным открытием. И вот однажды это маленькое недостающее открытие появляется, все накопленные до него знания, представляющиеся до этого неинтересными, неживыми, чудесным образом оживают, и тотчас складывается сюжетная линия рассказа, его развязка и, конечно, долгожданная первая фраза.

X X X

У многих северных народностей слово «погода» означает, как ни странно, нечто хорошее и весёлое, что радостно идёт навстречу человеку, пусть даже падает снег, шумит ветер или кругом стоит непроглядный промозглый туман.

X X X

Как бы круто ни забирал мороз в мартовский утренник, он кажется лёгким и беззлобным, и только оживляет всё вокруг!

X X X

Важно, войдя в лес, принимать обнаруженные там находки не на свой счёт, возвеличивая лишь собственную проницательность и ум, а на творчество самой природы.

X X X

В июльский вечер, когда всё вокруг дышит жаром, только души деревьев льют сдержанную прохладу и успокоение.

X X X

Весной больше, чем когда-либо, хочется идти до той лесной стороны, где никто никогда не бывал, а когда дойдёшь – ни за что об этом не догадаешься, и всё продолжаешь свой путь, не уставая.

X X X

С приходом дивных майских дней исчезает восторженная трогательность апреля, и хоть голубеет по утрам небо и зеленеют нежные листочки, а что-то в природе уже не так: всё затмевающая в душе вспышка весны угасает, и восторг восприятия сменяет тихая радость.

X X X

В народных поговорках и сказаниях лисица рисуется животным хитрым и вероломным, ещё более хищным, чем волк, но издавна знакомо людям и такое качество лисы, как осмотрительность… Лиса завсегда с оглядкой живёт, и ходит только своим пятником, чтобы не оставлять за собой лишних следов.

Прежде, чем перейти, скажем, через замёрзшую реку где-нибудь в начале зимы, лиса долго прислушивается, как подо льдом вода течёт, и поэтому судит, достаточно ли он прочен. Если лиса через лёд пройдёт, тогда можно через него и пушки возить, до того он крепок, замечали в народе, а уж в феврале, после Сретения, по тем же народным наблюдениям, она вообще на лёд не ступает – боится… Сторожка лиса так, что семерых волков проведёт!

X X X

Пение птиц по весне – это всегда, в первую очередь, радость возвращения.

X X X

Солнце в марте обрушилось на всех, повергло своим ослепительным теплом, и не сразу вспомнишь, как невидимкою впитывало оно для этого серые февральские дни…

X X X

Весело ведёт себя лес в апрельскую непогоду, особенно – перед погожим днём… Далеко разносится его мятущееся радостное звучание, даже – гул, и на душе становится широко и вольготно, словно река вот-вот ударится в половодье и заполнит всё своим безудержным весенним разливом.

X X X

Как легко и хорошо живётся человеку среди родной природы, если он заботится о ней и понимает.

X X X

Восторженность к природе исходит из незрелости души. Мудрость же подразумевает ни для кого не обременительное и вкрадчивое всматривание в неё.

X X X

Глядя в апреле на звёздное небо, похожее на огромное ночное поле, легко увлечься его манящей необъятностью, уйти далеко-далеко и, заблудившись там, не вернуться.

X X X

В свете скупой золотистой зари декабря горят только макушки вековых сосен…

X X X

Необычно и радостно наблюдать по осени за свободолюбивыми забияками-воробьями, когда они табунятся в плотные многочисленные стайки, где каждый чуть ли не касается другого, но совершенно никому не мешает.

X X X

В радостный весенний день от птичьих криков, брызжущего солнца и капели вдруг захолонит на мгновение сердце, оно сожмётся от сладостной боли, и вспомнишь, как, не уставая, пробирался через всю зиму к самому лучшему в себе, и верил в свой апрель.

X X X

Спастись от комаров можно … спокойным сидением у костра. За один раз натаскай дров и садись: больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе внимание кровососов.

Отойдёшь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых насекомых. Надо непременно перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут сильно досаждать. Маленькая хитрость, подсмотренная в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

X X X

Божественная красота природы в том, что и зелень, и голубое, и желтизна в ней – разные!

X X X

Правда лесной жизни такова, что белки, которых в народе всегда почитали как милых и безобидных зверьков, разоряют гнёзда и сильно тиранят певчих птиц, поедая их яйца.

X X X

Весенний день, словно молодой породистый рысак, он полон сил и способен одолеть всех, с кем только можно потягаться. Лето, как щенок, нетерпеливо бросается на грудь, ластится, играет. Осень склоняется над тобой повидавшей виды женщиной, нашёптывает что-то своё, наболевшее, даже если ты не хочешь слушать. Зима наваливается на плечи старой мохнатой медведицей, и ты обо всём забываешь и погружаешься в сковывающий сладкий сон…

X X X

К концу зимы так устаёшь душой и телом, что хочется подняться на самую вершину своего счастья, оттолкнуть все мучительные ожидания, и без оглядки отдаться в обворожительные объятия весны.

X X X

Особая тихая прелесть возникает в апреле, когда воздух пахнет сырой корой и распускающимися клейкими почками, и хорошо, если время человека наступает именно в эту пору.

X X X

Обыкновенный комар, доставляющий нам массу неприятных хлопот, на самом деле очень необходим: в считанные дни он возращает растениям еду, которую уносит с собой из земли талая вода, насыщает воздух недостающими химическими элементами, при этом оставаясь кормом для множества птиц, а в тундре или северной тайге, где шмелей и пчёл не густо, комар, испачкавшись в цветке пыльцой, опыляет растения…

X X X

Когда сгорает весна, вместе с ней сгораешь и ты, перерождаясь к лету в совершенно незнакомого, спокойного человека.

X X X

Иной весной, от самого её начала и до конца, переживаешь одну щемящую боль, ни в чём не в силах ощутить хоть маленькую радость, и даже черёмуха, кажется, не распространяет на тебя свой чарующий запах.

И только когда приходит осень, неожиданно отмякаешь сердцем, забываешься в себе и отправляешься в долгожданный душевный полёт…

X X X

В жизни мы должны серьёзно относиться ко всему, что нас окружает, научившись различать знаки, которые призывают осознавать неразрывную взаимосвязь с природой, представляющую для всех людей огромную духовную силу.

X X X

Если мартовский день – жених, то невеста его – светлая капель. Для апреля нет краше распустившейся нежными барашками вербы. Май же – бесшабашный гуляка, без зазрения совести мечтающий сосватать ещё не одевшихся в весенние наряды черёмуху, иргу, калину, рябину и сирень.

X X X

От осеннего утреннего морозца одни листья краснеют, а другие становятся бесцветными.

X X X

Постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и постоянно чем-то жертвовать, приучило меня ставить задачи, казалось бы, самые невыполнимые, желая добиться их разрешения во что бы то ни стало. Результат никогда не заставлял себя ждать: я становился мудрее, а значит – сильнее, и уже никогда не обременял себя вопросом: зачем мне дано прожить ещё один день? Ответ оказывался очевиден: этот день – самый лучший в твоей жизни, и он дан судьбой для радостного постижения, благодаря которому я открываю в себе Господа и его способность к удивительным деяниям.

X X X

Никогда не увидишь, чтобы дятел, эта умная, бодрая и трудолюбивая птица, сидел на дереве в отрешённой задумчивости, без дела.

X X X

Пришвин писал: «Весной так всё роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя, глиняный кувшин, не вмещает, и всё льётся через край из моего кувшина…»

Моя же весенняя душа представляется мне невидимой сутью проистекающего повсюду жизнетворчества, что впитывает в себя бесчисленные ароматы, волнуется и вырастает в ещё более восхитительное состояние, когда открываешь для себя смысл существования самой крохотной былинки.

X X X

Глухая метельная ночь не врывается нагло в сердце, не опустошает холодом душу, а приводит за руку к изголовью трогательную детскую память о неподражаемо чудесном сказочном мире.

X X X

Многие писатели используют животных в творчестве только потому, что не в силах избавиться от собственного несовершенства.

X X X

Когда устанавливается весна цветов, верится, что этому чудесному времени не будет конца.

X X X

Чутьё – это мгновенное погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между собой. Ко мне оно пришло благодаря тесному общению с миром птиц, зверей и растений.

X X X

Благодаря нежной апрельской заре и чистому небесному пространству, что отражаются в первых лужах, вскрывшиеся от снега поляны, кажется, возносятся и повисают в воздухе чудесно переливающимися пейзажами.

X X X

Изо дня в день, неприметно, но неотступно появляются мои лесные мысли, и так, капля за каплей, рождается на свет лесная книга – созданная мной новая радостная жизнь.

X X X

В конце ноября со спелой берёзовой серёжки срываются, летят по воздуху и падают на снег берёзовые семена, что дерево нарочно приберегало к голодной поре для маленьких птиц.

X X X

У сахалинских нивхов, всю свою жизнь посвятивших охоте и рыбалке, научился я применять для каждой погоды лыжи, подбитые шкурками разных животных.

С камусом лося – в оттепель, ближе к концу февраля, когда лыжи уже идут хорошо, и из-за прочности лосиной кожи не промокают.

С камусом оленя – для более лучшего скольжения в зимний мороз, или если снег ещё порядком не уплотнился и ходить по нему убродно.

Ну, а коли приходится долго гнать зверя, не разбирая дороги и времени суток, то нет ничего удобнее лыж, подбитых нерпой. Шкурка её, в отличие от лосиной и оленьей, легка, накатиста, и хорошо выдерживает вес охотника, не давая проскальзывать лыжам при подъёме на любую горку. К тому же, она совершенно не подвержена быстрому намоканию по весне, в дневное время, и вдобавок так чудно отливает серебрящимися густыми волосками, что весело поблескивают на мартовском солнце!

X X X

В начале декабря, когда сильные морозы ещё не укоренились и воздух мягко пронизан розовыми лучами, особенно ослепительно искрятся и играют в солнечных лучах молодые сугробы.

X X X

Весенние дни не потухают внезапно, как осенние или зимние, не обрываются, как будто их и не было, а глядятся друг в друга детскими чистыми глазами, с затаенной радостью и надеждой.

X X X

Когда снег в апреле уже совершенно не держит, и нога с хлюпаньем проваливается до самой земли, ловишь себя на мысли, что ты тоже переполнен живительным теплом, и готов броситься со всей накопленной за зиму силой навстречу жизни!

X X X

После первых бурных снегопадов, когда снег ещё не улежался, и в лесу ни пройти ни проехать, то ли дело для зверей открытое поле… Именно сюда первой

устремляется коротконогая кумушка-лисичка. Мышкуя, лисица словно плывёт по снежному полю, утопая лапами в снегу, а почуяв грызуна под снеговой толщей, зарывается в неё с головой, так что на поверхности вздрагивает один огненный хвост.

Пискнула мышь в зубах хищника – и султан распушённого хвоста лисы застыл свечой, будто одинокий кустик. Но в следующее мгновение уже опять выгибается над снегом ярко-рыжая спина, лисица отталкивается передними лапами и приподнимается на задние, а затем, изогнувшись в воздухе, опускается на передние, задрав задние кверху.

Движения лисы при этом грациозны, пластичны и легки: видно, как плутовка радуется подступившей зимней поре, чистому, только что выпавшему снегу, розовому солнцу и возможности играть вот так с мышами, до которых она большая охотница!

X X X

Апрельскими вечерами мороз всё ещё пытается ухватить зазевавшееся чудо весны и возвратить своё былое могущество, но получается это у него уже не грациозно и уверенно, а как-то наигранно, без присущего ему волшебства.

X X X

Есть в лесу птицы и звери, встречи с которыми мы всегда почему-то превращаем в тайну, и никому о ней не рассказываем.

X X X

Бабочка, собирая пыльцу и оплодотворяя растения, делает это всегда еле приметно, воздушно, и оттого представляется особенно прекрасной!

X X X

Первые весенние перемены замечаются, как ни странно, ни в проникнутом их ожиданием лесу, где они вот-вот должны появиться, а скорее - в порядком растерявшем свои жизненные ценности городе, или так и не опомнившейся от всего происходящего в природе деревне.

X X X

Всегда почувствуешь мгновение, когда душа способна взвиться над травами и цветами, легко проникаясь всякой мелочью и сливаясь с ней, но только попытаешься всё это записать, как лёгкость восприятия переживаемой правды исчезает.

X X X

В жизни природы есть такие таинственные места, где, кажется, живут сказочно древние мудрецы… Они всё видят, слышат и чувствуют, но не вмешиваются в поступки человека, предпочитая до поры оставаться незамеченными.

X X X

Весенняя рыхлая земля, только что вскрывшаяся от снега, будто продолжается в тебе нескончаемыми запахами и желаниями, тело от этого становится набухшим, как большая древесная почка, которая однажды лопается со звоном, и душа улетает куда-то в непознанную даль, возвращаясь порой только под осень…

X X X

Человеку, не связанному постоянно с миром природы, трудно поверить, что цветное одеяло, покрывающее землю в разгар лета, начинает ткаться ещё мартовскими ночами в напружиненном от мороза небе, где рушатся со звоном белые цветы декабря, января и февраля, и из их осколков зарождаются трогательные блёстки будущих подснежников, мать-и-мачехи и медуницы.

X X X

Сколько ни старайся, ни стереги весной час лесного пробуждения, а наступает он всегда неуловимо, как будто невзначай. В лесу словно кто-то проснётся в один миг, так же мгновенно потянувшись, закружит голову ароматом, и взглянет вокруг серо-зелёными глазами неудержимой любви. Кто пропустит для себя это время, останется на весь год в недоумении: отчего опять не задалась у него судьба?!

X X X

Пока всё в природе не слилось в одном цвете, самое время сказать благодарное слово весне, если не хочешь её в себе расплескать.

X X X

В тихий зимний день прилетит из леса большой пёстрый дятел, и что-то встрепенётся в твоей душе. Взмахнув крыльями, дятел усаживается на старом тополе у самого дома и, упруго упершись хвостом в ствол, тотчас уверенно затевает гулкую стукотню.

Мелкой пылью осыпается источенная шелуха, между ветвей испуганно замирает тишина, а дятел, равнодушный ко всему, неустанно бьёт носом. И зима

ему, вроде бы, не зима, и насторожившейся тишины он не замечает: озабочен до предела.

Глядя на неугомонную птицу, и тебе захочется, не откладывая, стать неутомимым. Упруго взмахивая крыльями, стучаться в злую людскую разобщённость, или негаданно врываться в чью-либо печаль. И ещё жить так же неудержимо, не ведая усталости, чтобы всё вокруг замирало от излучаемой тобой силы, наполняющей сердца людей проникновенным светом божественной зимней тишины.

X X X

Иногда ясная солнечная погода в марте выстаивается так долго, порой – весь месяц, что возбуждение от всеохватной радости света, кажется, уже невозможно вынести, но истосковавшаяся по ослепительному теплу весны душа не отступает – всё дай сюда!

X X X

Если способность видеть лица у диких птиц и животных присуща лишь немногим людям, то как же мы сохраним хотя бы близко располагающуюся к нам родную природу?!

X X X

Осень по-особому пахнет притихшим лесом, берёзовым и брусничным листом, и ещё чем-то таким, что замирает в груди безмолвным эхом сладкой надежды…

X X X

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку.

X X X

Живая ночь в лесу – это когда совершенно забываешь себя в ней, а она чувствует всё в тебе, и полностью доверяет.

X X X

Случается, весной, поднимешь неизвестно зачем голову к небу, и к неожиданной радости заметишь торжественные косяки уток… Выстроившись

строгими рядами и еле слышно переговариваясь в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, беспокойные, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий ритм полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент не допускает какие-либо вольности, которые птицы могут себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуяв малейшие, одни им известные и неуловимые признаки наступления на родине весны, утки незамедлительно оставляют полные довольства жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

X X X

Апрельский лес всегда раскрывает объятия для мужчины, если тот обратил к нему своё внимание, и великодушно дарит для его женщины букетик бархатной медуницы…

X X X

Для полной встречи весны мне всегда не достаёт журавлиного клика, и как только услышу это восторженное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла», так и успокоюсь.

X X X

Чибис или ворона, расхаживая по открывшимся от снега полям, время от времени останавливаются и начинают притоптывать ногой, забавно встряхивая ею в воздухе… Так они, оказывается, имитируют приближение крота, сотрясая почву, и встревоженные черви тотчас выбираются на поверхность, становясь их лёгкой добычей.

X X X

Когда проходит последняя взволнованность от весны, страх перед будущей обыденностью существования совершенно исчезает, и тебе просто хочется жить.

X X X

Бывает так: стоит золотая осенняя пора неделю, другую, даже месяц, и не берёт её никакая непогода: лучшей охоты по рябцу на манок и не придумаешь! Но вот случается всего лишь одно морозное утро, а солнце к полудню пригревает так крепко, что весь лист на берёзах с осинками в одночасье осыпается.

Вокруг становится до пронзительности пустынно, и даже частые вспархивания рябчиков в оголившемся лесу уже не приносят удовлетворения, скорее – пугая. Подступила пора, когда овсы морозом лупит, а кафтан с шубой сдвинулся, и к сердцу невольно подкатывает совсем иная истома: предзимье, когда природа, кажется, отдыхает от переполнившей её жизни.

X X X

В русском лесу нет ничего, чему бы нельзя было не поклониться, и потому мне до глубины души жаль наших исковерканных, повыщербленных лесов, которые слагали и, несмотря ни на что, продолжают слагать родную для всех нас русскую красоту. Жаль так, что хочется плакать навзрыд, ибо не вернёшь эту первозданную дичь и глушь, те сказочные уголки, которые ещё недавно тешили душу, воспитывали её своей неописуемой потаённостью, звали в дальнюю дорогу. Нет их теперь, почти не осталось, но память жива.

Жива тем, что всё-таки успел человек кое-что увидеть, и по этому малому и старинному, когда-то открытому им знанию, потихонечку воссоздал картину прошлого. Какой дремучей и радостной предстаёт она мысленному взору, какой желанной и близкой для памятливого несгибаемого сердца! Веки вечные стоять бы этой первобытной чаще, а человеку учиться у неё истинной жизни!

Но верится, что не кончилось ещё древнее царство лесов, как не изменилось к нему глубокое сердечное чувство русского человека. След и того и другого, хочется думать, неискореним.

Мир тебе, родной русский лес, пребывай во веки веков в крепком здравии, пусть не затронет твоих могучих дерев незаслуженно ранняя кончина, пошумишь ты ещё своими раскидистыми вершинами не один десяток лет, ублажая душу человека голосами птиц, свивших себе в них бесчисленные гнёзда, порадуешь неописуемой волей и красотой, навевая неприкаянные, но прекрасные мысли. Я с тобой, живи светлым покоем своей тёмной дремучей души. Аминь.

Оглавление

ДУШЕВНАЯ КНИЖИЦА 1
ПРЕДИСЛОВИЕ 2
ПРАЗДНИК ЖИЗНИ 6
ГРУША 8
ВЕТОЧКИ 11
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК 12
ПТИЦА 15
СИРЕНЕВОЕ СЧАСТЬЕ 17
ЗАЯЦ КРУГЛЫЙ ГОД 25
ИВАН - КОРОВИЙ СЫН 26
ДОЛГИЙ НОС 29
ПОДСНЕЖНИКИ 30
ЧУДОТВОРНАЯ СИЛА 32
ЛУННЫЙ КАМЕНЬ 32
РЕКС 34
ГОРИХВОСТКИ 38
БАБОЧКА 41
ЖАВОРОНКИ 41
БАБА ШУРА 44
МАЛЬЧИК 47
НЕОБЫКНОВЕННАЯ КАРГА 48
КУЛИЧОК 58
ДЕДОВА ПРИМЕТА 60
ПОД РОЖДЕСТВО 61
ХАН КУЧУМ 62
ПТИЧИЙ ДОМИК 74
ВЕРБА 76
ОДИНОЧЕСТВОМ МИР СИЛЁН! 77
ЦВЕТОК 78

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО 79
МОЁ ТРЕПЕЩУЩЕЕ КРЫЛЫШКАМИ СЕРДЦЕ 79
«ПЯ-ЯТЬ, ПЯ-ЯТЬ, П-ЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ!» 88
КОЛЯ – ЧЁРТИК 103
СМЫШЛЁНАЯ ВОРОНА 111
ВОРОНЬЁ 112
ДЕТИ ВОЗДУХА 114
МОЁ МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ 118
СМОРОДИНОВЫЙ КУСТ 119
ЧЕМ ПАХНУТ ВРЕМЕНА ГОДА? 120
МУЖИЧОК В АРМЯЧКЕ 122
ПРИЯТНОЕ СОСЕДСТВО 129
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ 129
ВОРОБЬИНЫЙ СКОК 130
ВЕСНА В ЯНВАРЕ 130
СОРОКА НА КОНЬКЕ 131
Зимняя картинка 141
ЛИСИЧКИ 142
ЛИСТОК 143
ДОРОГАЯ ПРИРОДА 144
О ПРИЯТНОМ 144
ЯСНЫЙ МЕСЯЦ 146
СОКРОВЕННОЕ БОГАТСТВО 147
ЗЕМНОЙ РАЙ 148
ПО МЕДВЕЖЬЕМУ ХОТЕНИЮ 149
НАПОЛНЕННАЯ СВЕТОМ ДУША 150
НЕСКОНЧАЕМЫЙ ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ 150
СЕМЕЧКО 151
ДУШЕВНЫЕ МАНТРЫ 152
ЧЕЛО 152

ВОЗВЫШЕННЫЕ НАСЕКОМЫЕ 154
ГОЛОС ПРИРОДЫ 155
ПНИ И ВЕТЕР 156
ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ 157
ЗВЕРИНАЯ СВАДЬБА 158
ХОТЯ БЫ РАЗ В ЖИЗНИ 159
ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА 160
ОБАЯНИЕ РОДНОЙ ПРИРОДЫ 164